Васильченко О. А.
O. A. Vassilchenko

07.00.02

КОРЕЙЦЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1923-1937 ГГ.)
KOREANS IN THE SOVIET FAR EAST (1923-1937)

Васильченко Олег Алексеевич— доктор исторических наук, профессор кафедры социальная работа Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail:: sfknagtu@mail.ru
Oleg A. Vassilchenko— Doctor in Engineering, at the Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: sfknagtu@mail.ru

Аннотация: В статье характеризуется экономическое и социальное положение семей корейских иммигрантов, переселившихся на российский Дальний Восток. Освещаются вопросы адаптации корейских семей к новым условиям проживания. Анализируется политика органов власти по их русификации.

Summary: The paper describes the economic and social life of Korean migrant families who have moved to the Russian Far East region. Discussed is the issue of how Korean families adapt themselves to their new living environment. Governmental policies on the issues of the people's Russification are analyzed.

Ключевые слова: Дальний Восток, история, семья, корейцы, государственная политика

Keywords: Far East, history, family, Koreans, government policy.

Современное состояние Дальнего Востока России характеризуется значительным увеличением количества трудовых иммигрантов из соседних азиатских стран. В связи с этим представляется актуальным обращение к историческому опыту государственной политики Советской России в отношении корейской иммиграции в Дальневосточном регионе.

Революционные события, гражданская война и интервенция завершились на Дальнем Востоке только в конце 1922 года. Они нанесли значительный урон экономическому положению корейских семей.

Основным видом их деятельности оставался сельскохозяйственный труд.

Сдерживающим фактором в развитии сельскохозяйственного производства являлось малоземелье. Например, в 1923 году в Приморской губернии на одну семью корейского населения с советским гражданством в среднем приходилось 3,6 десятины земли.

Значительная часть корейцев не имела советского гражданства и арендовала землю у казаков, крестьян, а также у государства. Средняя величина арендуемого земельного надела этой группы корейского населения составляла 1,2 десятины на одну семью.

Величина арендной платы за использование земельных угодий колебалась в зависимости от районов Дальнего Востока. Например, в 1925 году корейские семьи Владимиро-Александровской волости Владивостокского уезда платили за аренду одной десятины земли более 47 р., а в селе Киевичи установили арендную плату в размере 70 р. за десятину [1, 21].

Размеры земельных угодий не обеспечивали прожиточного минимума корейским семьям. Случавшиеся неурожаи обрекали их на голод.

Безземелье подталкивало корейцев к активным действиям с целью получить дополнительные земельные наделы и снизить арендную плату, что противоречило интересам местных крестьян, опасавшихся лишиться земельных излишков.

Это противоречие породило антагонизм между зажиточными русскими и корейским населением, который усилился в связи с введением в действие 23 января 1923 года Земельного кодекса РСФСР [2, 58].

В 1924 году получили земельные участки почти 3 тыс. корейских семей. К концу 1928 года их число достигло 10659. При этом среди корейского населения еще насчитывалось около 12 тыс. безземельных семей.

Наделение корейского населения земельными участками происходило путем перераспределения имевшихся кулацких земельных угодий и переселения части корейских семей на целинные земли в другие районы Дальнего Востока.

Материал поступил 19. 01. 2010 г.

По этому поводу на пленуме Дальбюро ВКП (б) (1925 г.) было принято решение: «Считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьян-корейцев из Посьетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда вглубь Приморской губернии, а главным образом в Амурскую губернию» [3, 171].

Переселения корейских семей вглубь Дальневосточного региона преследовали еще одну цель: рассредоточить многочисленное корейское население, скопившееся в приграничных районах. Например, в 1928 году в Посьетском районе оно составляло 89,2% от числа всех жителей.

Как и прежде, в хозяйственной деятельности корейских семей значительную роль играло культивирование риса. Например, в 1928 году 41,4% корейских семей (10182 хозяйства) занимались его производством.

Кроме того, органы советской власти активно поддерживали развитие шелководства. Так, 24 ноября 1925 года вышло постановление ЦИК РСФСР «О беспошлинном ввозе из-за границы в Дальневосточную область тутовых саженцев» [4, 616]. В соответствии с этим постановлением корейцы получили таможенные льготы для импорта тутовых саженцев. В 1931 году по инициативе органов власти был осуществлен ввоз тутовых семян из Японии.

В корейских хозяйствах, как и прежде, преобладал ручной труд. Основными орудиями труда оставались серпы, мотыги, кирки и т. д. Почти не использовались механические двигатели, не хватало плугов и молотилок. Из 15259 корейских семей, занимавшихся сельским хозяйством, пахотных орудий не имели 11280 хозяйств (73,9%) [5, 171].

Органы власти стремились преодолеть техническую отсталость корейского хозяйства, предоставив корейскому населению кредиты для закупки сельскохозяйственного инвентаря и механизмов. Например, в 1925 году Дальревком принял решение, согласно которому финансовые органы открыли кредит для этих целей корейцам Приморской губернии.

По мнению властей, действенным способом подъема хозяйственной деятельности корейских семей могло стать их объединение в сельскохозяйственные артели и кооперативы.

В 1923 году среди корейского населения уже насчитывалось 9 кооперативных объединений, а через год только в Приморской губернии их было 23.

Для роста привлекательности кооперативов местные органы власти оказывали им материальную и финансовую поддержку. Например, их в первую очередь снабжали инвентарем и сельскохозяйственными машинами. Так, в Суйфунском и Посьетском районах в 1925 году на коллективные хозяйства корейского населения приходилось 70% реализуемой сельскохозяйственной техники.

Исторические документы позволяют проследить динамику роста кооперирования в хозяйственной деятельности корейцев.

В 1931 году 149 корейских колхозов объединяли хозяйства 7442 семей.

В 1934 году в крае уже насчитывалось около 200 корейских колхозов. В 1935 году были коллективизированы более 80% корейских единоличных хозяйств.

Наряду с сельскохозяйственными объединениями получили развитие коллективные хозяйства корейских рыбаков. Например, в начале 30-х годов 2 тыс. корейских семей (5 тыс. человек) были объединены в рыболовецкие колхозы, среди которых наиболее результативно трудились «Аскольд», «Новая искра», «Сучанский партизан», «Ленинский маяк» [6, 65].

Таким образом, характеризуя экономическую политику советских органов власти в отношении корейских семей, следует выделить ее основную направленность — привлечение корейской бедноты на сторону Советов путем наделения землей безземельных и малоземельных крестьянских семей, организации среди них колхозов, преодоления технической отсталости корейских хозяйств.

Советские органы власти придавали большое значение делу постановки школьного образования среди корейского населения, поскольку школы должны были стать проводниками государственной политики.

В 1923 году на Дальнем Востоке работали 224 корейские школы, где обучалось более 11 тыс. детей. В их числе были бывшие миссионерские школы, а также школы различных религиозных и политических организаций.

Создание школьного дела тесно увязывалось с задачами советского строительства среди корейского населения. Так, на совещании секретарей губкомов РКП (б) и председателей исполнительных комитетов Дальневосточного округа, прошедшем в Хабаровске 6 августа 1923 года, был обсужден вопрос о необходимости подъема культурного уровня национальных меньшинств. Согласно резолюции совещания, предполагалось произвести реорганизацию корейских школ 1-й ступени в трудовые школы с учетом национально-бытовых особенностей корейского населения. В Никольск-Уссурийском педагогическом

техникуме планировалось создать корейские классы с преподаванием предметов на родном зыке, а также ввести дополнительную корейскую программу.

В результате реорганизации, проведенной партийными и советскими органами власти в народном образовании, в 1923/24 году были закрыты религиозные школы. Все учителя корейских школ подверглись проверке на политическую лояльность советской власти и профессиональную пригодность. Часть учителей была уволена.

В 1924 году число корейских школ сократилось до 168, из них 87 школ были государственными, остальные — частными [7, 93].

Закрыв сомнительные, с политической точки зрения школы и проведя чистку преподавательского состава, органы власти приступили к переработке учебных программ в направлении сближения культуры корейского населения с остальными народами советского Дальнего Востока. Новые программы ориентировались на преодоление этнической замкнутости корейцев и воспитание молодого поколения в духе интернационализма.

Унификация в образовании продолжилась за счет введения русского языка в образовательный процесс. В корейских школах повышенного типа произошел постепенный перевод преподавания на русский язык. В школах 1-й ступени русский язык преподавался как отдельный предмет.

Послевоенная разруха осложнила развитие школьного дела на Дальнем Востоке. Многие корейские сельские школы бедствовали, так как не хватало теплых и приспособленных помещений, ощущалась нехватка парт, учебников и школьных пособий.

Значительная часть национальных школ содержалась за счет населения. Корейцы оплачивали работу части учителей, трудившихся в государственных школах. Например, в 1924 году из 119 учителей 52 содержались за счет родителей корейских детей.

4 апреля 1925 года на заседании Корейской комиссии при Дальневосточном революционном комитете были выработаны меры по улучшению образования корейского населения. Они предусматривали выделение в 1925/26 году 25 тыс. р. на издание учебников и педагогической литературы. Предполагалось вовлечь корейскую молодежь в вузы, профтехнические школы и другие учебные заведения.

В результате проведенных мероприятий к 1927 году число корейских школ выросло и достигло 172, в них обучались 18510 учащихся. В 1932/33 году в крае уже насчитывалось 283 корейские школы, в которых 966 учителей обучали 25843 ребенка [8, 13].

Подготовку национальных педагогических кадров осуществлял Никольск-Уссурийский корейский педагогический техникум, отделение рабфака Дальневосточного государственного университета, Хабаровский интернациональный педагогический институт.

С целью снабжения корейских школ учебниками и литературой за первые 6 лет существования советской власти на Дальнем Востоке было издано около 180 тыс. экземпляров книг и брошюр на корейском языке. Среди них такие издания, как букварь «Красное дитя», букварь для взрослых «Долой неграмотность», «Азбука матери» и др. [9, 64].

Для корейской семьи существенное значение имела политика советских органов власти в отношении корейских женщин. Она осуществлялась в соответствии с циркуляром ВЦИК СССР от 5 сентября 1925 года «О раскрепощении женщин Востока» [10, 11].

Согласно положениям этого документа, органы исполнительной власти должны были активизировать работу по вовлечению корейских женщин в советское строительство, выдвижению отличившихся на ответственную работу. В целях освобождения женщин от бытовой загруженности предполагалось увеличить количество яслей, детских площадок, планировалось расширить сеть женских консультаций, родильных домов и др.

Одним словом, государственная политика, ориентированная на раскрепощение корейских женщин, в конечном итоге должна была нанести удар по традиционным основам корейской семьи, разрушив ее замкнутость.

В результате реализации намеченных решений в 1926 году в советских органах власти уже работали 320 кореянок.

Специально для корейских женщин проводились мероприятия санитарно-просветительского характера. Например, в 1926 году особой популярностью пользовалась выставка для матерей, которую посетило около 600 кореянок.

В Дальневосточном крае открывались корейские детские сады и очаги, в которых в 1928 году насчитывалось 1568 детей [11, 339].

Наблюдался неуклонный рост числа корейских детей в детских учреждениях края. Это говорит о том, что политика органов власти повлияла на традиции корейцев, пошатнула их вековые представления о методах воспитания и ухода за детьми.

Государственные учреждения осуществляли ме-

роприятия по защите корейских женщин от насилия в семейной жизни. Например, в судебном порядке преследовалась продажа женщин и девочек. Так, в 1925 году в селе Покровка был осужден на 2 года лишения свободы кореец Егай, продавший за 200 р. свою несовершеннолетнюю дочь [12, 97].

Особое внимание властные структуры уделяли национальным отношениям в регионе, проблемам ущемления прав корейского населения. Так, 21 июля 1930 года вышло постановление ЦИК и СНК РСФСР «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении корейцев и китайцев» [13, 69-72], которое запрещало проявлять пренебрежение и великодержавный шовинизм в отношении корейского населения Дальнего Востока.

Корейцы были представлены в местных органах власти, что свидетельствовало о положительных результатах национальной политики в регионе. Например, в 1929 году из числа корейцев были 2936 членов сельсоветов, 71 член райисполкома, 5 членов окружных исполкомов, 2 члена крайисполкома [14, 356].

Характеризуя социальную политику органов государственной власти, проводимую в отношении корейских семей, следует выделить ее целенаправленность на подъем культурного уровня корейского населения, его оздоровление, вовлечение в общественную жизнь.

Однако политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке к концу 30-х годов, изменила положение корейских семей.

В партийных и советских органах власти существовало сомнение в надежности корейского населения в случае возникновения военного конфликта.

Еще в начале 1923 года секретарь Дальбюро ЦК РКП (б) Н. А. Кубяк в своем выступлении на 1-й Приморской губернской партийной конференции озвучил эту точку зрения, обвинив всех корейцев в сотрудничестве с японскими интервентами и предложил их выселить с территории советского Дальнего Востока. В этом же году власти Камчатки выселили около 800 корейцев в Японию.

30 мая 1925 года по этой же причине корейцам было отказано в создании автономной корейской области на территории Дальневосточного региона.

Решающим документом, поставившим точку в колебаниях местных властей по отношению к корейскому населению, стало постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения из пограничных районов ДВК» [15, 80], в соответствии с которым 25 октября 1937 года 36442 корейские семьи (171781 человек) были выдворены с Дальнего Востока и направлены в Узбекистан и Казахстан.

Выселение корейских семей за пределы края лишило регион значительной части сельскохозяйственного населения. Был прерван начавшийся процесс их вовлечения в социалистическое строительство.

Таким образом, в очередной раз теперь уже советские органы власти подтвердили преобладание политических интересов над экономическими в развитии Дальнего Востока. Именно это обстоятельство делало социально-экономическую политику государства в отношении корейских семей непоследовательной и противоречивой.

Государство потратило значительные средства на оказание помощи корейским семьям в укреплении их социально-экономического положения в регионе, повышении культурного уровня. Оно же свело к нулю все свои усилия, приняв решение о выселении корейских семей за пределы Дальневосточного региона.

Современный Дальний Восток России испытывает нехватку трудовых ресурсов. Данную проблему можно решить за счет привлечения рабочей силы из соседних азиатских стран. В связи с этим необходимо учитывать исторический опыт, накопленный органами власти при работе с иммигрантами из сопредельных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189.
2. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Чита: Издание Дальне-Восточного Революционного комитета, 1923. 312 с.
3. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. Р-17. Оп. 68. Д. 191.
4. Собрание законов СССР. 1925. №81.
5. Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917- конец 30-х годов). Москва-Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1995. 260 с.
6. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 159.
7. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 51.
8. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 25. Оп. 5. Д. 10.
9. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85.
10. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 5.
11. Два года работы Дальне-Восточного краевого исполнительного комитета Советов РКК и КД за 1926/27-1927/28 гг. Материалы к отчету 3-му краевому Съезду Советов. Хабаровск: Издание ДКИК, 1929. 384 с.
12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 326.
13. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 162.
14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189.
15. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. типогра-фия, 1993. 219 с.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

07.00.02

ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1930-Е ГОДЫ
LIQUIDATION OF KILAKI PEASANTS IN THE ENCLAVES OF INDIGENOUES POPULATION IN THE SOVIENT FAR EAST REGION IN 1930-IES

Гореликов Андрей Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: Gorelikov-Andrei@ mail.ru.

Andrey I. Gorelikov — PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Gorelikov-Andrei@ mail.ru.

Аннотация: Статья освещает юридический и социальный статус аборигенов в начале коллективизации 1930-х гг. Исследование раскрывает незаконные действия властей по ликвидации аборигенного кулачества как социального класса в процессе борьбы с врагами народа в 1937-1938 гг.

Summary: The paper is concerned with the issue of legal and social status of indigenous people at the outset of soviet “collectivization” campaigns in 1930-ies. Illegal acts are described that the soviet government committed against aboriginal well-off peasants (kulakis) with the aim of eradication of this social group, as part of a campaign to liquidate “the enemies of the people” in 1937 – 1938.

Ключевые слова: кулачество, коренные малочисленные народы, коллективизация, Дальний Восток.

Keywords: Kulaks, native minorities, collectivization, Far East.

В российской историографии достаточно полно представлена научная информация о том, в какой мере коллективизация аборигенных хозяйств определяла степень преобразований в экономической, политической, социокультурной жизни коренных народов края.

Однако вопрос ликвидации аборигенного кулачества, как класса, не нашел еще полного освещения в исторической литературе. В историографии советского периода, исходя из идеологических соображений, репрессии в этнической среде отражены лишь в самом общем виде. На современном этапе — недоступностью всего комплекса документов, особенно о проведении массовых репрессивных акций 1937-1938 гг. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа источников, прежде закрытых, в определенной степени восполнить этот пробел.

30 июля 1937 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП (б) был подписан оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Операция получила название «большой террор» [9, 447-485].

Этим трагическим событиям была посвящена состоявшаяся в Москве в октябре 2007 г. международная научная конференция на тему «Сталинизм в советской провинции (1937-1938 гг.): Массовая операция на основе приказа № 00447». В ее работе приняли участие свыше 65 исследователей из России, Украины, Германии, США, Голландии. Участниками конференции обращено внимание на необходимость осмысления всех репрессивных государственных действий для укрепления правового строя в современных условиях, критического, глубокого анализа всего комплекса соответствующих источников.

Сам образ репрессий — настолько важный инструмент политики, что общественное сознание пока что не готово к восприятию не только логического анализа, но и просто достоверной информации об этом явлении. Тем более, что точная статистика исполнения приговоров в отношении представителей коренных народов пока не опубликована. С уверенностью можно говорить, что ликвидация аборигенного кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации была результатом сложного противоречивого процесса, в котором столкнулись интересы государства и аборигенного населения.

Впервые лозунг «ликвидация кулачества, как класса», был введен Сталиным в декабре 1929 г. в выступлении на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов [10, 170]. В статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса» 21 января 1930 г. Сталин пишет: «Чтобы вытеснить кулачество, как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество, как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития. Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества, как класса» [10, 183].

Раскулачивание являлось политико-юридическим инструментом насильственной коллективизации и требовало соответствующего оформления. Первыми легли в юридическую основу, узаконившую расправу, три документа, появившиеся на свет через 10 дней после статьи И. Сталина «К вопросу о политике

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

ликвидации кулачества, как класса», в которой зажиточное крестьянство объявлялось подлежащим уничтожению в своей основе. Это постановление ЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», приказ ОГПУ № 4421 «О практическом применении постановления», подписанного председателем ОГПУ В.Р. Менжинским и его заместителем Г.Г. Ягодой. Третьим документом, определявшим порядок раскулачивания, стала «Секретная инструкция ЦИКа и Совнаркома союзным и автономным республикам, краевым и областным исполнительным комитетам» от 4.02.1930 года, подписанная председателями ЦИК и СНК СССР М.И. Калининым и А.И. Рыковым. Инструкция состояла из 3 частей: выявление и конфискация имущества у кулаков, порядок выселения, доставка кулаков в отдаленные местности.

На состоявшейся в мае 1930 г. X Дальневосточной краевой партийной конференции «О коллективизации и подъеме сельского хозяйства края» на основе вышеперечисленных документов был сделан вывод, что «по мере роста колхозного движения, развертывания мероприятий по ликвидации кулачества классовая борьба будет все больше и больше обостряться, находя свое отражение и во внутренней жизни колхозов» [7, 119]. Этот вывод был механически перенесен и в этническую среду, что подтверждалось постановлением бюро Далькрайкома ВКП (б) «Об особенностях коллективизации в северных районах края и исправлении допущенных ошибок» от 28 июня 1930 г. [4].

Был установлен ряд строго регламентированных мер, ограничивающих эксплуатационные тенденции аборигенного кулачества: исключение из членов коопераций и недопуска в артели; проведение снабжения при условии внесения аванса на полагающиеся по нормам товаропродукты; ограниченная продажа огнестрельного оружия и огнеприпасов; понижение нормы отпуска дефицитных товаропродуктов и др. [4, 48].

В качестве совершенно безотлагательных подготовительных мер краевой комитет партии предлагал приступить к составлению списков кулацкого состава. Список подлежащих раскулачиванию аборигенных хозяйств составлялся местными властями, решения принимались на родовых сходах и утверждались «тройками» в составе первых секретарей райкомов партии, председателей национальных райисполкомов и начальника районного управления ОГПУ. На деле вычленение в основном из однородной этнической среды социальной группы кулачества означало создание в местах обитания коренного населения обстановки революционного хаоса [3].

Впервые за всю этническую историю в основном экономически однородное аборигенное население искусственно было разделено на три социальные категории — «кулака, середняка и бедняка». Раскулачиванию зачастую подлежали «середняцкие» и «бедняцкие» аборигенные хозяйства, а также бывшие «красные партизаны» за отказы вступать в колхозы. Весьма часто присутствовали факты насаждения коммун, недопустимые перегибы в отношении реализации колхозниками излишков сельхозпродукции.

В качестве примера борьбы с кулачеством в аборигенной среде можно сослаться на воспоминания сотрудника НИЦ Чукотки И. Радава. В колымских лагерях дважды побывал его сородич Рахтувье — молодой пастух-оленевод. Первый раз «по разверстке» 1932 г. отсидел 5 лет. Сразу же, как имеющий «опыт отсидки», в 1937 г. он вновь был арестован и доставлен в тот же лагерь. Начальник лагеря был в недоумении. Он сразу узнал этого здорового трудягу. Отбыв 2 срока, Рахтувье до конца жизни не понял, за что его забрали и увезли на 10 лет из родного стойбища. Другой сородич из рода Чутпелит Алеля также два раза побывал в лагерях. Отсидел свои 5 лет и третий сородич из этого же рода, Апанвант, которому удалось сохранить жизнь и вернуться в свое стойбище. Этот сильный, трудолюбивый и немногословный человек впоследствии стал бригадиром и еще много лет работал в оленеводческом колхозе. Из краткого описания И. Радава на страницах журнала «Живая Арктика» эпизодов некоторых судеб чукчей из многочисленного рода Чутпелит, владевших до коллективизации 10-12 тысячным стадом оленей, состоявшего из 5 больших и 4 малых стойбищ, кочующих в районе р. Амгуэн Анадырьского района, еще 6 членов рода были навсегда увезены из родных стойбищ. Подобная практика была распространена на большинство зажиточных аборигенных хозяйств [6].

Приведенный пример и масса других, как отмечалось участниками научной конференции в октябре 2007 г., свидетельство тому, что террор носил плановый характер и должен был охватить, возможно, большее число преследуемых. Нерусское происхождение и преклонный возраст повышали шансы быть расстрелянным. Шаманы рассматривались властями, как наиболее «вредоносные», в связи с чем, к шаманам повсеместно применялась расстрельная статья, наряду со священниками.

Коллективизация, давшая выход «революционным инстинктам», на своем завершающем этапе подготовила «большой террор» не только против кулачества, но и других социальных слоев населения. Решение на проведение «кулацкой операции» было принято пленумом ЦК ВКП (б) 22-29 июня 1937 г. До настоящего времени этот пленум представлял белое пятно в истории партии. Находящиеся в бывшем Центральном партийном архиве материалы пленума содержат запись: «За 22-26 июня заседания пленума не стенографировались». О принятых решениях можно только судить по телеграмме Политбюро от 2 июля 1937 г., где «ЦК ВКП (б) предлагало всем секретарям областных и краевых организаций, всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек», а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество, подлежащих выселке» [8, 234].

Официально ликвидированные в 1934 г. «тройки» вновь были введены. В числе первых по утверждению состава «троек» оказался Дальний Восток. Постановлением Политбюро от 10 июля 1937 г. было принято решение по Дальневосточному краю утвердить «трой-

ку» по проверке антисоветских элементов в составе т. т. Дерибаса, Птуха и Федина. Утвердить намеченных к расстрелу — 3017 чел. и выселке — 3681 чел. Распространить действие директивы ЦК также на находящиеся на Дальнем Востоке спецпоселки [2, 83].

Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 в Дальневосточном крае требовалось операцию начать с 15 августа 1937 г. Внесенные в списки «враги народа» были разделены на две категории. К первой категории относились кулаки, как наиболее враждебные, и подлежали немедленному аресту и по рассмотрению их дел на «тройке» — расстрелу. Ко второй категории относились все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря сроком от 8 до 10 лет.

В приказе № 00447 был определен порядок ареста, ведения следствия и вынесения приговора. «Тройки» могли рассматривать дела как на каждого арестованного, так и на группу. Для вынесения приговора было достаточно признания арестованного, показаний одного из свидетелей или протокола допроса. Приказ действовал с 1937 г. по 1938 г. Это была массовая операция, где упрощенным способом, путем практики массовых арестов пострадали наиболее крепкие аборигенные хозяйства. Оказался полностью уничтоженным такой социальный слой в этнической среде, как шаманы.

За три месяца 1938 г. были арестованы и вскоре расстреляны почти все руководители партийных и советских органов края, в том числе и национальных районов Дальнего Востока. Например, Богдан Ходжер, председатель райисполкома Нанайского района, в годы гражданской войны был разведчиком в партизанском отряде. Будучи студентом института народов Севера в Ленинграде написал об этом в журнале «Тайга и тундра» рассказ «Как я партизанил». В 1933 г. являлся председателем одного из нанайских колхозов. Принимал деятельное участие в организации Нанайского района, был избран первым председателем райисполкома этого района. Был репрессирован и расстрелян со многими партийными и советскими руководителями края в подвале Хабаровской внутренней тюрьмы НКВД в 1938 г.

Вместе с ним по обвинению в антисоветской агитации и участии в правотроцкистской организации репрессирован секретарь нанайского райисполкома А. И. Гуськов [11].

В декабре 1937 г. председатель Кур-Урминского райисполкома Н. Д. Удикан по обвинению в антисоветской шпионско-вредительской деятельности арестован и в последующем расстрелян. В сентябре 1937 г. арестован, а 17 февраля 1938 г. расстрелян С. И. Сипин — заместитель заведующего Ульчского районного отдела народного образования [12, 294].

Имеется немало свидетельств, что репрессиям были подвергнуты не только шаманы, но и самые обыкновенные люди. Им запрещали совершать традиционные обряды и ритуалы, уничтожали культовые принадлежности, арестовывали, как японских шпионов [1, 224]. В 1937 г. Нижне-Амурским ОУ НКВД было сфабриковано дело «26 человек»: двое из арестованных были нивхи, остальные — ульчи, обвиненные в японском шпионаже и контрреволюционной агитации [12, 296].

Столь же нагляден другой пример по Ульчскому району Хабаровского края, приведенный А. Сутуриным из письма А. Кильги. «Пишет вам Кильга Анна Константиновна (девичья фамилия Дяксул). Я живу в селе Богородском Ульчского района. Давно собиралась написать вам о своем отце, которого репрессировали в 1937 году. Мой отец Дяксул Каба, 1898 года рождения, был арестован 25 сентября 1937 года. Он был рыбаком колхоза «Красный Маяк». Такой колхоз находился в селах Амур и Май в Ульчском районе. Сейчас этих сел нет, как и колхоза. В память о нем остался лишь высокий маяк. Отец был безграмотным, но неплохим охотником и рыбаком.

Я своего отца вообще не помню, только по рассказам старших сестер — к дню ареста мне исполнилось всего два месяца. Сестра, Ковина Татьяна Константиновна, живет в селе Нижняя Гавань. У нее семеро детей. Всю свою жизнь (с 12 лет) работала в колхозе. Сейчас на пенсии. Старшая сестра, Ольга Константиновна Дяксул, умерла в 1976 году.

Так вот, по их рассказам я знаю, что в сентябре 1937 года ночью к берегу возле села Май пристал какой-то катер. Из него на берег вышли несколько человек и стали ходить по домам. И вместе с ними ходил Вальдю Солдашка, который указывал им, кто «враг народа». В эту ночь забрали с собой и увезли на катере в неизвестном направлении моего отца, его братьев Дяксула Эдика, Дяксула Кыткы и двоюродного брата Дяксула Гусада.

Моя мама, Дяксул Кужынды (девичья фамилия Вальдю), родная сестра по матери писателя Вальдю Алексея Леонтьевича, сама неграмотная, просила образованных людей и делала запросы во все инстанции о муже, но все ее слезные просьбы никто не услышал, ни сам Сталин, ни Всесоюзный староста, ни местное начальство — в крае и в Нижнее-Амурской области. Потом, по слухам, она узнала об отце, что он якобы находится в Николаевской тюрьме. Собрала посылку и отправила ее в Николаевск-на-Амуре. Но и оттуда не получила никакого ответа. Так бесследно исчезли мой отец и его братья. А мама от тяжелой жизни и болезни умерла в 1947 году, так и не узнав ничего о муже.

Несколько лет назад я узнала, по неточным сведениям, об отце, что якобы их в том же 1937 году погрузили на гнилую баржу, а кто оказывал сопротивление — связывали по рукам и ногам, и утопили в лимане недалеко от Николаевска-на-Амуре.

В 1957 году я получила справку о том, что дело по обвинению гр. Дяксул Каба, 1898 года рождения, военным трибуналом Дальневосточного военного округа 10 июня 1957 года пересмотрено, и постановление от 17 февраля 1938 года, по которому был осужден, отменено за отсутствием состава преступления. Гр. Дяксул Каба посмертно полностью реабилитирован. Но так мы до сих пор не знаем, где наш отец похоронен.

Много времени прошло с трагической гибели моего отца, дядей и многих их сородичей. Разве они, малограмотные, никуда не выезжавшие из своих стойбищ, могли быть врагами народа и агентами? Они даже не могли расписываться» [12, 290-291].

1938 г. явился пиком репрессий на Дальнем Востоке. 21 января 1938 г. руководство края затребовало разрешения центра на арест 8 тыс. чел. по первой категории и 2 тыс. — по второй. 6 июля 1938 г. заместитель Ежова Фриновский, прибыв в край в поряд-

ке углубления «поверхностной» работы, потребовал новый лимит: по первой категории — 15 тыс. чел., по второй — 5 тыс. чел. И этот лимит был получен. Таким образом, 1.5% населения края (общая численность проживающих на дальнем Востоке 2.5 млн. чел.) было репрессировано. В последующем их участь разделили и исполнители [9, 495].

Следует отметить, что в отличие от первой волны раскулачивания начала 1930-х гг., репрессии 1937-1938 гг. захватили наиболее значительную часть аборигенного населения, отнесенного к разряду кулаков — «не выявленных» или «недораскулаченных». В соответствии с приказом арест в местах расселения аборигенного населения осуществлялся чрезвычайно поспешно, шла повальная фальсификация социального состава репрессированных. Под видом кулака активно устранялись лица, неугодные местной власти. Решающую роль в обвинительных приговорах сыграли справки сельсоветов, написанные под диктовку следственных органов. Термин «кулак» к этому времени в этнической среде сам по себе стал чем-то вроде обвинительной статьи. Введенная «разверстка» по поиску кулака представляла собой сложное явление. Выполнение приказа в национальных районах приобрело черты типичного для того времени «соцсоревнования», где во многих местах «спущенные цифры врагов народа» перевыполнялись.

Репрессии против руководителей и членов райисполкомов и райкомов партии национальных районов привели к срыву работы административных органов в принятии жизненно важных решений для аборигенного населения, особенно в обеспечении продуктами и товарами первой необходимости. Например, в том же нанайском районе из 11 членов райисполкома на заседаниях в январе 1937 г. присутствовали 3 члена президиума, в феврале 1937 г. — 5 членов президиума.

В 1938 г. волна арестов продолжилась. Так, не проработав и двух месяцев на посту того же Нанайского района, председатель райисполкома Г. А. Самар и секретарь райисполкома А. К. Лисеенко, заведующий начальной школой с. Бельго Комсомольского района П. Киле, были арестованы с предъявлением обвинения в контрреволюционной деятельности и проведении антисоветской работы. Арестовывались председатели и секретари низовых звеньев — сельских Советов. Это привело к нерегулярной работе Советов, а в ряде случаев и полному прекращению их деятельности (Найхинского, Джонкийского, Джаринского, Дадинского, Анюйского) [5].

Суммируя сказанное, можно утверждать, что ликвидация аборигенного кулачества как класса в доклассовом этническом обществе носила скорее политический характер, чем экономический. В практике осуществленных репрессий прослеживаются две волны этого процесса — одна в начале 1930 г., другая — в 1937-1938 гг.

Первая волна была глубже и продолжительнее в экономическом плане. Раскулачивание крепких, зажиточных аборигенных хозяйств, вышедших за рамки натурального хозяйствования, привело к уничтожению сложившихся в период нэпа рыночных отношений. В политическом плане разрушение традиционного уклада было связано с применением механизмов дискредитации наиболее трудолюбивой, более предприимчивой части аборигенного населения. Раскулачивание означало лишение всех гражданских, конституционных, в первую очередь избирательных прав. Внесудебное рассмотрение дел кулаков так называемыми «тройками», повышенное налогообложение, всевозможные ограничения вылились в силовую модернизацию традиционного сектора аборигенной экономики. Власть сконструировала искусственную группу кулачества, подлежащую ликвидации как класса.

Вторая волна была санкционирована высшим партийным руководством государства, проведена в короткие сроки под жестким давлением и контролем региональных и местных властей. Она привела к физическому уничтожению подавляющей части руководителей территориальных национальных образований, председателей колхозов, особо почитаемой в аборигенной среде социальной категории — шаманов, добросовестных тружеников, всех тех, кто являлся, по мнению властей, опасными «социально чуждыми элементами».

В заключение, опираясь на вполне обоснованный исторический материал, отметим, что коллективизация для коренных народов была самым трагическим периодом в этнической истории. Коллективизацией завершился длительный исторический период эволюционного развития коренных народов Дальнего Востока. Аборигенное население было отчуждено от средств производства, лишено права распоряжаться результатом своего труда, потеряло право самостоятельно решать, где и как они могли жить. Созданные колхозы превратились в своеобразные государственные предприятия с жесткой плановой регламентацией производственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкий С. В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура/С. В. Березнецкий // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950 гг. — Владивосток: Дальневосточный ун-т, 1997. — С. 220-229.
2. Биннер Р. Юнг М. Как террор стал «большим»/Р. Биннер, М. Юнг. — М.: Айрис-Пресс, 2003. — 307 с.
3. Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 30.
4. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 191. Л. 47.
5. ГАХК. Ф. 1747. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-26.
6. Живая Арктика. — Хабаровск. — 2002. — №2.
7. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927-1937 гг.) — Хабаровск: Госкомиздат, 1979. — 240 с.
8. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, 1917-1991. — М.: Материк. 2003. — 766 с.
9. Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора/Е. А. Прудникова. — М.: ЗАО «Медиа-Групп», 2007. — 640 с.
10. Сталин И. В. Сочинения/И. В. Сталин. — М.: Политиздат, 1953. Т. 12. — 570 с.
11. Сутурин А. Воскрешение Богдана Ходжера/А. Сутурин. — // Приамурские ведомости. — 1991. — 4 января.
12. Сутурин А. Дело краевого масштаба: О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке/А. Сутурин. — Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. — 304 с.

Дворников И. Н.
I. N. Dvornikov

07.00.02

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПРИАМУРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

MILITARY TRANSLATOR/INTERPRETER TRAINING IN THE PRIAMURSKY MILITARY DISTRICT IN LATE 19 — EARLY 20 C.

Дворников Иван Николаевич, подполковник, доцент, заместитель начальника военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail: dvornikov 958@ mail.ru
Ivan N. Dvornikov — Lieutenant Colonel, Associate Professor, Deputy-Head of the Military Training Department at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), E-mail: dvornikov 958@ mail.ru

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка показать специфику подготовки военных переводчиков в Приамурском военном округе на примере Владивостокского Восточного института и его роль в подготовке военных переводчиков для нужд округа.

Summary: The paper tries to identify and describe the specifics of training for military translator/interpreters in the Priamurski Military District as exemplified by the City of Vladivostok Eastern Institute and its role in providing military translator/interpreter staff for the needs of the District.

Ключевые слова: Приамурский военный округ; Восточный Институт; специалисты; переводчики; слушатели; военнослужащие; офицеры; война.

Keywords: Priamurski Military District; Eastern Institute, specialists, translators, interpreters, students, military men, officers, war.

Военно-политическая обстановка конца XIX века в АТР, несомненно повлияла на развитие Дальнего Востока России. Война Японии против Китая 1894-1895 гг. повлекла за собой перестановку сил в регионе, стали расширяться контакты России с восточными странами — Японией, Китаем и Кореей. Российское правительство стремилось упрочить свое влияние в Дальневосточном регионе. Для осуществления этих целей государству были необходимы специалисты по широкому кругу международных вопросов, а также переводчики со знанием восточных языков.

Существовавший Восточный факультет Петербургского университета не был способен решить проблему недостатка специалистов для удаленного региона [1, 64]. Во Владивостоке еще в 90-е гг. XIX в. разрабатывались проекты создания учебного заведения, которое бы осуществляло подготовку переводчиков с восточных языков, но они не находили должной поддержки и учебной базы, поэтому оставались неразрешенными.

Командующий войсками Приамурского военного округа еще в 1895 г. признал острую необходимость в переводчиках и нашел возможность выдавать 4 премии в год по 500 руб. каждая за основательное изучение языков [2, 1]. Премии выдавались офицерам в качестве поощрений и являлись неким стимулом в изучении ими китайского и японского языков. Кроме того, многие офицеры занимались самостоятельно и изыскивали для этого возможность. Так, например, в 1896 г. ургинский консул осведомил Николая II о том, что в текущем году курсы ургинской школы толмачей и переводчиков окончили по I разряду с правами на чин XII класса казаки Забайкальского войска: Большаков и Цыдыпов [2, 1].

По ходатайству командующего войсками Приамурского военного округа в апреле 1896 г. император одобрил устройство во Владивостоке курсов китайского, корейского и японского языков для офицеров. Но уже 11 ноября того же года решено было устроить при Владивостокской мужской гимназии курсы китайского и других восточных языков [2,1об]. В Хабаровском гарнизоне также были учреждены курсы китайского языка в период с 1897 по 1899 гг. [3]. Однако это не решало задачу в подготовке военных переводчиков для нужд армии.

В октябре 1899 г. по решению Государственного Совета и по указу Николая II в г. Владивостоке был создан Восточный институт [4]. Это было первое высшее учебное заведение на территории Дальнего Востока [5, 2]. Целью данного института объявлялась подготовка обучаемых в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств [6,5].

В то же время пункт 33 «Положения о Восточном институте» определял: «Сверх студентов института допускаются к слушанию всех или некоторых предметов курса и посторонние лица, имеющие определенное общественное положение или занятия». На основании данного пункта по назначению Приамурского генерал-губернатора в число слушателей института

Материал поступил 03. 02. 2010 г.

ежегодно принималось 4 офицера [7,97].

Продолжительность обучения в Восточном институте составляла четыре года. На первом курсе слушатели изучали общие дисциплины: историю, этнографию, географию, экономику, английский, французский языки и другие предметы. На втором курсе студенты распределялись по четырем отделениям: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. В соответствии с выбранной специализацией большое внимание отводилось необходимым предметам по специфике стран изучаемого языка: политическая организация современных стран, обзоры торгово-промышленной деятельности стран на современном этапе, учение об административном устройстве, коммерческая география и другие. Немаловажное значение имела выездная практика в Китай, Японию и Корею. Там проходила непосредственная работа по сбору материалов и информации для написания дипломных работ, а также разговорно-языковая практика. Особо прилежные слушатели имели возможность получить дополнительную учебную командировку в восточные страны по решению Конференции Восточного института. По окончании учебного процесса слушатели предоставляли дипломные работы, а также сдавали экзамены по специализации: сочинение на восточном языке, перевод текста, умение свободно беседовать на бытовые, культурные темы и др. [8,128].

Необходимо отметить, что особую категорию слушателей составляли офицеры, командировавшиеся в институт распоряжением командующего войсками округа. Первоначально число ежегодно командируемых военных слушателей ограничивалось 4 офицерами. Но согласно Высочайше утвержденному постановлению Военного Совета от 29 декабря 1901 г. количество офицеров-слушателей было увеличено до 10 (8 чел. от Приамурского военного округа и 2 чел. от войск Квантунской обл.). В 1903 г. данное распоряжение распространилось и на остальные округа, а с началом 1905-1906 академического года число ежегодно командируемых офицеров составляло 20 чел. В стенах института даже поднимался вопрос о разделении всех учащихся на 2 отделения: одно для студентов, а другое для военнослужащих всех родов войск. Этот вопрос был вызван не только большим количеством обучавшихся, но и некоторыми аспектами административного плана и спецификой обучения [9,162]. Однако порядок в отношении офицеров-слушателей оставался прежний и сохранялся до 1910 г., после чего по решению Военного Ведомства прием военнослужащих в Восточный институт был прекращен. Предполагалось, что в кратчайший срок представителями Военного Ведомства будет выработан новый проект в отношении изучения восточных языков военнослужащими, однако решение данного вопроса в дальнейшем не осуществилось [10,14].

На заботу приамурского генерал-губернатора о подготовке офицерских кадров в Восточном институте указывает в своем исследовании и Н. И. Дубинина «Усилиями Н. И. Гродекова и А. М. Позднеева в Восточном институте был создан военный факультет, где офицеры, включая и имевших уже академическое образование, осваивали специальную программу. Это было уникальное явление среди российских высших учебных заведений.» [11,203].

Конференция Восточного института неоднократно обсуждала вопрос об открытии вечерних курсов при институте для военнослужащих младшего звена и других категорий слушателей. Был даже разработан «проект вечерних курсов китайского языка во Владивостоке». В этом проекте были указаны причины необходимости изучения хотя бы основ разговорной китайской речи. Лица, работающие в самых разнообразных сферах деятельности Дальневосточного региона, вынуждены поддерживать контакты с иностранными коллегами постоянно. К тому же война требовала переводчиков и ориенталистов. В связи с этим целью курсов являлось следующее — дать возможность всем желающим, независимо от рода деятельности и материального положения, за небольшую плату, систематически посещая занятия, получить практику разговорной речи и при желании научиться читать и писать. По окончании таких курсов и при необходимых испытаниях слушателям выдавалось бы свидетельство об окончании курсов [2, 110,111.]. Однако разрешение данного аспекта всегда было связано с трудностями. Во-первых, институт не мог предоставить своих преподавателей, и без того имевших большую нагрузку. Во-вторых, необходимо было приглашать носителя китайского языка для практических занятий. В-третьих, отсутствие заинтересованности у большинства лиц, присутствующих на собраниях Конференции, каждый раз оставляло этот вопрос без ответа [2,113].

Коренные изменения в жизнь офицеров-слушателей внесла русско-японская война 1904-1905 гг. В этот период практически все офицеры-слушатели были отозваны в свои части. В боевых действиях участвовало 29 слушателей Восточного института. Профессорско-преподавательский состав института выделил 40 переводчиков, которые были удостоены положительных отзывов [12, 23]. Тем не менее, во время войны (в 1904 г.) проводился очередной набор офицеров в институт. Начальник штаба Заамурского округа генерал-майор В. Флуг в 1904 г. ходатайствовал перед директором Восточного института А. М. Позднеевым об увеличении числа офицеров, командируемых от округа в учебное заведение [13]. В октябре 1905 г. в «Представлении директора Восточного института Морскому министру об откомандировании офицеров флота в Восточный институт для обучения» говорилось о том, что Морскому ведомству «было бы не менее полезно иметь в своей среде лиц со специальной ориенталистической подготовкой для расширения своей деятельности на Востоке» [14, 84].

В период боевых действий по приказу Приамурского генерал — губернатора Н. И. Гродекова на фронт отправляется экспедиция из числа преподавателей института с целью приобретения маньчжурских и китайских книг и архивов. «Неудивительно, что китайский отдел в институтской библиотеке назывался гродековским.» [11, 51].

Война, революционные события 1905-1907 гг. заставили внести существенные коррективы в подготовку офицеров-слушателей. С нового 1910-1911 академического года практика их подготовки претерпела значительные изменения [15, 6]. Конференцией института было принято решение об учреждении при Восточном институте Окружной приготовительной школы переводчиков, которая учитывала бы военную специфику.

Офицеры должны были проходить восьмимесячный курс изучения восточных языков, по окончании которого они командировались за границу для практического совершенствования восточного языка на срок 1-2 года. Данная школа должна была обеспечить потребности Иркутского и Приамурского военных округов в офицерах-ориенталистах, для чего необходимо было принимать ежегодно 12 чел [16, 97]. Подготовку в ней могли проходить и офицеры Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Начавшаяся первая мировая война привела к отзыву офицеров из учебных командировок и закрытию школы.

Русско-японская война показала необходимость в подготовленных офицерах, знающих восточные языки и готовых к работе на границе, в войсках и в странах Дальнего Востока для выполнения различного рода деятельности. Начальник штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.К. Рутковский доложил начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Ф.Ф. Палицыну о том, что даже при крупных штабах в Приамурском и Забайкальском военных округах отсутствовали переводчики. Приходилось прибегать к помощи китайцев и японцев, но из-за плохого знания ими русского языка, работа осложнялась. К тому же некоторая информация составляла государственную тайну, и это также вызывало определенные трудности. Вопрос доверия к привлекаемым в качестве переводчиков китайцам и японцам вызывал сомнение [2, 6].

Малочисленность военнослужащих-переводчиков негативно отразилась на работе штабов Приамурского и Заамурского военных округов в военное время. Однако и в мирное время существовала потребность в специалистах. Необходимо отметить, что в качестве переводчиков не всегда требовались офицеры, в некоторых случаях можно было бы использовать и военнослужащих нижних чинов. Но, ввиду отсутствия возможности в получении специального образования у последних, такое право им и не предоставлялось.

В октябре 1906 г. в штабе Приамурского военного округа было решено организовать курсы китайского и японского языков, о чем было доведено до офицеров, проходивших военную службу в частях Дальнего Востока. Следует отметить, что наряду с офицерским составом рапорта имели право подавать и нижние чины, указывая, какой язык желают изучать [2,24]. В докладе начальника штаба Приамурского военного округа говорилось о том, что к 1 ноября 1906 г. (время начала занятий) подали рапорта и изъявили желание изучать восточные языки 21офицер и 23 чел. из нижних чинов Приамурского округа.

В первый год обучения рапорта подали 44 офицера и 109 чел. младшего состава. Обучение было распределено на 2 зимних периода (2 курса) для всех категорий военнослужащих, так как занятия всех категорий военнослужащих проходили совместно. Первый год обучения продолжался с 1 ноября по 1 мая 1907 г., а второй — с 1 октября по 1 мая 1908 г. В классах было определено число обучающихся — не более 25 чел [2, 7об]. Военнослужащих распределили на две группы: китайского и японского языков. С началом занятий появились трудности, препятствующие нормальному процессу обучения. Не все военнослужащие имели возможность добраться до места занятий в определенные дни и своевременно. Все это было связано с очень большим разбросом воинских частей от штаба округа. В связи с этим офицеры вышли с предложением к командованию о необходимости открыть параллельный класс, а обучающихся разделить на 2 группы. Поступали и другие предложения в этом контексте, но они не нашли должного отражения, так как все это требовало определенных материальных затрат [2, 90].

Таким образом, создание первого Восточного института, осуществлявшего подготовку военных переводчиков в Дальневосточном регионе России, началось в конце XIX в., когда российское правительство стало принимать активные меры по освоению края. Целью данного института объявлялась подготовка обучаемых в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств. В то же время близость к Приамурью многонаселенных стран, таких как Китай и Япония, уже тогда определила необходимость подготовки военных специалистов со знанием восточных языков.

Необходимо отметить, что особую категорию слушателей составляли офицеры, командировавшиеся в институт распоряжением командующего войсками округа. Усилиями командующего ПВО Гродекова, в Восточном институте был создан военный факультет. Это было уникальное явление среди российских высших учебных заведений.

Русско-японская война 1904-1905 гг. показала и необходимость увеличения числа офицеров со знанием иностранного языка, и заставила внести существенные коррективы в подготовку офицеров-слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буяков, А.М. Дальневосточный государственный университет/А. Буяков // Известия Восточного института. ДВГУ. Владивосток. 1994. №1. С. 60-67.
2. РГВИА Ф. 1558. Оп. 6. Д. 21. Л. 1. Л. 1об, Л. 6, 7об, 24,90, 110,111,113.
3. Приказание по Хабаровскому гарнизону от 18 декабря 1896 г.
4.»Положение о Восточном институте», утвержденное 24 мая 1899 г., определило: сроки обучения и внесения платы; структуру высшего учебного заведения; предметы изучения; условия получения аттестата об окончании данного учебного заведения; высший руководящий орган института — Конференцию и ее состав — авт.
5. Известия Восточного института. Владивосток, 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 1-5.
6. ДВГУ. История и современность. Ч. 1. 1899-1939 г. Владивосток, 1997. С. 2-7.
7. Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института. Годы и судьбы/А. Буяков // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток, 1999. №5. С. 91-99.
8. Севастьянов Н.В. Государствоведение и востоковедение в Дальневосточном университете в 20-е — 30-е годы/Н. Севастьянов // Проблемы советской государственности. Владивосток, 1985. С. 126-130.
9. Унтербергер П.Ф. Приамурский край 1906-1910. СПб. 1912. С. 180.
10. Известия Восточного института 1909-1910 академический год. Приложение 1. Владивосток. 1910. С. 14-17.

Киба Д. В.
D. V. KIBA

07.00.02

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950-Е ГГ.

MATERIAL CONDITIONS OF LIVE AND WORK OF ARTISTIC BOHEMIA IN THE SOVIET FAR EAST IN THE 1950-IES

Киба Дарья Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, dakiba@googlemail.com.
Ms. Darya V. Kiba — PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), dakiba@googlemail.com.

Аннотация: В статье прослеживается организация труда и быта художественной интеллигенции Дальнего Востока в 1950-е гг. Описываются механизмы оказания финансовой помощи писателям и художникам дальневосточными отделениями Союза художников и Союза писателей. Охарактеризовывается состояние материально-производственной базы творческих союзов и организаций (мастерские, репетиционные помещения, оборудование) Раскрываются особенности оплаты труда, пенсионного обеспечения различных категорий художественной интеллигенции региона.

Summary: The paper is concerned with the issue of how life and work of artistic bohemia was organized in the Soviet Far East region in 1950-ies. Schemes and programs of material support to writers and artists by the Far East Branches of the Writers' Union and Artists' Union are described. Described are also the facilities owned by these creative unions and organizations at that time (workshops, rehearsal rooms, equipment, etc.). Revealed are the payment/pension schemes available to different classes of artistic intelligencia of the region.

Ключевые слова: Художественная интеллигенция, Хабаровское отделение Союза художников РСФСР, Хабаровское отделение Союза писателей РСФСР, Приморское отделение Союза писателей РСФСР, Приморское отделение Союза художников РСФСР, тарифная система, оклад, гонорар, система государственных заказов, пенсионное обеспечение творческих работников.

Keywords: artistic intelligentsia, Khabarovsk Branch of the Union of Artists of the RSFSR, Khabarovsk Division of the Union of Writers of the RSFSR, branch 'Primorskoe' of the Union of Writers of the RSFSR, branch 'Primorskoe' of the Union of Artists of the RSFSR, pay scale, salary, fee, government order system, pension security for creative professionals

Проблема материальных условий труда и быта художественной интеллигенции относится к числу малоисследованных тем. Исследование условий труда интеллигенции проводилось учеными в постсоветский период. С. Д. Бортников, исследовавший художественную интеллигенцию Сибири в 1961-1980 гг., Л. Я. Иващенко в своей работе «Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России» рассматривали не только аспекты творческой деятельности интеллигенции, но и материальные условия ее труда. [1; 3] Более детально эти вопросы были рассмотрены М. П. Зезиной, однако исследовательница занималась изучением художественной интеллигенции в общесоюзном масштабе и не затронула особенности материального положения региональной, в частности, дальневосточной интеллигенции. [2] Неудовлетворительные условия труда и быта являлись одной из причин, тормозивших формирование художественной интеллигенции Дальнего Востока.

В среде художественной интеллигенции можно выделить группу, находившуюся в относительно привилегированном положении. Преимущественно это столичная интеллигенция, так называемый руководящий слой, непосредственно общавшийся с властью, пользовавшийся исключительными привилегиями и материальными благами. В отличие от неё основная масса творческих работников имела средний доход. К этому числу относится и провинциальная интеллигенция. Существовали определенные механизмы, задачей которых являлась организация труда и быта художественной интеллигенции.

На Дальнем Востоке существовали отделения Союза художников РСФСР, Союза писателей РСФСР, отделение Всероссийского театрального общества, Союза журналистов СССР. Союзы художников и писателей имели свою материальную базу, которая позволяла оказывать членам этой органи-

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

зации финансовую помощь, создавать им условия для творческой деятельности. Такими материальными базами были Литературный и Художественный фонды. Каждый год по линии Литературного и Художественного фондов на Хабаровские и Приморские отделения Союза советских писателей, Союза художников отпускались средства по различным статьям — дотации журналу и альманаху, творческие командировки, помощь молодым писателям, пособия на творческий период. Краевые отделения черпали из этих статей средства для выдачи возвратных и безвозвратных ссуд: на лечение, на расходы по перепечатке сборника или рукописи, на творческую командировку. Тем самым Союзы в меру своих сил оказывали дальневосточным творческим организациям финансовую помощь, способствуя развитию литературного и художественного творчества в регионе.

Необходимым условием творческой деятельности художественной интеллигенции являлось создание необходимой материально-производственной базы (мастерские, оборудование, репетиционные помещения и т. д.) В 1953 году в Хабаровском крае не имели своих зданий Комсомольский-на-Амуре городской драматический театр, Хабаровский краевой театр драмы, Хабаровская краевая филармония, Сахалинский областной драматический театр. Они были вынуждены арендовать помещения, которые не могли в полной мере использовать для своих нужд. Помещение для Хабаровского краевого театра драмы было выделено во второй половине 1950-х годов. В Приморском крае не имели своего помещения краевая филармония, краевой театр кукол, находившийся в здании краевого театра юного зрителя.

Серьезным недостатком организации труда художников было отсутствие художественных мастерских. Отделения искали различные пути обеспечения нормальных условий для творческой работы, но последние в 1950-х годах были неудовлетворительными. В 1953 году все 78 художников Приморья работали у себя на квартирах. Схожая ситуация наблюдалась в Хабаровском отделении Союза художников. Бюро Хабаровского горкома КПСС постановлением от 16 февраля 1956 года «О недостатках в работе Хабаровского отделения Художественного фонда» постановило отдать под мастерские художников чердачные помещения некоторых строящихся домов (см. прим. 1). Идея оборудования чердачных помещений под мастерские была законодательно оформлена в постановлении Совета Министров СССР от 20 сентября 1956 года «О мерах помощи Союзу советских художников СССР», в котором Совет Министров СССР обязал Госкомитет по делам строительства до 1 января 1957 года разработать варианты типовых проектов зданий с мансардами для художников (см. прим. 2). В соответствии с постановлением Совета Министров от 20 сентября 1956 года исполкомы краевых и городских советов принимали решения разместить мастерские для художников в мансардах строящихся жилых домов, разработать проекты художественных мастерских-мансард. Однако строительство мансард развернулось лишь в 1960-е гг. К концу 1950-х гг. ситуация с мастерскими несколько улучшилась. В 1959-1960 годах в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре ряд художников уже имели свои мастерские. К концу 1957 годах улучшились условия для творческой деятельности художников Приморья.

Оплата труда художественной интеллигенции, принадлежавшей к разным творческим Союзам, имела свои особенности. В среде художественной интеллигенции можно выделить ту, что за свой труд получала гонорары, и интеллигенцию, находившуюся в штатном расписании творческих организаций. В театрах, филармониях, концертных организациях, клубах в основу заработной платы была положена штатно-окладная система. Размер оклада зависел от стажа работы, образования, квалификации работника и ряда других факторов.

Тарифная система, по которой осуществлялась оплата труда работникам театров и музыкальных учреждений, была установлена в 1939 году. К 1956 году она устарела и тормозила развитие советского театра. Недостатки данной системы заключались в следующем. Все театры страны делились на четыре тарифные группы. Оплата труда артиста зависела от того, в театре какой тарифной группы он работал. Оклад артиста высшей категории в театре четвертой группы был гораздо ниже, чем оклад артиста той же категории в театре первой категории. В стране было всего 10% театров первой группы, остальные 379 театров относились ко второй, третьей и четвертой группам. На Дальнем Востоке в 1953 году театрами второй группы были Амурский областной драматический театр, Хабаровская краевая филармония, третьей группы — Хабаровский краевой театр юного зрителя. В связи с этим обстоятельством они испытывали трудности в укомплектовании труппы театра высококвалифицированными артистами, которые стремились работать в театрах первой группы. Другим недостатком существующей тарифной системы являлось запутанное и дробное деление должностных окладов артистов. Действительный уровень профессиональной квалификации актерского состава театров страны во многих случаях к 1956 году не соответствовал тарифным окладам. Существенным недостатком тарифной системы являлся факт существования группы окладов, которые представляли собой суммы в размере от 260 до 500 рублей. Это были очень маленькие оклады, недостойная оплата труда артистов.

В 1956 году в Министерстве культуры разрабатывался проект по упорядочению оплаты труда работникам театров и музыкальных учреждений. Результатом этой работы была новая тарификация, установленная Советом Министров СССР 28 декабря 1956 года, и введенная новая система оплаты труда творческих работников (см. прим. 3).

В результате этой реформы было сокращено число дробных окладов, повышены оклады, были ликвидированы низкие оклады. Повышение окладов творческих работников театров Дальнего Востока отражает таблица 1. Ее данные свидетельствуют, что в результате введения новой тарификационной системы были значительно повышены оклады на сумму от 160 до 400 рублей артистов низших категорий и артистов ТЮЗа, имевших самые низкие оклады по сравнению с драматическими и музыкальными театрами. Таким образом, доходы низкооплачиваемых категорий артистов возросли, однако по-прежнему составляли суммы заработка, который трудно назвать достойной оплатой труда артистов. Реформа 1956 года увеличила оклады театральным работникам, однако доходы инженерно-технической интеллигенции по-прежнему были выше. В 1960 году на заводе «Энергомаш» минимальный оклад ИТР составлял 750 рублей, максимальный — 2000 рублей. Оклады актера театра юного зрителя — от 900 до 1440 рублей (см. прим. 4). В целом реформа дала возможность выдвинуть талантливую театральную молодежь, как по должностным окладам, так и по тарифным категориям. До 1956 года рост творческой молодежи тормозился отсутствием свободных окладов высшей и первой категории, занятых актерами старшего поколения.

Таблица 1

Оклады творческих работников театров Дальнего Востока

		Хабаровский краевой театр юного зрителя	Хабаровский краевой театр музыкальной комедии
1954-1955	Главный режиссер	1800	3600
	Режиссер	1800	1800
	Артист 1 категории 1 группы	996	1600
	Артист 2 категории 1 группы.	600	980
	Артист 2 категории 2 группы	600	790
	Артист 3 категории 1 группы	500	410
1959-1960.	Главный режиссер	1980	3600
	Режиссер	1800	1800
	Артист 1 категории 1 группы	1440	1560
	Артист 2 категории1 группы.	1020	1080
	Артист 2 категории 2 группы	900	840
	Артист 3 категории 1 группы	660	720

Писатели и художники, занимавшиеся свободным творчеством, за свой труд получали гонорары. За публичные выступления писатели-дальневосточники не получали гонораров, тогда как писатели Москвы имели такую возможность. Гонорар получали за издание своих произведений, а также за исполнение, написанных драматических произведений. Гонорарные ставки центральных издательств были больше, чем ставки краевых издательств, поэтому, по утверждению ответственного секретаря Хабаровского отделения Союза писателей В. Н. Александровского, доходы хабаровских писателей были ниже, чем московских. Однако в 1957 году гонорарные ставки всех издательств были уравнены.

Гонорар за публичное исполнение драматических и музыкально-драматических произведений выплачивался авторам на основе закона об авторском праве 1928 года. Данный закон предусматривал отчисления драматургам, переводчикам и инсценировщикам за публичное исполнение их произведений равного процента отчислений — 1,5% с валового сбора за каждый акт пьесы, что в среднем составляло от 4,5 до 6% валового сбора с каждого спектакля в зависимости от количества актов в пьесе. Так, в 1954 году гонорар авторам пьес — писателям-дальневосточникам составлял 6000-8000 рублей за одно произведение. Однако закон уравнивал оплату труда писателей с оплатой труда переводчиков и инсценировщиков, чей труд менее сложен.

В 1957 году Постановлением Совета Министров СССР были изменены ставки авторского гонорара за драматические и музыкально-драматические произведения. Авторы оригинальных произведений, согласно новому закону стали получать большие отчисления, чем переводчики драматических и музыкально-драматических произведений. Так, размер отчисления с валового сбора, поступавшего с продажи билетов за исполнение одного произведения автору многоактной пьесы в прозе, составлял 4%. Переводчику отчисления за исполнение многоактной зарубежной пьесы на русском языке составляли 1%. В целом, необходимо отметить, что доходы за драматические и музыкальные произведения поступали по мере создания этих произведений, а процесс творчества трудоемок, сложен. Указанные цифры — суммы общего дохода автора того или иного произведения. Распределив всю сумму на каждый месяц, получим ежемесячный минимальный доход, поэтому, несмотря на кажущиеся, на первый взгляд, значительные суммы отчислений, драматурги, композиторы были вынуждены искать дополнительный заработок для обеспечения семьи.

Система оплаты труда художников имела свои особенности. До 1949 года существовала система государственных заказов и оплаты труда по договорам. В 1949 году практика государственных заказов и авансирования труда художников была ликвидирована. С этого времени заключение договоров с художниками почти прекратилось. Художественному фонду СССР было запрещено приобретать у художников готовые произведения. Основной формой их реализации являлась комиссионная продажа через салоны-магазины Художественного фонда СССР и кооперативные художественные организации, а также приобретение небольшого числа произведений Государственной закупочной комиссией после их завершения и экспонирования на выставках. Таким образом, те художники, что не состояли на штатной работе, не имели сбережений, испыты-

вали значительные материальные затруднения.

В 1954 году Министерство культуры СССР внесло на рассмотрение Совета Министров СССР ряд предложений по улучшению организации труда художников. Среди них было предложение разрешить Министерству культуры заключать договоры с живописцами, скульпторами на создание новых произведений изобразительного искусства и авансировать их в процессе работы. В результате система государственных заказов была восстановлена. Государство стало ежегодно выделять Министерству культуры СССР 35-40 млн рублей на заказы и приобретение произведений художников. Отпускаемые средства Министерство культуры СССР распределяло по республикам. После выставок и между выставками художники могли реализовывать свои произведения. Художники-дальневосточники заключали договоры с краевыми и областными управлениями культуры, с отделениями Художественного фонда. Так, в 1959, 1960 годах художники Хабаровского отделения Союза художников заключили с краевым Управлением договоры на суммы соответственно 20 тысяч рублей, 15 тысяч рублей.

Художники, находившиеся в штатном расписании мастерских Художественного фонда, музеев, телестудий, получали ежемесячный оклад. Их заработок был небольшой, но, стабильный, ежемесячный.

Государством было предусмотрено пенсионное обеспечение творческих работников. Совет Министров СССР Постановлением № 946 от 7 августа 1957 года установил, что пенсии по старости и по инвалидности писателям, композиторам, работникам изобразительных искусств, состоящими членами творческих союзов, назначаются по нормам, предусмотренным для рабочих и служащих.

Помимо условий, необходимых для творческой деятельности, художественная интеллигенция, как и миллионы советских граждан, нуждалась в нормальных условиях быта. Остро стоял вопрос обеспечения жильем театральных работников региона, художников, композиторов. Многие творческие работники театров и филармоний находились в крайне неблагоприятных жилищно-бытовых условиях.

Таким образом, материально-производственная база учреждений культуры на Дальнем Востоке в 1950-х годах была неудовлетворительная. Отсутствие производственных помещений, необходимого оборудования и материалов, недостаточное финансирование затрудняло творческий процесс. Однако партийно-государственное руководство предпринимало меры, направленные на улучшение условий труда и быта художественной интеллигенции. В среде художественной интеллигенции можно выделить слой руководящих работников — главных режиссеров театров, художественных руководителей, ответственных секретарей творческих союзов, которые имели больший доход по сравнению с основной массой творческих работников. На Дальнем Востоке в процессе организации труда и быта творческих работников действовал также принцип необходимости — если творческие организации остро нуждались в творческом работнике, то по мере возможности ему создавались необходимые условия труда и быта. Используя критерий — способ получения дохода, в среде художественной интеллигенции Дальнего Востока можно выделить слой, основным источником доходов которого являлся гонорар, и слой, основным источником доходов которого являлся фиксированный оклад. Необходимо отметить, что отсутствие регулярного заработка той части интеллигенции, что жила на гонорары, делало их доходы крайне нестабильными. В среде художественной интеллигенции, получавшей фиксированные оклады, самые маленькие доходы были у творческих клубных работников, у артистов низких категорий. М. Р. Зезина, исследуя материальное положение художественной интеллигенции в СССР, отмечала, что она страдала от социальной незащищенности. Представляется, что особенно от социальной незащищенности страдала та часть интеллигенции, что получала гонорары. В случае болезни и временной нетрудоспособности писатели и художники, занимавшиеся свободным творчеством, оставались без средств к существованию. В стране существовали механизмы оказания финансовой помощи через творческие организации, однако размер помощи зависел от имевшихся в распоряжении дальневосточных творческих союзов средств. Парадокс системы руководства искусством состоял в том, что, признавая во всех своих постановлениях, что художественная интеллигенция — это идеологический помощник партии, КПСС в вопросах обеспечения материальных условий труда и быта творческих работников ставила их на одно из последних мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортников, С. Д. Художественная интеллигенция Сибири (1961-1980 гг.)/С. Д. Бортников. — Барнаул: Изд-во Ал-го гос. ин-та искусств и культуры, 1997. — 136 с.
2. Зезина, М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 1960-е годы/М. Р. Зезина. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 398 с.
3. Иващенко, Л. Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России. 1917 — середина 1980-х годов: Очерки/Л. Я. Иващенко. — Владивосток: Дальнаука, 1995. — 223 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК. Ф. П-30. Оп. 14. Д. 28. Л. 49-50.
2. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 3. Д. 1549. Л. 26.
3. ГАХК. Ф. Р-1384. Оп. 2. Д. 212. Л. 215-261.

Петрова О. А. 07.00.02

MS.O. A. PETROVA

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НА ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. PROCEDURE FOR RESETTLEMENT OF PEOPLE IN THE RUSSIAN FAR EAST AT THE END OF XIX AND THE BEGINNING OF XX CENTURIES

Петрова Ольга Александровна — ассистент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: petr0va@mail.ru

Ms. Olga A. Petrova — Associate Professor at the Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: petr0va@mail.ru

Аннотация: В статье проанализирован порядок осуществления переселений на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. Переселение представлено в качестве организованного процесса. В нем приняли участие представители различных социальных слоев: казаки, крестьяне, солдаты, рабочие, каторжане. Переселение проводилось в добровольном и принудительном порядке, имело свои цели.

Summary: The paper analyzes the procedures used for resettlement of people into the Russian Far East at the end of XIX — early XX c. The resettlement of people to the region is presented as an organized process/procedure. It involved representatives of different social classes: kazaks, peasants, soldiers, industrial workers and convicts. The resettlement was carried out in both voluntary and compulsory forms and had its specific purposes.

Ключевые слова: Переселение, Дальний Восток, порядок, добровольный, принудительный, социальные слои

Keywords: resettlement, Far East, procedure, voluntary, compulsory, social class

Во второй половине XIX в. в России стала активно осуществляться переселенческая политика. Россия не относилась к числу стран, участвующих в переделе мира, и к XIX веку не имела внешних колоний. Расширение государственных границ проводилось за счет освоения внутренних территорий.

Переселения на дальневосточные территории осуществлялись в добровольном и принудительном порядке. В данном процессе были задействованы представители различных социальных слоев. Добровольно на Дальний Восток ехали крестьяне, казаки, отставные солдаты, рабочие. Принудительная колонизация восточной окраины проводилась за счет каторжан, ссыльнопоселенцев, в первое время казаков.

Первыми стали осваивать Приамурский край казаки. Их систематические переселения на Дальний Восток начали осуществляться с середины 50-х годов XIX века. Казачья колонизация имела свои особенности. Она проходила под контролем и при участии государства, включала три этапа переселения.

Первый этап казачьего переселения осуществлялся в 1855-1862 гг. В указанный период времени колонизация носила принудительный характер — водворение казаков осуществлялось по жребию.

Казакам, переселяемым в принудительном порядке, выдавались денежные пособия в размере 15 рублей и пособия в натуральной форме в виде пайка, рассчитанного на 2 года. В переселении казаков царское правительство видело две цели: главную — заселение и хозяйственное освоение восточной окраины страны, обеспечение безопасности границ; дополнительную — увеличение численности казачьего населения края.

Для реализации этих целей на основании Именного указа, подписанного императором 29 декабря 1858 года, было образовано Амурское казачье войско [1]. Дополнением к этому указу стало «Положение об Амурском казачьем войске» принятое 1 июня 1860 года и определившее основы землепользования [2].

Принудительность казачьей колонизации заключалась не только в способе подбора переселенцев, но и в методах их водворения на месте. Казачьи станицы размещались вдоль границы по рекам Амур и Уссури в местах, которые им были указаны. Поселения устраивались на одинаковом удалении друг от друга — 20-30 верст. При этом не учитывались хозяйственные интересы казаков.

С 1879 г. водворение казаков стало проходить в добровольном порядке. Территорией для вселения был выбран Южно-Уссурийский край, где было сформировано самостоятельное Уссурийское казачье войско. Главная цель переселения казаков на данном этапе — хозяйственное освоение райо-

Материал поступил 21. 01. 2010 г.

на южного Приморья, обеспечение охраны границ от сопредельных азиатских государств. Дополнительная цель — повышение благосостояния казачества. Реализация последней проводилась за счет увеличения денежного пособия до 50 р.

Начало третьего этапа казачьей колонизации датируется 1895 г. Массовый приток данного сословия в Сибирь и на Дальний Восток был обусловлен необходимостью обеспечения безопасности со стороны Китая только что построенной Сибирской железной дороги. Законодательным актом, регламентирующим порядок осуществления переселений, стал закон «О заселении казаками пограничной полосы Приамурского края» [3]. Согласно его положениям, по прибытии на место водворения казаки освобождались от земских повинностей на 3 года, от станичных повинностей на год и от службы в первоочередных частях — на 5 лет. Кроме того, они получали ссуду на домообзаведение в размере 600 р. и в течение года снабжались провиантским довольствием.

По численности казачья колонизация не стала самой масштабной. В 1862 году в Амурской области насчитывалось 67 станиц с населением 11,8 тыс. человек, в Приморской области — 23 станицы с населением 5 тыс. человек [16, 388]. В 1908 году на Дальнем Востоке казачье сословие насчитывало 7 тыс. казачьих семей [13, 90].

Вместе с тем, меры социальной политики, направленные на закрепление населения в регионе, позволили, во-первых, сформировать на Дальнем Востоке казачье сословие, во-вторых, как следствие, сделать край военным форпостом на востоке страны.

Помимо казаков в принудительном заселении восточных окраин были задействованы ссыльнопоселенцы. Краем каторги и ссылки Дальний Восток становится во второй половине XIX в. Местом наибольшего сосредоточения преступного элемента являлись Нерчинско-Заводской округ Забайкальской области и остров Сахалин. Общее число ссыльнокаторжных в Приамурском крае в 1895 году составило 11192 чел. [13, 90]. В числе прибывающих на Дальний Восток арестантов были представители различных сословий: ремесленники, фабричные рабочие, горожане.

Официальное решение о создании всероссийской каторги на о. Сахалин относится к 1875 г. Учреждая здесь каторгу, царское правительство преследовало экономические и политические цели. В период существования на острове главной российской каторги экономика Сахалина получила определенное развитие, хотя и достаточно слабое. Благодаря труду каторжан были построены населенные пункты острова, освоены месторождения полезных ископаемых, проведены телеграфные линии, обработаны большие площади земли, возведены морские причалы. Кроме того, заселение преступниками острова способствовало закреплению этой территории за Россией.

Определенный вклад в становление экономики острова внесли крестьяне из ссыльных — бывшие каторжане, пожелавшие остаться в регионе после окончания срока каторжных работ. Крестьяне из ссыльных привлекались к развитию сельскохозяйственной отрасли. Для этого администрацией острова производился активный поиск новых земельных участков. С 1879 г. скупка хлеба у местных поселенцев приобрела регулярный характер.

За время существования на Сахалине всероссийской каторги, которая была упразднена царским правительством в 1906 году, здесь отбыли наказание 30 тыс. осужденных [12, 113].

В заселении Дальнего Востока, осуществляемого на добровольных началах, главная роль принадлежала крестьянским переселениям. Принято выделять шесть основных этапов крестьянской колонизации: 1861-1881, 1882-1891, 1892-1900, 1901-1905, 1906-1913, 1914-1917 гг.

В 1861-1881 гг. переселение крестьян осуществлялось своекоштно, сухопутным путем, без оказания со стороны государства помощи переселенцам в пути. Большое внимание уделялось составу переселенческого контингента. Приоритет в переселении отдавался сильным, зажиточным крестьянам. Одинокие, малоимущие лица, а также семьи с большим количеством пожилых и детей к переселению не допускались. На данном этапе переселение регламентировалось законом от 26 марта 1861 г. «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [4]. Он предусматривал освобождение от отбывания рекрутской повинности в течение 10 наборов, от платы за пользование землей — на 20 лет, от подушной подати — навсегда. Кроме того, крестьяне получали бесплатно во временное пользование на 20 лет до 100 десятин земли на одну семью с правом последующего выкупа в собственность.

Действие закона продлилось до 1882 г. 26 января 1882 г. был принят закон «О некоторых изменениях в правилах и льготах переселенцам в Приамурском крае» [5]. Он продлял действие правил от 26 марта 1861 года еще на 10 лет, но предусматривал дополнительную льготу для засельщиков — освобождение от земских повинностей на 3 года.

Второй этап крестьянской колонизации начался в 1882 г. и продлился до 1891 г. В указанный период времени правительство проводило активную переселенческую политику с использованием морских перевозок за казенный счет. Переселение крестьян таким способом решало важную политическую задачу — заселение Южно-Уссурийского края ускоренными темпами, вызванное угрозой захвата территорий со стороны соседних азиатских стран. Кроме того, водворение новоселов осуществлялось сухопутным путем за собственный счет с предоставлением соответствующих льгот на местах. Крестьяне получали участок земли в размере не менее 15 десятин на человека, но не более 100 десятин на семью с правом выкупа в собственность по 3 р.

за десятину; освобождались от государственных податей и повинностей на 5 лет; из средств казны получали 100 р. на заготовку материалов для постройки жилья.

Третий этап колонизации Дальнего Востока (1892-1900 гг.) характеризовался ускоренными темпами крестьянских переселений за счет строительства Уссурийской ветки Сибирской железной дороги. Главным стимулом по-прежнему являлись большие земельные наделы, получаемые крестьянами на месте водворения.

На третьем этапе колонизации, как и на двух предыдущих, политика государства по переселению крестьян реализовывалась на основании законодательных актов. Так, 18 июня 1892 г. было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продлении действия правил, касающихся переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, об изменениях и дополнениях этих правил» [6]. Основными льготами по этому закону являлись освобождение на месте нового водворения от казенных платежей и земских денежных сборов на 5 лет; в течение следующих 5 лет после водворения — обложение в половинном размере; списание с переселенцев недоимок в казенных сборах.

Переселенческое движение на Дальний Восток в период с 1901 по 1905 годы было обусловлено разорением крестьянских хозяйств, ростом крестьянских волнений в центральных и южных районах страны. В целях предотвращения революционного кризиса правительство издало 6 июня 1904 года «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев на казенные земли» [7]. Этот закон предусматривал свободное переселение малоимущих крестьян без всяких правительственных льгот и без содействия переселенцам в устройстве на новых местах. Помощью могли пользоваться лишь лица, переселившиеся в места, указанные правительством, из мест, где это признавалось царской администрацией необходимым. Закон 6 июня 1904 года рассматривал переселение как средство смягчения аграрного кризиса в центральных районах страны (рис. 1).

Для безземельных и малоземельных крестьян переселение было одной из форм поисков средств существования. Их гнала сюда помещичья кабала, стремление возродить на новом месте мелкое крестьянское хозяйство.

В 1906-1913 годах поток переселенцев на Дальний Восток резко возрос. Данное обстоятельство было обусловлено переворотом в аграрной политике России.

В ходе проведения столыпинской аграрной реформы крестьяне получили право закрепить свой индивидуальный надел в частную собственность. Для достижения этой цели правительством был разработан ряд мер: разрушение общины, землеустройство с насаждением хуторов и отрубов, переселение части крестьян на окраины страны.

Рис. 1. Крестьяне — переселенцы в начале XX в

Ускорению переселенческого процесса способствовало принятие 10 марта 1906 года Высочайше утвержденного положения Совета Министров «О порядке применения в 1906 году закона 6 июня 1904 года о переселении сельских обывателей и мещан земледельцев на казенные земли» [8].

Согласно данному положению, переселенцы и ходоки получали ходаческие или проходные свидетельства на льготный проезд без ограничений. На этапе 1906-1913 годов основная масса переселенцев представляла обездоленную крестьянскую бедноту из наиболее беспокойных губерний.

В годы I-й мировой войны число переселенцев резко сократилось. Это было связано с мобилизацией крестьян в армию и с тем, что вследствие роста военных перевозок с августа 1914 года царское правительство прекратило выдачу крестьянам ходаческих свидетельств и ликвидировало льготные тарифы при проезде. На этапе 1914-1917 годов переселенческая политика царским правительством фактически не осуществлялась.

В заселении и освоении края немаловажную роль сыграла промышленная колонизация, которая также проводилась в добровольном порядке. Для развития экономики и социальной сферы региона требовалось постоянное привлечение сюда квалифицированной рабочей силы. Вместе с тем, дореволюционная Россия не имела опыта промышленной колонизации окраин, и до начала XX века приток рабочих на Дальний Восток осуществлялся в недостаточном размере.

Особенно много усилий царское правительство затратило на привлечение на Дальний Восток рыбаков из Астраханской, Таврической, Новгородской и Олонецкой губерний. Семьям переселенцев предоставлялись ссуды в размере от 800 до 1000 р. [14, 23]. Но все эти промышленные переселения не привели к ожидаемым результатам.

Характерной особенностью промышленной колонизации Дальнего Востока в конце XIX века явля-

лось то, что значительная часть прибывающих сюда рабочих и рыбаков была занята, главным образом, не в сфере производства и рыбном промысле, а в сельском хозяйстве и в торговле. Кроме того, по сословной принадлежности подавляющее большинство рабочих являлись крестьянами, что негативно сказывалось на процессе формирования дальневосточного пролетариата.

Только после русско-японской войны стало ясно, что отсутствие современной фабрично-заводской промышленности и квалифицированных кадров остро сказывается на освоении и заселении Дальнего Востока и, как следствие, на социальной политике государства. В связи с этим в Приамурском крае принимались меры к расширению казенных работ, пересматривались законы по рабочему вопросу.

В целях создания условий для привлечения на Дальний Восток русских рабочих органами власти велась политика по ограничению труда иммигрантов. В 1908 году в Особом журнале Совета Министров было опубликовано решение о запрете переселения иностранцев, если они попадают в категории следующих лиц: больных; старше 60 лет; до 15 лет без родителей [9, 160]. В дополнение к этому решению 21 июня 1910 года был принят закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» [15, 15], запрещающий найм иностранной рабочей силы на казенные работы.

В качестве материальной помощи для рабочих устанавливался пониженный тариф за проезд к месту водворения, вводился ряд льгот. Например, пожелавшим остаться в крае для дальнейшего проживания предоставлялись земельные участки. Тем самым царское правительство пыталось задержать рабочих в крае.

Общее число рабочих на Дальнем Востоке в начале XX в. составило 246, 1 тыс. человек [11, 201].

Наконец, образование российского социума на Дальнем Востоке происходило благодаря добровольным переселениям военнослужащих. Солдаты и матросы были среди первых поселенцев Амура, Сахалина, Южно-Уссурийского края. Чтобы задержать демобилизованных в крае, царское правительство ввело ряд льгот.

В 1893 году запасным нижним чинам было разрешено по увольнению в запас оставаться в крае на временное жительство с сохранением за ними в течение трех лет права возвратиться на родину за казенный счет. В 1897 году указанный льготный срок был увеличен до пяти лет. В результате в 1897 году в крае числилось более 15000 уволенных в запас нижних чинов [10, 7].

В 1896 году запасным нижним чинам, оставшимся в крае на жительство, были предоставлены все существующие льготы для сибирских переселенцев и право получения единовременного пособия. В этом же году нижним чинам, состоящим на службе в Приамурском крае, было разрешено вступать в брак и выписывать за казенный счет свои семьи. Ушедшие в запас солдаты и матросы оседали преимущественно в городах, пристанционных и рабочих поселках, а также в сельских поселениях, приписываясь к крестьянским обществам.

Таким образом, переселенческая политика, проводимая царскими властями в конце XIX — начале XX в., осуществлялась на основании личного согласия изъявивших желание водвориться в далекий край, а также в принудительном порядке. В переселенческой политике приняли участие представители различных социальных слоев общества. На рубеже веков Дальний Восток представлял собой многосословный регион. Благодаря добровольным и принудительным переселениям правительству России удалось сохранить за собой влияние на восточных окраинах, сделать край не только мощным форпостом страны, но и экономически значимой территорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСЗ. II. Т. XXXIII. 1860. Отд. II. №33988.
2. ПСЗ. II. Т. XXXV. 1860. №35857.
3. ПСЗ. III. Т. XIV. 1894. №10728.
4. ПСЗ. II. Т. XXXVI. 1861. №36928.
5. ПСЗ. II. Т. II. 1882. №633.
6. ПСЗ. III. Т. XII. 1892. №8755.
7. ПСЗ. III. Т. XXIV. 1904. №24701.
8. ПСЗ. III. Т. XXVI. 1906. №27150.
9. Васильченко, О.А. Государственная политика по переселению семей и организации их жизнедеятельности на Дальнем Востоке (1860-1941 гг.)/О.А. Васильченко. — Ива-ново, 2005. — 384 с.
10. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Духовского за 1896-1897 гг. — СПб., 1898. — 69 с.
11. Галлямова, Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — нача-ле XX вв./Л.И. Галлямова. — Владивосток, 2000. — с. 222.
12. Кораблин, И.К. Штрафная колонизация Дальнего Востока России (исторический опыт административного и организационно-правового управления всероссийской каторгой на острове Сахалине во второй половине XIX — начале XX вв.)/И.К. Кораблин // Власть и управление на Востоке России. — 2004. — №3. — С. 109-126.
13. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. — М., 1909. — 922 с.
14. Рыбаковский, Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет/Л.Л. Рыбаковский. — М., 1990. — 138 с.
15. Сборник узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при правительст-вующем Сенате. — СПб., 1910. №1290. — 499 с.
16. Шперк, Ф. Россия Дальнего Востока/Ф. Шперк. — СПб., 1885. — 503 с.

Булавенко О. А., Миханев В. И.
O.A.Bulavenko, V.I.MIkhaneev

13.00.08

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА
ESSENTIAL PROPERTIES OF PROFESSIONAL COMPETENCE TODAY

Булавенко Олег Анатольевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры экономики и финансов, заместитель декана факультета экономики и менеджмента Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: fem@knastu.ru

Oleg A. Bulavenko — Doctor in Education, Professor at the Department of Economics and Finance, Deputy-Dean of the Faculty of Economics and Management, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: fem@knastu.ru

Миханев Владислав Иванович — подполковник, заместитель начальника отдела ГИБДД УВД (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: o-bul@mail.ru

Vladislav I. Mikhanev — Lieutenant Colonel, Deputy Head of the Federal Road Safety Inspectorate of the Internal Affairs Ministry (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: o-bul@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о компетентности специалистов любой области. Представлен анализ некоторых определений компетентности и специалиста. Приведен пример экономической подготовки студентов с определением компонентов и составляющих специалиста в области экономики.

Summary: The paper is concerned with the issue of professional competence in any area. It presents a review and analysis of a number of definitions of what «competence" and "professional specialist" are. An example of education/training for students of economics is provided with a definition of the components of an "expert in the field of economics".

Ключевые слова: потребительское общество; компетентность; профессиональная компетентность; компетентности экономиста; модель компетентного экономиста.

Keywords: consumer society; competence; professional competence; competence of an economist; model of a competent economist.

В условиях потребительского общества вопрос о компетентности возникает достаточно часто. Никогда вопрос о компетентности не встает так остро, как в случае, когда речь идет о профессиональном становлении специалиста. Общество твердо уверено, что люди, предлагающие услуги в области экономики, здравоохранения, образования, обороны и т. д., должны быть компетентны, равно как и те, кто их учит.

При определении компетентности внимание уделяется трем аспектам:

1. Степень овладения нужными умениями и навыками.
2. Юридическое соответствие специалиста.
3. Опыт специалиста для ведения профессиональной деятельности.

Понятие «компетентность» весьма ёмкое, поскольку не определяет точной степени мастерства. Этот термин может использоваться для обозначения минимального, приемлемого, оптимального или высшего уровня квалификации. Однако не это обычно понимается под «компетентностью». В традиционном понимании компетентность приобретает существенное оценочное значение, т. к. большинство профессиональных ассоциаций и органов лицензирования отстраняют от практической деятельности тех, чья некомпетентность доказана. Что касается компетентности при использовании таких навыков, которые можно выявить, применив те или иные критерии оценки выполнения операций, то ее можно определить с достаточной степенью уверенности. Когда же компетентность определяется в профессии, то ей сложно дать четкую характеристику.

У психологов и педагогов компетентность обычно рассматривается в аспекте предоставления профессиональных услуг.

Определение профессиональной компетентности тесно связано с вопросом, что собой представляет какая-то профессия. Лица той или иной профессии должны служить обществу и иметь для него значение, обладать большим объемом знаний и, как правило, пользоваться исключительными правами, предостав-

Материал поступил 02. 03. 2010 г.

ленными им обществом. Профессия как род деятельности, однако, заключается в обладании конкретными знаниями и определенными навыками. Эти навыки можно оценивать непосредственно, используя специальные критерии для определения степени адекватности выполнения операций. Для оценки на основе выполнения операций необходимо иметь доказательство того, что специалист обладает необходимым количеством навыков. Хотя эти навыки можно приобрести и в школе, многие усваивают их, работая в качестве учеников и ассистентов до тех пор, пока не достигнут уровня компетентности, позволяющего самостоятельно осуществлять профессиональную деятельность.

Джеральд Кучер анализирует понятие компетентности и высказывает сомнения в том, что современные методы удостоверения квалификации способны разграничить минимальный и высший уровни компетентности. Он отмечает, что компетентность может варьироваться в зависимости от предлагаемой профессиональной услуги, и тогда не лишена оснований мысль, что, возможно, было бы лучше рассматривать компетентность как состояние, а не как характерную черту.

Дэниел Б. Хоган говорит, что прогнозировать компетентность сложно. Он считает, что, пока мы не можем установить четкую связь между удостоверением квалификации и успешностью деятельности, трудно определить и компетентность, т.к. оценка компетентности должна определяться мерой пользы, приносимой профессионалом потребителю.

Пытаясь прояснить некоторые из вопросов, касающихся удостоверения квалификации и компетентности, мы отметим, что существует несколько важных стадий, которые должны быть пройдены до достижения компетентности:

1. Государственный экзамен (дипломный проект).
2. Лицензирование.
3. Аттестация.
4. Аккредитация.

Выделенные учеными стадии позволяют говорить о том, что соответствие университетской специализации и обучающим программам должны давать базовые знания, обязательные для всех специалистов. Хотя знания и являются важным компонентом становления профессионала, сами по себе они не гарантируют компетентность, необходимо также приобретение практического опыта под наблюдением специалистов, которые оценивают у обучающегося степень овладения соответствующими навыками и способность действовать профессионально и компетентно. В этом контексте необходимо признать, что профессия действительно подразумевает большой объем знаний, но что самого по себе владения навыками недостаточно для подтверждения компетентности. В этом случае государственный экзамен, лицензирование и аттестация подтверждают, что кандидаты приобрели базовые знания и имеют право заниматься профессиональной деятельностью.

Говоря об профессиональной подготовке и деятельности, необходимо проводить различие между компетентностью начального уровня и компетентностью высокого уровня — дальнейшей компетентности. Компетентная профессиональная подготовка подразумевает хорошую осведомленность специалиста о достижениях в своей области. Многие законы о лицензировании специалистов требуют участия в программах непрерывного образования, что является гарантией усвоения новых знаний.

Начальная профессиональная компетентность формируется на начальном и первом уровнях непрерывной подготовки экономиста, высокий уровень компетентности формируется на втором и третьем уровнях, а также в сфере профессиональной деятельности, включая аспирантуру и докторантуру.

Нас интересует подготовка на последних уровнях, при условии, если первоначальная профессиональная подготовка соответствует компетентности начального звена. Соответственно рассмотрим профессиональную компетентность высокого уровня при подготовке специалистов (на примере экономического обучения).

Современное состояние экономики любой развитой страны во многом определяется интенсивностью притока прогрессивных идей и скоростью их внедрения. Успех дела часто обусловливается квалификацией экономистов, их способностью творчески решать сложные научные, исследовательские, экономические и организационные задачи.

Требования, предъявляемые к экономистам, определяются особенностями, характеризующими их трудовую деятельность. К ним относятся: высокий уровень оснащенности, появление новых научных направлений, интернационализация, стремление к повышению уровня образования.

Высокий уровень оснащенности наблюдается во всех областях человеческой деятельности, но особенно сильное влияние на деятельность многих экономистов оказывает и будет оказывать развитие новых информационных технологий, которые позволяют реализовать быстрый и удобный доступ к большим объемам информации, надежный анализ сложившихся проблем и т.д.

Появление новых научных направлений характерно для современного состояния научной системы. С одной стороны, возникают многообразные новые научные области в рамках крупных научных направлений, формируются и развиваются новые научные направления на стыке экономических дисциплин. Существует также большое число научно-исследовательских экономических областей, которые возникают в результате проникновения теорий экономической дисциплины в другую или в результате использования теорий и методов нескольких частных дисциплин в практической экономической деятельности. С другой стороны, наблюдаются тенденции к унификации подходов, что объясняется дальнейшим развитием и использованием методов формальных наук. Точки соприкосновения между новейшим развитием науки и высоким уровнем оснащенности довольно многочисленны, частично эти тенденции как бы переходят друг в друга, так как работа во многих научных областях невозможна без использования методов и средств новых информационных технологий [262, 265].

Третья особенность — интернационализация — выражается не только в расширении торговых связей и сильной взаимной зависимости национальных экономик, но и в создании условий роста для отдельных регионов. Снятие многих межгосударственных барьеров для мобильности товаров, информации, граждан и фирм, с одной стороны, создает новые

возможности людям и фирмам для экономической деятельности, а с другой стороны, предъявляет к ним новые требования. Использование этих возможностей предполагает интенсивное изучение иностранных языков, культур, а также усвоение такого способа мышления, который позволяет учитывать культурное и языковое многообразие экономических систем. Поэтому крупные транснациональные фирмы предъявляют новые требования к претендентам на руководящие должности и экономическим кадрам. Наряду с этим меняются требования и к работникам свободных профессий, в основном за счет изменяющихся общих условий их экономической деятельности, сферы предпринимательства, коммерции, маркетинга и связей со смежными экономическими группами.

Рассматривая специальные области экономической деятельности экономистов и новые требования к ним, вытекающие из уровня оснащенности, развития науки и интернационализации, необходимо определить роль системы высшего экономического образования в формировании новых квалификаций.

Стремление выпускников школ к получению высшего экономического образования приводит к увеличению удельного веса людей с высшим экономическим образованием среди работающего населения. Это позволяет обеспечить достаточно быстрое внедрение изменений в практику, создание новых рынков и сфер активности со стороны занятых в конкуренции с подрастающим поколением, которое несёт новые знания. Наиболее характерной особенностью этого направления является усвоение научных знаний и новых приемов и методов не только молодым поколением, но и широкими слоями населения, в том числе и в процессе экономической деятельности.

Эти четыре тенденции вызвали значительные изменения в представлениях о работе и других сферах жизни, изменения в сознании и морали, которые влияют на работу и отражаются в обществе, и ведут, в свою очередь, к появлению новых требований к экономистам и к системе их подготовки.

Говоря о системе подготовки компетентных экономистов, нельзя не учитывать то, что современное экономическое образование своей целью имеет стремление дать экономисту не только необходимую подготовку, но и базу умений и навыков для продолжения учебы в течение всей жизни. Для этого основой послужит разработка концепции непрерывного экономического образования, которая должна являться новой типологической структурой. В самом общем плане она может быть представлена в качестве мобильного экономического субъекта, способного к самоопределению и саморазвитию в условиях подвижного, альтернативного и открытого общества, субъекта, у которого на основе многопланового и разностороннего экономического образования сформирована личностная позиция свободного выбора вида, способов и форм деятельности, причем усвоенных им на достаточно высоком экономическом уровне (обладание деловой компетентностью). Наконец, этот субъект должен быть подготовлен к постоянной смене своих профессиональных ориентаций (иметь высокий уровень экономической мобильности).

Возьмем за основу нового типа экономиста личность, которая бы соответствовала организации экономической деятельности в современных условиях, т. е. применим компетентностный подход к формированию личности экономиста, в основу которого могут быть положены три главных качества: активность, самостоятельность, ответственность.

Указанные качества, основанные на проявлении инициативы, собственной мысли и независимости суждения, формируют самостоятельную творческую личность в процессе самостоятельной творческой деятельности, которая должна отвечать двум главным требованиям:

- она должна быть содержательно сложной, интересной, требующей интеллектуального и эмоционального напряжения;
- она должна быть самоуправляемой, то есть с жестким внешним контролем конечного результата и с допуском широких вариаций способов его достижения.

Подготовка компетентного экономиста, отвечающего требованиям сегодняшнего дня, наделенного качествами, знаниями и умениями, необходимыми, чтобы быть конкурентоспособным и жизнеспособным, невозможна без построения соответствующей системы экономического обучения. Для достижения максимально возможного результата образования необходимо полное соответствие мотива — цели обучаемого основной цели педагогической системы: создания организованного, преднамеренного и целенаправленного влияния на формирование личности с заданными качествами [343].

Существуют различные подходы к определению компетенции экономиста. Так, например, И. А. Сасова считает, что экономист должен соответствовать трем составным частям:

1) задачам, обусловленным особенностями научно-технического прогресса — это знания и умения;

2) задачам, обусловленным особенностями общественно-политического строя страны — это научное мировоззрение, моральные качества, умение работать в общественных организациях, ориентировка в политических событиях, культура специалиста;

2) задачам, диктуемым требованиями профессии — это умения вести исследовательскую работу; умения для решения практических задач; умения решать коммуникативные проблемы.

На основе вышесказанного попробуем определить качества, знания и умения, отражающие весь объем требований к компетентности экономиста. В их число попали:

1. Качества:

— выражающие отношение к работе: трудолюбие, внимательность, творческий подход;

— характеризующие общий стиль поведения и деятельности: исполнительность, самостоятельность, верность слову, авторитетность, активность и энергичность;

— умственные способности: гибкость, прозорливость, дальновидность.

— административно-организаторские: умение создавать трудовую атмосферу, умение руководить людьми, постоять за коллектив, разбираться в людях, убеждать их;

— характеризующие отношение к людям: честность, беспристрастность, воспитанность;

— характеризующие отношение к себе: требовательность, скромность, уверенность, самосовершенствование.

2. Знания:

— профессиональные по своей экономической специальности;

— экономико-математические;

— общая культура;

— информированность об экономической деятельности, её целях, задачах и планах.

3. Умения:

— решать профессиональную экономическую задачу;

— работать с экономической литературой;

— видеть задачу;

— обучать работе;

— ориентироваться в работе;

— опытность;

— проводить профессиональную экономическую политику;

— осуществлять взаимодействие с другими сферами деятельности;

— объяснять профессиональную задачу;

— планировать экономическую деятельность.

Определив требования к компетентности современного экономиста, можно предположить, что для каждого вида экономической деятельности (компетентности) необходимо определить само понятие «экономическая компетентность» на основе формирования качеств, знаний и умений, что на сегодняшний день остается до конца не изученным и неопределенным с точки зрения профессиональных наук.

Вопросы экономической компетентности рассматриваются в работах как отечественных, так и зарубежных ученых (Е. П. Белозерцев, В. Ландшеер, В. П. Пугачев, Н. К. Сергеев, М. А. Чошанов). Современные подходы и трактовки экономической компетентности весьма различны. Существующие на сегодняшний день в зарубежной литературе определения экономической компетентности как «углубленного знания», «состояния адекватного выполнения задачи», «способности к актуальному выполнению деятельности» (G. K. Britell, R. M. Jueger, W. E. Blank) и другие не в полной мере конкретизируют содержание этого понятия. Данная проблема активно изучается также и отечественными учеными 90-х годов. Чаще всего это понятие употребляется интуитивно для выражения высокого уровня квалификации и профессионализма экономиста. Если попытаться определить место компетентности в системе уровней экономического мастерства, то она находится между исполнительностью и совершенством. Некоторые ученые (Н. Розов, Е. В. Бондаревская) рассматривают данную категорию как производный компонент «общекультурной компетентности». Ряд ученых трактуют её как «уровень образованности специалиста» (Б. С. Гершунский, А. Д. Щекатунова). Т. Г. Браже и Н. И. Запрудский под экономической компетентностью понимают системное явление, включающее знания, умения, навыки, профессионально значимые качества личности специалиста, обеспечивающие выполнение им собственных профессиональных обязанностей. В. П. Пугачев в «Управлении персоналом» рассматривает экономическую компетентность как характерное качество подготовки специалиста, потенциал эффективности трудовой деятельности. Под ней автор понимает «техническую» подготовленность работника к выполнению профессиональных функций, связанных со специализацией».

Итак, с учетом анализа существующих в отечественной и зарубежной науке исследований по вопросу экономической компетентности можно уточнить рассматриваемое понятие для специалистов экономического профиля. В соответствии со сказанным, компетентность экономиста можно представить как качественную характеристику личности экономиста, которая включает систему научно-теоретических знаний, в том числе специальных знаний в области экономики, профессиональных умений и навыков, опыта, наличие устойчивой потребности в том, чтобы быть компетентным экономистом, наличие интереса к профессиональной компетентности своего профиля.

Следует отметить, что сущностные характеристики компетентности экономиста нельзя рассматривать изолированно, поскольку они носят интегративный, целостный характер и являются продуктом экономической подготовки в целом.

Таким образом, выделим следующие компоненты компетентности экономиста: мотивационно-волевой, функциональный, коммуникативный и рефлексивный.

Раскроем каждый из них с учетом специфики профессии экономиста.

1. Мотивационно-волевой компонент.

Во-первых, он включает в себя: мотивы, цели, потребности, ценностные установки актуализации в экономической компетентности, стимулирует творческое проявление личности в экономической компетентности; предполагает наличие интереса к указанной категории, который характеризует потребность личности экономиста в знаниях, в овладении эффективными способами формирования экономической компетентности.

Во-вторых, включает в себя способность к экстравертности и доминированию. Эта способность позволяет усиливать влияние на других людей, поскольку экстравертные люди способны выдерживать большую социальную нагрузку, а с другой стороны, социально ориентированная способность доминировать подразумевает умение добиваться своего путем убеждений, координации и разъяснений.

В-третьих, подразумевает приложение дополнительных усилий для уменьшения вероятности неудачи, а также мобилизацию энергии, проявление настойчивости, активность и умение выдерживать нагрузки, упорство при выполнении сложных заданий, целеустремленность, т. е. характеризует волевую сторону поведения и неразрывно связан с волей человека.

2. Функциональный (от лат. functio — исполнение, осуществление) — компонент, в котором преломляются первичные значения экономической компетентности как «осведомленность», «знания, опыт» и т. д. и который представляет собой систему приобретенных в вузе знаний с учетом их глубины, объема, стиля мышления, нормы этики, социальных функций экономиста. В основе подготовки экономиста лежит овладение функциональными профессиональными знаниями, а именно теоретико-методологическими знаниями из области гуманитарных, мировоззренческих, собственно профессиональных наук, универсальными способами познания и практической

деятельности. Фундаментальные знания предполагают «преобразование структуры и содержания научного знания, установления таких связей между учебными дисциплинами, которые позволяют формировать у экономистов целостное представление о деятельности в области экономики, что повышает степень применяемости знаний, активное их использование» [38]. Поэтому студент должен овладевать как программным, так и дополнительным материалом, что позволит повысить его общую эрудицию, информированность в различных областях экономики и сделает его компетентным специалистом.

Следовательно, в основу функциональной компетентности специалиста экономического профиля входит приобретенный синтез знаний: гуманитарных, социально-экономических, естественнонаучных, общепрофессиональных специальных и специализирующих экономических дисциплин; навыков творческой деятельности специалиста, — трансформирующийся из потенциального в реальное, деятельностное состояние. Данный компонент функционирует в виде способов деятельности, необходимых экономисту для проектирования собственной технологии управления и организации в экономической деятельности, конструирования логики экономического процесса, приемов самостоятельного и мобильного решения экономических задач, генерирования идей, нестандартного мышления, что в целом способствует повышению его самообразованности и профессионализма.

3. Коммуникативный (от лат. communico — связываю, общаюсь) компонент компетентности включает умения ясно и четко излагать мысли, убеждать, аргументировать, строить доказательства, анализировать, высказывать суждения, передавать рациональную и эмоциональную информацию, устанавливать межличностные связи, согласовывать свои действия с действиями коллег, выбирать оптимальный стиль общения в различных деловых ситуациях, организовывать и поддерживать диалог. Следует заметить, что компетентность экономиста предполагает также включение в коммуникативный компонент следующих умений:

— умения проведения деловых встреч и бесед;
— умения проведения деловых совещаний;
— умения ведения деловой переписки;
— умения общаться,
— умения слушать.

Кроме этого, компетентный экономист должен владеть деловым этикетом, обладать культурой речи. Помимо вышеперечисленных, в состав коммуникативного компонента следует включить также умения обсудить проект, план, программу, технологический процесс, принять участие в создании совместных проектов, реконструкции производства, выступить с отчетом, докладом.

Коммуникативные способности проявляются в сотрудничестве и коллективной экономической деятельности. К ним относятся: способность понимать взаимоотношения людей, адекватно воспринимать ситуацию общения, использовать опыт других; способность понимать партнеров по общению, их мотивы и цели; способность к сотрудничеству; способность отстаивать свою точку зрения; способность прогнозировать межличностные события, знать основные приемы общения; способность избегать конфликтов в общении.

Таким образом, коммуникативная компетентность экономиста становится одним из приоритетных качеств современного специалиста экономического профиля, поскольку различные виды деятельности в экономике (управленческая, организационная, производственно-технологическая, проектная) осуществляются в непосредственном контакте с людьми. А так как деятельность экономиста характеризуется установлением бесконечного многообразия отношений с социальной средой (Б. А. Душков, Б. Ф. Ломов, Б. А. Смирнов), экономическое общение становится одной из главных сторон компетентности экономиста и во многом определяет его успех в профессиональной экономической деятельности. Поэтому обязательным профессиональным качеством для каждого выпускника экономического факультета и вуза должно стать умение работать с людьми. Кроме того, подготовка к общению должна стать неотъемлемой частью экономической подготовки широко образованного специалиста экономического профиля, а способность к организации профессионального общения в экономической среде — одним из основных требований к современному экономисту.

4. Рефлексивный (от позднелат. reflexio — обращение назад) компонент проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений; сформированность таких качеств и свойств, как креативность, инициативность, нацеленность на сотрудничество, сотворчество, уверенность в себе, склонность к самоанализу, способность к предвидению, инициативному, критическому и инновационному рефлексированию и прогнозированию результатов деятельности и отношений, творческому воображению, а также профессионально-значимых знаний, умений и навыков. Рефлексивный компонент является регулятором личностных достижений, поиска личностных смыслов в общении с людьми, самоуправления, мобильности, побудителем самопознания, профессионального роста, совершенствования мастерства, смыслотворческой деятельности, развития рефлексивных способностей и формирования индивидуального стиля работы.

Выделение рефлексивного компонента очень важно, поскольку этот компонент определяет уровень развития самооценки, понимания собственной значимости для других людей, ответственности за результаты своей деятельности, познания себя и самореализации в процессе профессиональной деятельности.

Все вышеперечисленные компоненты интегрируются в одно наиболее синтезированное образование, коммуникативно-функциональную компетентность экономиста, являющуюся интегративным качеством личности экономиста.

Следует отметить, что предложенная структура компетентности экономиста касается специалистов, прошедших непрерывную подготовку в предложенном нами объединении, поэтому, начиная с первого этапа обучения, нужно, прежде всего, развивать у обучаемых мотивационную сферу (интерес, осознанность выбора профессии и др.). Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что в процессе подготовки экономиста в области экономических знаний, умений и навыков необходимо учитывать типологии компетентности экономиста, а именно:

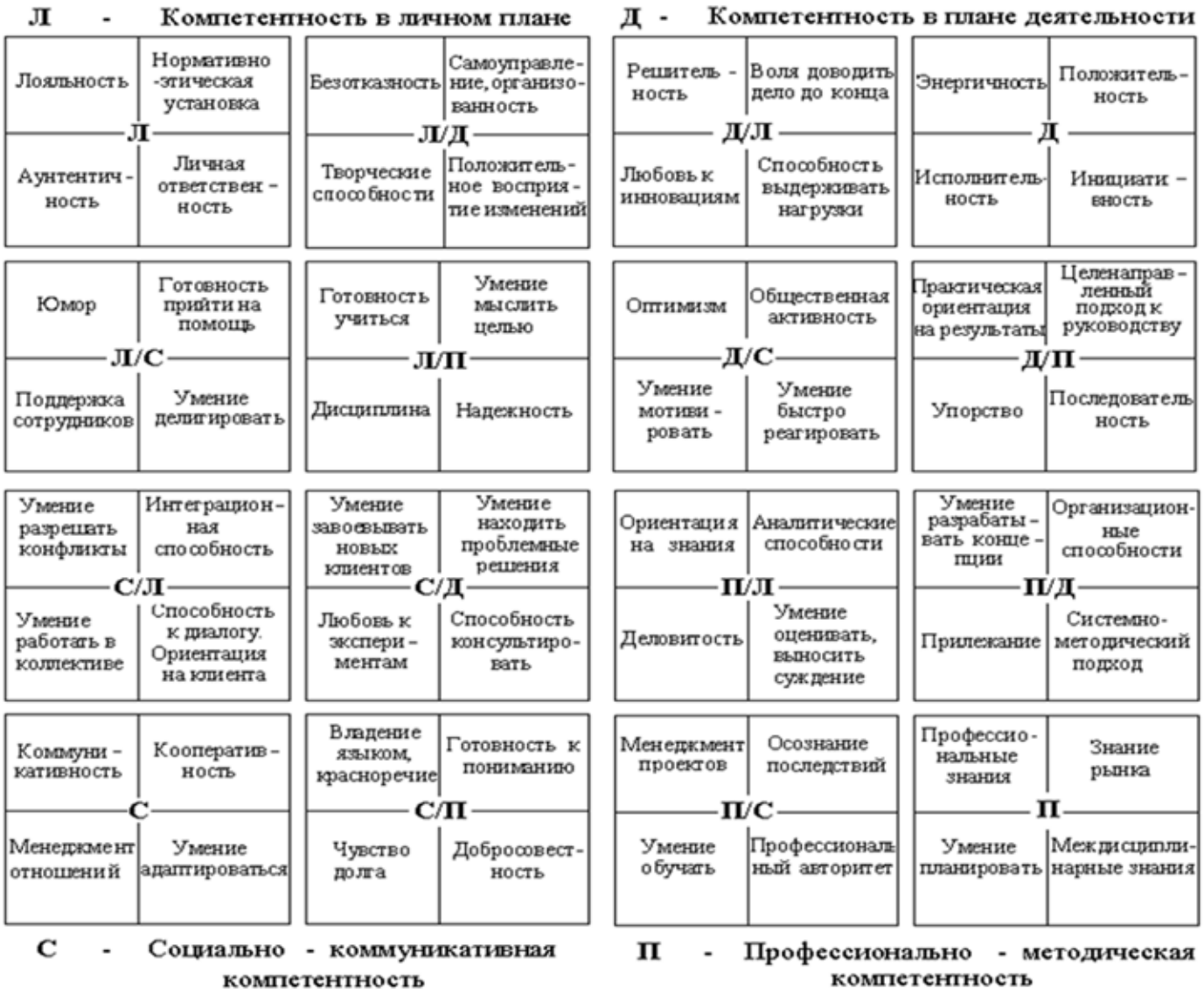


Рис. 1.1. Типологическая модель компетентного экономиста

- учимся знать (профессионально-методическая компетентность экономиста);
- учимся жить вместе (социально-коммуникативная компетентность экономиста);
- учимся делать (компетентность экономиста в плане деятельности, претворения задуманного в жизнь);
- учимся быть (компетентность экономиста в плане личности).

Соответственно, если представить это в схематичном виде, то мы получим некоторую типологическую модель компетентного специалиста (рис. 1.1.)

Из рисунка видно, что все столпы компетентности экономиста взаимодействуют между собой, а это значит, что мы в конечном результате получаем компетентного профессионала в своей области, в нашем случае — специалиста в области экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерцев Е. П. Высшая педагогическая школа в системе непрерывного педагогического образования учителя. Автореф. дисс. … докт. пед. наук. — Л., 1990. — 49 с.
2. Кон И. С. НТР и проблемы социализации молодежи. — М.: Знание, 1988. — 64 с.
3. Ландшеер В. Концепция «минимальной компетентности» // Перспективы: вопросы образования. — 1988. — №1. — С. 17-28.
4. Психология профессионального образования: Учебн. пособие. — 2-е изд., перераб. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 480 с.
5. Пугачев В. П. Руководство персоналом организации. М.: Аспект Пресс, 2000. — 54 с.
6. Ратнер Ф. Л. Дидактические концепции и современные тенденции развития творческих способностей студентов в научной деятельности за рубежом. Дисс. на соиск. уч. ст. док. пед. наук. — Казань, 1997. — 324 с.
7. Талызина Н. Ф. Теоретические основы разработки модели специалиста. — М.: Знание, 1986. — 232 с 8. Чернова Ю. К. Основы проектирования педагогических технологий в техническом вузе. — Тольятти, 1992. — 121 с.
9. Чошанов М. А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения./Педагогика. — 1997. — №2. — С. 21-29.

Гранина Н. М.
Ms. N. M.Granina

13.00.08

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОМСОМОЛЬСКОМ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИ-ЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

TEACHING INFORMATION CULTURE BASICS AT THE KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Гранина Наталья Михайловна — главный библиотекарь Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: missisdea@mail.ru.
Ms. Natalya M. Granina — Chief Librarian at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: missisdea@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается актуальность информационной культуры человека и подчеркивается ее необходимость в образовательном процессе вуза. Обозначена проблема поиска нужной информации в информационном потоке и показаны пути решения проблемы: овладение эффективными приемами информационного поиска, обучение которым проходит в библиотеках вуза. Рассмотрено преподавание образовательного курса «Основы информационной культуры» в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете.

Summary: The paper deals with the issue of information culture, its importance for the university curriculum. The problem of information retrieval from the flow of information is discussed and ways of its solution shown: provision of courses of efficient data search techniques, that usually take place at university/college libraries A training course «Basics of information culture» at Komsomolsk-on-Amur State Technical University is reviewed.

Ключевые слова: информационная культура, информационный поток, библиотека, обучение, информационный поиск, электронный каталог.

Keywords: information culture, information flow, library, training, data search, e-catalogue.

Коренные преобразования в социально-экономической жизни страны существенным образом повлияли на требования, предъявляемые к выпускникам вуза. В новых условиях формирование профессионально значимых качеств выпускника высшего учебного заведения должно быть ориентировано не столько на объем и полноту конкретного знания, сколько на способность самостоятельно пополнять знания, ставить и решать разнообразные задачи, выдвигать альтернативные решения, вырабатывать критерии отбора наиболее эффективных из них [3, 4]. Достижение этой цели в значительной степени зависит от уровня информационной культуры.

Информационная культура личности понимается как элемент общей культуры человека, позволяющий, с одной стороны, адекватно реагировать на процесс информатизации общества в целях саморазвития, а с другой — влиять на процесс формирования информационной культуры общества.

Информационная культура проявляется в присущей человеку систематизированной совокупности знаний, умений, навыков, обеспечивающих оптимальное осуществление индивидуальной информационной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей в информации [2, 34]. Эти знания, умения и навыки имеют мировоззренческий, общекультурный характер; устремлены на развитие личности, раскрытие ее творческих, позитивных способностей.

Перед современным вузом стоит важнейшая задача — создать для студентов, педагогических и научных кадров условия, позволяющие им самостоятельно ориентироваться в массивах информации, искать собственные пути решения задач, опираясь уже на имеющийся опыт, наращивать свой интеллектуальный потенциал в условиях информационного общества, совершенствовать свою информационную культуру [4, 27].

Основными составляющими информационной культуры являются [2, 34]:

1. Знание основных свойств информации, организации информационных процессов.
2. Представление об источниках информации, информационных хранилищах, их определяющих характеристиках, системах организации знаний, т. е. умении ориентироваться в потоке информации.
3. Владение приемами поиска информации.
4. Владение навыками обработки, анализа и синтеза информации.
5. Умение применять технические средства в информационном процессе.

Общие сведения об основных свойствах информации студенты высших учебных заведений получают на занятиях по информатике, которые на сегодняшний

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

день проводятся для всех специальностей. Освоение технических средств обработки данных — составная часть практикумов при прохождении специализированных предметов и курсов. Но даже выпускники вузов, аспиранты, молодые ученые, занимающиеся научной работой и прекрасно владеющие компьютером в повседневной и профессиональной деятельности, обычно испытывают затруднения в поиске информации, формулировании запроса, определении необходимых источников информации. Причина — недостаточное представление о современной системе информационных потоков, их наполнении, способах и возможностях поиска и получения из них информации [2, 35].

С решением данной проблемы в высших учебных заведениях успешно справляются научно-технические библиотеки. В круг обязанностей сотрудников вузовских библиотек входит не только предоставление читателю необходимых материалов, сведений, изданий, но и помощь в правильной организации рационального поиска нужной информации, содействии формированию информационной культуры и грамотности. В настоящее время становится все сложнее ориентироваться в потоке различных источников информации: книг, периодических и продолжающихся изданий, аудио- и видеоматериалов, изданий на электронных носителях. На помощь приходят современные информационные технологии, ресурсы глобальной сети Интернет, однако правильное ориентирование в фондах современной библиотеки, знание ее структуры и справочно-библиографического аппарата является необходимым условием успеха в научной и учебной работе.

Научно-техническая библиотека Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КнАГТУ) использует самые современные технологии. Сегодня в библиотеке около 30 компьютеров, имеющих выход в Интернет. Автоматизированную информационную систему библиотеки обслуживает один сервер. Открыт зал электронной информации с 14 рабочими местами для читателей. Преподавателям и студентам доступен патентный фонд Российской Федерации на электронных носителях: архивы 1922-1979 гг. на DVD-дисках и 1995-2007 гг. на CD дисках. Имеется фонд мультимедийных изданий: электронные энциклопедии, книги, аудиозаписи, приложения к книгам и журналам на компакт-дисках. Посредством выхода в Интернет аспирантам и преподавателям вуза предоставлен доступ к банку диссертаций Российской государственной библиотеки.

Библиотека КнАГТУ активно занимается созданием собственных баз данных, возможность работы с которыми имеют как пользователи данной библиотеки в зале электронной информации, так и удаленные клиенты через Интернет.

«Электронный каталог — это библиотечный каталог в машиночитаемой форме, работающий в реальном режиме времени и предоставленный в распоряжение читателей библиотек» [6, 128]. Наличие в базах данных элементов библиографической записи, информационно-поискового языка для отражения содержания документов и элементов, указывающих адрес хранения документа (шифры или сиглы библиотек) позволяет электронному каталогу выполнять функции всех видов каталогов [3, 22].

Электронный каталог вновь поступивших книг и ретро-фонда в библиотеке КнАГТУ ведется с 1995 года, включает более 26 тыс. записей и состоит из следующих баз данных: книги, журнальные и газетные статьи, приложения к книгам и журналам на CD, а также базы данных энциклопедий и обучающих курсов. Дополнительно из основной базы «Книги» для удобства поиска выделены следующие базы данных: «Труды КнАГТУ», «Учебные пособия КнАГТУ», «Диссертации КнАГТУ».

Для повышения информационной культуры студентов университета, библиотека в 70-х гг. начала разработку курса «Основы информационной культуры», который первоначально имел название «Основы библиотечно-библиографических знаний». С созданием в структуре библиотеки зала электронной информации в курс «Основы информационной культуры» были включены практические занятия по овладению видами информационного поиска в электронном каталоге.

На предварительном этапе была проведена ознакомительная работа с деканами факультетов, заведующими кафедрами, их информирование о современных возможностях библиотеки и необходимости включения соответствующего курса в программу обучения студентов всех специальностей.

Ввиду того, что учебный план специальностей не допускает увеличения часов, занятия на некоторых факультетах включены в структуру дисциплин «Введение в специальность» и «Методика обучения в вузе». При разработке содержания курса «Основы информационной культуры» были учтены современные возможности библиотеки университета.

Основная цель курса — формирование системы знаний, умений и навыков, необходимых для организации самостоятельного поиска информации. Задача курса — помощь в овладении библиотечно-библиографическими знаниями, необходимыми для учебной, а в перспективе и научной работы, формирование навыков самостоятельного поиска информации, ее анализа и синтеза.

В задачу слушателей курса входит освоение теоретических положений курса и овладение навыками поиска информации.

Полный курс включает в себя 4 аудиторных часа (1 час лекционный и 3 практических занятия), рассчитан на студентов младших курсов и является междисциплинарным. Лекционное занятие проводится сотрудниками справочно-информационного отдела библиотеки непосредственно в отделе и освещает вопросы структуры библиотеки и ее фондов, правил пользования научно-технической библиотекой КнАГТУ, системы хранения документов и способов доступа к ним, содержания и использования справочно-библиографического аппарата, правил библиографического описания документа и возможностей поиска в глобальной сети Интернет. Практические занятия

проходят в читальном зале и зале электронной информации и направлены на отработку навыков поиска информации в традиционном и электронном каталогах.

Поиск по электронному каталогу проводится в поисковом модуле специализированной автоматизированной библиотечной системы MarcSQL1.7. Во время проведения занятия студенты учатся правильно и рационально формулировать поисковые запросы; осваивают следующие виды поиска: простой, расширенный и поиск по словарям; отрабатывают навык работы с найденным подмножеством документов: изучение библиографического описания, отбор нужных документов, сортировка документов в подмножестве, построение и сохранение списка документов. Итоговой формой курса является устный зачет.

Курс «Основы информационной культуры» слушают студенты как технических специальностей, так и студенты гуманитарного профиля обучения. Заявки на преподавание курса подаются преподавателями кафедр в библиотеку университета (см. табл. 1). Объем преподаваемого курса варьируется в зависимости от наполненности курсов «ведение в специальность» и «Методика обучения в вузе» на данном факультете.

Таблица 1.

Статистические данные курса «Основы информационной культуры» за последние три учебных года.

Учебный год	Общее количество		
	групп	часов	студентов
2007-2008	14	28	280
2008-2009	11	22	200
2009-2010	20	46	400

Одним из основных организационных моментов является подготовка учебно-методической базы курса — текста лекции и практических занятий, перечня заданий для самостоятельного выполнения. Имеющаяся многолетняя практика проведения курса позволила библиографам справочно-информационного отдела детально разработать лекционное занятие, определить последовательность изложения материала и оптимально расставить акценты в изучаемом теоретическом материале, чтобы студенты получили цельное представление о современных потоках информации и способах ее поиска.

Результаты выполнения самостоятельных заданий позволили выявить узкие места в знаниях студентов, скорректировать задания для практических занятий.

В настоящее время в библиотеке имеется пакет методических документов — тексты и демонстрационный материал лекций, методики проведения практических занятий. Готовится методическое пособие, в котором собран весь теоретический материал по изучаемому курсу.

В перспективе — разработка специального мультимедийного электронного обучающего курса по основам информационной грамотности, цель которого — обучение библиотечно-библиографическим знаниям всех категорий пользователей — студентов, профессорско-преподавательского состава, аспирантов КнАГТУ. Использование современных средств информационных технологий позволит сделать учебный материал более выразительным и наглядным.

Организация и проведение учебных занятий со студентами требует больших затрат — координационных и творческих. Для объективного анализа необходимости и эффективности проведения курса мы использовали опрос студентов и преподавателей, данные библиотечной статистики, личные беседы с библиотекарями на пунктах обслуживания. Опрос показал, что большинство студентов считают курс необходимым. Преподавательский состав отметил большое удобство и экономию времени при использовании автоматизации в информационном поиске.

Подведя некоторые итоги в работе, мы пришли к выводу, что обучение основам информационной культуры несет неоценимый вклад в учебную и научную деятельность студентов и педагогических работников вуза, т. к. навыки владения эффективными способами поиска нужной информации в современных информационных потоках — залог успешного обучения и дальнейшей профессиональной деятельности современного специалиста. Огромное значение проведение курса имеет и для деятельности самой библиотеки, потому что работать в отделах обслуживания с информационно грамотным читателем становится значительно легче.

Применение новых информационных технологий в обучении основам информационной культуры позволит пользователям органично войти в современную систему открытого, непрерывного и инновационного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубкова Н. В. Создание виртуальной обучающей среды в научно-технической библиотеке/Н. В. Зубкова, М. А. Щедрина // Научные и технические библиотеки. — 2006. — №11. — С. 27.
2. Киселева, Л. М. Организация курса «Информационно-библиографическая культура» в Челябинском государственном университете/Л. М. Киселева, Г. Н. Зеленкина, Л. В. Котко // Научные и технические библиотеки. — 2006. — №4. — С. 35-36.
3. Основы информационной культуры: метод. указания к изучению курса/сост. Т. Н. Бодова, И. Н. Карпова, Л. В. Ковалева, А. Ю. Кузнецова, Н. В. Лукашева, Л. Н. Медведева. — Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2005. — 83 с.
4. Привалова, Н. С. Информационная компетентность преподавателя вуза в условиях обновления образования/Н. С. Привалова //Научные и технические библиотеки. — 2005. — №6. — С. 27.
5. Романенко, В. Н. Сетевой информационный поиск/В. Н. Романенко, Г. В. Никитина; Российская академия естественных наук. Северо-Западное отделение образования и развития науки. — СПб.: Профессия, 2003. — 288с.
6. Справочник библиотекаря/Науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. — Изд-е 3-е, испр. и доп. — Спб., Профессия, 2005. — 496с.

Егурнова А. А.
A. A. Egurnova

13.00.08

ОБУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛИНГВИСТОВ

WRITING COURSES AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CONPETENCIES IN STUDENTS OF LINGUISTICS

Егурнова Александра Александровна — старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail: sashenkane@mail.ru

Ms. Alexandra A. Egurnova — Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, PhD Candidate of the Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: sashenkane@mail.ru.

Аннотация: В данной статье раскрывается актуальность проблемы формирования культуры письменного речевого общения на английском языке у студентов-лингвистов. Рассматриваются характерные для современного специалиста компетенции, их критерии и показатели, а также методы диагностики. Приводятся предварительные данные педагогического эксперимента, которые свидетельствуют о повышении уровня владения навыками письма у студентов.

Summary: The paper discusses a topical problem of writing skills development among students of English linguistics. Reviewed are the typical competencies of a modern professional in the field, their parameters and characteristics, along with knowledge-testing techniques. The results of a teaching experiment are disclosed that testify to the improvement of writing skills among students at the university.

Ключевые слова: культура письменного речевого общения, компетенция, компетентность, критерии, показатели, диагностика, студенты-лингвисты.

Keywords: writing skills, competency, competence, criteria, parameters, knowledge testing, linguists.

Умение общаться не только устно, но и письменно является составной частью профессиональной компетентности, необходимым условием профессионализма будущего специалиста. Свободное владение письменной речью (знание основ письменной речи, ее видов, правил этикета и ведения документации согласно ее стилистической направленности, законов композиции, приемов убеждения, аргументации и т. д.), владение навыками литературного редактирования, умение создавать собственные произведения играют очень важную роль на современном этапе развития общества, в условиях активного развития международных отношений и создания единого глобального пространства. В этой связи актуализируется проблема формирования культуры письменного речевого общения на английском языке будущего лингвиста.

Владение речью устной (звуковой) и письменной (буквенной), способностью порождения и восприятия речевых высказываний характеризует грамотного человека [4]. Согласно шестому основному принципу психолингвистики — генетическому, «в разные возрастные периоды человек овладевает разными формами речи (сначала — устной, затем письменной) и разными операциями речевой деятельности (сначала «примитивными», затем сложными)» [11]. Исходя из данного утверждения, можно сделать вывод о том, что развитие письменной речи является более сложным процессом, чем формирование устной.

Обладая таким свойством, как способность к длительному хранению информации, письменная речь развертывается не во временном, а в статическом пространстве. В результате, адресант имеет достаточно времени, чтобы обдумать свою речь, вернуться к написанному, перестроить текст, заменить слова и т. д. Таким образом, письменная форма речи имеет свои характерные особенности:

— В письменной речи используется книжный язык в соответствии с достаточно строгими нормами и регламентом, а именно: порядок слов в предложении фиксированный, инверсия (изменение нейтрального порядка слов в предложении со смысловой или стилистической целью) не характерна для передачи мысли на письме, а в сообщениях официально-делового стиля категорически недопустима. Пред-

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

ложения в большинстве случаев являются полными и выражают сложные логико-смысловые связи посредством синтаксиса. (свидетельство коммуникативной активности пишущего);

— Письменной речи присущи сложные синтаксические конструкции, причастные и деепричастные обороты, сложные дополнения и определения, вводные слова и т. п. При объединении предложений в абзацы все из них непременно строго логически связаны с предшествующим и последующим контекстом (свидетельство когнитивно-познавательной и творческой активности пишущего);

— Письменная форма высказывания направлена на восприятие органами зрения, поэтому ей присущи отчетливая структурная и формальная организация: нумерация страниц и ссылок, выделение разделов и подразделов, шрифтовые начертания и видоизменения и т. п. К тексту можно не раз возвращаться, вдумываться в суть написанного, осмысливать содержание, имея возможность просматривать глазами тот или иной отрывок сообщения (информационная активность пишущего);

— Письменной форме речевой деятельности характерны четко выраженные условия и цель общения. К примеру, художественный рассказ, письмо-соболезнование, заявление об увольнении или информационная статья в газете. В результате, можно говорить о том, что письменная речь выполняет стилеобразующую функцию. При создании какого-либо сообщения авторы используют большое разнообразие языковых средств. К тому же, письменная форма является основополагающей в научном, официально-деловом, публицистическом и художественном стилях (проявление рефлексии и мобильности пишущего).

Знание всех вышеперечисленных особенностей и их умелое применение на практике формируют основу письменной грамотности и являются неотъемлемой составляющей современного компетентного специалиста, для которого характерен высокий уровень культуры общения, творчества, информационной грамотности, познавательной активности, рефлексии и мобильности.

Тем не менее, как показывает практика, уровень владения культурой письма значительно отстает от уровня владения другими видами речевой деятельности.

Так, следует отметить тот факт, что на занятиях по дисциплине «Практика устной и письменной речи» (1-2 курсы факультета языковой коммуникации КнАГТУ) преобладающими видами работ являются дик-танты по пройденному лексическому материалу (1 раз в месяц), переводы с английского языка на русский и наоборот (2 раза в месяц), написание сочинения по пройденной теме (1 раз в 2 месяца). Причем, преподаватель не предъявляет конкретных, четких требований к оформлению сочинения; оно пишется в свободной форме, часто совпадая по структуре, способу изложения, а также степени эмоциональности с русским.

Кроме того, анализ продуктов деятельности студентов — сочинений, осуществляемый во время проведения ежегодной олимпиады по английскому языку, в структуру которой входит задание на проверку письменных умений, позволяет выявить достаточно низкий уровень владения культурой письма: из 10 возможных баллов (10 основных требований, предъявляемых к письменной работе) максимальный набранный балл составляет 6,5, а минимальный — 0; причем средний балл, набранный большинством студентов, равняется 4. В сравнении с показателями по другим видам речевой деятельности (чтению, аудированию, говорению), также проверяемыми на олимпиаде, показатели сформированности письменной речи ниже остальных.

Отсюда следует вывод о том, что письменным работам не уделяется достаточного внимания при обучении студентов иноязычному общению. Анализу и корректировке сочинений отводится очень мало времени, и, как результат, студенты испытывают большие трудности в написании текстов любого характера и жанра.

Для того чтобы научить студентов правильному оформлению и написанию письменных сообщений, на базе Комсомольского-на-Амуре технического университета (факультет языковой коммуникации) был создан курс по «культуре письменного речевого общения на английском языке» (ПКПРО АЯ), который базируется на стандартных требованиях, предъявляемых к письменным речевым произведениям в зарубежных странах. На основании данных требований и характеристик письменных работ нами был разработан собственный критериальный аппарат (10 показателей) для оценивания письменных произведений студентов-лингвистов (степень соответствия заданию, наличие тезисов, целостность и связность, наличие доказательной базы, правописание, соблюдение структуры эссе и лимита слов):

— Task Response (clear understanding of the idea of the problem)
— Topic Sentences (expressing the main idea of a paragraph)
— Unity and Coherence (clear logical plan of the essay)
— Support (examples, facts, evidence)
— Cohesion (linking words)
— Strong Sentence Skills 1 (Lexical Resource, Proper Vocabulary)
— Strong Sentence Skills 2 (Grammatical Accuracy)
— Strong Sentence Skills 3 (Acceptable Punctuation)
— Essay Form (Traditional or Modern)
— Word Limit

На начало экспериментальной работы был проведен анализ продуктов письменной речевой деятельности студентов — сочинений, выделены группы студентов с разным уровнем письменной речевой компетенции (высокий, оптимальный, достаточный и низкий) и дана их количественная характеристика (см. табл. 1). Так, не было обнаружено существенной разницы в уровнях сформированности культуры письменной речи в контрольной и экспериментальной группах: преобладающими уровнями в обеих группах были низкий (29,6%) и достаточный (37,2%).

Таблица 1

Уровень сформированности культуры письменной речи студентов в контрольной и экспериментальной группах (начальный срез)

Группа	Кол-во чел. в группе	Уровень							
		Низкий		Достаточный		Оптимальный		Высокий	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
КГ	118	36	30,5	44	37,3	29	24,6	9	7,6
ЭГ	35	10	28,6	13	37,1	10	28,6	2	5,7

Достаточный уровень означает, что студент способен написать эссе, но может выделить неправильную идею или обсудить сразу несколько из них, неверно структурировать эссе. Информация, необходимая для написания хорошего эссе, может быть неграмотно подобрана; возможны некоторые несоответствия стиля и лексики, например, наличие инверсии, неполных предложений, несущественного искажения смысла слов; скудное наличие союзов и слов-связок; частые ошибки в правописании. В целом, студент умеет применять усвоенную информацию, решать задачи по заранее усвоенному образцу, однако имеет затруднения с применением знаний при решении нестандартных задач.

Низкий уровень предполагает наличие у студента лишь фрагментарных, поверхностных, бессистемных знаний о культуре письма на английском языке. Присутствуют значительные отклонения от главной идеи произведения; неверное оформление и структурирование текста; смешение стилей; наличие иррелевантных (не относящихся к содержанию) предложений и информации; присущи обрывистость и резкость переходов между предложениями и абзацами; наличие ошибок, ведущих к искажению смысла эссе. Студент не знает правил и общих закономерностей и принципов оформления различных видов работ.

Подобные уровни владения культурой письменной речи являются неприемлемыми для компетентного специалиста-лингвиста в современных условиях высокодинамичной экономики, основанной на знаниях. На сегодняшний день, считается, что квалифицированный специалист должен обладать целым рядом разнообразных компетенций, сбалансированно объединяющих в себе его профессиональные, социальные и личностные качества.

Так, например, современные научные исследования показывают, что самое главное умение — вести переговоры с работодателем [10], что преуспевание в финансовом отношении лишь на 15% обусловливается профессиональными знаниями и на 85% — умением общаться с коллегами, склонять людей к своей точке зрения, рекламировать себя и свои идеи [8]. В «Концепции модернизации российского образования» [17] говорится о необходимости перехода к постиндустриальному, информационному обществу, значительному расширению масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности.

Результаты поисков европейских ученых («Общеевропейские компетенции» [20]) свидетельствуют о том, что все компетенции человека так или иначе способствуют развитию его коммуникативной способности и, таким образом, их можно рассматривать в качестве аспектов коммуникативной компетенции. В документах по языковой политике Совета Европы подчеркивается, что становление коммуникативных умений в различных языках важны для развития мобильности и повышения конкурентоспособности на рынке труда.

Коммуникация, в свою очередь, является творческим процессом, т.к. подразумевает «обмен мыслями, сведениями, идеями и т.п.» [19]. Однако творческий процесс (деятельность), представляющий собой способность придумать и реализовать нечто новое, зарождается только при наличии или получении извне необходимой информации, которая впоследствии перерабатывается и преобразуется согласно мироощущению и мировоззрению отдельно взятого человека. Так, социологический энциклопедический словарь определяет коммуникацию как «процесс передачи информации…; обмен информацией любого вида…» [16]. Более того, в связи с тем, что общество вступает в эпоху информационной цивилизации, одной из целей образования становится продвижение обучаемых «на уровень постоянно возобновляемого и расширяющегося воспроизводства информации» [15].

Таким образом, современный специалист должен уметь ориентироваться в растущем потоке информации и творчески подходить к ее организации и переработке для последующего обмена ею между российскими и /или зарубежными коллегами. Этот обмен может осуществляться как во время переписки, так и во время личной беседы, диспута, полемики или написания статей, тезисов и т.д. на иностранном языке. В результате, посредством обмена информацией осуществляется отражение субъективного взгляда отдельного человека на мир, выражение оценки, эмоций, и, следовательно, реализуется творческая (эмоциональная) функция общения (дискурса).

Коммуникативный процесс, информационная осведомленность и творческая активность, хотя и находятся в неразрывной связи, не могут иметь место без вовлечения познавательной деятельности, т.е. мыслительных процессов. Это утверждение находит свое отражение в трудах многих ученых и педагогов.

По мнению Н.В. Гончаренко [2], информация, представленная в виде текста (дискурса), имеет познавательную функцию, т.к. дискурс — «это средство познания мира и освоения его мыслью и словом».

Л.Н. Лубожева рассматривает профессиональный язык (например, язык экономической, деловой, юридической терминологии) как особое когнитивно-коммуникативное пространство, самостоятельную функциональную разновидность общелитературного языка, такую же, как разговорная речь и язык художественной литературы [14]. Он является разновидностью, обладающей своими функциями и средствами выражения.

Согласно В.И. Карасик [9], цель коммуникации включает «информационную, комментарийно-оценочную, познавательно-просветительную… составляющие, причем информационная функция считается первичной».

Наконец, И.Н. Горелов [3] определяет коммуникацию как специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности.

Коммуникация, являясь средством передачи сообщений посредством языка и других знаковых систем, представляет собой социальное явление, которое включает в себя все качества человека как личности «социальной системы» [13], его отношения и поведение в обществе: контактность, способность к общению и сотрудничеству, разрешению конфликтов, способы общения с другими людьми и пр. Успешность коммуникации во многом зависит от развитости таких форм человеческой деятельности, как рефлексия и мобильность.

В современной педагогической науке под рефлексией обычно понимают самоанализ деятельности и ее результатов. Так, Ю.Б. Безгина [1] рассматривает рефлексию как деятельность, направленную на:

— осмысленное восприятие элементов текста (слова, предложения) и текста в целом;

— четкое осознание целей, принципов, критериев и способов деятельности, направленной на понимание иноязычного текста, обеспечивающей реализацию в образовательном процессе взятых за основу критериев — критерия качества и критерия рационального расхода времени, а также учет развития таких субъектных качеств, как самостоятельность, активность, ответственность.

Т.В. Зобнина [7] трактует рефлексию как условие достижения высшего уровня профессионализма.

Д. Левитес утверждает, что специалист, который умеет рефлексировать, — это растущий специалист. Прекращающий и избегающий рефлексии неминуемо останавливается в профессиональном росте [12].

Более того, Т.В. Эвальд [18] способность рефлексии рассматривает как один из критериев сформированости коммуникативной компетенции.

Рефлексия, коррекция деятельности, анализ ситуаций и адаптация к ним обусловливают такой социально значимый показатель успешности человека на современном этапе развития общества, как уровень его мобильности на рынке труда. Мобильность, согласно Э.Ф. Зеер [6], представляет собой готовность и способность специалиста к смене выполняемых производственных заданий, к освоению новых специальностей или изменений в них, возникающих под влиянием технических и технологических преобразований, т.е. эффективную адаптацию личности к требованиям профессии.

Л.В. Горюнова в определении понятия профессиональная мобильность выделяет три взаимосвязанные составляющие [5]:

— это качество личности, обеспечивающее внутренний механизм раз-вития человека;

— это деятельность человека, детерминированная меняющими среду событиями, результатом которой выступает самореализация человека в профессии и жизни;

— это процесс преобразования человеком самого себя и окружающей его профессиональной и жизненной среды.

Рис. 1. Методы диагностики степени выраженности критериев

Все перечисленные компетенции формируют компетентность выпускника вуза, которая является целью и результатом воздействия системы образования на личность.

Данные компетенции соответствуют определенным критериям и имеют свои показатели, которые проявляются в способности студента оформлять разного рода письменные сообщения:

1 Коммуникативный критерий:

а) корректность и толерантное отношение к иному мнению;

б) умение самостоятельно формулировать тезисы эссе, представлять и аргументировать точку зрения;

в) использование вариативных и разнообразных речевых оборотов и конструкций;

г) соблюдение норм речи, этикетных формул;

д) соблюдение лимита слов и структуры эссе;

2 Информационно-творческий критерий:

а) умение планировать и организовывать информационный поиск;

б) владение способами систематизации и преобразования информации;

в) умение работать с представленным материалом по проблеме;

г) способность к продуктивному выходу из проблемной ситуации;

д) пополнение собственных знаний при решении новых задач;

3 Когнитивно-познавательный критерий:

а) способность критически анализировать информацию;

б) умение устанавливать причинно-следственные связи;

в) способность обобщать и конкретизировать идеи, предоставлять свернутую и развернутую информацию, осознавать и систематизировать данные;

г) быстрота реакции и мобильность мыслительных процессов;

4 Социально значимый критерий:

а) рефлексия;

б) мобильность.

Степень выраженности обозначенных критериев является показателем уровня сформированности культуры письменного речевого общения студента-лингвиста на английском языке. Для установления этой степени выраженности нами были разработаны последова-

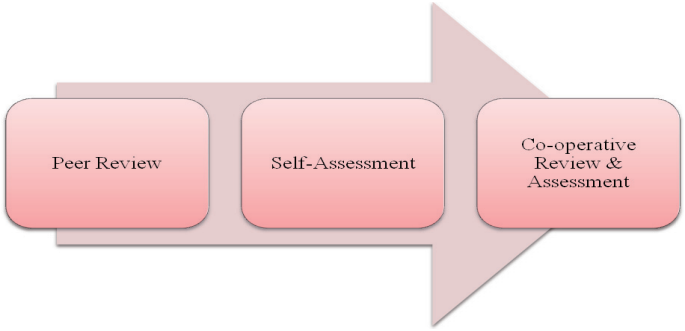


Рис. 2. Самодиагностика на старших курсах

тельные (применяются строго в перечисленном ниже порядке) методы диагностики (см. рис. 1).

Самодиагностика применяется по завершении написания иноязычного текста (эссе, письма и пр.). Каждый студент должен быть способен прокомментировать последовательность своих шагов (написания); проанализировать результаты как своей деятельности, так и деятельности одногруппников; выявить и объяснить причины успеха или неуспеха.

Данный метод диагностики происходит по-разному на младшем (3-м) и старших курсах (4-м и 5-м) в связи со степенью информационной осведомленности студентов об эталонах требований к письменным работам.

Так, на 3-м курсе осуществляется коллективная диагностика (Co-operative Review & Assessment). Преподаватель, в ходе эвристической беседы, приводит подробный перечень возможных ошибок и недочетов, а студенты стараются определить наличие или отсутствие нарушений правил.

На 4-м и 5-м курсах обучаемые самостоятельно рефлексируют над степенью успешности работ. Самодиагностика в данном случае происходит по следующей цепочке (см. рис. 2):

Peer Review (J. Clemmons, L. Laase, D. Cooper, N. Areglado, M. Dill, B.C. Hill, C. Ruptic, et al.) — это проверка одногруппника. Студенты обмениваются своими работами и стараются оценить их, но не выставляют оценку. Смысл подобной диагностики сводится к выдаче достаточно подробного анализа письменного сообщения, который включает в себя указание сильных и слабых сторон работы партнера, выражение мнения читателя и рекомендаций по улучшению качества данной работы. Каждый студент имеет у себя перед глазами следующую таблицу для осуществления Peer Review (вторая колонка должна быть незаполненной; в ней мы привели содержание ответов студентов) (см. табл. 2).

Таблица 2

Peer Review

Your name:	Partner's name:
1. Does the essay describe the topic?	Yes/No (if 'no' — why?)
2. Are there any mistakes in the essay?	Examples (grammar, spelling, vocabulary, etc.)
3. Is anything missing?	Topic sentence, introduction, conclusion, etc.
4. Does the essay contain a wide range of vocabulary and structures?	Examples (if 'yes')
5. Are there any irrelevant sentences?	Examples (if 'yes')
6. What do you like about the essay?	Some words, phrases, structures, images, etc.
7. Do you have any questions to your partner? Is there anything that you do not understand? Is there anything you might change in the essay? Discuss your suggestions.	Give comments and recommendations

Self-Assessment (L.R. Ayers, S.G. Paris, J.L. Herman, L. Winters, et al.) — это самооценка. Такая диагностика осуществляется каждым студентом индивидуально после того, как они получают свои проанализированные одногруппниками работы. Самооценка проводится при помощи той же таблицы Peer Review; однако обучающиеся подвергают тщательному анализу оценку одногруппника и сверяют данные проверки с существующими правилами и требованиями. На данном этапе диагностики отчетливо и ярко проявляются такие качества и умения студентов, как корректность и толерантное отношение к чужому мнению, умение планировать и организовывать информационный поиск (по спорным моментам проделанной проверки; например, поиск соответствующих правил), пополнение собственных знаний, способность критически анализировать информацию, умение устанавливать причинно-следственные связи (причины успехов и неуспехов), а также рефлексия.

Cooperative Review & Self-Assessment (P.R. Aschbacher, M.J. Feuer, K. Fulton, et al.) — это коллективная проверка и оценивание. Такая диагностика является заключительным этапом интерактивного контроля. Студенты совместно с преподавателем стараются определить наличие или отсутствие нарушений правил в конкретных письменных работах, после чего все сочинения сдаются преподавателю для получения рекомендации по дальнейшему развитию навыков письма и выставления окончательной оценки.

Проверку, рекомендации и оценку преподавателя студенты получают в форме Error Record List — отчет-таблицы о результате работы и предложениях по улучшению качества (см. табл. 3).

Таблица 3

Error Record List

Type of mistake	Frequency of occurrence
Redundancy	2
Repetition	1
Agreement	1
Fragment	1
Punctuation	4
Spelling	2
Wrong word	1
Wrong tense	1
Wrong word order	2
Irrelevant ideas and sentences	0
No linking words or phrases	1
Poor details/support/description	0
Points of misunderstanding	0

Results	
Overall impression	Excellent work: details are clearly described; good awareness of vocabulary, though with few mistakes; good use of linking devices; wide range of epithets and synonyms.
Improvement suggestions	Work on punctuation and grammar inaccuracies.
GRADE	5

При помощи третьего метода диагностики — анализа, выявления динамики и прогнозирования дальнейшего развития качеств и умений студентов — анализируются письменные работы обучаемых, изучается степень личного участия каждого студента в коллективной диагностике и ее результативность (правильные доводы и объяснения), а также выявляется динамика совершенствования текстов.

Предварительные данные итогового среза, проходившего в осеннем семестре у пятикурсников, подтверждают эффективность применяемой нами методики обучения культуре письма. Эти данные отображены в табл. 4.

Таблица 4

Уровень сформированности культуры письменной речи студентов в контрольной и экспериментальной группах (итоговый срез)

Группа	Кол-во чел. в группе	Уровень							
		Низкий		Достаточный		Оптимальный		Высокий	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
КГ	64	9	14,1	16	25	29	45,3	10	15,6
ЭГ	21	1	4,8	3	14,3	5	23,8	12	57,1

На входе в контрольной и экспериментальной группах преобладающими уровнями сформированности культуры письма были низкий и ниже среднего (достаточный). При сравнении показателей начального и итогового срезов в контрольной и экспериментальной группах обнаружилось, что значительное повышение по всем параметрам произошло только в экспериментальной группе и незначительное повышение — в контрольной группе.

Таким образом, нужно отметить, что введение и изучение новой дисциплины «Практикум по культуре письменного речевого общения» положительно влияет на развитие профессиональных компетенций будущих лингвистов и делает их обучение более эффективным и менее трудным.

ЛИТЕРАТУРА

1 Безгина, Ю.Б. Рефлексия как одно из условий развития субъектных качеств сту-дента в процессе обучения их пониманию иноязычного текста // Проблемы лингвистики и методики преподавания языков в свете интеграции гуманитарных наук: Материалы региональной заочной научно-практической конференции/под ред. А.Л. Солдатченко. — Магнитогорск: МаГУ, 2008. — 135 с.
2 Гончаренко, Н.В. Суггестивное воздействие в дискурсе // Лингвистические ос-новы межкультурной коммуникации: Сборник материалов международной на-учной конференции 20-21 сентября 2007 г. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. — 364 с.
3 Горелов, И.Н. Избранные труды по психолингвистике/И.Н. Горелов. — М.: Ла-биринт, 2003. — 320 с.
4 Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: Учебное пособие/И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2005. — 320 с.
5 Горюнова, Л.В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема раз-вивающегося образования России. Дисс… д-ра пед. наук: 13.00.08. — Ростов-на-Дону: 2006. — 427 с.
6 Зеер, Э.Ф. Психология профессионального образования/Э.Ф. Зеер. — М.: МПСИ: Воронеж: МОДЭК, 2003. — 386 с.
7 Зобнина, Т.В. Акмеологическая система психологической подготовки будущих учителей // Педагогика. — 2006 — №6.
8 Ибрагимов, Г.И. Требования рынка труда и их отражение в критериях качества подготовки специалистов [Электронный ресурс] // Материалы Межрегиональ-ной научно-практической конференции «Качество профессионального образо-вания и рынок труда»/Институт среднего профессионального образования РАО — 2002. Режим доступа: http://it-cpo.by.ru/s1–00.shtm.
9 Карасик, В.И. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // Языковая личность: проблемы институционального и персонального дискурса: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 64-75.
10 Карезин, В. Куда податься молодому специалисту? (вузы и рынок труда) [Элек-тронный ресурс] // «Управление персоналом» — 2000 — №2. Режим доступа: http://www.intel-sintes.ru/Magazin/index².htm
11 Ковшиков, В.А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности/В.А. Ковши-ков, В.П. Глухов. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — 318 с.
12 Левитес, Д. Хорошо ли мы работаем, когда думаем, что работаем хорошо? // Первое сентября. — 2001 — №3.
13 Ломов, Б.Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды/под ред. В.А. Баранщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. — М.: Изда-тельство Московского психологического института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 424 с.
14 Лубожева, Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного со-става общеупотребительного языка (на материале экономической терминологии английского и русского языков). Дисс… канд. филол. наук: 10.02.20. — Челя-бинск: 2006. — 204 с.
15 Оберемко, О.Г. Современные подходы к формированию профессионально ком-петентного лингвиста (преподавателя и переводчика) // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сборник материалов международной научной конференции 20-21 сентября 2007 г. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. — 364 с.
16 Социологический энциклопедический словарь/под ред. Г.В. Осипова. — М.: ИНФРА, 1998. — 488 с.
17 Федеральный закон «об Образовании» [Электронный ресурс], О Концепции мо-дернизации российского образования на период до 2010 года. — М. — Приказ N 393 от 11.02.2002.
18 Эвальд, Т.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции при обучении английскому языку старших школьников // Проблемы лингвистики и методики преподавания языков в свете интеграции гуманитарных наук: Мате-риалы региональной заочной научно-практической конференции/под ред. А.Л. Солдатченко. — Магнитогорск: МаГУ, 2008. — 135 с.
19 Электронный словарь ABBYY Lingvo 12. — ABBYY Software, 2006.
20 Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assess-ment. — Strasbourg, Council of Europe. 2003. — 264 pages.

Учёные записки № I-2 (1) 2010
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T.E.Nalivayko, M.V.Shynkoruk

13.00.08

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
INNOVATION POTENTIALS OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION AS A PREREQUISITE FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCIES OF UNIVERSITY STUDENTS

Наливайко Татьяна Евгеньевна — доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе Комсмольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: tenal@knastu.ru
Ms. Tatiana E. Nalivayko — Doctor in Education, Professor, Provost for Educational Work at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсмольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ari-shinkoruk@yandex.ru
Ms. Marina V. Shynkoruk — PhD in Education, Associate Professor at the Department of of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического анализа и обобщения практического опыта развития социальной и коммуникативной компетентности обучающихся в условиях реализации инновационного потенциала образовательного учреждения через содержание и технологии образования, микросферу образовательного учреждения, в котором организация и содержание жизнедеятельности ориентированы на актуализацию активности, свободы выбора, возможности самореализации личности учащихся, а также ролевые и личностные отношения и общение педагогов и учащихся.

Summary: The article presents the results of the theoretical analysis and generalization of practical experience on the issue of developing students' social and communicative competences in the context of fulfilling an educational institution's innovative potential via educational content and technologies, and the atmosphere in which both the organization and activities are directed towards the freedom of choice, personal fulfillment of students, and role-specific and personal relations and communication between teachers and students.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, компетентностный подход, социальная компетентность, коммуникативная компетентность, содержание образования, образовательные технологии.

Keywords: innovations, innovative potential, competence approach, social competence, communicative competence, educational content, educational technologies.

Понятие инновации в педагогике осмысляется как ядровой компонент модернизации образования, как характеристика процесса системного, научно обоснованного изменения существующего порядка вещей посредством отыскания методологических оснований, выстраивания теоретических основ, разработки и реализации идей, способных принципиально активизировать развитие и социальное становление получающих образование.

Материал поступил 18. 12. 2009 г.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕ-ЖДЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И КОММУ-НИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Под инновационным потенциалом образовательного учреждения понимается определенный морально-психологический, организационный, методический ресурс, обеспечивающий введение инноваций в образовательный процесс образовательного учреждения.

К ресурсам образовательного учреждения по обеспечению развития социальной и коммуникативной компетентности относят [2; 11; 8; 14 и др.]:

— содержание и технологии образования;

— микросферу школы, в которой организация и содержание жизнедеятельности ориентированы на актуализацию активности, свободы выбора, возможности самореализации личности учащихся;

— ролевые и личностные отношения и общение педагогов и учащихся.

При этом образовательное учреждение может влиять на учащегося как на основе регулирования воздействия на него различных сфер, так и создавая условия для проявления активности учащихся в этих сферах [11, 63].

Остановимся более подробно на общих характеристиках каждых из этих ресурсов.

Содержание и технологии образования аккумулируют в себе культурные достижения общества и составляют основной потенциал развития социальной и коммуникативной компетентностей в системе образования.

Анализ научной литературы показывает, что содержание дополнительного образования часто понимается в узком смысле — только как предметное («чему учить»). При этом существует ряд исследователей [1; 3; 13 и др.], которые рассматривают его шире:

— предметное — чему учить;

— субъектное — кого учить, кто будет учить;

— технологическое — как учиться;

— коммуникативное — как организовать общение, взаимодействие, партнерство, сотрудничество, сотворчество;

— культурное — как обеспечить культуросообразность и и культуроемкость образования, организовать культурную и мультикультурную среду образования.

В концепции «Система дополнительного образования детей» В. А. Горского, А. Я. Журкиной, Л. Ю. Ляшко, В. В. Усанова [4] основное содержание дополнительного образования, формы и методы реализации основываются на уровнях использования времени: досуговом, репродуктивном, эвристическом, креативном.

Наряду с уровневым подходом к построению и реализации содержания дополнительного образования авторы Концепции предлагают модульный подход в качестве способа организации жизнедеятельности учащихся с целью достижения определенного уровня их образованности как конечного результата. Авторы отмечают, что полноценное дополнительное образование, доведенное до уровня культуры личности, учащийся может получить, если его индивидуальная образовательная траектория проходит через три образовательных модуля: обучающий, или учебный; практический; надпредметный, или развивающий.

В контексте нашей проблемы модульный подход к конструированию содержания дополнительного образования представляется оптимальным, поскольку именно он в большей степени согласуется с компетентностным подходом в образовании.

Конкретизируя модульный подход рамками задачи развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся, мы получаем следующие характеристики образовательных модулей.

Первый модуль — обучающий (предметный, профильный) формируется на основе опыта углубленного освоения заинтересовавших учащегося знаний и опирается на вариативную часть базисного учебного плана общеобразовательного учреждения. Этот модуль включает в себя отдельные предметы (дисциплины), курсы, темы или их определенный набор в соответствующей области знаний. Результат освоения предметов этого модуля — конкретные знания о сущности феноменов «социальное взаимодействие», «коммуникация», «социальное пространство», «проблема», «препятствие», «трудность», «самопознание», «саморазвитие», «самоопределение», «жизненные ценности», «нравственные нормы», «ситуация общения», «речевые средства», «информация» и др.; о способах управления собой, самопознания, самоизменения, ведения диалога, выражения своих мыслей; о формах самопрезентации, постановки вопросов, ответов на вопросы, ведения диалога и т. д.

Следующий — развивающий (надпредметный, метапредметный) модуль — включает занятия, развивающие коммуникативные способности и способности социального взаимодействия ребенка определенного возраста. Он охватывает все образовательные области в аспекте социального развития личности учащегося, что очень важно как для любой профессиональной деятельности, так и для воспитания всесторонней и гармонично развитой личности. Развивающий модуль охватывает опыт освоения предметного содержания деятельности учащихся (практическая деятельность, самодеятельность детей). Результатом усвоения этого образовательного модуля являются развитые способности эмпатии, толерантности, сопереживания, другодоминантности, критичности, в том числе самокритичности, самопознания, самоизменения, устойчивости к негативным влияниям окружающей среды и др.; потребности в достижении успеха, в общении, в диалоге, в самоактуализации и т. д.

Практический модуль, являющийся центральным, основополагающим в дополнительном образовании, дает основания для разграничения основного образования от дополнительного: в дополнительном образовании есть реальная практическая деятельность, результатом которой является продукт (например, поделка, проект, исследовательская работа, спектакль и т. п.). В результате участия детей в конкретном деле, с одной стороны, формируется мастерство (решения социальных проблем; общения), с другой стороны, ребенок осваивает опыт эмоционально-ценностных отношений в определенном объединении. Более того, опыт совместной деятельности, общения ребенок получает лишь в такой поливозрастной и полипрофессиональной общно-

сти. При этом как раз и происходит настоящий процесс образования (освоение «образа» Человека, Профессионала, Мастера), в отличие от трансляции знаний в предметном модуле. Важность этого модуля заключается и в том, что в нем полученные знания не являются только порциями информации, а становятся личностно-значимыми знаниями-убеждениями, практическими умениями и навыками.

Л. Ю. Ляшко отмечает, что построение образовательного процесса с учетом всех образовательных модулей учебного плана «представляет собой модель системы дополнительного образования детей, в которой каждый элемент (модуль) несет определенную функциональную нагрузку, а его отсутствие приводит к традиционным несистемным формам дополнительного образования (кружковым, клубным и т. д.)» [7, 14].

Содержательной основой системы дополнительного образования в школе выступают разнообразные дополнительные образовательные программы, реализуемые через разветвленную сеть объединений. Дополнительное образование существует там, где есть дополнительная образовательная программа, вне зависимости от того, в каком типе и виде образовательного учреждения она реализуется.

По своей направленности педагогические программы могут быть разделены на два основных типа: образовательные и досуговые. В педагогических трудах по проблемам дополнительного образования представлена самая общая классификация программ дополнительного образования: традиционные, альтернативные, вариативные. Педагогические программы дополнительного образования рассматриваются как прикладные, практические программы, основанные на опыте детской самореализации. Целью их является стимулирование и развитие потенциала личности, включение ее в систему социальных коммуникаций через обучение, общественно полезную практику и досуг.

Интересным представляется опыт разработки программ развития социальной компетентности, предлагаемый А. А. Яруловым [14]. Разработанные автором программы «Самовоспитание», «Ориентиры — задания школьникам по самовоспитанию», «Жизневедение» ориентированы на помощь школьникам в овладении знаниями, нормами и правилами жизни в обществе, формирование у них готовности к принятию осознанных решений и к индивидуальному, коллегиальному социальному и гражданскому действию. Немалое внимание в содержании программ уделено основам эффективных коммуникаций: выполнение программы предполагает вхождение школьника в различные речевые ситуации, решение коммуникативных задач (подготовка сообщений, восприятие высказывания, ведение диалога, заполнение документов и т. д.). Очень важным представляется то, что данные программы носят интегративный характер, объединяя различные виды учебной и внеучебной деятельности учащихся, что соответствует идее интеграции общего и дополнительного образования в общеобразовательном учреждении.

Содержание дополнительного образование реализуется в практике развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся посредством образовательных технологий — законосообразной педагогической деятельности, реализующей научно обоснованную модель образовательного процесса. Спектр педагогических технологий, обеспечивающих развитие социальной и коммуникативной компетентности средствами дополнительного образования, весьма многообразен.

Основой технологического обеспечения развития социальной и коммуникативной компетентностей в модели дополнительного образования является технология саморазвития школьников (Г. К. Селевко), предполагающая ряд организационно-методических изменений, направленных на раскрепощение школьников.

В современной педагогике представлены технологии, которые, как и предыдущая, опираются на субъектную активность личности, под которой понимают психический процесс осознания личностью себя, своего Я. Субъективная активность лежит в основе социальной компетентности человека. Проектные, творческие, продуктивные, поисковые, проблемные технологии, предполагающие введение ученика в состояние неопределенности, требующие от него самостоятельного поиска выхода, решения задачи, исходят из субъективной активности учащегося.

Методическую основу большинства технологий составляют дифференциация и индивидуализация обучения. В условиях дополнительного образования существует реальная возможность корректировать, изменять количество часов в соответствии с личностными способностями и возможностями детей. Это позволяет педагогу формировать учебные группы по темпу обучения (высокий, средний, низкий), а учащимся — переходить из одной группы в другую внутри одного направления. Обучение в дополнительном образовании организуется на разных уровнях с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, на основе активности, самостоятельности, общения детей [13, 115]. Задача развития компетентностей школьников требует особого внимания к организации самостоятельной работы в сочетании с приемами взаимопроверки, взаимопомощи, взаимообучения. Основой дифференциации в дополнительном образовании может также выступать наличие нескольких программ, отличающихся глубиной и объемом материала (И. П. Гузик); интерес учащихся, на основе которого выделяются углубления, профили, клубы, студии и т. п. (И. Н. Закатова). Каждое объединение позволяет ребенку выявить свои способности и задатки, т. е. осуществить социальную пробу личности.

Для реализации задачи развития социальной и коммуникативной компетентности средствами дополнительного образования представляет интерес технология творческой деятельности (Л. Н. Буйлова, С. В. Кочнева), направленная на выявление, учет, развитие творческих способностей детей и приобщение их к многообразию творческой деятельности с выходом на конкретный продукт, который можно фиксировать (изделие, модель, макет, сочинение, сообщение, составленный документ, анкета, опросник и т. п.); на воспитание общественно-активной личности; на организацию социального творчества, направленного на служение людям в конкретных

социальных ситуациях. Творческая деятельность разновозрастных групп, направленная на поиск, исследование, изобретение, имеет социальную значимость и предполагает в своем воплощении диалог, общение равноправных партнеров.

В дополнительном образовании часто применяются игровые технологии, которые обладают средствами, активизирующими и интенсифицирующими деятельность учащихся (Ю. П. Азаров, Л. С. Выготский, О. С. Газман, Б. Н. Никитин и др.). Игра — это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением. Через моделирование различных социальных и коммуникативных ситуаций игра позволяет сформировать соответствующий опыт, «прожить» позитивные и негативные моменты, сформировав к ним устойчивость, выработав стратегии преодоления препятствий в общении и социальном взаимодействии.

Зачастую игры и игровые технологии используются в организации и проведении тренингов социальной и коммуникативной компетентностей. Тренинг — интенсивное обучение с практической направленностью, в котором используются активные методы групповой работы с целью развития [10, 291].

С. Н. Лютова [6] представляет цикл тренингов коммуникативной компетентности «Коммуникативная компетентность: практикум по риторике», рассчитанный на восемь-девять встреч. Программа тренингов составлена из классических ораторских упражнений, упражнений социально-психологического тренинга, упражнений в актерском мастерстве.

Говоря о технологическом обеспечении развития социальной и коммуникативной компетентности учащихся средствами дополнительного образования, необходимо отметить, что образовательный эффект зависит не только от выбранной педагогическим коллективом образовательной технологии, но и от алгоритма разработки и практического воплощения самой модели дополнительного образования, выступающего по отношению к описанным технологиям метатехнологией.

Технология моделирование системы дополнительного образования в учебном заведении является отражением упорядоченной деятельности субъектов образовательного процесса в соответствии с определенной логикой. Раскроем технологию моделирования системы дополнительного образования, которая нашла практическую реализацию и подтвердила свою эффективность в опытно-экспериментальном исследовании моделирования системы дополнительного образования в инновационном общеобразовательном учреждении.

Этап 1. Целевая структуризация. Содержание этапа: формирование социального заказа, изучение образовательной среды учебного заведения, проблемно-ориентированный и рефлексивный анализ его деятельности, фиксирование тенденций развития дополнительного образования (в виде целей и направлений деятельности). Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по определению целей и направлений работы учебного заведения в целом и развитию дополнительного образования в частности. Результат взаимодействия: формулирование целей и определение стратегии развития системы дополнительного образования в учебном заведении.

Этап 2. Анализ возможностей образовательного учреждения. Содержание этапа: выделение блоков возможностей школы (мотивационные, кадровые, нормативно-правовые и финансовые возможности, материальные ресурсы, возможности обучающихся), декомпозиция возможностей учебного заведения в соответствии с социальным заказом. Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по анализу возможностей школы. Результат взаимодействия: структурированные возможности учебного заведения по организации дополнительного образования.

Этап 3. Выбор принципиальной схемы построения модели дополнительного образования в образовательном учреждении. Содержание этапа: выделение общих принципов построения модели дополнительного образования, ее компонентов (блоков), уровней соподчинения, распределение функционала.

Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по выбору принципиальной схемы построения модели дополнительного образования в образовательном учреждении. Результат взаимодействия: модель дополнительного образования.

Этап 4. Разработка внутренней структуры компонентов модели дополнительного образования в учебном заведении. Содержание этапа: определение структуры компонентов модели дополнительного образования, выделение главного звена в содержании деятельности. Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по определению структуры и содержания компонентов дополнительного образования, выделению главного звена. Результат взаимодействия: модели компонентов системы.

Этап 5. Выбор диагностических процедур для определения эффективности разработанной модели дополнительного образования. Содержание этапа: разработка подходов, выделение направлений и определение критериев эффективности разработанной модели дополнительного образования. Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по определению параметров и критериев диагностики системы дополнительного образования в учебном заведении. Результат взаимодействия: направления анализа, подходы, система критериев и параметров результативности разработанной модели дополнительного образования, определение информационных потоков.

Этап 6. Коррекция разработанной модели дополнительного образования и ее подсистем в учебном заведении. Поле взаимодействия: совместная деятельность участников образовательного процесса по коррекции разработанной модели. Результат взаимодействия: окончательная модель системы школьного дополнительного образования.

Описанная технология моделирования позволяет каждому учебному заведению на основе возможностей внутренней и внешней среды и с учетом соци-

ального заказа субъектов образовательного процесса разработать свою модель дополнительного образования [13, 109-111].

Следующим ресурсом образовательного учреждения по обеспечению развития социальной и коммуникативной компетентности является микросфера образовательного учреждения (школы).

Определяя понятие «микросфера школы», исследователи обращаются к различным сходным, но имеющим свою специфику категориям. Одной из таких категорий является «климат школы», под которым Г. Уолберг понимает все происходящее в школе и оказывающее непосредственное воздействие на развитие личности ученика. К. Андерсон рассматривает климат как качество «организационной среды школы», М. Хепберн — как взаимоотношения субъектов учебно-воспитательного процесса, «качество жизни» и социальное окружение данной школы [13, 52]. Более распространенным понятием, вбирающим смысловые оттенки представленных понятий, в отечественной педагогике выступает «культура школы» или «культурная среда школы», определяемое как пространство культурного развития детей в детской общности, выражаемое через такие параметры как отношения, ценности, символы, вещи, предметы. Многие авторы в своих работах обращали внимание на наличие специфической, уникальной культуры, характерной для хороших, эффективных школ. В число таких ценностей входят взгляды на мир, ценности, принципы, традиции, ритуалы, правила, привычки, нормы поведения (А. Адамский, В. А. Сухомлинский, Е. А. Ямбург и др.).

Все современные исследователи сходятся в одном — гармоничное развитие личности возможно только через гуманизацию образовательной среды школы. Этот тезис справедлив и относительно развития компетентностей учащихся в системе дополнительного образования. Поскольку именно в гуманизированной среде, целью которой является «обеспечение гармонии личности с окружающим миром и обретение ею внутренней гармонии» [13, 53], возможно создание условий для обеспечения прав ребенка (право на собственную позицию, на выбор видов деятельности и т. д.), обстановки ненасилия, психологической комфортности, создающих предпосылки для самопознания, самоорганизации, самовоспитания.

Школа с развитой системой дополнительного образования должна аккумулировать такую созидаемую, субъектно-развивающую, гуманизированную среду, которая снабжает школьников разнообразным опытом взаимодействия с социумом. Опыта, формирующего реальную позитивную самооценку своих сил и возможностей, основанного на самодеятельности взрослеющего человека, обогащающего и расширяющего границы социально-коммуникативного пространства личности, позволяющего становиться субъектом собственной жизнедеятельности.

Инновационный потенциал среды образовательного учреждения отражается в имидже школы, т. е. её привлекательном образе, складывающемся из комплекса впечатлений и ожиданий различных групп социума [13, 92]. Исследование Т. И. Черноусенко показало, что система дополнительного образования существенным образом влияет на имидж образовательного учреждения. Для разработки имиджа инновационной школы автор предлагает использовать результаты изучения социального заказа и специально проведенный опрос учащихся и родителей конкретного образовательного учреждения. Анализ ответов учащихся и родителей позволит ориентироваться в организации процесса развития социальной и коммуникативной компетентности учащихся на запросы конкретных групп «потребителей» образовательных услуг. Так, осуществленный исследователем социологический опрос старшеклассников и их родителей позволил выделить три основных группы проблем:

1 жизненные перспективы молодого поколения (возможность получить высшее образование; перспективы трудоустройства; служба в армии; экономические проблемы страны; жизненная карьера);

2 проблемы социального участия и повышения гражданской активности старшеклассников (потребность в деятельности молодежных организаций; недостаточность молодежных центров; возможность трудоустройства в каникулярное время; организация слетов и форумов старшеклассников);

3 проблемы безопасности жизни и здоровья старшеклассников; их физическое и духовное состояние (обострение криминогенной обстановки; употребление алкогольных напитков; курение, наркомания; ухудшение общего физического состояния) [13, 103].

Выделенные проблемы и поиск путей их разрешения стали в последующем ориентиром в формировании социальной компетентности учащихся данного образовательного учреждения.

Для удовлетворения конкретных потребностей субъектов образовательного процесса школьное дополнительное образование может предоставить сумму знаний определенного профиля, широты и глубины, конкретные инструменты познания и действия, возможности для общения и взаимодействия с неким кругом лиц, профессионалов и др. [там же, 94].

Характеризуя инновационные возможности в организации пространства дополнительного образования школы, хотелось бы обратить внимание на еще один аспект, а именно содержательно-процессуальное насыщение среды образовательного учреждения средствами дополнительного образования. Здесь на наш взгляд на первое место должен выходить событийный подход в развитии социальной и коммуникативной компетентностей, предусматривающий эмоционально-смысловую оценку учащимися происходящего в школе, обеспечивающий принятие педагогических влияний и осознание личностной значимости социальной деятельности. Это становится возможным благодаря моделированию и созданию в образовательной среде «событий», т. е. ситуаций переживаний, оставляющих яркий след в памяти её участников. При этом важно учитывать, что эмоциональный мир ребенка довольно динамичен, и при многократном однотипном возбуждении переживаний эмоции затухают, поэтому реализация данного подхода не должна строиться на стереотипных ситуациях. Постоянная смена эмоционально насыщенных ситуаций — основное условие формирования позитивного эмоционального отношения

к явлениям реальности и успеха в формировании ключевых компетентностей школьников.

И последнее: значимым требованием в формировании культурной среды образовательного учреждения выступает участие самих учащихся (на всех ступенях обучения) в организации жизнедеятельности школы. Ученическое самоуправление не только средство развития компетентностей, но и возможность оценки их сформированности. Школа может стать моделью государственного устройства, как, например, в социально ориентированной комплексной игре «Школьная демократическая республика». Данную технологию можно использовать в обыденной повседневной жизни школы как важнейший инструмент формирования новой образовательной среды, которая меняет систему отношений участников образовательного процесса. Учащиеся и педагоги усваивают новые смыслы и содержание деятельности социальных институтов общества и государства, обогащают свой социально-коммуникативный опыт. Постепенно игра перерастает в уклад, образ жизни коллектива школы. К ней начинают относиться как к необходимому элементу организации жизнедеятельности детского и педагогического коллективов [14, 117-118].

Важным ресурсом развития социальной и коммуникативной компетентностей учащихся в условиях дополнительного образования школы становятся ролевые и личностные отношения и общение основных субъектов образовательного процесса. В этом плане успешность прежде всего определяется коммуникативной компетентностью педагога дополнительного образования. При этом решающее значение имеет способность и возможность педагога найти оптимальные, индивидуальные вербальные и невербальные коммуникативные средства и реализовать их в конкретной речевой ситуации.

Исследования показывают, что зачастую педагог строит своё отношение к учащимся только как предъявление требований и строит свое отношение к ним по тому, насколько он послушен: чем более самостоятелен учащийся в общении, в своих суждениях, тем негативнее оценивается педагогом направленность личности данного учащегося, его характерологические особенности. Такая ситуация особенно опасна в подростковом и юношеском возрасте, когда актуализируются потребности в достижениях, в самоутверждении, самореализации, и педагог может стать фактором нарушения социализации [11, 66].

И. И. Лукьянова отмечает, что препятствием на пути развития социальной взрослости подростков и формирования их социальной компетентности является долго сохраняющееся отношение взрослых к подростку как ребенку. Оно противоречит представлениям подростка о степени его собственной взрослости, его претензиям на новые, «взрослые» права и является дополнительным источником различных конфликтов и трудностей во взаимоотношениях со «взрослым» социумом. Необходимо расширить права подростка, сферу его социального функционирования и изменить тип отношения к нему в кругу контактирующих с ним взрослых с тем, чтобы создать условия для проявления его реальной общественной активности. Кроме того, общение взрослого с ребенком может быть перспективным в плане формирования социальной компетентности, если учитывать потребность подростка в анализе мотивов поведения человека, стремление выделить разные точки зрения при оценке тех или иных поступков, при соблюдении или нарушении определенных социальных норм. Поэтому в общении с подростками взрослым следует не столько декларировать нормативные требования, сколько помогать им анализировать возможные варианты поведения человека в ситуациях социального взаимодействия [5].

В аспекте развития социальной и коммуникативной компетентностей для школьников большую роль играет общение со сверстниками. Оно необходимо по трем причинам [12]:

1. общение со сверстниками — очень важный специфический канал получения информации, с помощью которого подростки и юноши узнают многие необходимые сведения, по разным причинам не сообщаемые им взрослыми;

2. это специфический вид деятельности и межличностных отношений. Совместная деятельность вырабатывает у ребенка необходимые навыки социального взаимодействия, умение подчиняться коллективной дисциплине и в то же время отстаивать свои права, соотносить личные интересы с общественными;

3. это специфический вид эмоционального контакта. Осознание групповой принадлежности, солидарности, взаимопомощи не только облегчает школьнику автономизацию от взрослых, но и дает важное для него чувство эмоционального благополучия в социуме. Развитие собственной социальной компетентности — достаточно трудная задача для ребенка, так как их высокая потребность в общении вступает в противоречие с элементарным неумением общаться, слушать другого человека, поддерживать разговор, выражать свои чувства, реагировать на критику и критично оценивать высказывания и действия других людей.

Поэтому объектом специальной заботы педагога дополнительного образования в развитии социальной и коммуникативной компетентностей учащихся становится организация социально ценностного, позитивного, развивающего общения. Как отмечает А. В. Мудрик, для этого учителю необходимо решить, по крайней мере, три проблемы: создать в коллективе возможности для интенсивного содержательного общения; учить ребят общаться; установить доверительный контакт со школьниками [9, 141]. Главную роль в решении этих проблем автор отводит демократическому стилю общения и руководства коллективом.

Для развития компетентностей учащихся важно соблюдение условий: во-первых, содержание общения в коллективе должно быть проблемным; во-вторых, общение должно носить социально ориентированный характер. В качестве путей реализации этих условий А. В. Мудрик провозглашает:

— организацию разнообразной деятельности в коллективе;

— создание в процессе познавательной, трудо-

вой, социальной деятельности учеников ситуаций проблемности и задач, связанных с достижением цели деятельности;

— учет возрастных особенностей детей, их интересов и увлечений для обеспечения субъектной значимости жизнедеятельности школьников для конкретного коллектива, составляющих его групп, каждого школьника;

— построение жизнедеятельности коллектива так, чтобы в её процессе школьники побуждались к осознанию мировоззренческих вопросов, доступных их возрасту, к дискуссиям по возникшим проблемам;

— информационное насыщение жизнедеятельности коллектива;

— помощь школьнику в нахождении удовлетворяющей его системы общения в группе кружка, секции, факультатива и т. д.

По мысли А. А. Ярулова для развития социальной компетентности учащихся необходима иная (в отличие от традиционной), новая форма выстраивания и регулирования межличностных и ситуационно-ролевых отношений субъектов взаимодействия — договор, отражающий социальный заказ. Данный механизм отношений основан на том, что именно в договоре содержится возможность соотнесения и гармонизации двух компонентов субъектности: «личностных интересов» и «способов эффективного взаимодействия», несоответствие которых зачастую приводит к конфликтам. Договор (социальный заказ) позволяет создать условия для гармонизации интересов и адекватные способы их реализации. Суть социального заказа школы, обращенного к учащимся, заключается в том, что основные требования учебного заведения скрепляются договорными нормами с учениками, а со временем «буква закона» закрепляется в повседневных нормах взаимоотношений между администрацией, педагогами, учениками, родителями, сотрудниками. Повседневные нормы играют роль опоры, которая помогает коллективу жить и развиваться на основе ролевых функций, введенных в школу «параграфом», системой договорных норм. Договор регламентирует отношения партнеров, наделяя их атрибутами субъектности [14, 10].

Таким образом, инновационный потенциал образовательного учреждения позволяет развивать социальную и коммуникативную компетентности учащихся через:

— интеграцию основного и дополнительного образования, реализующуюся в совмещении различных видов общих и дополнительных программ, их вариативности и разноуровневости;

— ориентацию педагогических технологий на индивидуализацию и дифференциацию обучения и воспитания, опирающуюся на создание условий для развития познавательных, социальных и коммуникативных интересов учащихся, на обращение к тем технологиям, в которых используются совместные действия учащихся, формирующие коммуникативные, перцептивные, интерактивные навыки;

— предоставление учащимся возможности участвовать в управлении жизнедеятельностью школы, создании и поддержании имиджа образовательного учреждения;

— организацию в детском коллективе социально ориентированного общения, проблемного по содержанию, а не по форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульфсон, Б. Л. Стратегия развития образования на Западе на пороге 21 века/Б. Л. Вульфсон. — М.: Изд-во УРАО, 1999. — 208 с.
2. Головко, Е. А. Технология формирования коммуникативной компетентности молодых специалистов вуза на этапе адаптации к педагогической деятельности/Е. А. Головко: Автореф. дис. канд. пед. наук. — Ставрополь, 2004. — 20 с.
3. Гольдберг, В. А. Гуманистическая воспитательная система школы: становление и развитие/В. А. Гольдберг. — М.: Новая школа, 2001. — 176 с.
4. Горский, В. А. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей института общего среднего образования РАО/В. А. Горский, А. Я. Журкина, Л. Ю. Ляшко, В. В. Усанов // Дополнительное образование. — 2000. — №1. — С. 24-38.
5. Лукьянова, И. И. Базовые потребности возраста как основа развития социальной компетентности у подростков/И. И. Лукьянова // Теория и практика организации предпрофильной подготовки/Под ред. Т. Г. Новиковой. — М., АПУи ПРО, 2003. — 110 с.
6. Лютова, С. Н. Программа спецкурса «Коммуникативная компетентность: практикум по риторике/С. Н. Лютова // Дополнительное образование. — 2000. — №2. — С. 26-38.
7. Ляшко, Л. Ю. Обсуждаем проект базисного плана/Л. Ю. Ляшко // Внешкольник. — 1997. — №11-12. — С. 8-15.
8. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания: учебное пособие/Л. И. Маленкова. — М.: Педагогическое общество России, 2002. — 480 с.
9. Мудрик, А. В. Общение в процессе воспитания: учебное пособие. — М.: Педагогиче-ское общество России, 2001. — 320 с.
10. Педагогический энциклопедический словарь/Гл. ред Б. М. Бим-Бад. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — 528 с.
11. Смирнов, Б. В. Социализация, образование, воспитание: формы взаимодействия: монография/Б. В. Смирнов, Ю. А. Тюрина. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. — 136 с.
12. Токомбаева, Н. У. Роль социальной нормы в личностном становлении подростка как субъекта взаимоотношений с миром взрослых/Н. У. Токомбаева // Мир психологии. — 1997. — №1. — С. 120-129.
13. Черноусенко, Т. И. Моделирование системы дополнительного образования (на примере инновационного образовательного учреждения)/Т. И. Черноусенко. Дисс. на соиск. уч. степени канд. пед. наук. — Ставрополь. — 2003. — 196 с.
14. Ярулов, А. А. Формирование культуры социальной компетентности школьников/А. А. Ярулов // Школьные технологии. — 2005. — №2. — С. 4-15.

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

10.01.08

СИМВОЛ, КОНЦЕПТ, ТЕКСТ: ПРОСТРАНСТВО ЭКСПЕРИМЕНТА
SYMBOL, CONCEPT, TEXT: THE LAND OF EXPERIMENT

Авдеенко Иван Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: iavdeenko@mail.ru
Ivan A. Avdeenko — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Language Studies of the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается соотношение понятий символ и концепт. Автор предлагает рассматривать их как означаемое и означающее знака особого рода, в семантике которого отсутствует понятийный компонент. Отсутствие понятийного содержания символа обеспечивает обмен компонентами с другими единицами и позволяет ставить в пространстве текста эксперименты, направленные на познание возможностей сочетаемости символа и получение нового опыта.

Summary: The paper deals with the relation between the notions of a «concept» and a «symbol». It is suggested that this dyad can be viewed as the signified and signifier belonging to a special sort of a sign in whose semantics the conceptual component as such is absent. Lack of conceptual content in a symbol makes possible the exchange of components with other linguistic entities and allows for setting up experiments within a text with the aim of studying the combinatorial properties of a symbol and the gain of new experience.

Ключевые слова: символ, концепт, текст, контекст, эксперимент.

Keywords: symbol, concept, text, context, experiment.

В постструктурном языкознании термин концепт имеет две основных интерпретации, не совпадающих по содержанию с терминами «образ» и «понятие». Первая интерпретация лежит в сфере влияния когнитивной лингвистики: концепт как универсальная мыслительная единица. Вторая — в сфере лингвокультурологии: концепт как ключевое культурное представление. Существующие модели концепта так или иначе надстраивают названные интерпретации над понятием. При этом названные интерпретации не исключают, а продолжают друг друга: если концепты, в понимании когнитивистов, являются мыслительными универсалиями, а их совокупность составляет концептуальную картину мира, то в понимании лингвокультурологов они являются культуроспецифичными универсалиями и образуют языковую картину мира.

В гуманитарных науках, хотя и менее активно, чем концепт, бытует термин «символ», в который вкладывается сходное содержание. Сравним следующие суждения: «наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [7, 191]. Концепт является результатом столкновения словарного значения с личным и народным опытом человека [5, 281]. Авторы отмечают, что и концепт, и символ находятся на границе понятийного и смыслового содержания, а также продуцируются их взаимодействием. Еще два суждения: в роли канонического символа выступают слова, освященные культурной традицией [2, 27]; концепт — сгусток культуры, посредством которого человек входит в культуру и культура входит в человека [9, 40]. Авторы двояко называют единицу, которая обеспечивает взаимодействие человека и культуры.

Наряду с идеями о когнитивной природе концепта высказываются идеи о когнитивной природе символа, причем и здесь наблюдается та же двойственность интерпретации: «может сложиться впечатление, что в настоящее время появились, наконец, необходимые *культурные* и *познавательные* предпосылки для открытия того, чем является символ для *культуры* и для *человеческого сознания*» [1, 59] (курсив мой — И. А.). Указанные сходства говорят о том, что под концептом и символом имеются в виду если не тождественные, то сходные или смежные явления. Целью данной статьи является соотнесение понятий символ и концепт, а также построение динамической модели их взаимодействия с контекстом.

Далее для обозначения этих смежных явлений используется термин «символ», так как он предполагает наличие двух планов (выражения и содержания) и тем самым больше соответствует объекту лингвистики (языковым единицам), в то время как концепт — исключительно семантическое образование.

Представляется, что когнитивная природа символа, принципиально отличающая его от метафоры и фрейма и предопределяющая его лингвокультурные свойства, состоит в его экспериментальном характере. Экспериментальный характер предполагает отступление от упорядоченной культурой структуры познания с целью получения альтернативного опыта. В ходе эксперимента человек помещает символ в разнообразные контексты и получает набор некоторых валентностей, которые существенно расширя-

Материал поступил 15. 01. 2010 г.

ют представления о его содержании (ср.: «Языковое знание <…> предопределяет сочетаемость единиц языка в речи и проявляется в этой сочетаемости» [10, 185]). Причем это расширение может отрицать понятийные компоненты содержания, а сам символ, в случае разделения валентностей носителями культуры, приобретать характер культурного явления и тем самым определять характер понимания самого себя. Сама возможность такого эксперимента показывает принципиальное отличие символа от понятия: понятие направлено на дифференциацию в рамках одной категории, а символ — на интеграцию в рамках различных категорий, соединение логически удаленных компонентов. Наиболее ярко этот эксперимент выражается в художественной литературе.

В этом отношении представляет особый интерес монография А.А. Шунейко, в которой убедительно показано, что символ является верифицируемой лингвистической и семиотической категорией с четко определенным набором необходимых и достаточных признаков. При этом нужно отметить, что автор использует термин «символ» в синонимическом ряду «символ, концепт, понятие» [11, 21], понимая под ним знак с неопределенной семантикой. Автор утверждает, что символ регулирует духовную деятельность масона, создавая вокруг себя семантическую воронку безграничных интерпретаций [там же]. Семантическая воронка, о которой идет речь, является существенным признаком символа. Однако возникает вопрос, что именно создает такую воронку: символ как означающее (материально выраженная оболочка знака или образ, связанный с материально выраженной оболочкой), которое генерирует собственные интерпретации, или семантика символа, определяемая пространством культуры или характером познавательной деятельности человека?

Как отмечает А.В. Кравченко (который высказывает среди прочих идею о том, что концепт выступает в качестве означаемого символа [3, 98-99]), для интерпретации объекта как культурного символа необходимы, во-первых, ассоциации с соответствующей концептуальной структурой, во-вторых, достаточный объем фоновых знаний, включающих необходимый опыт разделяемой данным этносом культуры, а в-третьих, осознание знакового контекста [там же: 100-108]. Если согласиться с А.В. Кравченко, ответ на поставленный вопрос представляется очевидным: не означающее символа, а коды культуры и механизмы познавательной деятельности человека создают специфику функционирования символа. Данные аспекты символа укладываются в названные в начале данной статьи понимания термина концепт.

При развернутой расшифровке содержания символа в литературе дается описание того, что принято называть концептом. Например, «ХЛЕБ-СОЛЬ — в нар. культуре символ гостеприимства, благополучия, достатка, жизни <свернутая расшифровка — И. А. >. Соль и хлеб рассматривали как единое, неразрывное и обязательное, ср.: «хлеб-соль не бранится», «без соли и хлеба не ется», «встретить Х.-С.», «на хлебе, на соли, да на добром слове», хлебосольство — радушие и щедрость при угощении, хлебосольный — гостеприимный и т.д. Х.-С. — это и стол, и обед, и просто предлагаемая пища или угощение; пожелание благополучия, знак дружбы: «Дай Бог с нами пожить да Х.-С. поводить» <и т.д., развернутая расшифровка — И. А. >» [12].

Рассмотрение символа и концепта как означающего и означаемого может обеспечить преодоление ореола мистичности символа, отмечаемого ведущими учеными. Например, у Ю.М. Лотмана находим следующее высказывание: «отношение символа к его значению всегда имеет не полностью предсказуемый, а лишь частично конвенциональный художественный или мистический характер» [8, 417]. Концепты и концептосферы в большом числе современных работ подвергаются вполне рациональному описанию.

Представляется, что символ как особый знак возникает в результате оперирования понятием. В процессе углубления понятия (познания) происходит соотнесение понятия с другими понятиями, что, с одной стороны, обогащает понятие, а с другой — отягощает его. В конечном счете этот процесс завершается отрывом знака от понятия, что знаменует собой появление символа. При этом означающее не изменяется, утрачивая связь с изначальным означающим. Образовавшийся семантический вакуум требует заполнения, которое реализуется путем втягивания в сферу означающего разнородных компонентов (эта разнородность определяется отсутствием у символа эталона отбора компонентов, которым в случае с обычными знаками является понятие). Притяжение множества компонентов приводит к еще большему разбросу символом своих смысловых связей, а это дополнительно активизирует втягивание символом новых компонентов семантики. Конечно, далеко не все слова естественного языка приходят к такому состоянию, но потенциальные возможности для этого есть у каждого слова.

Например, возьмем слово «камень» и его понятийное содержание ‘природный объект твердой минеральной породы’. В процессе познания свойств камня возникает ряд внепонятийных ассоциаций: камень — оружие (отсюда держать камень за пазухой), камень — строительный материал (отсюда краеугольный камень, белокаменный), камень — твердость (отсюда евангельский Петр), камень — тяжесть (отсюда камень на душе), камень падает вниз (отсюда падать камнем), причем падение осуществляется сверху (отсюда представление о твердости неба), камень мешает земледелию (бросать камни в чужой огород), имеет разную ценность (разбрасывать камни и собирать камни, драгоценные камни), камень тонет в воде (с камнем на шее). Далее эти ассоциации в рамках некоторой культуры или как инвариантный механизм сознания начинают взаимодействовать между собой, минуя породившее их понятие.

Приведем в данном случае без интерпретации символа ряд примеров из русской рок-поэзии, в которых функционирует символ КАМЕНЬ. (1) Жизнь канет, как камень, в небе круги (Аквариум «Ласточка»). (2) Голод стиснул нам плечи/Между каменных плит (ДДТ «Новые блокадники»). (3) На холодном, хмельном, на сыром ветру/Царь стоит белокаменный,/А вокруг черными воронами/Старухи свет дырявят поклонами (ДДТ «Храм»). (4) В эту ночь я вдыхаю твой каменный запах,/Пью названия улиц, домов поезда

(ДДТ «Черный Пес Петербург»). (5) Ветер унесет нас в ночь, каменную ночь (Зоопарк «Если будет дождь»). (6) Обращайтесь гири в камни,/Камни обращайтесь в стены,/Стены ограждают поле,/В поле зреет урожай (Nautilus Pompilius «Гороховые зерна»). (7) И в ожидании тщетном святым камнем/Написал свое имя на песке/И канул в Лету — /Мой брат во Христе! (Крематорий «Брат во Христе»). (8) Стопудовый камень на шее — /Рановато, парни, купаться! (А. Башлачев «Некому Березу заломати»). (9) Невесело живется без работы/В хваленых джунглях каменной свободы,/Где правит ЦРУ и Пентагон (А. Башлачев «Подвиг разведчика»). (10) Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня/на камни жесткие, да прямо в жернова! (А. Башлачев «Мельница»). Если не учитывать, что символическое значение камня лишено понятийного ядра и в силу этого способно представить мир по-иному (как угодно), и, что парадоксально, более четко, выпукло, контексты 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, следовало бы признать лишенными здравого смысла даже с поправкой на метафорику.

В целом, характер взаимодействия символа, концепта и контекста можно представить в виде динамической модели (Рис. 1).

Как это отражено в рисунке, символ и концепт соотносятся как означающее и означаемое. При этом смысловые связи символа направлены от концептуальной составляющей к внеположенным знакам (в том числе другим символам) А, Б, В, Г. В то же время символ притягивает семантические объекты А, Б, В, Г или их компоненты к себе. В результате втягивания-рассеивания образуется торообразное семантическое завихрение, обеспечивающее как постоянный обмен компонентами между символом и внеположенными объектами, так и обмен компонентами (семантическую связь) между объектами А и Б, Б и В, В и Г, Г и А, А и В, Б и Г. Сами объекты А, Б, В, Г, взаимодействуя с символом, превращаются в такие же знаки, поскольку за счет него обрастают логически нерелевантными, но ассоциативно существенными смысловыми связями.

Основным полем экспериментов с символами, в которых «базовые эксперименциальные структуры свободны от любого <…> воздействия понятий» [4], является текст (в частности, художественный, хотя ограничения для символа и в этом отношении отсутствуют. Например, ДЕМОКРАТИЯ в контекстах демократический централизм, суверенная демократия, либерально-демократическая партия, демократические силы, торжество демократии и т. п.) выступает не как понятие, но как символ, смысл которого во многом противоположен одноименному понятию. В этом смысле сам термин «концепт» описанным выше путем для гуманитариев стал символом современности исследования, что ещё раз подчеркивает продуктивность использования термина «символ».

В данном случае мы остановимся на языке русской рок-поэзии и попытаемся пронаблюдать механизм работы с символом на примере текста Ю. Шевчука «Дождь».

Приведем весь текст: (1) Дождь, звонкой пеленой наполнил небо майский дождь./Гром, прогремел по крышам, распугал всех кошек гром./Я открыл окно, и веселый ветер разметал все на столе — /Глупые стихи, что писал я в душной и унылой пустоте. //

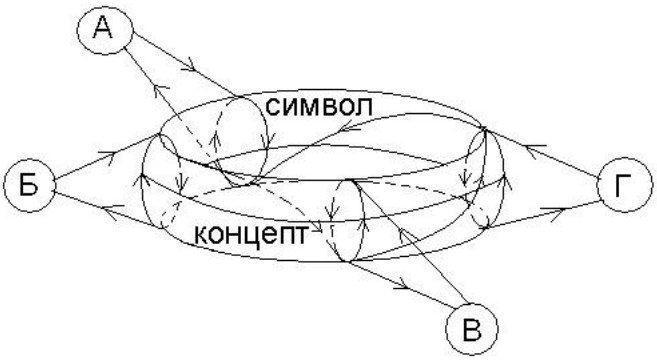


Рис. 1. Динамическая модель взаимодействия символа, концепта и контекста

(2) Грянул майский гром, и веселье бурною, пьянящею волной/Окатило: «Эй, вставай-ка и попрыгай вслед за мной,/Выходи во двор и по лужам бегай хоть до самого утра,/Посмотри, как носится смешная и святая детвора». // (3) Капли на лице — это просто дождь, а может, плачу, это я./Дождь очистил все, и душа, захлюпав, вдруг размокла у меня,/Потекла ручьем прочь из дома к солнечным некошеным лугам,/Превратившись в пар, с ветром полетела к неизведанным мирам. // (4) И представил я: город наводнился вдруг веселыми людьми,/Вышли все под дождь, хором что-то пели и плясали, черт возьми./Позабыв про стыд и опасность после с осложненьем заболеть,/Люди под дождем, как салют, встречали гром — весенний первый гром.

Первая часть текста в целом воспроизводит контекст типового использования знака ДОЖДЬ: небо, звонкий, пелена, наполнить, майский, гром, прогремел, крыша, ветер, разметать, где окно выступает в качестве элемента, связывающего контексты типового использования знаков ДОЖДЬ и КОМНАТА. Последний контекст очерчивается более лаконично: стол, писать, стихи, пустота, при этом возникает противопоставление контекстов (и знаков) по признакам полный — пустота, веселый — унылый. Однако инициальное сочетание *Звонкой пеленой наполнил небо майский дождь* может вызвать недоумение в силу отсутствия непосредственной сочетаемости компонентов пелена (ткань) и звонкий (звук), наполнить (сосуд, полусфера с вершиной внизу) и небо (полусфера с вершиной вверху). Опосредующим компонентом является, собственно, дождь: дождь — и пелена, и звонкий, и небо, и наполняет. Аналогичная ситуация возникает и при описании фрейма КОМНАТА: непосредственно не сочетаются душный (заполненный) и пустота (не заполненный), глупый (не имеющий смысла) и стихи (имеющий смысл), — но здесь опосредующим компонентом становится авторское я (душный для меня; пустота для меня; глупый, как я считаю; мои стихи).

Уже здесь наблюдается не только устранение понятийных границ через конструирование логически не сочетающихся контекстов, требующих интерпретации каким-то другим образом, но и установление идентификационных смысловых связей. Символ ДОЖДЬ посредством тождественного контекста майский интерпретируется как символ ГРОМ. Далее этот семантический комплекс совмещается с символом

ВЕТЕР через упоминание в тождественном контексте веселый (веселье). Кроме того, эти символы объединяются последовательностью ассоциативно связанных предикатов: <дождь> звонкий ↔ <гром> прогремел, распугал ↔ <ветер> разметал. Отсюда сочетание, сконструированное во второй части, — веселье окатило, которое интерпретирует эмоцию как воду (ветер и гром) и наоборот. Вместе с тем этот семантический комплекс посредством антонимичного контекста веселый — унылый, стол — небо противопоставляется стихам и пустоте.

Вторая часть текста в целом соответствует типовому контексту использования знака ВЕСЕЛЬЕ: бурный, пьянящий, вставать, прыгать, выходить во двор, бегать по лужам, носиться, смешной, детвора, — противопоставленному семантике знака КОМНАТА, очерченной в предыдущем контексте (унылый — смешной, глупый — святой, я — детвора). При этом имеются элементы, связывающие контексты использования знаков ДВОР, СВЯТОЙ, которые позволяют совместить символы ВЕСЕЛЬЕ и ВОДА (веселье окатило волной, лужи), а также ввести содержание текста в христианский контекст (грянул гром, выходи во двор — Лазарь! Иди вон (Иоан. 11:43); вставай-ка и попрыгай — Встань, возьми постель твою и ходи (Иоан. 5: 8); вслед за мной — И говорит им: идите за Мною (Мат. 4: 19); бегай по лужам — Он же сказал: иди. И выйдя из лодки, Петр пошел по воде (Мат. 14: 29); святая детвора — И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мат. 18: 3)).

Третья часть текста (поверхностная структура) описывает КРУГОВОРОТ ВОДЫ в физическом смысле (дождь, размокла, потекла ручьем, превратившись в пар, полетела), но в силу возможностей символа ДОЖДЬ, разворачивается и интерпретация дождя как эмоции, которая начинается с метафоры слезы (↔ капли) ↔ дождь. Психофизиологический компонент символа ДОЖДЬ ‘способный быть веселым’ (противоположный другому символическому смыслу ДОЖДЬ — СЛЁЗЫ) позволяет сделать следующий шаг эксперимента — отождествить репрезентации дождя и человека. Попутно компонент ‘глаз’ резонирует с первой строкой и прибавляет еще одну интерпретацию: дождь — это слезы неба (отсюда пелена <на глазах>, небо-глаз наполняется слезами, звонкий голос при плаче). Идентификация дождя и человека осуществляется посредством тождественного контекста это просто дождь, это я, что не соответствует ни логике понятий, ни метафорике, ни идиомам и влечет разворачивание смысловых возможностей идентификации: не собственно я, а моя душа, и не дождевая вода, а душа размокла, потекла ручьем (дождевая вода = душа), превратившись в пар (дождевая вода = душа), с ветром полетела (дождевая вода = душа); прочь из дома, к солнечным, некошеным лугам, к неизведанным мирам.

Полет к неизведанным мирам уже позволяет посмотреть не из окна на двор, а с неба на весь город, что кроме еще одной интерпретации инициального контекста (я — это небо, дождь — это мои слезы) разворачивает четвертую часть.

Четвертая часть соответствует в целом типовому контексту использования знака ПРАЗДНИК (город, веселые, люди, вышли все, хором, пели, плясали, салют, встречать). Причем компонент типового контекста «дождь мешает празднику» заменяется на противоположный — дождь и есть праздник (как салют встречали гром), а христианские компоненты устраняются контекстом (черт возьми, позабыв про стыд, опасность заболеть). В этой части эксперимента продукт воображения человека-бога материализуется, выражается и наблюдается в людях, которые идентифицируются с водой, наполнившей город. Как и автор в третьей части, они являются порождением и сущностью дождя и потенциально включаются в процесс круговорота воды как в плане её природности, так и в плане её духовности.

Таким образом, в тексте песни Ю. Шевчука наблюдается экспериментирование с символом ДОЖДЬ, которое реализуется благодаря свободе контекста его упоминания, взаимодействию семантических компонентов в обход понятия, в том числе за счет специфических свойств символа, то есть притягивания и рассеивания ассоциаций.

Интерпретация текста в таком аспекте позволяет выявлять механизмы его построения без использования туманных категорий и открывает перспективы дальнейшего изучения языка как средства не только выражения, но и становления мысли, аппарата человеческого познания мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев, Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект)/Г.И. Берестнев // Вопросы языкознания. — 2008. — №1. — С. 37-65.
2. Зельцер, Л.З. Выразительный мир художественного произведения/Л.З. Зельцер. — М.: Некоммерческая издательская группа Э. Ракитской («ЭРА»), 2001. — 452 с.
3. Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка/А.В. Кравченко. — Иркутск, 2001. — 261 с.
4. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование/Дж. Лакофф // Альтернативное будущее. — 2008. — 20 августа. Интернет-журнал. URL: http://a-future.ru/kognitivnoe-modelirovanie-dzh-lakoff. html (дата обращения 04.04.09).
5. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка/Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/под ред. проф. В.П. Нерознака. — М.: Академия, 1997. — 320 с.
6. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство/А.Ф. Лосев. — М.: Искусство, 1976. — 368 с.
7. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры/Ю.М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. Т.I. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин: Александра, 1992. — С. 191-199.
8. Лотман, Ю.М. Между эмблемой и символом/Ю.М. Лотман // Лотмановский сборник. Т. 2./сост. Е.В. Пермяков. — М, 1997. — С. 416-423.
9. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования/Ю.С. Степанов. — М., 1997. — 824 с.
10. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени/Л.О. Чернейко. — М., 1997. — 157 с.
11. Шунейко, А.А. Масонская символика в языке русской художественной литературы XXIII в. — начала XXI в./А.А. Шунейко. — Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. — 396 с.
12. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/rges (дата обращения 08.03.09).

Иванова Е. П. **10.02.21**
E. P. Ivanova

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ СЛОВАРЕ
NEW OPPORTUNITIES FOR SEMANTIZATION OF A LEXICAL ITEM IN THE CONTEXT OF A MULTIMEDIA DICTIONARY

Иванова Екатерина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: eivanova2003@mail.ru
Ms. Yekaterina P. Ivanova — Doctor in Philology, Professor at the Department of Romance Languages and Literatures at the Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, e-mail: eivanova2003@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется опция звукового воспроизведения в мультимедийных словарях французского языка. Делается вывод о качественной неоднородности используемых звуковых сигналов в представлении семантики описываемых лексических единиц.

Summary: The paper is concerned with the issue of the “Sound” feature provided for in modern multimedia dictionaries of the French language. A conclusion is made that the sound signals used for representation of semantics of lexical items in dictionaries lack quality consistency.

Ключевые слова: определение, электронный словарь, звуковое сопровождение, семантика, лексическая единица.

Keywords: definition, e-dictionary, sound feature, semantics, lexical items

Общеизвестно, что словарь является культурным феноменом и занимает особое место как тезаурус, представляющий состояние знания и культуры определенной эпохи. В этом смысле принято говорить о том, что словарь отражает кумулятивную функцию языка. С другой стороны, несомненно, что лексикография является плотью от плоти общих тенденций в развитии лингвистической мысли в целом, поэтому смена научной парадигмы в теории лингвистики с неизбежностью отражается на практике словарного дела. «Словарь — приём, метод, способ, средство познания языкового явления. Всё не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения» [1, 14].

Полнота и исчерпанность словарной статьи, с нашей точки зрения, обусловлена не только типом и направленностью словаря, но также в большой степени временным фактором, а именно «духом и воздухом» той эпохи, в которую словарь концептуально задумывается, рождается и материализуется. Если многовековую историю поступательного развития бумажных словарей, начиная с первых одноязычных словарей французского языка XVII века, можно охарактеризировать, по словам Б. Кемада, скорее как эволюцию, чем творческое обновление [6, 562], то появление в 90-х годах XX века первых онлайновых и электронных словарей на CD-Rom ознаменовало качественный, если не сказать революционный, переворот в лексикографии. При этом, с нашей точки зрения, невозможно анализировать радикальные изменения в современной электронной лексикографии вне общих трансформаций культурно-информационного пространства конца XX века начала XXI века, обусловленных сменой культурной парадигмы эпохи «галактики Гуттенберга», основанной на печатном тексте, на информационное общество средств массовой информации и компьютерных технологий.

Широкое применение электронных носителей на CD-Rom и на DVD-Rom в лексикографии начинается с 1990-х годов, когда издательства приступают к переносу бумажных версий словарей на электронные носители. Согласно М. Маклюэну [4], канадскому социологу, культурологу и теоретику коммуникационных технологий, переворот в культуре, приводящий к смене исторических эпох, происходит каждый раз тогда, когда появляется новое средство общения (Маклюэн выделяет культурные эпохи племенного, книжного и информационного общества). Существование печатных носителей информации в обществе, связанное с более чем 4-х вековыми традициями, превратило всеобъемлющий мир «галактики Гуттенберга» в конструкт культуры, отражающий «книжную» эпоху человеческого общества. Мысль Маклюэна о неразрывной связи культуры со средствами общения, формирующими сознание людей и их образ жизни, находит свое подтверждение в XXI веке, который определяется социологами как «информационное общество», предполагающее интеграцию существующей системы с новейшими средствами массовой ком-

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

муникации. Словарь за время своего существования превратился из произведения элитарного как по своему замыслу, так и по степени распространенности, в необходимый инструмент информационного (лексикографического) поиска, опирающийся на новые технологии и диверсифицированный в зависимости от профессиональных, возрастных, эстетических, идеологических и прочих характеристик его пользователя.

Электронный словарь настолько стремительно вошел в нашу жизнь, что мы не заметили, как превратились из читателей словаря в пользователей. Между тем, как представляется, речь идет не просто о замене бумажного носителя на электронный и об открывшихся в связи с этим новых возможностях, а о новой странице в истории словаря. Существуя в среде многомерного гипертекста, мультимедийный словарь открывает возможность более гибкого структурирования информации в виде сети относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания: отдельные фрагменты гипертекстового словаря (входные вокабулы, ключевые термины дефиниций), имеющие соответствующие отсылки, могут быть одновременно связаны самыми разнообразными отношениями, включающими не только семантические, но и ассоциативные (тематические) и т. п.

Преимущества электронного словаря в отличие от его печатного аналога заключаются в возможности сочетания информативного содержания книжной формы словаря с многочисленными мультимедийными опциями, представленными в удобном интерфейсе. Электронный словарь преодолевает многие препятствия, обусловленные ограниченным объемом и возможностями бумажных носителей. Главная проблема бумажного словаря, связанная с определением слова посредством других слов, оказывается снятой путем использования мультимедийных средств: экран, образуя своеобразное наложение страниц, открывает доступ к широкому выбору информации и различным стратегиям консультирования — продольного, перекрестного, через анимацию, поиск через другое слово или другой сайт. Все это в полной мере относится и к новым возможностям представления семантики лексической единицы на невербальном уровне.

Дидактическая функция словаря предполагает, прежде всего, семантизацию описываемого слова (от греч. semantikos — обозначающий), т. е. выявление смысла, значения лексической единицы, одновременно понимаемого и как процесс, и как результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы. В современной лингвистике термин семантизация одинаково активно используется в методике преподавания иностранного языка и в теории лексикографии, где выступает в качестве синонима терминам толкование и дефиниция в значении результата процесса выявления значения.

Для каждого отдельного словаря характерен свой набор параметров, которые лексикографируются в словарной статье. Под понятием параметра в данном случае понимается «некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами — это особое словарное представление структурных черт языка» [3, 52].

Учитывая многообразие типов современных словарей, реализуемое на уровне микроструктуры словаря, мы полагаем, что узловым моментом при семантизации лексики выступает словарная дефиниция и зона примеров. Потенциальная загруженность этих элементов объясняет их константное присутствие в структуре словарной статьи большинства словарей. Даже в тех редких случаях, когда, исходя из теоретических предпосылок, авторы отказываются от дефиниции (например, в словаре французского языка Dictionnaire du français vivant семантика входной вокабулы представляется не через традиционное лингвистическое определение, а через фразу-пример, за которой следует объяснение, выступающее, таким образом, как дефиниционная глосса), сохраняется зона примеров. При этом мы полагаем, что из всех компонентов словарной статьи входная вокабула и дефиниция несут на себе важнейшую коммуникативную нагрузку и могут рассматриваться как единый интродуктивный блок.

Традиционное лингвистическое определение, описывающее определяемое прежде всего как знак, входящий в семиотическую систему лингвистического кода, может быть охарактеризовано как автонимное. Современные мультимедийные словари часто прибегают к альтернативным способам представления семантики слова, противоположному автонимическому подходу, при которых слово рассматривается не с точки зрения языка, а с позиций мира вещей и его соотнесенности с реально существующими объектами (референтами). Речь идет об использовании иллюстраций (иконических элементов) и звуковом сопровождении (bruitage), которые, в отличие от лингвистического определения, опирающегося на рациональное усвоение выделенных признаков, аппелируют к чувственно-перцептивным основаниям. В то время как иконический элемент может считаться в определенной мере исконной принадлежностью словаря, сопутствующей лингвистической дефиниции, звуковое сопровождение — принципиально новая возможность описания семантики слова, если не воссоздания реального функционирования слова в дискурсивном пространстве. Анализ около 800 прослушанных звуковых воспроизведений мультимедийных словарей (см. прим. 1) позволяет констатировать их качественную неоднородность с точки зрения той роли, которую они играют в представлении семантики описываемых лексических единиц, и выделить два типа звуковых сопровождений, задействованных в мультимедийных словарях: звуковой знак в чистом виде и с включением вербального компонента.

Первый тип звуковых иллюстраций связан со слова-

ми, обозначающими природные явления, объекты природы, растительного и животного мира (rivière — le clapotis de l'eau; mer — le bruit des vagues; neige — le crispement des pas dans la neige; arbre — le bruissement du feuillage d'un arbre; abeille — des bourdonnements d'insectes (abeilles, guêpes); agneau — le bêlement du mouton; âne — le cri de l'âne и т. п.).

Как следует из приведенных примеров, звуки, воспроизводящие природные явления (шум дождя, скрип снега под ногами, раскаты грома, шум волн, шум разрушительного ветра при урагане или тайфуне, шум падающей воды большого водопада), можно квалифицировать как экзистенциональный существенный признак. Всякий раз, когда такое явление имеет место, в обязательном порядке актуализируется экзистенциональный признак «определенного вида шума» — не бывает дождя без шума падающей воды, гром должен проявлять себя грохотом, а сильный разрушающий ветер также обязательно сопровождается шумовыми эффектами.

Объекты растительного и животного мира также иллюстрируются сопутствующими им звуками (различные крики, издаваемые животными, шум листвы при движении ветра). Хотя эти признаки также субстанциональные, т. е. существенные для конкретных предметов действительности, по всей видимости, имеет смысл говорить об относительной существенности этих признаков, поскольку животное остается животным и в тот момент, когда не издает никаких звуков, дерево остается деревом и в безветренную погоду. Таким образом, информация об издаваемых этими объектами звуках существенная, но эвентуальная, сопутствующая для их идентификации как элементов, образующих соответствующий класс понятий. Наличие специальной лексики, обозначающей звуки, издаваемые животными (le bêlement du mouton, le grognement des porcins (cochons), les aboiements de chien, le miaulement du chat, le rugissement du tigre, le bramement des cervidés и т. п.), рассматривается некоторыми исследователями как языковое свидетельство, позволяющее говорить о том, что такая информация, составляя языковое значение слова, входит в знание языка, а не в энциклопедическую информацию о слове, и соответственно должна включаться в толковые словари в обязательную часть при толковании слова [2].

Кроме того, звуковые иллюстрации могут воспроизводить атмосферу ситуации или сценария действий, предполагаемых развитием данной ситуации, или атрибут, характерный для описываемого понятия: plage (vacances, congé) — l'ambiance de la plage; casino — le bruit de la roulette de casino; casse — le bruit d'un vase cassé; catamaran — l'ambiance d'un bateau en mer; école — des cris d'écoliers; panaché — le bruit des bulles pétillantes; avion — le décollage, l'atterissage d'un avion; âcre — ambiance du café; национальные гимны — при названиях стран, и т. п.

Если звуковое сопровождение первого типа относится к регулярно повторяемым приемам в мультимедийных словарях (т. е. дождь во всех словарях будет сопровождаться звуками дождя, а названия стран всегда сопровождаются выдержками из национальных гимнов) и в этом плане достаточно стандартное, то звуковое сопровождение с включением вербального компонента (с возможностью использования транскрипции аудиозаписи) в настоящий момент представляет собой совершенно новое и неизученное явление.

Звуковое сопровождение с включением вербального компонента, позволяющее дополнить лингвистическую и зрительную дефиницию, может способствовать успешному разрешению некоторых проблем, в частности, связанных с лексикографическим описанием междометий и абстрактных понятий. Известно, что вопросы теоретического статуса междометий и их отношение к значению и понятию до недавних пор занимали периферийное положение в лингвистической теории. Достаточно упомянуть, что до сих пор отсутствуют четкие критерии определения междометий, в частности, их разграничения от коммуникативных стереотипов (слова — приветствия, благодарности, извинения и т. д.). Словарь, нацеленный на представление семантики слова, сталкивается при описании междометий с большими трудностями, объясняемыми в том числе и особенностями коммуникативного статуса единиц данного грамматического разряда. Именно средства звукового воспроизведения могут предельно четко эксплицировать параметры ситуации, при которой уместно употребление описываемого междометия. Обратимся к некоторым примерам.

1. ouille! — Mot qui sert à exprimer que l'on a mal. aïe! Ouille! tu m'as marché sur le pied. Транскрипция аудиозаписи: Un enfant qui gémit: «j'ai mal au genou, je me suis fais mal».

2. *heu! — indique que l'on hésite. Je ne me rappelle plus son nom, heu! Attendez. — On peut écrire aussi euh! Транскрипция аудиозаписи: Une question très embarassante: «Dis, papa, — Oui, — Comment fait-on des bébés? C'est à dire, tu vois, c'est…. disons, tout d'abord, en fait un peu trop compliqué…».

Из приведенных примеров следует, что звуковая презентация как дополнительный аспект словарной дефиниции междометия в сочетании с лингвистическим и иллюстративным определением оказывается оптимальной формой для эмоциональных междометий, выделяемых И. А. Шароновым [5], в зависимости от их воздействия на слушателя (фокусирующие внимание на внутреннее состояние говорящего — ouille! aïe! heu!; фокусирующие внимание на нарушение плана, сценария, хода событий — oust! chut!; фокусирующие внимание на классификации или оценке

объекта — bravo!).

Иная возможность использования звукового сопровождения с включением вербального компонента представлена при толковании абстрактных и конкретных понятий, выраженных именами существительными и образованными от них прилагательными.

Абстрактные понятия, возникающие в результате изолирующего абстрагирования некоторого свойства, отвлеченного от предмета, и в последующем обобщении путем выделения общих основных свойств и отвлечения от всех остальных, называемое в логике обобщающе-различающим абстрагированием, имеют традицию лексикографического описания через родовидовые дефиниции, в которых родовой признак категоризирует соответствующее абстрактное понятие (чувство, качество, свойство, отношение, период и т. п.). Детские словари, в целом следуя в русле аналитических дефиниций абстрактных понятий, дополняют ее звуковым сопровождением, при котором естественно и легко происходит конкретизация семантики абстрактного понятия. При этом отвлеченные от соответствующих предметов объекты мысли превращаются в характеристики конкретных объектов окружающего мира, знакомых ребенку.

1. amour-propre — Sentiment très vif que l'on a de sa dignité et de sa valeur. fierté. Elle a beaucoup d'amour-propre. Транскрипция аудиозаписи: Des paroles qui blessent l'amour-propre: «Et ben, d'abord, elle est moche, ta robe, t'es pas belle et puis t'as l'air d'un vrai clown avec ça».

2. animosité — Sentiment qui pousse à nuire à quelqu'un, à lui faire du tort. Il a prononcé des paroles pleines d'animosité malveillance. Транскрипция аудиозаписи: Des paroles pleines d'animosité: «Canaille, crétin, imbécile, et toi, chauffard, danger public».

3. anodin — Sans danger ou sans importance. Une blessure anodine. ||contr. grave || une conversation anodine. Транскрипция аудиозаписи: Une conversation anodine: «Mais qu'est ce que tu fais pendant les vacances? Moi, je ne sais pas, je vais peut-être aller en Bretagne, moi aussi, j'adore la Bretagne, c'est super là-bas, on pourrait peut-être se voir, pourquoi pas, quelle bonne idée!»

4. autorité — 1. Les employés travaillent sous l'autorité du chef, sous ses ordres; 2. Il a beaucoup d'autorité sur ses enfants, il sait se faire obéir d'eux; 3. Les autorités, les personnes qui ont le pouvoir. Транскрипция аудиозаписи: Des ordres militaires: «Garde à vous! Demi tour, droit, allons, une deux une deux…».

Группа звукового сопровождения при представлении семантики конкретных понятий, выраженных существительными, самая многочисленная и представляет собой, как правило, звуковую иллюстрацию приводимого в словарной статье примера на употребление слова. В отличие от звуковых сопровождений без включения вербального компонента, где звук был направлен на воспроизведение атмосферы (шум ярмарки для слова foire, срывающееся дыхание для слова course, звук всасывания коктейля через трубочку для глагола absorber и т. п.), своего рода сценария действий, подразумеваемого семантикой входного слова, для этой группы слов характерно иллюстрирование одного из примеров употребления слова:

1. alcoolique — Elle est alcoolique, elle boit régulièrement beaucoup d'alcool. — Nom. Les alcooliques sont intoxiqués par l'alcool. Транскрипция аудиозаписи: Des alcooliques: «Tu vois, l'alcool… Et bah?… le plus dur, c'est pas de s'arrêter, c'est pas commencer, tu vois. Oueh, t'as raison…».

2. alibi — Preuve que l'on n'était pas là au moment d'un vol, d'un crime. Le suspect a pu fournir un alibi. Транскрипция аудиозаписи: Un interrogatoire de police: «Alors, mon bonhomme, j'espère que vous avez un bon alibi, que faisiez-vous dans la nuit du cinq au six novembre, mh mh mh, j'espère pour vous que quelqu'un vous a vu? Sinon….».

3. alexandrin — Vers français de douze syllabes. Транскрипция аудиозаписи: La récitation d'une poésie: «On croit que c'est facile de ne rien faire du tout, au fond c'est difficile c'est difficile comme tout. Jacques Prévert».

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать особую значимость использования звукового параметра представления семантики лексической единицы, описываемой словарем. Звуковой знак, как невербальный, так и с включением вербального компонента, может приятно разнообразить, развлечь, воссоздать атмосферу ситуации или сценария действий, предполагаемых развитием конкретной ситуации, дополнить лингвистическую и зрительную дефиницию, способствовать успешному разрешению некоторых проблем, связанных с лексикографическим описанием междометий, абстрактных или многозначных слов.

С нашей точки зрения, звуковой элемент играет не только вспомогательную и дополнительную роль по отношению к основным традиционным лингвистическим способам семантизации в лексикографии. В некоторых случаях он оказывается единственно возможным, как, например, при описании фонетических особенностей региональных вариантов французского языка. Трудно представить себе «словесную» дефиницию основных различий региональных вариантов произношения и того, как говорят по-французски в Швейцарии, Канаде, Бельгии и в южной части Франции, не затрагивая сугубо лингвистических аспектов фонетики французского языка и не прибегая к специальной фонетической терминологии. Вероятно, именно по этой причине ни в одном из известных нам толковых и энциклопедических словарей французского языка подобного рода информация не приводится. В то же время звуковое сопровождение к словарной статье langue, в котором одну фразу (см. прим. 2) последовательно произносят канадец, швейцарец и бельгиец, выступает понятной и легко усвояемой иллюстрацией региональных вариантов французско-

го языка. Использование регионально маркированной лексики говорящего на южном акценте французского языка (peuchère, boule) формирует в сознании говорящего соответствующий культурный концепт, связанный с его родным языком. Особая значимость использования звукового параметра представления семантики лексической единицы, описываемой словарем, со всей очевидностью заслуживает специального рассмотрения.

Подводя итог высказанным соображениям о возможных путях эволюции словарной дефиниции в рамках мультимедийного пространства, отметим, что электронная форма приводит к стиранию традиционных жанровых границ внутри лексикографического поля, что позволяет прогнозировать появление в ближайшем будущем электронных носителей, предназначенных для всех категорий пользователей, при обращении к которым пользователь в зависимости от своего желания будет сам активизировать интересующий его блок информации. При этом дефиниция, сохраняя свое структурообразующее значение в формировании словарной статьи, может претерпеть качественные модификации с точки зрения возможностей представления семантики словарной единицы.

Следует отметить, что как в случае бумажного, так и электронного словаря, соответствующая система отсылок и гиперссылок есть отражение единого методологического подхода, заключающегося в реализации вспомогательных средств редукции смысловой избыточности. Вместе с тем гипертекстовый словарь значительно расширяет объем информации, представленный блоками информации в гипертексте, за счет включения невербальных компонентов дефиниции.

Представление семантики описываемых лексических единиц приобретает новый аспект в гипертекстовом пространстве электронного словаря, существенно расширяющем возможности семантизации за счет включения фрагментов гиперсреды (невербальных компонентов дефиниции). Трехмерное гипертекстовое пространство, отличающее электронный словарь от бумажного, приводит к стиранию традиционных жанровых границ внутри лексикографического поля и открывает принципиально новые возможности семантизации лексической единицы и создания виртуального лексического пространства на невербальном уровне, в частности, использование иконических элементов и звукового сопровождения, которые, в свою очередь, характеризуются качественной неоднородностью.

Вместе с тем функционирование электронного словаря, выступающего в качестве самостоятельной среды в системе координат компьютерного виртуального пространства, оказывается обусловленным целом рядом ограничений, с которыми сопряжено само понятие виртуального пространства, что позволяет прогнозировать отношения взаимодополняемости бумажного и электронного словаря, в которых электронный словарь займет приоритетное место как основной компонент единого информационного поля. Перспективы развития электронных словарей связаны как с использованием многомерности гипертекстового пространства, так и потенциальных ресурсов компьютерной виртуальной реальности.

Состояние теории семантизации лексических единиц находится в стадии активного обновления и развития, что вызывает объективную необходимость в дальнейшей разработке её основных положений и аспектов. Особое значение в свете того внимания, которое уделяется в последнее время всестороннему рассмотрению лексической единицы в словаре, приобретает определение механизма семантизации отдельных семантических признаков в рамках реализации единой модели категоризации. При этом дефиниция, сохраняя свое структурообразующее значение в формировании словарной статьи, может претерпеть качественные модификации с точки зрения возможностей представления семантики словарной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девкин, В. Д. Очерки по лексикографии/В. Д. Девкин. — М.: Прометей, 2000. — 395 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание/А. Вежбицкая; перевод с англ.; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 411 с.
3. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка/Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1981. — 104 с.
4. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека/М. Маклюэн; перевод с англ. В. Г. Николаева. — М.: Жуковский: КАНОН-пресс, 2003. — 462 с.
5. Шаронов, И. А. Назад к междометиям [Электронный ресурс]/И. А. Шаронов // Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Sharonov. htm, свободный
6. Quémada, B. Les Dictionnaires du français moderne (1539-1863). Etude sur leur histoire, leurs types et leurs méthodes/B. Quémada. — Paris, Bruxelles, Montréal: Didier, 1968. — 683 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В частности, опция звукового сопровождения представлена в энциклопедии L'Encyclopédie Hachette Multimédia. Version 6.0. — Paris: Hachette Multimédia/Hachette Livre, 2002 (CD-ROM) (200 записей) и в детском словаре Le Robert des enfants. A partir de 6 ans. Dictionnaire multimédia ludique et passionnant. — Paris: Dictionnaires Le Robert — SEJER, 2006 (CD-ROM) (600 записей).
2. Les accents francophones (canadien, suisse, belge): «Bonjour, bienvenue à Montréal; Bonjour, bienvenue à Genève; Bonjour, bienvenue à Bruxelles». L'accent du Midi: Une personne parlant avec l'accent du Midi: «Non, peuchère, vraiment! Tu la tires cette boule ou quoi? Par la mère, il est vraiment fadasse, celui-là, d'attendre comme ça».

Кохан О. В.
O. V. Kohan

10.02.20

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
PROPERTIES OF LANGUAGE COMMUNICATION IN RUSSIAN AND GERMAN CULTURE

Кохан Ольга Владимировна — аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: olga_kokhan@mail.ru
Ms. Olga V. Kohan — PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: olga_kokhan@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу немецкого и русского общения. Исследуются отличительные особенности общения в немецкой и русской культуре. Они иллюстрируются примерами из литературы и личного опыта.

Summary: The article is concerned with a comparative analysis of German and Russian language communication. The author deals with specific properties of language communication in the two cultures. The analysis is illustrated by examples taken from literature and personal life experience.

Ключевые слова: национальные особенности общения, немецкая, русская культура, коммуникативное поведение, индивидуализм, коллективизм.

Keywords: nation-specific properties of language communication, German culture, Russian culture, communicative behavior, individualism, collectivism.

«Между русскими и немцами возможно всякое, кроме равнодушия»
(Löwe, B. 2004).

Проблемой изучения общения как философской категории занимались К. Ясперс, М. С. Каган, М. М. Бахтин. Общение, по Ясперсу, это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение» [9, 324].

Национальные особенности общения выявляются на базе сравнения двух коммуникативных культур. И. Стернин отмечает, что любое описание коммуникативного поведения неизбежно будет контрастивным, при этом фоном всегда выступает какая-либо конкретная культура, известная исследователю, чаще всего его родная. Поэтому, рассматривая коммуникативное поведение представителей немецкой лингвокультурной общности, в качестве контрастирующего фона мы используем русскую культурную модель общения [6, 57].

Существует много общего между русскими и немцами. И в политических, и в духовных, и в культурных отношениях между русскими и немцами есть родство, которого нет между другими народами.

Россию и Германию всегда связывали непростые отношения. Противоречия и конфликты порой разделяли немецкий и русский народы. Но ни с одним из неславянских народов русские не имели такого тесного, хотя и очень «домашнего» соприкосновения и такого интенсивного, хотя и очень своеобразного общения и противоборства, как с немцами (см. прим. 2).

Исследователи не раз указывали на существенные особенности русского общения и важность общения для русского человека. Анна А. Зализняк отмечает специфичность слов общение, общаться и тот факт, что они плохо поддаются переводу (Зализняк 2005). А. Вежбицкая упоминает слова общение, общаться среди ключевых «культурных» слов, которые не имеют эквивалента в английском языке (см. прим. 3).

Общительность русских находит отражение в огромном количестве лексических единиц, образующих поле коммуникативной лексики в русском языке (поле «Общение»). Исследование М. В. Шамановой показало, что лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт общение, — одно из самых больших полей русского языка. Оно насчитывает 2102 лексемы и 1098 фразеологических единиц [7, 97].

Наиболее яркими, т. е. релевантными для русского коммуникативного сознания являются такие классификаторы, как виды общения, содержание общения, партнеры по общению, выражаемые взаимоотношения, назначение общения [8, 139].

Общительность русского человека в сравнении с немецким коммуникативным поведением может быть оценена как очень высокая. Русские очень любят общаться, общение для них является очень важной частью жизни, важным способом проведения времени с другими людьми.

Сцена из художественного телевизионного фильма «Когда на юг улетят журавли…» (от 23.01.10). Женщина в шикарном автомобиле проезжает по деревенской улице и спрашивает у пожилого мужчины: «Не подскажите, где фельдшерский пункт?» Мужчина долго и пространно объясняет ей дорогу и в конце добавляет: «Ну, это далеко отсюда». Женщина: «Что, сразу не могли сказать?». Мужчина: «Как так, сразу… А поговорить?»

В русской культуре наблюдается несомненная приоритетность общения в межличностных отношениях относительно других видов деятельности: люди собираются прежде всего пообщаться. Русские любят коллективные застолья, но общение в таких застольях в любом случае важнее, потому что собира-

Материал поступил 01. 02. 2010 г.

ются прежде всего поговорить, а уж потом поесть и выпить, еда и выпивка — это повод, обстановка для общения: «Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит»; «Не пьет, а с добрыми людьми знается»; «…разве я зван не пообщаться за стопкой в праздник — так хорошо сидим!» (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени); «— Я сюда не есть приехал, а общаться… Слушайте! Э-эй, господа! — Володька постучал вилкой по бутылке. — Слушайте, а давайте споем? Русское. Помните, как мы пели классно. Давайте?» (Р. Сенчин. Конец сезона) (см. прим. 3).

Русские коммуникативные категории и концепты, такие как общение, разговор по душам, выяснение отношений эндемичны и отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, европейских). Если беседа идет натужно, трудно, то русский человек постарается, скорее всего, завершить общение. В словарях В. И. Даля мы находим довольно много поговорок и пословиц, характеризующих беседу и общение: Не для чего другого, прочего иного, как для единой единственности и совершенного компанства. Красна речь слушаньем (а беседа смиреньем). Сядем рядком да поговорим (да перетолкуем) ладком. И невелика беседа, да честна. Красно поле пшеном, а беседа умом. Душа душу знает. Душа с душой беседует. В умной беседе ума набраться, в глупой — свой растерять. Беседа дорогу коротает, а песня — работу. [1; 2]

В соответствии с параметрической моделью голландского социолога Г. Хофштеде, Германия и Россия имеют разные позиции по всем культурным измерениям. Немецкая культура характеризуется как индивидуалистская, с доминирующей маскулинностью, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределённости. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти, превалируют феминистские ценности. Порог терпимости к неопределённости по индексу мало отличается в обеих культурах, но имеет в реальности разные формы выраженности и свою специфику в проявлении. [3; 54]

Нас в первую очередь интересуют такие параметры измерений культуры как индивидуализм/коллективизм. Данные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Как носители индивидуалистских и коллективистских ценностных представлений, немцы и русские по-разному ведут себя, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений. Характерно для них чёткое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смешение межличностных отношений и служебных ситуаций не редкость. Русские считают, что на работе одних служебных отношений недостаточно, их надо подкреплять личными отношениями между членами коллектива. Личные связи могут играть едва ли не решающую роль, например, в выборе партнера по бизнесу. Русские предприниматели заводят новых партнеров неохотно, с опаской («Старый друг лучше новых двух»). Неформальные отношения преобладают практически во всех областях, дружба и родство имеют значимую ценность. Поэтому часто бывает почти невозможно провести четкую разграничительную линию между чисто личными и чисто рабочими отношениями.

Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в правильности, полезности и качественности принятого решения, а не в соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Большие различия в коммуникативном поведении русской и немецкой лингвокультурных общностей можно установить, если проанализировать отношение русских и немцев к соблюдению неприкосновенности личной территории. «Территория» как социолингвистический термин обозначает личное пространство, время, а также информационное, или когнитивное, пространство.

Немцы, в отличие от русских, гораздо больше заботятся о защите своей территории. Причем для них также важна неприкосновенность чужой территории, поэтому в общении немцы более сдержанны, малоинформированны, отвечают «не знаю» на многие вопросы, не относящиеся непосредственно к их занятиям.

В немецкой лингвокультурной общности не принято вмешиваться в дела других, обращаться с просьбами к незнакомым. Таким образом, анонимность — одна из основных доминантных особенностей общения немцев.

Напротив, русские, несмотря на бытовую неулыбчивость и даже некоторую угрюмость, считаются общительным народом. Любовь к общению проявляется через допустимость обсуждения в коллективе сугубо личных проблем человека, а также возможность говорить практически на любые темы (см. прим. 5).

Как справедливо отмечает А. В. Павловская, «общение человека с человеком в России, даже на деловом уровне, всегда очень личное. Расспросы, касающиеся личных дел, чувств, состояния души столь же обычны, сколь и рассказы о себе» [5, 20]. В общении русские охотно высказывают свое мнение по тому или иному вопросу, любят давать всевозможные советы и рекомендации как знакомым, так и незнакомым людям, будь то советы-подсказки, настоятельные советы-предупреждения, советы-рекомендации врача, побуждающие пациента к определенному поведению или советы-побуждения, предполагающие конкретные указания: Пройдите вперед! Уберите сумку! У Вас шнурок развязался. Ваш ребёнок сейчас варежку потеряет. У Вас пальто запачкалось. У Вас пакет порвался. А Вы уберите сумку наверх. А Вы возьмите ребёнка на колени.

В русской коммуникативной культуре практически отсутствует невмешательство как недопустимость вторжения в личную жизнь собеседника без его разрешения. Фактически каждый русский может заговорить с каждым, может вмешаться в дела каждого. Это проявление коллективизма, соборности русского менталитета.

Немцы, в свою очередь, предпочитают давать советы исключительно знакомым и родным. Им несвойственно вмешиваться в дела других людей, давать какие-либо рекомендации, делать замечания.

Проиллюстрируем такую особенность немецкого и русского общения примерами из личного опыта и наблюдений друзей. Моя подруга Алла Оверст работала в Германии, убирала в одной семье, по-немецки

«putzen» и наблюдала следующую ситуацию: мама собирается с сыном (10 лет) выйти на улицу. Мальчик хочет надеть шорты, хотя, как говорит мама, на улице прохладно. Но сын все-таки делает по-своему. Женщина больше не дает сыну никаких советов, рекомендаций, не уговаривает его одеться теплее. Когда они выходят на улицу, она, конечно же, замечает, что сыну холодно, но опять, с ее стороны никаких упреков, советов, какие могли бы последовать в русской семье: «Я же тебе говорила… Сколько раз я тебе говорила, а ты…, Нужно было меня слушать … и т.д.» Такой пример показывает, что даже своим детям немцы стараются не давать советов и не делать им замечаний, не стремятся вторгаться в их личное пространство, уважают их собственное мнение, даже, если считают его ошибочным.

У меня гостила швейцарка Маргрит Пфистер, доцент лингвистики (72 года), проживающая в Германии. Моя мама (ей 62 года), стараясь проявить заботу и внимание к иностранной гостье, постоянно напоминала ей, что одеться нужно теплее, если она считала, что шарф и кофта Маргрит не соответствуют погоде, она активно предлагала вещи из моего гардероба, настаивала на том, что нужно взять перчатки и т.д. Маме казалось, что нельзя оставлять Маргрит без внимания, «это нехорошо, не по-людски, что о нас подумают», поэтому она сопровождала ее буквально на каждом шагу, беседовала с ней на разные темы, чтобы развлечь, «чтоб она не скучала», (Маргрит владеет несколькими иностранными языками, в том числе и русским, поэтому для общения, не было, практически никаких проблем), показывала многочисленные фотографии из семейного альбома, (кстати, немцев удивляет, почему русские, когда к ним приходят гости, часто с гордостью демонстрируют личные фотографии, отводят для этого много времени). Такое коммуникативное поведение характерно для русской культуры, особенно для пожилых людей. Русские стремятся окружить гостей заботой, особенно иностранцев, нарушая при этом неприкосновенность их личной территории.

А. Личев (Litschev, A.), описывая в путеводителе «Russland verstehen» («Понять Россию») особенности русского гостеприимства, считает, что когда русские принимают иностранного гостя, они сопровождают его на каждом шагу, причем круглые сутки. Очевидно, что на взгляд русских, иностранные гости — это беспомощные создания, которые самостоятельно и шагу ступить не могут, не способны сами принять решение. Прежде всего, гость должен быть хорошо накормлен и напоен, должен быть достаточно тепло одет и не должен перепутать вид транспорта. И если гостю иногда хочется уйти в свою комнату (если таковая имеется), у хозяев сразу появляется подозрение, что ему может быть там одиноко (см. прим. 6).

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры — существенная разница в стиле общения со «своими» и «чужими». Разделение на «своих» и «чужих» имеет здесь, как отмечает Ю. Рот (J. Roth), функцию поддержания групповой идентичности (J. Rot).

Это выражается, например, в чрезмерной опеке иностранных гостей, особой предупредительности к ним и подчёркнутом выделении их во всём. Подобное поведение часто воспринимается представителями немецкой культуры, как излишняя навязчивость, покушение на их самостоятельность и автономию.

Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. В отличие от русских, индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между отношениями внутри группы и вне группы. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от неё намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Эмоционально индивидуалисты обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве. [10]

Поскольку немцы ощущают себя, прежде всего, как индивидуумы, лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии (см. прим. 4).

Примером нарушения неприкосновенности личной территории адресата в русском коммуникативном поведении является частое использование так называемых «нескромных вопросов», касающихся возраста, зарплаты, религиозных взглядов, а также интимной жизни собеседника. Для русских такие вопросы вполне естественное проявление дружелюбного интереса к подробностям жизни собеседника, форма демонстрации внимания.

Отношение к нарушению личной территории в русской лингвокультурной общности более терпимое, чем у немцев. В свою очередь, среди доминантных особенностей общения немецкой лингвокультурной общности следует выделить анонимность, сдержанность, замкнутость, неискренность, формальную приветливость, скромность.

Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу, речевого и тематического характера, «охраняющих» границы индивидуального «пространства» личности (см. прим. 5).

Актуальность тем общения, культуры общения в Германии подтверждается наличием многочисленных сайтов, где представлена интересная информация, результаты исследований по проблемам общения и обсуждение их на различных форумах, чатах.

Мы представим результаты одного из исследований, проведенного в августе 2008 институтом демоскопии Алленсбаха по поручению журнала «Bild der Frau» и известной марки кофе Jacobs Krönung. Информация на сайт была добавлена Мириам Холлштейн 26 февраля 2009 года под заголовком «Deutsche reden gern über sich — nicht über Sex» (Немцы охотно говорят о себе, но не о сексе). Было опрошено 1843 респондента в возрасте с 14 до 60 лет и старше и получены поразительные результаты: «Немцы не такие, как о них часто говорят, а общительные и очень любят общаться», — утверждает руководитель вышеназванного института проф. докт. Ренате Кёхер в своем представлении исследования в Берлине (см. прим. 10).

Как выяснилось, больше всего немцы любят говорить о личном окружении («новости из круга друзей и знакомых»), что составляет 73%, напротив, такие темы общения как секс, зарплата для большинства табу — 64% и 61% соответственно, что на 3% и 4% больше, чем в 2005 году (61% и 57%), то есть для немцев эти темы находятся под еще большим запретом. О сексе неохотно говорят даже со своими лучшими

друзьями, потому что считают эту тему слишком интимной для обсуждения, это же касается личных финансов и взаимоотношений. Неприятными темами также являются денежные и семейные проблемы (48% и 39% соответственно), смерть и тяжелые болезни (33% и 22%), религиозные убеждения и политическая позиция (18% и 12%).

Самой актуальной темой для общения, как было уже сказано, считается не погода, как многие, однако, часто думают, а новости из круга друзей и знакомых (73%), далее следуют изменение цен (68%) и бытовые, повседневные проблемы (64%). Немцы больше любят обсуждать телевизионные передачи (47%), чем говорить о детях и своем партнере (44%). Политика только для 38% опрошенных является постоянной темой для беседы.

С активным использованием современных средств коммуникации, таких как мобильный телефон и интернет, между представителями разных поколений наблюдается значительный разрыв в выборе вида общения. В то время как для 70% респондентов в возрасте от 45 лет и старше актуальным видом коммуникации все еще остается непосредственное личностное общение, из возрастной категории 14-19 лет так считают только 36%. Молодежь предпочитает общаться в интернет-чатах, использовать электронную почту и SMS.

Хотя результаты последнего исследования и пытаются опровергнуть тот стереотип, что немцы необщительные, сдержанные, замкнутые люди, но все же по сравнению с русскими, немцы не так активны в общении, у них больше коммуникативных табу. Для русского общения количество тематических и речевых табу невелико, причем и имеющиеся табу скорее мягкие, чем жесткие. Например, не принято говорить о проблемах секса в присутствии детей; за столом не принято говорить о проблемах с желудком.

У русских принято разговаривать с попутчиками в поездах дальнего следования, в дальней дороге, изливать душу, рассказывая незнакомым людям даже интимные вещи. Для немцев такое поведение не характерно, так как будучи представителями индивидуалистской культуры, они стараются не вторгаться в чужое личное пространство и вместе с тем защищают свою автономию, не позволяя другим нарушать границы свой территории.

В целом у русских допустимо и даже принято регулировать действия других в общественном транспорте, в любой очереди, при неправильном поведении детей, молодежи. Важным проявлением регулятивности русского общения является наличие русского акта замечания и высокая частотность данного типа речевого акта в русском коммуникативном поведении. Представителям немецкой культуры это несвойственно.

Можно привести еще множество примеров национальных особенностей общения немцев и русских. Нам кажется, что необходимо активно продолжать исследования в этой области, чтобы лучше понимать и плодотворно сотрудничать с представителями немецкой культуры, что, несомненно, внесет свой вклад в дальнейшее развитие отношений между нашими народами, в котором заинтересованы обе стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т./Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998.
3. Корнеева, Л. И. Межкультурная компетенция как условие успешной профессиональной деятельности российских менеджеров // Вестник УГТУ-УПИ. — 2004. — №10. — С. 54-61.
4. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 416 с.
5. Павловская, А. В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. М.: изд-во МГУ, 2003. –96 с.
6. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение/Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 328 с.
7. Шаманова, М. В. Психолингвистические методы изучения коммуникативной категории общение в русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2004. — №2. — С. 96-105.
8. Шаманова, М. В. Когнитивная интерпретация результатов психолингвистического описания лексемы общение в русском языке// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2005. — №2. — С. 133-139.
9. Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1972. — С. 324-327.
10. Roth, J.: Wir und die Anderen: Deutschrussische Kommunikation im Postsozialismus/In: Ehlich E./Scheiter S.: Interkulturelle Kommunikation analysieren. Bedingungen, Ziele, Verfahren. Muenchner Beitraege zur Interkulturellen Kommunikation. Bd. 9 (1998).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Löwe, B. KulturSchock Russland (2004). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.reller-rezensionen.de/reiseliteratur-bildbaende/loewe-russland. htm
2. Добряк, И. В. Диалог культур и русско-немецкие связи. Русская и европейская философия: пути схождения. Электронный ресурс. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/dobryak/ruseur_12.html
3. Шаманова, М. В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории общение) (2009). Электронный ресурс. Режим доступа: http://dibase.ru/article/02032009_shamanovamv/3
4. Куликова, Л. В. Особенности русско-немецкой коммуникации как отражение конфронтации национальных коммуникативных стилей (2004). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2004/02/kulikova. pdf
5. Газизов, Р. А. Русское коммуникативное поведение в сравнении с немецким в свете теории сохранения лица. (2009). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.bashedu.ru/vestnic/2009-2/18.pdf
6. Litschev, A. Russland verstehen. (2001). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.reller-rezensionen.de/sachbuch/litschev-russland_verstehen. htm
7. Deutsche reden gern über sich — nicht über Sex. (2009). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.welt.de/politik/article3280316/Deutsche-reden-gern-ueber-sich-nicht-ueber-Sex. html#article_comment

Учёные записки № I-2 (1) 2010
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

10.02.19

СЦЕНАРИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ (ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ)
SCENARIOS OF INFORMATION AND COMMUNICATION EVENTS (GENERAL DEFINITION)

Шунейко Александр Альфредович — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Alexandre A. Shuneyko — Doctor on Philology, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: iavdeenko@mail.ru
Ivan A. Avdeenko — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Language Studies of the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация: Сценарий — обусловленная самоорганизацией информационной среды и возникающей в её результате коммуникативной ситуацией стандартная (инвариантная) последовательность информационных процессов и речевых действий, подчиненных какой-либо типовой целевой установке, лежащей во внеязыковой сфере и выраженной посредством взаимодействия тем в информационном пространстве и конкретных участников (инициатора, реагента, наблюдателя) в коммуникативном пространстве.

Summary: Scenario is a standard (invariant) sequence of information processes and speech acts that are conditioned by self-organization of information environment and communicative situation arising from it. This sequence is subordinate to a model goal set, which lies in the extra linguistic area and is expressed through the interaction of themes in the information space and the individual participants (initiator, reactant, observer) – in communication.

Ключевые слова: информационная среда, информационные процессы, сценарии информационно-коммуникативных событий, речевые действия, типовая целевая установка, тема, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Keywords: information environment, information processes, scenarios of information and communication events, speech acts, a model goal set, theme, information space, communicative space.

Сценарий — обусловленная самоорганизацией информационной среды и возникающей в её результате коммуникативной ситуацией стандартная (инвариантная) последовательность информационных процессов и речевых действий, подчиненных какой-либо типовой целевой установке, лежащей во внеязыковой сфере и выраженной посредством взаимодействия тем в информационном пространстве и конкретных участников (инициатора, реагента, наблюдателя) в коммуникативном пространстве.

Информационная среда включает в себя информационное и коммуникативное пространства и, таким образом, представляет собой самоорганизующееся взаимодействие большого количества тем, с одной стороны, и конкретных участников коммуникации — с другой.

Информационные процессы — это возникновение и редукция (деактуализация) тем, их сближение между собой и отталкивание друг от друга, переход на периферию и выход в центр пространства, стабилизация и дестабилизация нормативного или привычного состояния, наполнение новыми семантическими компонентами и уничтожение прежних, выстраивание и разрушение иерархий и т. д.

Ситуативная обусловленность возникает под влиянием определенного состояния конкретных тем и в коммуникативном пространстве связана с осознанием говорящим (подчиненностью говорящего) необходимости производства некоторых речевых действий, в результате которых можно достичь определенного эффекта или результата. В отличие от коммуникативных стратегий, тактик и приемов, также направленных на достижение некоторых целей, сценарий фиксирует оптимальный путь достижения результата в определенной ситуации.

Так, человек, ограничивающий свою речевую деятельность одной стратегией или /и тактикой, может воспроизводить соответствующие признаки в любой ситуа-

Материал поступил 15. 01. 2010 г.

ции, даже если такое воспроизведение будет мешать достижению конкретных целей (стерва на переговорах, базарная баба в ученом совете, молчальник на суде, человек-автомат при сердечных объяснениях и т. д.). Человек, реализующий сценарий, не станет действовать по принципу «я всегда так делаю, и сейчас так же можно», а будет искать способы взаимодействия, наиболее подходящие именно в данной ситуации, стремиться к её разрешению. В отличие от коммуникативных стратегий и тактик, которые прирастают к человеку и стремятся к реализации в любых ситуациях, сценарии существуют только в контексте. Стратегии и тактики представлены как доминирующие модели коммуникативного поведения постоянно, их носитель актуально или потенциально проявляет их практически без остановки, в то время как сценарии — это переменные величины, с которыми человек сталкивается периодически.

Таким образом, ситуативная обусловленность сценариев отличается от возможной ситуативной обусловленности стратегий, тактик и приемов тесным взаимодействием с контекстом, избирательностью, интерактивностью, переменностью и периодичностью.

Стандартность, инвариантность сценариев проявляется в типизированности динамичных тематических конфигураций в определенных областях, фиксированном наборе целевых установок, ментальных операций, форм воплощения целевых установок, ответных реакций, оценок, сфер применения, взаимной координации участников, показателей результативности. Одни и те же сочетания, взаимодействия тем приводят в рамках сценария к одним и тем же информационным, мыслительным и коммуникативным процессам, тождественным целевым установкам, которые выражаются в сходных формах речевых стимулов и реакций и предполагают одинаковые результаты этих процессов. На это указывает то, что в коммуникативной практике, как показывают наблюдение и анализ, все формы речевого поведения непротиворечиво сводимы к строго определенному, фиксированному, ограниченному набору, который постоянно повторяясь демонстрируется в речи (письменной, устной и внутренней) любого человека.

Последовательность речевых действий характеризует все коммуникативные единицы (темы, стереотипы, стратегии, тактики, сценарии и приемы). Специфика этого признака применительно к сценарию состоит в нескольких факторах. Во-первых, те речевые шаги, из которых состоит сценарий, ориентированы одновременно на говорящего, собеседника, наблюдателя, друг на друга и внеязыковую сферу, в то время как другие единицы в конкретных случаях могут ограничиваться какой-то одной ориентацией.

Во-вторых, сценарий всегда ориентирован на определенную ответную реакцию, тогда как иные единицы часто безразличны к реакции собеседника (могут стимулировать какие-либо установки или нет). Например, стратегия и тактика могут реализоваться только в личностном пространстве, в то время как сценарий обязательно реализуется в межличностном, то есть сценарий принципиально диалогичен. При поверхностном взгляде исключение составляют клинические случаи и случаи намеренной игры, но и они строго вписываются в определенные сценарии.

В-третьих, сценарии отличаются от иных единиц алгоритмичностью, то есть выполнение следующего шага коммуникативного поведения зависит от результата предыдущего. В этом отношении, например, стратегии и тактики реализуют одни и те же установки, независимо от полученных ранее реакций, а здесь установка всегда сообразуется с реакцией. Поэтому в рамках одного сценария может реализовываться несколько стратегий и тактик, быть представлено большое количество стереотипов и затронуто множество тем.

В-четвертых, в рамках стратегии и тактики любая тема или стереотип (например, внуки, картошка, болезни, ремонт; если написано, то правда и т. д.) могут быть актуализированы в любой момент, а в сценарии этого произойти не может, так как последовательность актуализации тем определяется более или менее четко осознаваемой целью коммуникации и в этом смысле предопределена предшествующей совокупностью речевых действий и мерой их эффективности (тема, например, ремонта будет актуализироваться, если она способствует достижению цели, а тема внуков — не будет, если речевая реакция собеседника заведомо не будет соответствовать желаемой).

В-пятых, сценарии отличаются от иных единиц наличием начальной и конечной точек реализации. Стратегии, тактики, стереотипы либо не имеют таких точек, либо имеют размытые области входа и выхода. Исключением является приём, имеющий начальную и конечную точку реализации, но у него иная коммуникативная природа. Начальной точкой реализации сценария (моментом его выбора из числа возможных) можно считать возникновение под влиянием определенной конфигурации тем в информационном пространстве коммуникативного диссонанса, то есть ситуации, которая в той или иной мере, в том или ином отношении не устраивает говорящего и которую хочется изменить. Например, человек испытывает дискомфорт от того, что другой сделал ему что-то приятное, а он нет: говорящий выбирает сценарий миротворчества или состязания и начинает его реализацию. Конечной точкой реализации сценария, если пренебречь инерционными, остаточными процессами, можно считать устранение этого диссонанса. Необходимо подчеркнуть, что сценарии могут как следовать один за другим, так и, если они одновременно инициируются различными людьми, накладываться друг на друга. Во втором случае границы реализации сценариев внешне размываются, что ярко выражается в формуле «Ты первый начал», оправдывающей начало своего сценария мнимым началом сценария другим человеком.

В-шестых, если иные единицы линейны, то есть каждая из них реализуется в одном направлении, то сценарий принципиально нелинеен, так как при его реализации направление развития может меняться, в том числе на противоположное, за счет перехода в другой сценарий, а также за счет зацикливания данного сценария или конкретного его этапа. Направления разви-

тия систематически проходят через одни и те же точки, возвращаясь к исходным. Например, при реализации тактик может быть решено несколько задач, но все они в своей совокупности последовательны, так как определены функцией, в то время как при реализации сценариев конкретные речевые действия постоянно меняют направление в зависимости от ситуации, стремясь к достижению определенной цели. В этом отношении стратегия и тактика подобны улицам с односторонним движением, стереотип и прием — пешеходному переходу, тема — перекрёстку, а сценарий — автодрому.

В целом, сценарий отличается от иных единиц так же, как последовательность событий в пьесе отличается от тех ролей, реплик, масок, характеров, которые участвуют в создании такой последовательности. Персонажи и те действия, в которых они принимают участие — единицы разные. Вместе с тем сценарии тоже являются единицами типологизированными, как типологизированы различные жанры драматургии: водевиль, трагедия, фарс и т.д.

Типовая целевая установка характеризует любую из рассматриваемых единиц и может быть определена на различных уровнях абстракции. Специфика целевых установок сценариев определяется тем, что они находятся во внеязыковой сфере, то есть связаны с координацией человека с информационным пространством, миром и окружающими, достижением определенных эффектов в практике жизни. Если другие единицы могут замыкаться на себе (реализовываться ради языкового воплощения, быть самодостаточными), то сценарий всегда выходит за рамки языковых, коммуникативных форм. Например, подтолкнуть человека к действию, создать о себе какое-либо впечатление, деформировать представления человека.

То есть коммуникативная функция сценария состоит в том, чтобы произвести изменения в характеристиках ситуации, в то время как, например, стратегии и тактики, как и стереотипы, направлены на формирование устойчивых характеристик коммуникативных ситуаций, в которых участвует говорящий: они стабилизируют его мир. Сценарии же дестабилизируют всех участников. Эта дестабилизация не определяется свойствами самой коммуникативной формы. Тактика, например, стервы дестабилизирует собеседника и стабилизирует говорящего в силу своих коммуникативных свойств. Приём тоже дестабилизирует только собеседника в силу коммуникативных свойств, хотя часто касается не локальных событий, а его перспективно ориентированных и долгосрочных характеристик, имеющих последствия в сфере языкового и неязыкового поведения. А сценарий сам является следствием дестабилизации информационного пространства, поэтому в него включается изначально дестабилизированный инициатор, который в свою очередь дестабилизирует реагента и наблюдателя.

Но в то же время можно утверждать, что общей для всех сценариев предпосылкой, с точки зрения инициатора, является потребность противостоять возникающей или наличествующей в данной ситуации энтропии (в его представлении), внести упорядоченность в рассредотачивающиеся коммуникативные формы, ввести их в русло предсказуемого развития ситуации. Инициатор посредством сценария вносит нужную ему меру упорядоченности в аморфные или развивающиеся не в том направлении (в его представлении), не соответствующие его потребностям коммуникативные процессы. В этом смысле сценарий — локальный регулятор коммуникативных процессов.

Следует подчеркнуть, что целью реализации стратегий и тактик может быть само их воплощение. Они часто активизируются во многом не «для того чтобы», а «потому что». Самой же причиной использования той или иной стратегии и тактики может служить предшествующий коммуникативный опыт в широком понимании, который сделал человека, скажем, контактным рубахой-парнем или репродуктором-автоматом, а также некоторый определенный в данной ситуации сценарий. Таким образом, появление целевой установки, связанной с ситуацией, означает наличие не только стратегии и тактики, но и сценария. Кроме того, если целевая установка сценария в коммуникативной ситуации совпадает с доминирующими установками стратегии или тактики, они могут включаться в сценарий как его коммуникативные формы. В этом случае у тактики и стратегии как и у сценария четко определяется начало и конец реализации.

Возникновение любого сценария всегда предопределено процессами, происходящими в информационном пространстве. Что же касается коммуникативного пространства, то здесь вопрос о том, кто и в каком объеме реализует сценарий, является проблемным. Можно предположить, что этот вопрос имеет три варианта ответа.

1. Сценарий реализуется инициатором, который определяет цели, способы и этапы изменения характеристик коммуникативной ситуации. Он навязывает собеседнику использование сценария, заинтересован в чистоте и последовательности его реализации. Собеседник же либо принимает участие в реализации именно навязываемого сценария, либо отторгает его и в таком случае реализует свой. Это представление можно выразить в виде метафоры поводка, набрасываемого на собеседника с целью вести его в необходимом направлении. К такому представлению подталкивают коммуникативные ситуации, аналогичные PR-акциям, в ходе которых с использованием специальных технологий внедряются нужные представления, формируются нужные нормы поведения, внедряются нужные оценочные шкалы и ценностные ориентиры у людей, которые являются пассивными объектами воздействия или представляются таковыми.

2. Сценарий реализуется слушающим, воспринимающим, то есть тем, кто при первом варианте ответа оказывается или представляется пассивным объектом воздействия, формально занимает подчиненную позицию по отношению к реальному или потенциальному источнику информации. Именно слушающий характером своей реакции задает говорящему возможность, невозможность или характер реализации сценария, диктует формы допустимого, необходимого и целесообразно-

го коммуникативного поведения, определяет, в каком направлении будет развиваться или не развиваться коммуникативный контакт. Это представление можно выразить в виде метафоры рыбы, которая, формально являясь объектом ловли и пассивным компонентом ситуации, своим поведением полностью определяет поведение рыбака: выбирать время, место, наживку, снасти, вставать ни свет ни заря, идти очень далеко, сидеть часами, изображая на лице осмысленную сосредоточенность, без гарантии что-либо поймать, превращаясь в раба рыбы. К такому представлению подталкивают коммуникативные ситуации, аналогичные зеппингу, то есть переключению телеканалов с целью не получать какую-либо информацию, или обращению в справочную службу, которая существует для того, чтобы различные формальные инициаторы задавали вопросы и демонстрировали свою зависимость от операторов справочной службы, извиняясь за вопрос, выбирая самые вежливые формы, всеми силами стараясь произвести хорошее впечатление, расшаркиваясь, напрягая слух, прощая всяческое хамство.

3. Сценарий, являясь внеличностной, надситуационной коммуникативной категорией предопределяет характер своих реализаций и воплощается обоими (всеми) участниками коммуникации одновременно и в равной мере. В таком случае все они оказываются под одинаковым воздействием типизированных языковых форм, включаются в предполагаемые обстоятельства и строят свое речевое поведение с оглядкой на эти формы. В рамках такого представления у сценария, строго говоря, нет инициатора, он существует как область коммуникативного взаимодействия, продуцирует сам себя и подчиняет себе коммуникантов. Это представление можно выразить в виде метафоры комнаты, в которой по стечению обстоятельств одновременно оказываются и какое-то время находятся участники коммуникации. Пространственные параметры и обстановка этой комнаты задают возможные варианты поведения и границы передвижения. К такому представлению подталкивают коммуникативные ситуации, аналогичные переговорам, с их протокольностью, нормированностью, клишированностью, подчиненностью определенным правилам взаимодействия, за рамки которых никто не может выйти, не рискуя оказаться за бортом взаимодействия, строгостью и ориентацией на обезличенность и фиксированные функциональные маски участников.

Можно предположить, что все три варианта в разных пропорциях присутствуют одновременно в различных коммуникативных ситуациях. Но такое предположение не представляется продуктивным и сущностно описывающим объект. Связано это с тем, что по своей природе первый и второй вариант сводимы к третьему или являются его частными реализациями: инициатор в первом случае, и реагент во втором случае в одинаковой мере оказываются подчинены представлению о том, что ситуация существует, и о том, как именно она типологически реализуется. То есть в конечном счете сценарий реализует сценарий. Сталкиваясь со сценариями, мы в очередной раз имеем дело с коммуникативными формами, которые определяют наше поведение. Находясь в готовом виде в языковом сознании коллектива, они актуализируются в определенные моменты, подвергаются разного рода модификациям под влиянием характеристик конкретных и типовых коммуникативных ситуаций, а также какой-то, часто иллюзорной меры свободы самих говорящих.

Мера активности участников при реализации сценария может быть различна. Имеет смысл разграничивать функции коммуникантов в рамках сценария и коммуникативной ситуации. В любом сценарии есть основной действователь, то есть лицо, которое непосредственно запускает в действие реализацию сценария и использует его с успехом для себя, то есть решает поставленные перед собой задачи. При этом основной действователь формально вовсе не обязательно является инициатором (тем, кто начал разговор, запустил в действие коммуникативные механизмы, создал коммуникативную ситуацию). В одном случае доминирует инициатор, а в другом — его собеседник-реагент, они в равной мере в различных сценариях могут быть основными действователями. Характер протекания сценария, в зависимости от того, кто является основным действователем, будет также отличаться.

Кроме того, поскольку коммуникативная ситуация может быть равна по границам одному сценарию, с разным успехом используемому участниками, или включать в себя несколько сценариев (равно как и один сценарий может включать в себя несколько коммуникативных ситуаций), в рамках коммуникативной ситуации основной действователь может многократно сменяться. Инициатор — это тот, кто создает коммуникативную ситуацию и /или запускает сценарий. Реагент — это тот, кто вовлекается (по своей воле или нет) в коммуникативную ситуацию или сценарий. А основной действователь — это тот, кто безотносительно к тому, запускает ли он ситуацию или сценарий, с успехом реализует его для себя. Основной действователь — это тот участник сценария, к действиям которого вольно и /или невольно подстраиваются другие. Ему преимущественно принадлежит право поставить точку в разговоре.

Например, при реализации сценария эксперимента инициатором будет тот, кому принадлежит его идея, а реагентом тот, на ком эксперимент ставится. Основным действователем может быть: 1) инициатор, выстраивающий развитие сценария так, что эксперимент ему удается (реагент встраивается в экспериментальные условия как в реальные), 2) другой участник, которого инициатор просит реализовать его (то же плюс подстройка изначального замысла к способностям непосредственного исполнителя), 3) реагент, подыгрывающий экспериментатору так, что ситуация оборачивается в его собственную пользу или срывает эксперимент (и в том и в другом случае задумавшие эксперимент будут вынуждены адаптировать его к поведению реагента). Таким образом, основной действователь — это тот, кто определяет результативное развитие сценария и его финал.

Следует отметить, что реализация сценария может

охватывать различные временные и коммуникативные отрезки: от одной фразы до всей жизни человека или существования определенной цивилизации. Например, с одной стороны, сценарием можно считать вопрос «Кто там?» как реакцию на стук в дверь и ответ на него, с другой — поиски смысла жизни, определение своего места в мире, а с третьей — попытки ответить на вопрос о происхождении и устройстве Вселенной.

Любой нормальный человек в своей коммуникативной практике реализует множество сценариев. При этом может наблюдаться и преимущественное использование одного сценария. Например, человека, который преимущественно использует сценарий допроса, называют почемучкой, а человека, который злоупотребляет сценарием провокации, — пакостником и сволочью. Человек, злоупотребляющий сценарием отчета, приобретает определение «зануда», миротворчества — «мать Тереза», самонавязывания — «выпендрежник» и так далее. Само наличие этих определений говорит о том, что языковое сознание фиксирует существование сценариев.

Нужно разграничивать социальные явления, которым приписывается статус типичных разговоров (спор, переговоры, попрошайничество, знакомство и т.п.) и собственно информационно-коммуникативные явления — сценарии, которые типичны сами по себе, безотносительно к культурным и социальным условиям. При реализации социального явления могут быть использованы самые различные сценарии, так же как и один сценарий может использоваться в различных социальных явлениях. Так, например, при попрошайничестве могут быть использованы сценарии допроса, отчёта, провокации, самонавязывания, отпугивания, состязания и т.д. В основе выделения типичных социальных явлений лежат общие характеристики людей и их отношений, а в основе выделения сценариев — общие характеристики взаимодействия информационных и коммуникативных форм. Постоянное и непременное пересечение социальных явлений со сценариями создает иллюзию их тождественности, с чем нельзя согласиться, потому что речевая практика четко показывает отсутствие у типичных социальных явлений единых коммуникативных черт, хотя у них могут быть единые речевые черты, что также вовсе не обязательно.

Всего существует двенадцать сценариев. Они подразделяются на шесть пар. Информационные сценарии (допрос и отчёт), активационные сценарии (миротворчество и провокация), эгоцентрические сценарии (самонавязывание и отпугивание), статусные сценарии (состязание и подчинение), креационные сценарии (создание и уничтожение) и исследовательские сценарии (эксперимент и мимикрия). Сценарии в рамках одной пары объединены общей целевой установкой, которая применительно к каждому компоненту реализуется противоположно. При этом между собой эти общие установки не взаимодействуют и не пересекаются, расположены в разных сферах коммуникативного взаимодействия.

Любая форма коммуникативного взаимодействия может быть сведена к тому или иному из этих сценариев или их последовательной совокупности. При этом необходимо иметь в виду, что такая совокупность может быть только линейной и никогда одномоментной (симультанной). Иллюзия объединения сценариев в более сложные формы (допрос с провокацией, самонавязывание с миротворчеством и т.д.) обусловлена мнимой и весьма относительной свободой человека в плане перехода от одного сценария к любому другому, в то время как сам переход связан со сменой цели или формы её достижения. Последнее, в свою очередь, обусловлено процессами, происходящими в информационном и коммуникативном пространствах. Может возникать и иллюзия симультанности. Она появляется в силу всего того, что так или иначе объединяет сценарии, в частности — в следующих ситуациях: 1) при реализации исследовательских сценариев; 2) при отсутствии четкого осознания говорящим своих целей и слушающим — целей говорящего; 3) при использовании общих жанровых форм. Даже в случае контактной реализации одноименного сценария смена инициатора (переход роли) обозначает начало нового сценария.

Даже когда человек реализует исследовательские сценарии и достижение специфических целей связано с необходимостью поменять стереотипную форму, это не сопровождается сменой или удвоением целевой установки. Исследовательские сценарии используют формальный аппарат других сценариев, что создает фантом их симультанного совмещения, но весь этот арсенал подчинен задачам, которые лежат вне сферы традиционного использования этих единиц. При полифункциональных коммуникативных действиях и действиях с нечетко понимаемой говорящим и /или слушателем целью, например, в отчетно-навязчиво-провокационно-подчиняющей речи, инициатор, осознавая или не осознавая это, стремится к достижению одной главной цели, то есть реализует один сценарий. Жанровые формы, которые могут использоваться в нескольких сценариях, в каждом случае служат для достижения в той или иной мере определенной цели, то есть при потенциальной возможности многоцелевого использования такие жанровые формы актуально существуют в каждом конкретном случае лишь в одном сценарии.

Форм взаимодействия, находящихся вне этих сценариев, не существует. Это подтверждается практикой и тем, что при формулировке их характеристик учтены все инвариантные целевые установки. Неучитываемые далее при классификации целевые установки (рассмешить, вызвать слёзы, озадачить, огорчить, вызвать интерес, акцентировать внимание, интерпретировать слова и поведение и др.) могут быть реализованы посредством любого из описываемых далее сценариев, следовательно, для классификации они не функциональны. В то же время цели одного сценария посредством другого достигнуть нельзя. В этом смысле они являются стабильными коммуникативными формами, обособленными друг от друга. В основу описания положены те целевые установки, взаимное замещение которых невозможно и которые тем самым являются

показателями самостоятельности анализируемых образований.

В состав сценариев не включается универсальное коммуникативное действие уклонения, поскольку оно всегда предполагает наличие основного действователя и в этом отношении может быть реализовано только реагентом. Уклонение как действие инициатора может означать временное растягивание, прерывание сценария для решения частных задач данного сценария другими способами в рамках другого сценария или фактическую смену сценария. Уклонение, как и выход, возможны на любом этапе сценария в любой форме.

Полное описание сценария можно получить посредством учёта следующих характеристик.

1. Общая и частные установки реализации сценария (получить или распространить информацию, привлечь к себе внимание или оттолкнуть от себя, понизить или повысить свой статус, побудить к действию или нейтрализовать его, создать или деактуализировать компонент картины мира, проверить коммуникативные формы на прочность или проницаемость).

2. Предпосылки реализации (внешние условия, предопределяющие характер протекания сценария), степень подготовленности, вынужденности контакта. Когда мы обращаемся к предпосылкам, необходимо иметь в виду следующее. Каждый из сценариев имеет одну основную, центральную предпосылку, которая не дублируется другими сценариями и определяет его специфику. В то же время частные предпосылки у всех сценариев в большинстве своем, хотя и не тождественны (одна и та же предпосылка в различных сценариях имеет различные выходы), дублируют друг друга, повторяются применительно к различным сценариям. Например, ранее взятые обязательства могут быть предпосылкой любого сценария (кроме сценария создания), соответственно и реализующие эту предпосылку в силу своей профессии люди используют различные сценарии. Именно совокупность единых частных предпосылок для различных сценариев создает нормальную для коммуникации ситуацию реального или потенциального выбора. С другой стороны, именно она служит базой для всей совокупности исследовательских сценариев. Успешная реализация сценария предполагает устранение его предпосылок.

3. Характеристики участников (инициатора и реагента), основной действователь. При описании инициатора и реагента учитываются их коммуникативные цели, типичные для них социальные роли, факт их реального присутствия в коммуникативной ситуации. Как инициатор, так и реагент могут быть трех типов, отнесение к которым зависит от того, каким образом они представлены в реальности и в коммуникативной ситуации. Реальный участник существует на материальном плане реальности и физически представлен в ситуации, где сценарий реализуется (например, соавторы в момент написания этого текста). Номинальный участник существует на материальном плане реальности, но не включается в данную коммуникативную ситуацию в качестве существа, способного производить речевые формы (например, в венке сонетов М. Волошина «Lunaria» все тексты обращены к луне). Воображаемый участник не существует на материальном плане реальности и не представлен в данной коммуникативной ситуации, это аморфный неструктурированный образ, в характеристиках которого сам говорящий не отдает себе отчета (например, совесть в приступах угрызения). Эти типы равнопредставлены во всех сценариях, однако конкретные их реализации могут отличаться или пересекаться.

В качестве примеров инициатора и реагента приводятся различные социальные типы (кондуктор, пиарщик, тренер и т. д.). Это не означает, что в их характеристиках нет места другим сценариям, однако доминирующим (определяющим характер их деятельности) сценарием для них можно считать тот, в рамках которого эти социальные типы упоминаются. Поскольку в коммуникативной ситуации могут быть задействованы несколько участников, между которыми устанавливаются различные отношения разного уровня (отношения в коммуникативном пространстве или отношения в конкретной ситуации) по отношению к различным участникам инициатор может находиться в рамках разных сценариев, что в частности выражается в том, что один и тот же социально-коммуникативный тип может представлять различные сценарии. Например, по отношению к законопослушным гражданам, которые не находятся с ним в одной коммуникативной ситуации, но находятся в одном коммуникативном пространстве, надзиратель реализует сценарий миротворчества, а по отношению к заключенному, с которым надзиратель находится в одной коммуникативной ситуации, он реализует сценарий провокации. Эта возможность позволяет представителям инициаторов некоторых сценариев использовать упоминания представителей других сценариев в специфических контекстах, способствующих решению задач коммуникации (кондуктор представляет контролера как отпугивателя, хотя последний реализует сценарий допроса; в качестве отпугивателя школьные учителя используют милиционеров, а родители — злого дядьку). В целом же любой из сценариев может реализовать любой человек.

Основной действователь, как сказано выше, — это участник, который управляет протеканием сценария, причем в этом качестве может выступать любой участник ситуации: инициатор, реагент или наблюдатель. Отличительная особенность основного действователя — желание обязательно довести актуальный для него сценарий до конца.

4. Отношения между участниками (равноправные, неравноправные, нейтральные, отсутствующие).

5. Последовательность информационно-коммуникативных событий. В рамках любого сценария она вариативна: может быть простой и усложненной, прямой и завуалированной, мягкой и жесткой, закрытой и открытой, интерактивной и неинтерактивной. Простая последовательность в отличие от усложненной предполагает структурную прозрачность, следование кратчайшему пути достижения цели, неиспользование других средств, действие в лоб (не знаешь — спроси;

не знаешь, что делать — не делай ничего). Прямая последовательность в отличие от завуалированной предполагает обнаженность цели, называние предметов, установок, желаний своими именами. Мягкая последовательность включает в себя элементы, подчеркивающие ненавязчивость инициатора, а жесткая — диктат, не допускающий отклонения от заданного курса. Закрытая последовательность в отличие от открытой имеет четко фиксированный финал, не предполагающий продолжения. Интерактивная последовательность предполагает участие реагента, выражение им своего внимания, отношения к действиям инициатора.

При всей универсальности обозначенных выше структурных вариантов содержательное наполнение каждого сценария делает их специфичными. Например, в сценарии допроса простая последовательность состоит в постановке одного или нескольких прямых вопросов в расчете получить на него/них конкретные ответы (– Который час?/ — Без четверти три). Усложненная последовательность включает в себя вопросы, прямо к основным не относящиеся, но обеспечивающие ответы на них (– Ты получил зарплату?/ — Да./ — Можешь занять тысяч десять?/ — …), в том числе создающие ситуацию логического тупика и разного рода ловушки. Прямая последовательность предполагает четкое определение темы или предмета речи (– Как ты относишься к Иванову?/ — Хорошо). Завуалированная, — что тема или предмет речи прямо не определяются или могут вообще не упоминаться, например, при косвенном выяснении мнения о чем-либо. Вопросом «Что ты думаешь о решении, принятом Ивановым?» формально устанавливается тема «решение Иванова», а содержательно «мнение об Иванове». Мягкая последовательность предполагает меньшую степень неравноправия и давления (- Будьте любезны, подскажите, как пройти к метро?/ — Пройдите прямо до перекрестка, потом налево). Жесткая последовательность предполагает большую степень неравноправия и давления (– Дорогой, где ты был?/ — Бегал./ — Странно, но майка сухая и совсем не пахнет. Где ты был?/ — Бегал). Закрытая последовательность предполагает наличие вопросов, ради ответа на которые реализуется сценарий (как, например, в блиц-интервью). После ответа на эти вопросы реализация сценария заканчивается. Открытая последовательность предполагает отсутствие центральных вопросов и используется для их формулировки, наблюдения за поведением, формального поддержания контакта и т.д. При активном противодействии реагента возможен переход от одного варианта последовательности к другому.

Вариативность последовательности информационно-коммуникативных событий определяется такими факторами, как наличие или отсутствие заинтересованности инициатора или реагента, благоприятных условий для протекания сценария, внутренних или внешних регуляторов. Но эта вариативность никак не изменяет общую схему действий.

В этой части описания приводится обобщенная схема действий. В реальной практике этот скелет обрастает мясом, порой изменяющим его облик до неузнаваемости: в частности, отдельные действия могут быть пропущены, переставлены местами, их состав может быть дополнен, а один и тот же исходный пункт может приводить с учетом всех нюансов коммуникативного взаимодействия к бесчисленному множеству так или иначе соотносимых или несоотносимых результатов.

По инвариантным характеристикам сценарии представляют собой следующую последовательность действий, в которой участники отзеркаливают друг друга, в результате чего их действия на каждом этапе реализации сценария являются тождественными: 0. Возникновение предпосылок и информационной основы сценария. 1. Вход (втягивание). 2. Ориентация. 3. Моделирование. 4. Генерирование речевых форм. 5. Адаптация коммуникативного пространства под свои задачи как участника в соответствии с диктатом сценария. 6. Экспликация собственного коммуникативного статуса. 7. Внешнее выражение речевых форм. 8. Прогнозирование реакции. 9. Реакция. 10. Оценка реакции. 11. Оценка результата. 12. Информационный финал сценария.

С учетом этой универсальной последовательности при описании конкретных сценариев имеет смысл указывать лишь специфические особенности последовательности действий каждого из участников.

Следует отметить, что на различных этапах, но, как правило, на этапах экспликации собственного коммуникативного статуса и внешнего выражения речевых форм участники входят в трансовое состояние. Сам этот вход является непосредственным, физическим контактом с информационным пространством или прямым подключением к нему. В этом смысле люди, которые умеют безболезненно для себя продуцировать транс при соединении с актуальной для них темой, обречены на победу в любом сценарии.

6. Возможные речевые формы.

7. Степень формальной заданности (нормативности, протокольности).

8. Разновидности сценария, которые определяются по составу и характеристикам участников, по наличию фиксированных речевых форм для их обозначения, особенностям протекания, по различным критериям результативности. При этом следует учитывать, что варианты сценария могут различным образом совмещаться и противопоставляться.

9. Перечень коммуникативных ситуаций, в рамках которых реализуется сценарий.

10. Жанры, в которых воплощаются речевые формы.

11. Способы оптимальной для говорящего реализации сценария. Для участников коммуникации может быть актуально либо продолжение сценария в заданном регистре, либо препятствование продолжению сценария в нем.

Вся эта совокупность представлений о сценариях информационно-коммуникативных событий позволяет определить их место в информационном и коммуникативном пространствах, а также месте человека в них, характере его речевой деятельности и мере её действительной свободы.

Брейтман А. С. **24.00.01**
A. S. Breitman

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И СВОБОДЫ В КИНОТРИПТИХЕ АЛЕКСАНДРА СОКУРОВА
POWER AND FREEDOM IN THE MOTION PICTURE TRIPTYCH BY ALEXANDRE SOKUROV

Брейтман Александр Семенович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Дальневосточного государственного уни-верситета путей сообщения (г. Хабаровск). E-mail: tour@festu.khv.ru
Alexandre S. Breitman — Doctor in Philosophy, Professor at the Department of Social Cultural Service and Tourism Studies of the Far-Eastern State Communications University (city of Khabarovsk). E-mail: tour@festu.khv.ru

Аннотация: С первого своего полнометражного игрового фильма «Одинокий голос человека» по повести А. Платонова «Река Потудань» А. Сокуров заявил о себе как художник экзистенциальный. Каждому из его персонажей, будь то демобилизованный красноармеец Никита или гениальный Шостакович, простая крестьянка Мария Войнова или флоберовская мадам Бовари, никому не известный парень, не знающий, как похоронить отца, или изменивший ход мировой истории Ульянов-Ленин, оказавшемуся в ситуации экзистенциального выбора — перед «лицом» смерти — дано хотя бы на миг прикоснуться к подлинной своей сути. А. Сокуров отнюдь не заворожен (в чем его нередко упрекают) некрофильским созерцанием смерти. В своем творчестве он, по словам философа М. Ямпольского, возвращает в отечественное киноискусство (и культуру в целом) «смерть в ее метафизическом измерении». Тем самым, восстанавливается утраченная целостность разорванного атеистического сознания современного человека.

Summary: Since his first full-length drama film called “The lonely human voice» based upon Andrey Platonov’s «Potudan River», Alexandre Sokurov has shown himself to be an existentialist film director. Each of his heroes – be it a veteran Red Army serviceman Nikita or a genius Dimitry Shostakovich, a simple peasant Maria Voynova or Flaubert’s Madame Bovary, a chap unknown to anybody and not knowing how to bury his dead father, or Vladimir Lenin – the man who changed the course of the world history – finding himself in the teeth of death – all of them have an opportunity to get an existentialist insight deep into themselves. A.Sokurov by no means shares the necrophilic fascination of death scenes of which he is often criticized. By his works in cinematography he brings back to Russian movies and to Russian culture in general the ‘death in it’s metaphysical dimension’, as philosopher Mikhail Yampolsky aptly put it. Thus, he restores the lost integrity to the disrupted atheistic consciousness of the modern man.

Ключевые слова: А. Сокуров; экзистенциальный, смерть, киноискусство, метафизическое измерение, атеистическое сознание;

Keywords: Alexander Sokurov, existentialist, death, cinematography, metaphysical dimension, atheistic consciousness.

«Что останется от личности героев вне единственной, органичной для них стихии, если изолировать их от репертуара деклараций и клише?» М. Ямпольский

В творчестве А. Сокурова еще в конце 70-х гг. наметилась тема, только в последние годы получившая адекватное замыслу воплощение — о людях, волею судеб вознесенных на вершину власти и оказавших влияние на ход мировой истории. Первые три — Гитлер, Ленин, Хирохито — император Японии периода Второй Мировой войны.

«Соната для Гитлера» (1979) — робкие подходы к этой теме. Далее в своих элегиях: «Московской», «Петербургской», «Советской», «Простой», «Восточной», «Элегии из России» А. Сокуров, «заставляет» зрителей бесконечно долго всматриваться в своих персонажей, провоцируя их самостоятельно решать: кто есть кто? Вглядываясь в сильных мира сего, от которых ждёшь, но не получаешь ответа на главные вопросы, невольно пытаешься сам найти ответ. Это, своего рода, — приглашение к самоанализу не через фрейдистское «проговаривание», а медитативное самосозерцание, побуждающее воспользоваться собственным умом. Но именно к этому менее всего готов зритель, приученный потреблять уже готовый продукт, когда акценты заблаговременно расставлены и угол зрения для наиболее комфортного «переваривания» выбран.

В фильмах об известных политиках или крупных деятелях прошлого, выдающихся художниках или сель-

Материал поступил 01. 12. 2009 г.

ской трактористке… А. Сокурова менее всего интересует злоба дня, политическая или иная конъюнктура. По настоящему его внимание приковано только к человеку как таковому, к тому, что можно разглядеть под непроницаемым панцирем творимого мифа, имиджа власти, славы, условностей, самообмана. Интерес к скрытой от глаз — негероической — стороне жизни, традиционен для отечественного искусства: трагедия грозящего кулаком бронзовому истукану: «Ужо тебе!» несчастного пушкинского Евгения не менее значима, чем свершения «вздыбившего» Россию самодержца, а в истории бедного Акакия Акакиевича и одиночестве безумного Поприщина проглядывает граничащее с безумием одиночество самого Н. Гоголя. Отнюдь не героичны и герои «скучных историй» А. Чехова… В этом А. Сокуров, чей кинематографический» почерк» стоит наособицу во всём мировом киноискусстве, традиционен. Судьба гениального артиста, музыканта, режиссёра, «отца нации» не кажется ему важнее судьбы простой крестьянки. Её семейная драма столь же значительна, как и драма «властителя дум». «Любой герой для А. Сокурова — сын человеческий. Не более и не менее того» [13, с. 162].

А. Сокуров как русский художник, «прошедший» школу Н. Гоголя и Ф. Достоевского, знает, что вызывающий сострадание «маленький человек» при определённых условиях сам может превратиться в тирана. Об этом — фильм «Молох» (1999), о самом кровавом тиране в истории человечества — Гитлере. Взгляд А. Сокурова принципиально оппозиционен сложившемуся в искусстве пониманию феномена фашизма. Например, в «Гибели богов» Л. Висконти имеет место «взгляд аристократа» [4], некая аристократическая дистанцированность, позволяющая великому режиссеру разглядеть в переплетениях страстей, личных амбиций, мифологического сознания «больших людей — полубогов», сулящих миру неотвратимую гибель.

В «Молохе» отсутствие дистанции — принципиальная позиция автора. Приблизившись, нарушая тем самым негласный запрет, своего рода культурное табу, к преступнику № 1 XX века, режиссеру удается найти необходимое «человеческое измерение» тому, что, казалось бы, выходит за рамки человеческого.

Первоначально экран предлагает нам нечто знакомое: зловещую панораму марширующих рядов, железные подбородки, армейские профили, торжество тевтонского духа и воли… Приблизившись вместе с камерой на максимально возможное расстояние, мы обнаруживаем иную «картинку»: усталое отечное лицо, несвежая кожа, трясущиеся руки, нарушающий военную выправку кругленький животик… Перед нами на расстоянии почти вытянутой руки, вызывающий естественную физиологическую брезгливость, даже шок — измученный жизнью Ади (Адольф). В шепоте человека под простыней: «Тело не служит. И внутри кто-то сидит… Ноги отказываются ходить, жизнь уходит вместе с водой… У меня рак» [2] — ужас деморализованного приближением смерти обывателя. В своей телесной уязвимости он всего-навсего испуганный человек в мокром насквозь белье.

А. Сокуров как художник, склонный к интеллектуальной рефлексии, знает разницу мифа о суперчеловеке (суперзлодее), укорененном в массовом сознании, и сокрытой от этого сознания и отнюдь не героической реальности. Почему обыкновенный человек (и творящий себе кумира, и объект идолопоклонства) нуждается в мифе и, самое главное, каков он под панцирем мифа? «Молох» — своего рода сокуровская реализация тезиса Э. Фрома, полагавшего, что пока мы не решимся увидеть в Гитлере человека, мы ничего не сможем понять в нацизме и не научимся распознавать монстров в тех, кто рвется к власти. По мнению режиссера, ни политэкономические или социальные исследования, ни изыскания психологов или сексологов, ни исторические версии или философские интерпретации, ни индивидуальная паранойя или мания величия, ни слабость демократии или массовая безработица не способны объяснить этот феномен. «Наука сделала все, что могла, но для искусства ее багаж… может быть лишь подручным материалом» [9, с. 19].

Абсурдные по своей сути высказывания Гитлера о древних гуннах, о болезнях северных народов, о полярном сиянии, о свойствах крапивы, которой следовало бы засадить бескрайние просторы Украины… (сведения, почерпнутые сценаристом Ю. Арабовым из личных дневников Гитлера) выдают в нем неистребимого «романтика». Но одержимые, по замечанию современного писателя А. Мелихова [6], «романтики духа» обольстительны и безопасны до тех пор, пока не произойдет трансформация их в «романтиков дела», людей крайне опасных. «Романтик» Гитлер презирает обыденность и пошлость простых житейских отправлений, ненавидит тупого филистера с «налитыми пивом свинячьими глазками» (запись по фильму), не желающего идти на поиски «голубого цветка» [6, с. 25]. Идеальным механизмом осуществления такого «незапятнанного» идеала становится государство как концентрация воли, нацеленной на великие дела. Стоящие же на пути этого движения «продажные либералы и демократы — торгаши», а при необходимости и целые («рассово неполноценные») народы подлежат уничтожению (см. прим. 1). Тем не менее, масштабы совершенного зла не гипнотизируют режиссера. Напротив, он желает понять: «Почему тираны бывают смешны или нелепы, почему их игра так походит на самодеятельность?… <Ведь> гражданские спектакли нередко завершались на задворках, трущобах, в черной яме» [6, с. 26].

На кинофестивале в Потсдаме немецкие зрители после просмотра «Молоха», вспоминает автор сцена-

рия Ю. Арабов [1], были смущены увиденным. Большинство немцев и сегодня готовы видеть (и видят) в Гитлере воплощенное зло, демоническую личность, своего рода раковую опухоль на теле всего народа, от которой они вот уже в течение более полувека пытаются самым тщательным образом излечиться, но никак не обывателя и ничтожество. В такой реакции на фильм российского режиссера нет ничего удивительного: ведь и сегодня большинство россиян готовы видеть (и видят) в Сталине-Джугашвили или Великого вождя, или величайшего злодея, но не рябого и малорослого, «сухорукого параноика», и уж тем более — «гениальную посредственность». Но именно в силу обыденности своего повседневного существования и уязвленности своей несостоятельностью «маленькие» и незамечаемые никем люди становятся то ли домашними деспотами, то ли персонажами «подполья», а на крутых виражах истории — большими Тиранами.

В конце концов, если хоть на миг отвлечься от «традиционных» представлений о гитлерах и сталинах, то вполне может оказаться, что они именно то, что разглядел в них наш современник А. Сокуров: прогулки и застольные беседы вождя и его свиты — есть «ревнивые битвы маленьких вождей — идиотов, Геббельса и Бормана, за внимание великого идиота Гитлера» [5, с. 25].

В режиссерском замысле ясно прослеживаются два момента:

1. Гитлер был рожден несчастным человеком. У него «не оказалось даже мизера для человеческой жизни» [9, с. 21]. Ева же и любила в нем несчастье.

2. Несчастье в равной степени может быть источником и добра и зла: либо человек «решается на тяжелую внутреннюю работу по претворению своего несчастья в энергию созидания, либо оказывается во власти своего несчастья, сделается меньше его — и тогда, в сочетании с неуемными амбициями, оно обратится в энергию разрушения» [9, с. 25].

Полюбить или пожалеть своего персонажа, даже и признавая его несчастность, А. Сокуров не в силах. Но чтобы увидеть в нем человеческое, режиссер делает нечто, что до него никто не делал: смотрит на Ади отраженным взглядом влюбленной в него Евы. Это позволяет русскому художнику создать один из самых (если не самый) психологически убедительных портретов главного злодея XX века.

Развенчание мифа о строителе Тысячелетнего Рейха не в том (или, в первую очередь, не в том), что на месте демонизируемой фигуры Гитлера оказывается вполне объяснимый, пусть и небесталанный, обыватель Ади, а в той степени человеческого падения — расчеловечивании — когда оказывается невозможным ни только любить другого, но даже и принять любовь другого, единственно любящего тебя существа. Именно это означает окончательную утрату какой-либо надежды на спасение, воскрешение души. Наказание его — отвращение к жизни во всех ее проявлениях: в брезгливости к новорожденным щенкам, к запахам еды и даже собственного тела. Неотвязно преследующий его страх и перед смертью, и перед жизнью, по сути, есть не что иное, как смертная тоска загубленной собственной души. «Только культура, только духовность способны примирить человека с неизбежностью его ухода Туда. И подготовить его к тому, чтобы он пересек этот рубеж по возможности в возвышенном состоянии души и мысли. Все мои фильмы об этом. И у меня нет другой песни» [9, с. 172]. В пристальном внимании режиссера к «мертвому» — утверждение от противного высшей ценности любви. Таким образом, в фильме А. Сокурова «Гитлер, не теряя физической достоверности, становится героем истории (с маленькой буквы), внятно раскрывающей человеческую составляющую абсолютного, инфернального зла» [4, с. 16].

В «Молохе» нашла свое художественное воплощение не раз уже высказанная его автором мысль о том, что зло не привносится в человека извне (например, дьяволом или кем-то другим), но изначально в нем присутствует и на физиологическом уровне, и в интеллектуальной изощренности, и в духовной поврежденности. Такая (выстраданная) позиция, не противопоставленная ни христианскому, ни гуманистическому подходам, целиком возлагает на самого человека ответственность за совершенное им. На природу человека А. Сокуров смотрит без особого оптимизма. В страстной ненависти главного персонажа «Молоха» ко всему живому и житейскому (всегда «слишком человеческому») отчетливо проявляется «работа смерти».

Умение разглядеть в преступнике № 1 того, «кто может вам встретиться, когда вы спускаетесь по лестнице» [9, с. 21], позволило режиссеру размышлять об онтологических корнях любой власти.

Следующий за «Молохом» «Телец» (2001) — о Ленине. Кинолениана — стержень официального и нормативного советского искусства. В кинематографе «оттепели» делались попытки отступить от канона (см. прим. 2). Так, если в дилогии М. Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» перед нами — организатор победы Октябрьской революции и создатель первого в мире социалистического государства, то в «Рассказах о Ленине» (новелла «Последняя осень») — еще не отошедший от политического руководства, но превозмогающий болезнь и по-своему одинокий человек.

В фильме же Ю. Арабова и А. Сокурова — это смертельно больной и утративший дееспособность экс-вождь, оказавшийся в полной изоляции и ставший, скорее, «объектом для манипуляции, чем субъектом человеческой воли» [7, с. 405]. Изолированность умирающего вождя (фактически — домашний арест), выключенность из привычной атмосферы напряженной деятельности, почти физическое переживание оста-

новившегося времени погружает внимание зрителя в пространство частной жизни. Сложность восприятия того, что обычно скрыто от постороннего взгляда, усиливается от ощущения незаконности проживания в доме (имение в Горках) нынешних хозяев в отсутствии прежних, настоящих, строящих дом для себя.

Особая незрелищная («некинематографическая») статика фильмов А. Сокурова еще более сближает его с русскими писателями. Избавившись, по выражению В. Подороги, от советских предрассудков, А. Сокуров, страстно желая устранить зависимость фильма от литературной первоосновы, отнюдь не рвет с литературной традицией, но, напротив, «преодолевая» зрелищную природу кино и сознательно разрушая зрелище, придает ему недостающую глубину слова, художественного и философского. Исключительно зрелищем кино воспринимается большинством, находящимся по «ту» и по «эту» стороны экрана. Удовольствие как самоцель исключает зрительское усилие, труд зрительского восприятия. Этот «разрыв» кинематографа с традициями высокого искусства — постоянный источник рефлексии режиссера и его стремления свести этот «разрыв» к минимуму. «Устра-нение» зрелищности обусловлено движением режиссера к особой документальности (гипердокументальности), создающей «ощущение присутствия …, незадокументированного, исключенного из памяти, забытого, утраченного» [3, с. 17]. А. Сокуров не то, чтобы выдает снятое им за документ, но создает документ, достигая эффекта хорошо знакомой и вдруг ожившей фотографии: лица, известные большинству только в качестве знаков исторической и политической иконографии, вдруг обретают плоть.

Но если, несмотря на разгаданную режиссером ничтожность, прибывший в горный замок Гитлер сохраняет ничем не ограниченную полноту диктаторской власти, то персонаж «Тельца» готовится, по замечанию И. Шиловой [16], «к представлению «остатка» беспомощной физической оболочки личности, некогда — и совсем недавно — перевернувшей мир» (см. прим. 3). На смену умирающему Богу идет новый, сменивший университетский багаж и могучий интеллект первого на коварство и хитрость восточного деспота и семинариста-недоучки.

В фильмах о Гитлере и Ленине практически не различимы внешние атрибуты власти. Более всего режиссера интересуют внутренние её основания: «почему власть так унижает человека? Почему делает его таким прискорбно однозначным в интеллектуальном и нравственном смысле? Почему она почти неизбежно сопрягается с духовной деградацией? Только ли потому, что любой шаг … к владению властью и … возвышению сопряжен с прямым или косвенным насилием, а это всегда выходит за пределы морального выбора?» [10, с. 22].

Действительно, самые страшные явления XX века — нацизм, фашизм, большевизм — порождены «благими» намерениями своих создателей, наделенных властью и поэтому имеющих несчастье свои намерения осуществить. Опыт истории учит, что любая персональная власть — источник опасности. «Но нигде, как в России, — утверждает А. Сокуров, — власть не бывает такой устойчиво жестокосердой по отношению к соотечественникам, потому что иной опыт ей просто неведом. И нигде, как в России, жизнь каждого человека во всех своих проявлениях столько не зависела от власти. И поэтому, нигде как в России, проблема власти не является столь глубоко интимной для абсолютного большинства людей» [10, с. 22].

Финальные кадры фильма — маленькая фигурка вождя на фоне открывшегося ему неба — ассоциативно отсылают нас к экзистенциальным переживаниям раненого Андрея Болконского («Война и мир»). Что разглядел умирающий (как ему тогда казалось) раненый князь под небом Аустерлица? Конечность человеческой суеты и бесконечность Бога. А что увидел умирающий Ленин под небом Горок? В последние мгновения жизни сидящего в кресле одинокого безумца что-то происходит в небе: грозовые тучи вдруг разошлись, образовав темную и глубокую полынью. При свете мгновенной вспышки лицо человека, кричащего в смертной тоске в пустые и готовые разверзнуться Небеса, как будто бы осветилось усилием неясного, но очень важного для него припоминания … В этот момент он уходит навсегда от всех нерешенных и больных вопросов.

В своем фильме А. Сокуров не уподобляется ни большевистским идеологам, ни новейшим реформаторам: он не свергает старых кумиров, не глумится над поверженными идолами. Он дает возможность каждому подумать: что скрывается за оболочкой коллективного мифа? В интервью перед показом фильма на 52-м Международном Каннском кинофестивале А. Сокуровым было сказано следующее: «Я не воевал с героем и не судил его. Я лишь попытался, насколько это возможно, войти в его положение, и — со всем пониманием им содеянного — все же сожалел о столь страшном его конце, … мне хотелось оставить героя наедине с самим собой и с тем, что ему открывается. Мы можем лишь предполагать или догадываться, что именно. Но ведь финал — это не развязка и не разгадка тайны. Это, если финал получился, сама тайна и есть» [10, с. 25].

Ленин, по мнению киноведа А. Ханютина, — «глубоко укоренен в Российской истории и, кроме всего прочего, это … уникальный, выраженный национальный тип» [15, с. 34]. Безусловно, Ленин — тип русского революционера-подвижника, наделенного могучей энергией. Как была реализована эта сила? Во имя чего? И какова цена содеянного? Вопросы, которые невозможно не задать себе после просмотра.

В сопоставлении «Солнца» (2004) с двумя первыми лентами триптиха ясно определяется одна немаловажная деталь киноязыка А. Сокурова — пейзаж.

Если в «Молохе» пейзаж высокогорной резиденции Гитлера, мерцающий голубоватым («заоблачным») свечением, предельно искусственен (мертв), что соответствует истерично-мистическому состоянию главного фигуранта, а в «Тельце» живая, врачующая душу природа «раздвигает» стены последнего пристанища-тюрьмы больного экс-вождя только в редкие минуты просветления, то в «Солнце» пейзаж сознательно изымается автором из киноповествования — все внимание сосредоточено на внутреннем пространстве души. Этому пространству в фильме найдена ёмкая метафора: подземная часть дворца — бункер-лабиринт, — в котором скрывается от налетов американской авиации японский император… Мучительные поиски выхода из запутанных лабиринтов собственного сознания этого практически единственного героя фильма — суть сокуровского киноповествования.

Что же не дает спать потомку великой Аматерасу? (см. прим. 4) — «вдруг» открывшееся несоответствие его божественной сути и земного человеческого позора неизбежной капитуляции (см. прим. 5). Еще слуги, в полном соответствии со священным ритуалом, трясущимися руками обслуживают земного бога, еще сам «бог» публично провозглашает: «Пусть волнуется море (т. е. продолжается война) на севере, на юге, западе и востоке» (запись по фильму), но в какой-то момент «богу» кажется, что он ни чем не отличается от простого смертного: «…но мое тело такое же, как у тебя» (запись по фильму). Что-то рушится в сознании божественного микадо, рушится традиционная, освященная тысячелетиями привычная система мироздания. В этом «вдруг» открывшемся несоответствии «живой бог» кажется каким-то нелепым, почти (используя модное сегодня словечко) неадекватным.

Много странного в императоре. Например, после доклада с полными слёз глазами военного министра об отступлении японской армии по всем фронтам Хирохито направляется в научную лабораторию, где восхищается заспиртованным крабом, сравнивая его природное совершенство с образами театра Кабуки; а вот он — во внутреннем дворике дворца исполняет команды фоторепортеров-газетчиков: «Наклонись и нюхай цветы!», «Сними котелок!». Непонятный, вызывающий смех простодушных американцев, он «вдруг» оказывается чем-то похож на близкого и понятного им кинематографического бродягу Чарли. Американский генерал, командующий оккупационными войсками, искренне недоумевает: «Как такие люди могут руководить страной? … Он как ребенок» (запись по фильму), т. е. невменяемый. Но, может быть, именно эта осуждаемая боевым генералом детскость и привлекает всемирно известного режиссера? В одну из бессонных ночей императору было видение, в котором смешались взрывы, огонь, крики людей, летающие драконы (традиционная китайско-японская символика). В этом видении войны — что-то от жутковатых образов смерти И. Босха и П. Брейгеля. Из ночного видения рождаются строчки, почти бессознательно начертанные рукой императора:

«Цветет сакура в расцвете зимы… зимняя сакура…
Январский цвет недолговечен…
Сакура цветет в разгаре зимы — снежный вихрь…
Смерть поглотит и то, и это…» (запись по фильму).

Далее — письмо-завещание сыну: «Дорогой сын… Мы проиграли войну из-за национальной спеси…» (запись по фильму). «Ребенок» на троне «вдруг» оказывается мудрецом, в своей «детскости» открывающим мир каждый раз заново. Может быть, впервые в жизни «бог» пытается понять и переосмыслить прожитое: на фотографиях маленький Хирохито, его родители, он с матерью… Здесь же снимок Чарли Чаплина, на которого так похож японский император в штатском платье и котелке; рядом другой — Гитлер и японский офицер спиной. … И вновь мы видим лицо императора. Это лицо глубоко задумавшегося человека.

Вторая встреча с генералом сближает этих столь непохожих людей: боевого генерала подкупает и замешательство этого странного человека, не знающего, как ответить на вопрос: «Трудно ли быть живым богом?», и то, что, воспользовавшись отлучкой собеседника и затушив свечи, гость неожиданно вальсирует прямо в кабинете.

И, наконец, — трудное решение: «Я хочу обратиться к своему народу по поводу окончания второй мировой войны… В интересах страны я отказываюсь от своего божественного происхождения. Я слагаю с себя свой божественный статус» (запись по фильму). Теперь на экране лицо императора, смеющегося как ребенок. Свободен!

В финальных кадрах неловкое объятие божественных супругов: Хирохито и императрицы:

— Я сделал это. Теперь я свободен.

— Что?

— Теперь я не бог. Зато я написал стихотворение. Только не знаю о чем… А теперь я хочу видеть детей…

Что хотел сказать режиссер «Молоха» и «Тельца», завершив свой триптих историей императора, добровольно отказавшегося от своего божественного статуса?

Персонажи двух первых фильмов возненавидели человека и человеческое (индивидуальное, сопротивляющееся нивелировке) во имя абстрактного человечества (нации, класса), вернее, своих представлений о нем и должном будущем миропорядке. В угоду, по сути своей, античеловеческих и антигуманных идей тысячелетнего Рейха и мировой революции были принесены в жертву миллионы и миллионы невинных. Поэтому путь и вождя нации, и вождя мирового пролетариата — есть путь от человека к земному богу, вернее языческому идолу, требующему все новых и новых жертв. В попытках отыскать в них остатки человеческого (подлинного) существования, режиссер обнаруживает, что это чело-

веческое в Гитлере, жалкое и измордованное («всего лишь испуганный человек в мокром белье»), — омерзительно, а загубленное в Ленине, в лучшем случае, достойно сожаления, может быть, сочувствия. Путь Хирохито иной: от земного бога к простому человеку, к открытию в себе подлинно человеческого (см. прим. 6). И по мере распознавания этого человеческого обнаруживается «вдруг» симпатия и режиссера, и зрителей к этому ранее малосимпатичному человеку.

В конце концов, Гитлер и Ленин — самозванцы, пришедшие в чужой дом и присвоившие то, что им не принадлежит и принадлежать не должно. Хирохито, напротив, отдает принадлежащее ему по праву рождения — свое божественное происхождение — и тем самым спасает миллионы и миллионы от бессмысленной бойни во имя божественного микадо.

Жаждущие власти вожди перешагнули рубеж, когда возврат невозможен и невозможны изменения. Впереди — необратимый распад и смерть. Не случайно, в фильме произносится имя «старого ребенка» — мудреца Лао Цзы, утверждавшего, что только мягкое и гнущееся (изменяющееся) тождественно жизни, а твердое и не изменяющееся — смерти. Отказавшийся добровольно от власти император, сохраняет возможность изменения и обретает жизнь.

Размышления над тремя фильмами А. Сокурова позволяют сделать, по меньшей мере, три вывода:

1. Молох — есть любая власть. И она, в понимании А. Сокурова, — ни от Бога, и ни от Дьявола. Власть одного над многими «выдумана людьми, которым трудно понять самих себя и справиться со своей жизнью» [9, с. 21].

2. Молох — знак глубокой беды, которая случилась с людьми по их же вине, и которую они не в силах преодолеть. Чтобы не стать очередной жертвой Молоха, нужно попытаться избавиться от мифологических представлений о сверхчеловеческой природе власти. И чем дальше продвинется человек в понимании того, что добро и зло, сострадание и насилие, свобода и рабство — в самом человеке, тем успешнее он сможет противостоять случившейся с ним беде.

3. Как экзистенциальный художник, возвративший в отечественный кинематограф, по выражению философа М. Ямпольского, «смерть в её метафизическом измерении», и восстанавливая, тем самым, утраченную целостность разорванного атеистического сознания современного человека, А. Сокуров знает, что только культура, только духовность способны примирить человека с неизбежностью ухода Туда. И совершенно в традиции русской литературы, хотел бы, чтобы он пересек этот рубеж по возможности в возвышенном состоянии души и мысли. «Все мои фильмы об этом. И у меня нет другой песни» [9, с. 172].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабов, Ю. В замке Клингстона тоскует любящая душа/Арабов Ю. // Сеанс. — 1999. — №17-18.
2. Арабов, Ю. Грустные заметки о летних впечатлениях/Ю. Арабов // Искусство кино. — 1999. — №12.
3. Арабов, Ю. Мистерия горы/Ю. Арабов // Искусство кино. — 1999. — №5.
4. Арансон, О. Советское (и) кино/О. Арансон // Киноведческие записки. — 2001. — №51.
5. Манцов, И. Смерть поэта/И. Манцов // Искусство кино. — 1999. — №10.
6. Мелихов, А. Власть и Воля/А. Мелихов // Сеанс. — 1999. — №17-18.
7. Москвина, Т. Ад и Ева/Т. Москвина // Сеанс. — 1999. — №17-18.
8. Петровская, Е. Время частной жизни/Е. Петровская // Киноведческие записки. — 2001. — №51.
9. Секацкий, А. Горы и Гитлер/А. Секацкий // Сеанс. — 1999. — №17-18.
10. Телец. Фильм Александра А. Сокурова. — СПб.: Сеанс, 2000.
11. Топоров, В. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифоэпического/В. Топоров. — М.,1995.
12. Трофименков, М. Пример интонации/М. Трофименко // А. Сокуров: сб. статей. — СПб.: СЕАНС-Пресс, 1994.
13. Трофименков, М. А. Сокуров в борьбе с реальностью/М. Трофименко // А. Сокуров: сб. статей. — СПб.: СЕАНС-Пресс, 1994.
14. Туровская, М. Советская элегия/М. Туровская // А. Сокуров: сб. статей. — СПб.: СЕАНС-Пресс, 1994.
15. Ханютин, А. Все немного сложнее/А. Ханютин // Искусство кино. — 2001. — №7.
16. Шилова, И. Предсмертие/И. Шилова // Киноведческие записки. — 2001. — №51.
17. Ямпольский, М. В. Исчезновение как форма существования/М. В. Ямпольский // Киноведческие записки. — 1999. — №44.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сегодня адепты русского шовинизма или, более того, русского фашизма (!?) в соответствии с идеями своих германских предшественников фактически оправдывают сталинский геноцид, якобы сохранивший и укрепивший российскую государственность.
2. В странах Древнего Востока ТЕЛЬЦА приносили в жертву и поклонялись его изваянию как воплощению Бога. В искусстве Нового времени ТЕЛЕЦ сливается с образом Минотавра — злодея и жертвы в одном лице — обладателя неземной силы и могущест-ва, в то же время олицетворяющего одиночество и обреченность. Поклонение Золотому ТЕЛЬЦУ рассматривается как забвение Бога истинного перед богами мнимыми (из кн. TAURUS. Directed by A. Sokurov).
3. При сопоставлении двух фильмов актуализируется нравственная позиция режиссера: сокуровский Гитлер нередко смешон и жалок, Ленин — трагичен.
4. В традиционной японской системе мифологических представлений, синтоизме, Аматерасу — великая богиня Солнца.
5. В той же системе представлений, японский император — потомок Аматерасу, живой (земной) бог, божественный микадо.
6. В смысле символическом он повторяет путь Христа.

Докучаев И. И. **09.00.01**
I. I. Dokuchaev

ДОСТОВЕРНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕФЛЕКСИИ
VERACITY THROUGH THE PRISM OF REFLEXION

Докучаев Илья Игоревич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Ilya Igorevitch Dokutchaev — Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Phylosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена анализу основных вариантов первой философии. Рассматриваются способы логически корректного определения бытия, на которых основана философия тождества и философия дуализма.

Summary: The article is concerned with the problem of analysis of the main variants of the first philosophy. The first philosophy is shown as the method of providing a logically correct definition of the entire, upon which (definition) the two ways of ontology are based: dualism and monism.

Ключевые слова: Первая философия, онтология, дуализм, монизм, феномен бытия, метод.

Keywords: phenomenological philosophy, ontology, dualism, monism, phenomenon of existence, method.

Вопрос о том, что есть истина, принадлежит к числу вопросов, которыми человечество «переболело»; не в том, конечно, смысле, чтобы оно научилось отвечать на них, но скорее, оно отказалось серьезно к ним относиться. Их статус первостепенных — все, что оставлено за ними. Они продолжают существовать, в своем бесконечном вопрошании разрушая фундамент всего здания человеческого знания, — их никто старается не замечать, памятуя о тех многочисленных попытках ответить, которые с предельным напряжением предпринимал человеческий ум. Но насколько удачны или неудачны были эти попытки? Вероятно, ответ на этот уже вопрос зависит от философского вкуса, присущего отвечающему. Хорош этот вкус или нет — решать присутствующим при ответе. Выберем же, согласно нашему вкусу, несколько таких истин. Они, конечно, будут аксиоматичны, как и любое начало дедуктивного разговора. Действительное начало не имеет доказательства, оно просто принимается или не принимается в зависимости от продуктивности продолжения. Однако несколько скандальной является ситуация, когда речь идет о начале всякого разговора, то есть об истине. Можно ли в этом случае отступить от правила начала? Или как раз в этом случае нельзя: за началом такого рода (началом начал) не отыскать никакого начала. Но если за началом начал ничего нет, то нет ли рядом с ним чего-то, что было бы, по крайней мере, равноизначально исходному началу? Равноизначальность не есть предел одного начала для другого, ибо они остаются началами. Равноизначальность таких начал должна порождать у них такое общее, которое позволит лишь обнаружить одно из них в другом. Быть может, в этом случае специфическая логика обнаруживаемого начала будет поглощена или, что хуже, заменена логикой того начала, в котором мы его стараемся обнаружить, тем не менее, есть все основания решиться на такой эксперимент. Он, конечно, не откроет нам очередное «безусловное» начало в ряду обусловленных, но он позволит, во-первых, определить неслучайность того или иного начала (в случае обнаружения одного в другом) и, во-вторых, уточнить или пополнить значение обнаруживаемого начала (в случае относительно безущербного встраивания его в другой контекст). Одним их таких равноизначальных (первых) вопросов в философии, наряду с вопросом об истине, является вопрос о бытии. Отвечая на него, мы и попытаемся обнаружить в этом ответе специфическую проблематику вопроса об истине.

Вопрос о бытии

Первейшее из начал нельзя возвести к какому-либо началу. Если строго понять этот тезис, то станет ясным, что идея «равноизначальности начал» позволяет всего лишь на некоторое время уйти в сторону от разговора о начале.

Если вопрос об истине мы попытались разрешить в ответе на вопрос о бытии, то как поставить вопрос о бытии? Ясно, что вопрос о бытии не может иметь ответа в форме классического субъектно-предикатного суждения с термином «бытие» в ка-

Материал поступил 01. 12. 2009 г.

честве субъекта, коль скоро мы признали бытие началом всего сущего и всякого вопроса о сущем. Бытие в этом смысле неопределимо, бытие не имеет предела в чем-либо и само не задает чему-либо предел… Поэтому бытие не имеет предела и для ничто. Но если вопрос о сущности бытия нельзя разрешить классическим способом, если для бытия нельзя найти ни одного предиката, что же — знание о бытии невозможно? Быть может, оно находится не вне «бытия», а внутри его? Если содержание этого понятия бедно, то ведь оно не обязательно пусто. Вопрос о сущности бытия можно изменить (не заменить), поставив вопрос о возможности бытия: как возможно бытие? Каковы составляющие бытия, его материя, его внутренняя форма? Теперь стало ясно, что если бытие возможно, то у бытия должна быть материя, должна быть внутренняя форма, должно быть хотя бы две составляющих, задающих эту форму как свой предел. Со времен Платона известно, что если есть только единое, то «нельзя ни назвать его, ни высказаться о нем, ни составить себе о нем мнения, ни познать его, и ничто из существующего не может чувственно воспринять его» [4, 369]; «и поэтому единое никаким образом не существует» [4, 368]. Но, с другой стороны: «Все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз — все это действительно существует» [4, 316]. Итак, если бытие есть, то должно быть присутствие одного и другого. Поскольку «бытие» — всегда есть предикат всякого субъекта, но само никогда не является субъектом, наше раскрытие этого понятия представлено в предельно универсальном виде. Определение возможности бытия в терминах «одно» и «другое» позволяет вести разговор о бытии как высшем роде всякого сущего, его начале и форме.

Теперь вопрос о бытии поставлен: как присутствуют одно и другое. Возможны два ответа на этот вопрос: первый — одно не относится к другому, и второй — одно относится к другому. Рассмотрим первый случай. Если одно не относится к другому, то другое не существует для одного, и одно для другого. Но в этом случае существует либо одно, либо другое; то есть существует единое, и, следовательно, ничего не существует. Рассмотрим второй случай. Если одно относится к другому, то одно тождественно другому, а другое — одному. Но в этом случае существует либо одно, либо другое; то есть существует единое, и, следовательно, ничто не существует. Очевидно, что чтобы бытие было возможно, необходимо как тождество одного и другого, так и отсутствие отношений между ними. Бытие задается присутствием одного и другого парадоксально, то есть ему приписываются прямо противоположные характеристики: дуализм и тождество. О бытии также можно сказать, что оно есть ничто, коль скоро мы пришли к этому результату, рассматривая по очереди каждый из случаев присутствия одного и другого. Перед нами встает новый вопрос: «Что выбрать как результат — бытие или ничто?». Если мы выберем ничто, мы должны будем отказаться от бытия и всякого разговора о нем; если же мы выбираем бытие, мы оказываемся в ситуации парадокса. Путь философии, таким образом, есть разрешение этого парадокса.

Достоверность бытия и достоверность мышления

Основной тезис Парменида, выражающий существо философского выбора, гласит: бытие есть; небытия нет. «"Есть" и "не быть" никак невозможно» [5, 295]; «бытие ведь есть, а ничто не есть» [5, 296]. Достоверным оказывается бытие. Бытие есть, но бытие, как уже отмечалось, возможно как отношение. Отношение чего и чего? Наша прежняя формулировка содержания «бытия» в терминах «одно» и «другое» оказывается теперь слишком универсальной, требующей конкретизации в феноменологическом направлении. Теперь мы спрашиваем: что значит «бытие есть присутствие одного и другого»? Нас интересует теперь не форма присутствия одного и другого, но содержание этого присутствия, коль скоро оно явилось как достоверное. Что же есть как достоверное? Что есть? Как будто нам может помочь замечание, сделанное на этот счет М. Хайдеггером о том, что из всего сущего в первую очередь выделяется такое, которое способно задать этот вопрос. Обыденное сознание также чаще всего различает отношение вопрошающего сущего ко всякому остальному, но наряду с отношениями внутри вопрошающего сущего и внутри остального. Это различение обыденное сознание формулирует в терминах «внутреннее» и «внешнее». Но сразу же становится ясным, что вопрос о достоверности отношений внутри внешнего нельзя поставить сразу, так как он уже предполагает в наличии ответ на вопрос об отношении внутреннего ко внешнему, ибо, действительно, всякий вопрос задается с позиции внутреннего и всякая достоверность может быть получена лишь на этом пути.

Вопрос об отношении внутреннего и внешнего был поставлен и разрешен Рене Декартом в терминах «Я» и «Мыслимое». Обратимся же теперь к тексту «Размышлений…» Р. Декарта, чтобы увидеть, что же оказывается достоверным в этих отношениях. Техника всякого разговора о достоверном есть сомнение; сомнение в чем-либо с тем, чтобы доказать это как достоверное или опровергнуть. Ясно, что сомнение есть другая позиция сравнительно с самим отношением, которое подвергается сомнению. Сомнение осуществляется за пределами своего предмета — отношения «Я» и «Мыслимого»; но очевидно, что сомневающееся тождественно относящемуся «Я», поскольку предмет сомнения — не отношения внутри внешнего, но отношения внутреннего и внешнего. Если сомневающееся «Я» и относящееся «Я» тождественны, то условие сомнения не выполнено;

нет специфической позиции сомнения, с которой как внеположенной определяется достоверность предмета сомнения. Но сколько раз не осуществлялась бы попытка выйти за пределы исходного отношения во внеположенную ему позицию сомнения, указанное тождество «Я» сохранится. Следовательно, сомнение на этот счет невозможно. Смысл действия (сомнения в существовании как отношении) противоречит самому действию (сомневающийся «Я» тождественен относящемуся «Я», а значит, сомнение есть само отношение или бытие). Если нельзя усомниться в отношении (существовании), выйдя за его пределы, значит само отношение (существование) существует (от бытия никуда не деться).

«Коль скоро я себя в чем-то убедил (в возможности сомнения — И. Д.), значит, я все же существовал? Но существует также некий неведомый мне обманщик, чрезвычайно могущественный и хитрый, который всегда намеренно вводит меня в заблуждение. А раз он меня обманывает, значит, я существую; ну и пусть обманывает меня, сколько сумеет, он все равно никогда не отнимет у меня бытия, пока я буду считать, что я — нечто. Таким образом, после более чем тщательного взвешивания всех «за» и «против» я должен в конце концов выдвинуть следующую посылку: всякий раз, как я произношу слова «Я есмь», «Я существую» или воспринимаю это изречение умом, оно по необходимости будет истинным» [3, 21-22], — такова кульминация сомнений Р. Декарта в бытии.

Р. Декарт делает вывод о достоверности «источника» отношения (т.е. «Я») и самого отношения. Но если есть отношение одного и другого, указывали мы выше, значит, одно и другое тождественны. Если достоверно относящееся «Я», значит, оно относится с собой же, а именно такое отношение называется рефлексией (отражением, удвоением/или мышлением). Невозможно сомнение в мышлении; из невозможности сомнения в мышлении доказывается Р. Декартом его (мышления) достоверность в тезисе «Я мыслю, следовательно, существую». «Я есмь, я существую — это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько я мыслю. Весьма возможно, если у меня прекратиться всякая мысль, я сию же минуту полностью уйду в небытие. Итак, я допускаю лишь то, что по необходимости истинно. А именно, я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я — ум, дух, интеллект, разум; все это — термины, значение которых прежде мне было неведомо. Итак, я вещь истинная и поистине сущая; но какова эта вещь? Я уже сказал: я — вещь мыслящая.» [3, 23]. Если чувство или чувствование как отношение «Я» с чем-либо иным, называемое непосредственностью и единственно противоположное мышлению как отношению «Я» с самим собой, возможно (как не мое), то лишь для мышления, в качестве конструкции мышления, в форме мышления (как моего).

Феноменологически достоверно, что чувстовование и его предмет никогда не действительны для относящегося «Я» (я никогда не вижу свое видение, не слышу свое слышание, и так далее, и их предметы, но всегда думаю, что слышу, вижу, и так далее какой-либо предмет). Вне конструкций и форм мышления чувство и его предмет суть чистые возможности, получающие свою действительность лишь в мышлении. «Конечно, может показаться, что видимое мною на самом деле вовсе не воск (не то, что я мыслю как воск или что-либо другое — И. Д.); может также оказаться, что у меня нет глаз, с помощью которых я могу что-либо видеть; но, когда я вижу или мысленно допускаю, что вижу (а я не делаю здесь различия), невозможно, чтобы сам я, мыслящий, не представлял собой нечто» [3, 28]. Итак, с достоверностью существует лишь мышление, которое есть не что иное, как отношение одного с самим собой или тождество «Я».

Однако необходимо сделать еще один вывод из тезиса Р. Декарта. Если бы кроме тождества «Я» или мышления нельзя было найти никакого достоверного феноменологического раскрытия содержания бытия, мы получили бы лишь отрицательный результат: всякое тождество есть ничто. Но в самом отношении внутри мышления обнаруживается нечто, выходящее за пределы этого отношения, а именно — я, относящееся с собой в форме предметов этого отношения, не является причиной этого отношения, причиной себя и своих предметов; «Я» лишь обнаруживает свое существование, но не порождает его. «Я» субстанционально как единственное действительное бытие, и «Я» несубстанционально как не имеющее причины своего бытия в самом себе. Причина бытия «Я» имеет место вне самого «Я», и именно это обстоятельство позволяет в итоге дать положительный ответ на вопрос о бытии «Я». Вне бытия «Я» нет никакого действительного бытия, но лишь возможность бытия «Я». Само по себе бытие «Я» как тождество есть также ничто, но его внутренняя необходимость собственного отрицания в форме собственной возможности создает дуализм отношения «Я» и возможности этого «Я», а дуализм и тождество — как раз те условия, выполнение которых для содержания бытия делает его действительным.

Теперь наш исходный онтологический парадокс переформулирован в терминах гносеологических: нельзя познать что-либо, не имея предмета познания, отличного от познающего, но то, что отлично от познающего непознаваемо. Следовательно, познание действительно лишь как познание познающим самого себя при условии возможности познающего, познания и его предметов, с необходимостью признаваемой самим познанием как не зависящей от самого познания. Парадокс переформулирован, но сохранен. В самом деле, тождество «Я» дает ничто, отношение этого тождества к иному, которое для этого тождества есть также ничто, сохраняет тождество в его одиночестве и вновь превращает в ничто. Наша гносеолого-феноменологическая интерпретация парадоксальности содержания «бытия» лишь обогатила его новым содержанием,

но нисколько опять-таки не продвинула вперед само разрешение парадокса.

Философия тождества

Описанный выше парадокс актуален, на наш взгляд, для всей истории вопрошания о бытии. Эта история периодически воспроизводит те или иные возможные «разрешения», которые не снимают его, но лишь позволяют (теперь уже после двух с половиной тысяч лет истории философии — позволяют) составить свой полный реестр в виде системы. Вопрос о том, почему в разные исторические времена бывают актуальнее именно те, а не иные «разрешения», выносится нами за пределы данного сочинения, отчасти из-за несоответствия его цели сочинения, отчасти и из-за невозможности, на наш взгляд, строгого разговора на этот счет. Каждое такое разрешение — достоверность той или иной эпохи, но в рамках беспристрастного разговора о сущности бытия каждое разрешение имеет место постольку, поскольку оно предоставляется самой системой этих разрешений, эксплицирующейся гностико-онтическим парадоксом, как мы будем называть его в дальнейшем. Быть может, сама такая беспристрастность есть плод достоверности еще одной эпохи, — что же, это лишь подтвердит — в случае своей справедливости — то, что историческое время не замкнуто и представляет в этой своей незамкнутости чистую возможность развития системы. Однако очевидно также и то, что уже определенные члены данной системы не есть ряд последовательно разворачивающегося развития человеческой мысли, но есть ее постоянные возможности, которыми также чревато будущее: к их изложению мы теперь и приступаем.

Первая такая возможность явилась первой и в историческом отношении. Еще Парменид вслед за своим исходным для всякого философского выбора тезисом, поставившим парадокс, высказал следующее положение, оказавшееся принципиальным уже для разговора о разрешениях этого парадокса: «мыслить — то же, что быть» [5, 296]; «то же самое — мысль и то, о чем мысль, ибо без бытия, о котором ее изрекают, мысли тебе не найти» [5, 297]. Разрешение парадокса здесь и в дальнейшем виделось в интерпретации неизвестного в этом парадоксе, то есть возможности мышления или «внемыслительной реальности». Эта «внемыслительная реальность» у Парменида под именем «бытие» определяется как достоверная относительно мышления. Речь идет о тождестве «бытия» (в смысле, придаваемом этому термину Парменидом) и мышления в форме «бытия». В мысли нет ничего, кроме «бытия», и поэтому мыслить — то же, что быть. Однако, что же значит «быть»? О таком бытии нельзя ничего сказать, кроме того, что оно есть как возможность мышления, констатируемая мышлением с необходимостью. О таком «бытии» можно сказать, что оно «есть» (как от-рицание мышления) и что оно «ничто» (как утверждение мышления). Парменид выбирает первую возможность: «бытие» есть. Но поскольку мышления в этом случае «нет», Парменид больше ничего положительного не говорит; мышление становится пребыванием. Парадокс разрешается непродуктивно: как невозможность разговора.

Следующая точка зрения принадлежит Г. Гегелю: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект. В то же время надо заметить, что субстанциональность в такой же степени заключает в себе всеобщее, или непосредственность самого знания, как и ту непосредственность, которая есть бытие, или непосредственность для знания» [2, 9]. Итак, утверждается другое тождество «бытия» и мышления, в форме мышления. Оказывается достоверным мышление относительно «бытия»: в «бытии» же теперь нет ничего, кроме мышления. Но что же такое тогда это мышление? Перед нами два мышления: собственно мышление и «бытие» как мышление (субъективный и объективный дух — в терминах Г. Гегеля). Первое отличается от второго тем, что не имеет своей причины в самом себе: «В этом аспекте образование, если рассматривать его со стороны индивида, состоит в том, что он добывает себе то, что находится перед ним, поглощает в себя свою неорганическую природу и овладевает ею для себя. Со стороны же всеобщего духа как субстанции образование означает только то, что эта субстанция сообщает себе свое самосознание, то есть порождает свое становление и свою рефлексию в себя» [2, 15]. Однако и первое, и второе одинаковы в своей сущности: «Лишь духовное есть то, что действительно; оно есть сущность или в-себе-сущее, оно есть то, что вступает в отношения, и то, что определено; оно есть инобытие и для-себя-бытие, — и в этой определенности или в своем вне-себя-бытии, оно есть неизменное внутри себя; — или оно есть в себе и для себя» [2, 12]. Если «бытие» и мышление тождественны, значит, «бытие» раскрывается как отношение с собой (тождество), способное порождать это отношение. Исходный момент диалектики объективного духа — в-себе-бытие духа или то, что вступает в отношения с собой (тезис). Следующий момент — собственно отношение с собой или отрицание себя: полагание себя как наличного бытия, относящегося к себе как к предмету, данному себе в форме знания или для-себя-бытие духа (антитезис). И последний момент — различение знания и предмета (предмет есть и без знания), дающее возможность проверки знания предметом и предмета знанием, изменения предмета и, следовательно, тождества в-себе-бытия и для-себя-бытия (синтез). Абстрактно пребывающий в себе мир логики полагает свое отрицание как мир физической природы, который связан с исходной точкой полагания в виде знания о природе (или о себе как о предмете знания), или инобытие и для-себя-бытие. Последние два момента диалек-

тики объективного духа есть диалектика субъективного духа, как такого физически сущего, которое наделено духом, способно отнестись к себе и осознать себя как дух. Исходная ситуация — бытие субъективного духа как наличное или возможность знания, способность отношения с собой как своим предметом (тезис). Следующий момент — познавание себя как своего предмета (поскольку предмет есть и без знания, он отличен от знания и дан знанию, его можно проверить знанием, а знание им) или для-се-бя-бытие (антитезис). Заключительный акт этого движения — в том, что так как проверка предмета изменяет его, субъективный дух устанавливает тождество своего предмета и знания о нем в форме духа (как свое), и поскольку ничто кроме духа (себя) не обнаруживается в этой диалектике, определение духа распространяется и на самую возможность субъективного духа, то есть выясняется объективный дух. Так отрицается отрицание объективного духа и устанавливается его тождество с самим собой.

Поскольку речь идет об одном духе, эту диалектику объективного и субъективного духа можно изложить короче и как единое движение. Объективный дух в своем в-себе-бытии есть чистое ничто, для своего существования ему необходимо отнестись с собой. Он полагает себя как предмет, способный к отношению с собой в знании об этом предмете или как отрицание себя. Так он становится причиной субъективного духа или самим субъективным духом. И уже субъективный дух обнаруживает тождество знания о себе и себя как предмета. Теперь делается последний вывод: если все действительное — дух, то и причина духа — дух. Так объективный дух обретает свое тождество. То, что теперь определение мышления строится как диалектическое полагание его моментов, объясняется характером интерпретации возможности мышления как мышления и причины его одновременно (объективный дух). В силу порождающего характера исходной причины все моменты мышления выстраиваются в причинно-следственный ряд. «В движении в целом, понимаемом как покой, то, что в нем различает себя и сообщает себе обособленное наличное бытие, сохранено как нечто такое, что вспоминает себя, наличное бытие его есть знание о себе самом, так же как это знание есть столь же непосредственно наличное бытие. Могло бы показаться, что необходимо заранее дать более подробные указания относительно метода этого движения или науки. Но понятие этого метода заключается уже в том, что сказано, а изложение его в собственном смысле относится к логике, или, вернее, есть сама логика. Ибо метод есть не что иное, как все сооружение в целом, воздвигнутое в его чистой существенности» [2, 25].

В итоге настоящей интерпретации — тождество в форме мышления или ничто. Настоящая интерпретация продуктивна не в смысле ответа на вопрос о бытии, но в смысле отвечания или метода, начало которого тождественно концу и приводит к кругу, признанному Г. Гегелем как бытие.

Философия дуализма

С одинаковой степенью убедительности должны быть приняты две следующие интерпретации «бытия». Философия тождества исходит из внутренней необходимости сознания во внешней причине себя, и, поскольку не находит ничего действительного вне сознания, объявляет и причину сознания сознанием.

Дуалистическая же философия появляется тогда, когда «бытие» остается для сознания в качестве необходимого, но абсолютно непознаваемого момента. В самом деле, ведь причина сознания не дана сознанию. Такое «бытие» определяется как «чистая возможность», возможность быть в себе чем угодно, но и возможность действительности сознания и его определений самого себя. Таков, на наш взгляд, характер философии Аристотеля, его учения о форме (действительности) и материи (возможности): «Материя есть в возможности, потому что может приобрести форму; а когда она есть в действительности, у нее уже есть форма» [1, 246]; «Сущим в действительности бывает форма, если она способна к отдельному существованию, и составное из материи и формы, а также лишенность формы, например, темнота или больное; а в возможности существует материя, ибо она способна принимать определенность и через форму, и через лишенность формы» [1, 305]. Если рассматривать с этой точки зрения наш случай с действительностью как сознанием и внутренней необходимостью сознания во внешней причине себя, которая в силу своей внешности неопределима, то есть лишена действительности, то определение сознания как формы, а внешней возможности его как материи является одной из допустимых интерпретаций категориальной пары Аристотеля: материя — форма. Поскольку сознание в своей действительной, внутренней сущности «нуждается» во внешнем и недействительном как своей причине, оно в своей же сущности есть недействительное. Сознание оказывается причастным недействительному. Это значит, что в самом сознании, у самого сознания должно быть нечто недействительное, способное быть причастным недействительному.

Так дедуцируется философская категория тела. Тело есть у сознания как его (сознания) возможность и недействительность. Но следует сказать больше: у сознания не просто есть тело, само сознание есть тело в своей причастности недействительному. Сознание есть тело, и, следовательно, его нет; но сознание есть сознание, и, следовательно, оно действительно. Диалектического движения здесь не может возникнуть, ибо недействительность в полной мере сохраняет свою сущность, и как причина действительности, недействительность определяет действительность недействительной; но и непродуктивности парменидовова молчаливого бытийствования сознания здесь нет, ибо сознание полностью располагает своей действительностью

в себе, вне которой ничего нет как действительного. Теперь выясняется, что сознание или душа есть форма, а тело есть материя. Так и определяются Аристотелем эти категории (то есть душа и тело): «Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма, а это — суть бытия такого-то тела, подобно тому как если бы естественным телом было бы какое-нибудь орудие, например, топор. А именно сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором и был бы таковым лишь по имени. Однако это не только топор. Душа же есть суть бытия и форма не такого тела, как топор, а такого естественного тела, которое в самом себе (а не благодаря иной душе — И. Д.) имеет начало движения и покоя (то есть душу — И. Д.)» [1, 395]. Это начало движения и покоя в качестве разумной души есть причина отношения сознания с самим собой (или, следуя Аристотелю, с формально тождественными сознанию его предметами). И теперь уже можно точнее высказать это отношение. Это отношение себя с собой, постольку, поскольку сознание есть единство сознания (тождество) и себя с собой, постольку, поскольку сознание есть тело (дуализм и чистая возможность). Поскольку сознание ограничено недействительным и причастно недействительному, оно есть бесконечная конечность, неограниченная ограниченность (в отличие от всякой ограниченной невозможностью выйти за свои бесконечные пределы неограниченности), непрекращающаяся возможность быть иным, оставаясь тождественным.

Тело и материя тождественны в своей возможности быть чем-либо определенным, в своей недействительности; только сознание, определяющее себя как действительное, вносит различение между телом и материей. Тело оказывается частью целого материи, единичностью одного качества. Сознание относится к себе в теле или будучи телом, как частью материи. Сознание задает телу форму, сознание принадлежит такому телу, «которое в самом себе имеет начало движения и покоя», то есть отношение. Сознание есть единство бесконечного. При этом сознание, будучи телом, не есть тело, никогда не знает себя как тело, тело недействительно для сознания, всегда пребывающего в действительности, в себе. Поэтому сознание как отношение единства в бесконечности, несмотря на то, что оно является телом, не снимает бесконечности и телесности (наличности), не получает в своем отношении диалектического синтеза — телесность сохраняет все свои права чистой возможности, сознание никогда не знает свое тело.

Тело для сознания предстает уже в форме сознания: «Душа необходимо должна быть либо предметами, либо их формами, однако самими предметами она быть не может: ведь в душе находится не камень, а форма его. Таким образом, душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум — форма форм, ощущение же — форма ощущаемого» [1, 440]. Форма материи как бесконечность сознания есть то, с чем относится сознание как единство. Сознание определяет в бесконечности себя свое единство, оно есть отношение бесконечности и единства, удерживающийся предел или форма.

Так понятое сознание есть отношение в себе себя со своей неограниченной возможностью. Такое отношение, конечно, будет не просто отношением себя к себе, но отношением, различающим в себе многие другие «себя». В любом отношении нельзя просто отнестись к чему-то единому, но можно отнестись, различая в этом едином многое (хотя бы пару). Но в едином нельзя сразу получить качество, поэтому результаты различения будут всегда тождественны в отношении того, что различалось, но различны в отношении друг к другу, то есть они будут различаться количественно. Одно будет отлично от другого в двух смыслах: как одно рядом с другим и одно после другого. Так возникают философские категории времени и пространства. Но, различив нечто в форме материи, сознание не снимает эту различенность в новом, синтетическом тождестве, а соотносит различенное по принципу сходства его или противоположности. Соотнесение или образование качеств теперь оказывается возможным, так как количественно различенное уже не обладает единством. Полученные же качества, хотя и могут быть переоформлены, но составляют уже реальное многообразие образцов для такого переоформления. А постольку, поскольку за каждой формой всегда стоит материя или «бытие», мы впервые получаем многообразие бытийствующей действительности, а не круга, мы впервые получаем не только продуктивный метод, но и продуктивный результат.

Теперь, когда вопрос о бытии поставлен, когда получено по, крайней мере, три ответа на него, вопрос об истине кажется уже не столь безнадежным, но выбор истины — все-таки выбор, и от того, бытие ли мы выбираем или небытие, тождество бытия ли, тождество мышления ли, или дуализм, зависит не только разговор о бытии, но и сама действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль. 1976. — 552 с.
2. Гегель Г.В. Ф. Феноменология духа. — СПб.: Наука, 1992. 448 с.
3. Декарт Р. Сочинения в 2т. Т. 2. — М.: Мысль, 1994. — 640 с.
4. Платон Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. §. 28. Парменид. — М.: Наука, 1989. — С. 274-297.

Доровская В. В. , Доровский И. В.
V.V.Dorovskaya, I.V.Dorovsky

24.00.01

ПРАВОСЛАВНОЕ ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО В Г. КОМСОМОЛЬСКЕ-НА-АМУРЕ
CONSTRUCTION OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCHES IN THE CITY OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR

Доровская Валерия Валерьевна — кандидат культурологии, доцент кафедры промышленного и гражданского строительства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: barsuk007@yandex.ru
Ms. Valeriya V. Dorovskaya — PhD in Cultural studies, Associate Professor at the Department of Industrial and Civil Engineering of Komsomolsk-on-Amur State Technical University E-mail: barsuk007@yandex.ru

Доровский Игорь Владимирович — старший преподаватель кафедры промышленного и гражданского строительства Комсомольского-на-Амуре государственного техниче-ского университета. E-mail: dorigor@yandex.ru
Igor V. Dorovsky — Senior Lecturer at the Department of Industrial and Civil Engineering of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: dorigor@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс развития православного храмового строительства г. Комсомольска-на-Амуре в культурно-историческом аспекте. Анализируются стилистические традиции древнерусского наследия в проектировании православных храмов города. Авторы делают вывод, что строительство храмов является при-знаком возрождения духовных и нравственных основ жизни российского общества.

Summary: The article takes the process of construction of Eastern Orthodox churches and cathedrals in Komsomolsk-on-Amur in a cultural-historical perspective. The analysis of the stylistic heritage of the Old Russian architecture traditions in the design of Orthodox churches in the city is carried out. A conclusion is made that construction of temples is a sign of the revival of spiritual and moral foundations of the life of today's Russian society.

Ключевые слова: православие, храмовое строительство, духовность, архитектура, стиль, политика, власть, традиции, возрождение.

Keywords: Eastern Orthodoxy, temple construction, spirituality, architecture, style, politics, power, traditions, revival.

Для того чтобы понять, как развивается храмовое строительство в г. Комсомольске-на-Амуре, городе молодом, и в основе своей атеистическом, нужно вспомнить о том времени, когда Дальний Восток стал активно заселяться. Задачи государственной дальневосточной политики России во второй половине XIX — начале XX вв. отожествлялись, в огромной степени, с историческим предназначением России на Дальнем Востоке, т. е. с ее православно-христианской миссией. В народном сознании покровительницей земель территории Дальнего Востока являлась Казанская Богоматерь.

Вхождение Дальнего Востока в российскую жизнь правительством и просвещенным обществом России мыслилось, прежде всего, через православие и храмостроительство. Образно говоря, «если есть Божий храм — русский храм, то это уже русская земля». Практически в любом новом поселении, будь то развивающийся большой город, или маленькая деревушка, обязательно устраивался храм божий или устанавливался крест. Комитет по заселению Дальнего Востока считал, что строительство церквей и новых приходов является первой заботой правительства для закрепления исконных начал русской государственности на Дальнем Востоке (ДВ).

Таким образом, культовое строительство являлось неотъемлемой частью градостроительных преобразований на ДВ [1,15]. Для русского ДВ, где только начиналось формирование культурного облика новых территорий, храм в русском стиле являлся главным, если не единственным, символом России и возрож-

Материал поступил 25. 01. 2010 г.

Рис. 1

дения национальной русской идеи.

Дальневосточные православные храмы строились по прототипам реализованных проектов и на основе образцовых проектов храмов в соответствии с Высочайшим указом, действовавшим до 1917 г. Большинство из них построено в русском стиле. Содержание «русского стиля» в течение XIX– начале XX вв. несколько менялось и обозначалось различными терминами — «византийский», «русский», «неорусский» стили и их варианты. В культовом зодчестве ДВ проявлен весь диапазон вводимого в практику древнерусского наследия. Превалирует тип приходского храма, бытует и тип соборного храма с компактным объемом и пятью шатрами или пятиглавием. В 1899-1903 гг. была разработана, рассмотрена и утверждена Управлением строительных и дорожных частей ДВ большая группа проектов церквей на основе Альбома типовых чертежей, утвержденного Священным Синодом.

Гармоничность целого, выдержанный в едином стиле декоративный строй обработки главных членений, частей и элементов зданий, простота и в то же время художественная выразительность фасадов, использование приемов стилевой архитектуры, уже сомкнувшихся с народным зодчеством, свидетельствуют о профессионализме авторов проектов, разработанных в русском стиле, а точнее, в его фольклорной версии.

Фольклорный вариант русского стиля, являясь самым демократичным архитектурным направлением, адекватно отражал духовный климат эпохи.

В храмовой архитектуре ДВ конца XIX — начала XX вв. происходит переосмысление наследия деревянного народного зодчества. При этом если «традиционная городская архитектура», т. е. деревянная жилая застройка, была очень распространенным явлением в городах ДВ, то деревянные храмы именно в городах сооружались редко. Деревянная церковь в городе (особенно современном), в сравнении с гражданской застройкой, воплощает чисто национальное архитектурное явление.

Все градостроительные начинания на ДВ были предопределены новым направлением восточной политики России. Формирование нового культурного образа вновь присоединенных к Российской империи восточных территорий осуществлялось посредством определенной архитектурно-градостроительной концепции. В селе Пермском-на-Амуре церковь была построена еще в 1880 году, но священника в ней не было. Для исполнения треб и по праздникам приезжал священник из Вознесеновки. В 1909 году посреди села на крутом берегу Амура величественно и гордо вознеслась рубленная деревянная церковь «старого» стиля. Называлась она «Часовня во имя святого пророка Илии и святителя Иоанна Златоуста». В ней крестили, венчали, отпевали, замаливали грехи. Далеко слышен был колокольный звон, разносимый по амурским просторам. Церковь была построена на средства сельчан, относилась она к 9-му участку Камчатской епархии. Начальником Камчатской духовной Миссии был благочинный священник Афанасий Александрович Протодиаконов.

Со сменой политического строя новая власть ожесточенно начала уничтожать не только храмовые постройки, но и храмовых служителей, лучших представителей духовенства высокого духовного сана, приход-ских священников. Стремление искоренить веру привело за годы советской власти к катастрофическому душевному и духовному ослаблению последующих поколений.

Деревянную церковь в селе Пермское постигла та же участь, что и остальные храмы России. Она была ликвидирована, колокола сняли, иконы погрузили на пароход, дальнейшая судьба их неизвестна. Церковь отдали под клуб, одно время в ней была столовая, потом размещалась пожарная команда. В 60-х гг. здание было снесено.

На поселке Победа в Ленинском округе Комсомольска-на-Амуре по улице Лермонтова с 1974 года функционирует церковь «Успения Пресвятой Богородицы». Открыта она была по просьбам граждан, обратившихся тогда в горком партии. Это маленькое каменное строение с одной луковкой является самой старой из работающих в Комсомольске церквей. Здесь отцом Олегом (Скворцовым) проводятся обряды крещения, венчания, праздничные и воскресные службы.

В 1990 г. отцу Геннадию (Папазову) городской администрацией было выделено помещение на первом этаже жилого дома в поселке Амурсталь по улице Механической, 37, где проходят праздничные и воскресные службы. У этой небольшой церкви есть свой круг пожилых прихожан, которые до сих пор продолжают посещать именно эту маленькую, скромную церковь.

Православный храм прихода «Всех Святых» начали возводить буквально в сотне метров от памятного места, где стояла в селе Пермском первая церковь.

Назван храм был в честь Казанской иконы Божьей матери. В день празднования Казанской иконы Божьей матери — 4 ноября (22 октября по старому стилю) 1995 года состоялась закладка первого камня в фундамент нового православного храма. К архитектурным особенностям этой церкви в первую очередь относится тип храма — клетской. Клетской тип церкви был широко распространен на землях центра Руси. Центральный объем храма — восьмерик на крещатом плане. Такая форма позволяет значительно увеличить площадь и прирубать с двух противоположных сторон четверики притвора и алтаря (апсиды). В данном случае апсида — с востока усеченный с углов прируб.

Вертикальная ось шатрового храма как нельзя лучше подчеркивала спокойные очертания амурского пейзажа. Основой конструктивного решения был крест (крещатый план). Подобные крещатые храмы упоминаются в летописях конца XV в. [2, 38-40].

Автор проекта — местный архитектор Игорь Курносов — использовал опыт древних храмостроителей, вычленив самое важное. Над притвором располагалась колокольня, которая представляла собой восьмерик на четверике с повалом. Сама колокольня соединялась с четвериком притвора трапезной, а снаружи их объединяла открытая галерея — гульбище.

Образное слияние конструктивной и композиционной логики направлено было на акцентирование внимания человека, даже случайно оказавшегося возле храма. Декор, применявшийся для украшения церкви, отвечал требованиям строгого северного деревянного зодчества. Он был лишен вычурности. Резьба в основном применялась плоскостная, прорезная и очень аскетичная. В некоторых местах — двух- или трехъярусная.

Еще в недостроенной церкви велись службы, они проходили в нижнем пределе, где располагалась купель для крещения. На освящение нижнего предела прибыл епископ Хабаровский и Приамурский Марк.

Приходу было выделено около 8 гектаров прилегающей к храму земли. В будущем планировалось создание монастыря, центром которого и должна была стать новая церковь. Предусматривалось строительство дома настоятеля, водосвятной часовни, православной гимназии, магазина церковной утвари, небольшой гостиницы для паломников и келий для монахов, издательского центра при гимназии. Рассматривалась даже возможность создания иконописной мастерской. Отец Пахомий всегда подчеркивал, что эта церковь — не последний православный храм, что храмовое строительство в городе будет продолжено, для чего планировалось создание специальной архитектурной службы.

7 марта 1999 года храм погиб в пламени пожара. Для того чтобы сберечь хотя бы часть постройки, пришлось растаскивать бревна тросами. Верхняя часть, включая купола, полностью сгорела. Иконы

Рис. 2

и ценное убранство храма удалось спасти [3].

Город тяжело пережил драматическую утрату деревянной церкви. Взамен было решено строить каменное здание храма на другом месте.

Возведение любого здания, включая и церковные сооружения, начинается с проектирования. Именно архитектор создает запоминающийся, неповторимый образ храма, вкладывая в созидательный процесс свои знания, весь свой творческий потенциал, и опыт, накопленный поколениями зодчих.

Над проектом городского собора Казанской иконы Божьей матери работал Валерий Николаевич Редколис — директор проектно-строительной фирмы «РАПИД». Этот проект потребовал изучения массы специальной литературы.

Закладка первого камня в основание православного храма после освящения места новостройки состоялось 21 января 2000 года. Обряд освящения провел архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк.

Сам храм и прилегающая к нему территория спланированы и спроектированы согласно каноническим требованиям, предъявляемым к композиции русских православных храмов. Основная планировочная ось собора (притвор-алтарь) ориентирована строго на запад-восток, что соответствует каноническим правилам ориентации православных соборов. Постановка собора на участке осуществлена с ориентацией алтарей и крестов на восток, так как по православным канонам восток — область Рая. Приподнятость уровня собора над землей и алтаря — над храмом — символизирует ступени духовного восхождения от земного к небесному. Территория собора лежит за оградой, что является символом отдельности церкви от мира. Вокруг храма предусмотрена посадка фруктовых деревьев, которые будут символизировать образ «райского сада». Круговой обход собора предполагает проведение крестного хода в праздничные дни.

В основе объемно-планировочного решения собора заложена каноническая архитектурная композиция, соответствующая образу «корабля, спасающего в бурных водах житейского моря». Можно выделить

основные элементы этой композиции. Доминирующей высотой всей композиции является колокольня — образ «мачты корабля». Основное здание делится на алтарь и собственно храм с алтарной преградой (иконостасом). Каждая часть композиции имеет свое символическое значение: алтарь — образ небесного, где пребывает Бог, а храм — область земного пребывания людей.

Форма храма традиционна — восьмерик на четверике (что встречается еще в строительстве деревянных церквей) — символ Вифлиемской путеводной звезды. Сложная, многообразная композиция — образ небесного града Иерусалима. Помещение притвора небольшое и скудно освещенное, и в этом — тоже особый смысл, символ греховной земли и ада.

Еще одно традиционное решение — шатровое покрытие — символ устремления души к небу. Еще в XVII в. в культовой архитектуре особое место занимали именно шатровые храмы [2, 250]. Шатровые завершения чаще всего возводились ради выразительности силуэта, столь полюбившегося народными мастерами. Со временем они приобретают декоративный характер, хотя изначально шатровый храм отражает, в своих триумфальных формах, общенародные патриотические идеи, связанные с укреплением Русского государства, его духовности и силы. Какие либо изменения в планировочно-конструктивных решениях церквей связаны были с изменениями государственной и религиозной политики.

Первым святым церковным праздником в открывшемся соборе Комсомольска стал престольный праздник Казанской иконы Божией матери, в честь которой и назван новый храм. Вот уже более 300 лет его отмечают в России. Чудотворная Казанская икона Божией матери сопутствовала народному ополчению в благословение и ободрение. Она олицетворяет собой всю глубину русской веры и связана с величайшими историческими событиями. По преданию именно эта икона покровительствует восточным российским рубежам. В сердцах комсомольчан живет надежда, что Божия матерь не оставит без своего покровительства наш город. Строительство храма на пр. Первостроителей можно назвать самым значительным событием начала XXI в. для нашего, еще очень молодого, города. Теперь комсомольчане чтут Казанскую икону Божией матери как главную святыню (рис. 1).

Бурное и многочисленное строительство храмов, устройство монастырей и образование новых православных приходов в нашей стране сегодня можно расценивать как попытку начала возрождения высокой духовности, культуры и веры в Добро.

На волне возрождения храмового строительства в нашем городе был возведён еще один православный храм «Илии пророка». Его срочное строительство вызвано необходимостью перераспределения потока прихожан. С каждым годом все большее число комсомольчан ощущают потребность пойти в Храм Божий. Это связано с началом очистительного душевного подъема, возвращением русского человека к своим историческим корням и своей национальной основе.

Инициатором строительства храма в Ленинском округе города стал епископ Хабаровский и Приамурский Марк, сам он вел и необходимые переговоры с властями.

По проекту храм Илии Пророка рассчитан на 500 человек, но из-за архитектурных особенностей и дополнительных внутренних помещений получился крупнее (рис. 2). Автор проекта — архитектор Светлана Вялкина.

Согласно Библии, святой пророк Илия был взят на небо живым, поэтому церковь издревле считает его покровителем воздухоплавателей и воздухоплавания. Не случайно, что вновь строящийся храм назван в честь Илии Пророка, как и церковь в селе Пермское. Возвращение оберегающей десницы этого святого на землю нашего года — поистине, промысел Божий.

В период с 1998 по 1999 гг. на территории городского кладбища был возведен еще один храм прихода «Всех Святых» — часовня Воскресения Христова. Композиционная схема часовни в основе своей имеет крестообразный план с двумя пределами. Планировка храма классическая. Храм однокупольный. Фасад часовни решен в контрастной красно-белой гамме, что придает ей торжественный, строгий вид. В храме-часовне проходят отпевания, а в церковные праздники идут службы.

Растет наш город, появляются на свет все новые поколения комсомольчан. Какое будущее ожидает город, зависит от того, насколько духовно сильны будут его жители.

Православные храмы, которые были построены и которые еще строятся в г. Комсомольске-на-Амуре, организуя в первую очередь городское пространство и обогащая архитектурный облик города, создают незабываемое ощущение восторга и покоя в душах комсомольчан и гостей нашего города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левошко, С.С. Россия на Дальнем Востоке: новая градостроительная концепция и православные храмы в русском стиле (вторая половина XIX — первая треть XX вв.) // Христианское зодчество/С.С. Левошко. — М.: Материалы научной конференции, 2000. — 23с.
2. Пилявский, В. И., Тиц, А. А., Ушаков, Ю.С. История русской архитектуры/В.И. Пи-лявский, А.А. Тиц, Ю.С. Ушаков. — Л.: Стройиздат, Ленинградский отд.,1985. — 512 с.
3. Югай В. Казанская икона станет покровом города. — К.-на-А.: ДВК, 2000. №7 за 27 января 2000 года

Иванов Анд. А.
A. A. Ivanov

24.00.01

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ МОДЕРНА
INTELLECTUAL PRACTICES AS PART OF SOCIAL PROCESS WITHIN POST-MODERNITY CIVILIZATION

Иванов Андрей Анатольевич — кандидат культурологии, доцент кафедры промышленного и гражданского строительства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: larsandr@mail.ru.
Andrey A. Ivanov — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Industrial and Civil Engineering of Komsomolsk-on-Amur State Technical University E-mail: larsandr@mail.ru.

Аннотация: В статье интеллектуальные практики представлены как феномен посттрадиционного общества Модерна, выполняющий функции разработки и легитимации проектов социальных преобразований. Рассматриваются вопросы социальной обусловленности и автономности интеллектуального дискурса.

Summary: The paper views intellectual practices as a phenomenon of the post-traditional Modernist society, the one that performs the function of developing and legitimating social transformation projects. Issues of social conditioning and autonomy of intellectual discourse are discussed.

Ключевые слова: интеллектуал, Модерн, символическое, легитимация, рационализация, инновация, автономия, интерес, дискурс.

Keywords: intellectual, Modern, symbolic, legitimating, rationalization, innovation, autonomy, interest, discourse.

Словосочетание «интеллектуальные практики» применяется сегодня часто как антитезис распространенным в свое время представлениям об интеллектуальной деятельности как о максимально свободной, незаинтересованной, независимой от социальных интересов форме человеческой активности или, по крайней мере, долженствующей быть таковой. На соответствующий пьедестал, обеспечивающий «свободное парение» над социальной структурой, ставились и привилегированные исполнители данного вида деятельности — те, кого принято называть интеллектуальным слоем или интеллигенцией. То, что подобные стереотипы (можно вспомнить суждения об интеллигенции Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева в 80 — начале 90-х гг. прошлого века) были своего рода ответной, компенсаторной реакцией на идеологический диктат и сервильную роль «приводного ремня» в советской культуре, является яркой иллюстрацией того, что речь действительно идет о практике, разворачивающейся не в вакууме, но включенной в процессы, происходящие в обществе.

Понимая под интеллектуальными практиками деятельность, связанную с оперированием дискурсом, с символической репрезентацией объективного мира в когнитивных структурах, в данной статье мы попытались рассмотреть их как социально-историческое явление, включенное в социальные процессы, рожденное последними и активно участвующее в преобразовании социальной реальности.

Но начнем с того, что определимся с понятием «социальной реальности». Социальная реальность — это всегда диалектическое единство двух сторон: общества как объективной системы социальных отношений, составляющей внешние рамки человеческой деятельности, как правило, неосознаваемые человеком, и общества как системы представлений, схем мышления и поведения, конструируемых людьми и составляющих внутренние границы и ориентиры человеческой деятельности.

Каждый индивид стремится удовлетворить личные (осознанные или нет) потребности, вступая во взаимодействие с другими людьми, и это взаимодействие конструирует своего рода силовое поле, имеющее свое особое, системное качество, отсутствующее в самих индивидах. Условно назовем этот уровень «реальностью первого порядка», имея в виду ее внешний, объективный по отношению к индивиду характер. Однако деятельность человека как субъекта социального действия предполагает наличие субъективного смысла, т. е. осознания целей, мотивов действий (телеологичности) и принятия приемлемых в обществе способов и направлений (ролей и ценностей). Объективный мир социальных институтов, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, нуждается в легитимации — «истолковании своей необходимости для следующих поколений, чтобы они могли

Материал поступил 05. 02. 2010 г.

воспроизводить или изменять его в дальнейшем» [2, 101].

Следовательно, социальная реальность есть одновременно реальность «второго порядка» — символический универсум, также объективный по отношению к индивидам, но «интернализирующий» институциональный порядок в субъективные представления индивида, превращая последнего в социального агента — носителя объективных структур. Как пишет П. Бурдье, «С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур» [5]. Иными словами, общество как объективная структура социальных позиций и связей отражается и конструируется на уровне схем восприятия и оценивания, когнитивных структур и диспозиций социальных агентов.

В свете вышесказанного интеллектуальные практики представляют яркий пример того, как сфера символического обусловливается и конституируется объективными социальными структурами и одновременно является активно используемым инструментом в их конструировании и регулировании.

Для выяснения той роли, которую играют интеллектуальные практики в социальных процессах, представляется целесообразным различить легитимацию структур традиционного общества от механизмов легитимации общества Модерна, усматривая в последних социальную основу интеллектуальной деятельности.

Легитимация структур традиционного общества опиралась на священные, иррациональные, потому не подвергаемые сомнению, системы символических авторитетов — мифы, обычаи, религию. Социальная структура воспроизводила и интегрировала дифференциацию основных видов деятельности (производства продукта, его распределения и легитимации) в рамках аграрного типа цивилизации плохо рационализируемых в силу высокой степени зависимости крестьянского труда от природного мира. Экономические и политические отношения по распределению сельскохозяйственного продукта, а также формы легитимации этих отношений как нормативного и космического порядка воспроизводили эту иррациональность, не согласовываясь с рациональным «интересом» лиц или социальных групп, но апеллируя к сверхрациональным, непререкаемым инстанциям.

Переход от традиционной культуры к цивилизации Модерна, к обществу, в котором сталкиваются и взаимодействуют коллективные интересы разных социальных групп и структур, а социальный порядок воспринимается как познаваемый (прогнозируемый, управляемый) результат этого взаимодействия, был обусловлен обоюдными процессами, происходящими в сфере объективных социальных отношений и в сфере символического универсума, общий смысл которых, вслед за М. Вебером, можно обозначить как рационализацию социальных практик. Под рациональностью Вебер понимал предельную целесообразность, стремление к максимальному соответствию цели средствам ее достижения в любой из сфер человеческой деятельности [6, 479].

Процесс рационализации системы социального действия связан с зарождением городской буржуазии, чья деятельность более или менее независима от природы, урбанизирована и как ни у кого ранее способствовала рациональному осознанию коллективных интересов, логически исходящих от несомненности интересов личных. Деятельность данной группы и сходных ей по типу отношения к своей жизни, который можно назвать предпринимательским, видоизменяет плоть традиционного общества, опирающегося на иррациональные, неизменяемые системы авторитетов, внося в них элемент расшатывающей динамики.

Хозяйственная рационализация подкрепляется субъективацией сферы символического — появлением этико-рациональных религиозных практик — протестантских «ересей», утверждающих ценность субъекта, индивидуальности, личного проекта жизни. Подобные символические практики существовали задолго до этого, как, например, жреческие практики Древней Палестины, выработавшие монотеистическое учение, соответствующее религиозным потребностям определенной категории мирян. Но теперь они были подкреплены профессионально-социальной трансформацией средневекового города и соответствующим повседневным мироощущением, желанием упорядочить и планировать свою жизнь. Религиозность начинает приобретать ярко выраженный персональный характер (характер личного переживания) с развитием городской буржуазии, «склонной интерпретировать историю и человеческую жизнь скорее как следствие личных заслуг или вины, нежели как плоды случая или судьбы» [3, 30]. Собственно, совокупное воздействие процессов, имеющих двухосновное происхождение — материально-производственное и духовно-символическое, общим аспектом которых являлись процессы рационализации и субъективации, привело в итоге к исходу Средних веков и к рождению так называемой «цивилиза-

ции Проекта».

Развитие рациональных типов деятельности, в которых ключевую роль играют личные качества, неизбежно ведет к формированию таких общественных процессов, которые все больше идут вразрез с иррациональными, стабилизирующими общество структурами, формируя в аксиологической системе ценность целесообразного изменения, творчества, действия по Проекту. Как отмечает Л.Г. Фишман, проект Модерн — «это стремление к такому состоянию общества, при котором человек перестает зависеть от судьбы и полностью распоряжается всеми социальными и индивидуальными условиями своей жизни. Ему надлежит взять в руки естественные социальные обстоятельства своей жизни и самому распорядиться ими так, как ему представляется наилучшим, а не как распорядилась судьба» [13, 163].

Усиливающийся динамизм социальных процессов в свою очередь создает все новые преграды для разума, поставляя для него стимулы творчества и развития: усложнение общественных отношений, формирование национальных государств, денежной системы, Великие географические открытия и прочее. Теперь социальные изменения — это не стихийный результат несогласованного действия разрозненных сил, легитимированный post factum действием сил сверхъестественных, но целенаправленное, телеологическое изменение в сторону, соответствующую удовлетворению социальных интересов тех или иных групп, при этом осознающих общность своих интересов. Это автоматически не означает того, что результат «запущенных» социальных изменений будет совпадать с замыслом, потому как все целенаправленные действия преломляются в «силовом поле» объективных структур, в котором действуют акторы и группы акторов с иными интересами, а также существуют те или иные институциональные ограничения.

В этих условиях возрастает роль телеологического знания, опирающегося уже не на сакральные авторитеты, а на категории и схемы целерационального познания, планирования и обоснования проектов социальных изменений. Религия и религиозные институты с их опорой на сверхчувственные и сверхрациональные авторитеты даже в самых рационализированных своих вариантах перестают удовлетворять общественную потребность в легитимации социальных изменений, требующих теперь более интеллектуальных средств символического обоснования. И.И. Докучаев, описывая изменение статуса религии при переходе к ценностям секуляризованной креативной культуры (читай: цивилизации Проекта), отмечает, что в эпоху Нового времени рационализированная религиозная культура уже принципиально не меняется, а лишь стагнирует и консервируется: «Религиозная культура постепенно оттесняется на периферию культурных и политических процессов в Европе и России» [10, 511]. Роль основных инструментов символической легитимации социального порядка или его трансформации постепенно переходит к науке, ориентированной на экспериментальные опытные данные и демонстрирующей свою эффективность в развитии материального производства, и к формам светской просветительской культуры, заменяющей религиозные моральные нормы категорическими императивами разума и идеями общего блага, свободы, равенства и братства.

Для успешного оперирования социальной реальностью и планомерного, целенаправленного удовлетворения своих интересов личности, социальной группе, классу необходимо соответствующее знание о существующем социальном порядке, о возможном и желательном состоянии социального мира и путях его достижения, включая средства презентации своих частных или групповых интересов как общих, национальных, мировых. Словами русского социолога второй половины XIX в. В.П. Воронцова: «С усложнением общественных отношений и сведением роли отдельного индивида до положения небольшого винтика сложной машины, понимание общественных отношений сделалось затруднительным и требовало известного образования» [8, 117]. Так формируется культура интеллектуалов, чья роль — легитимация социальных преобразований эпохи Модерна, выработка проектов реформ, формирование «диспозиционной парадигмы» общества в целом и различных социальных групп. Интеллектуалы, опираясь на культурный капитал знания, генерируют систему символов посттрадиционного общества, создают своего рода «национальный дискурс проектов», утверждая тем самым свою монополию и власть над сферой символического.

Понятно, что интеллектуалы изначально будут связаны (чаще являясь прямыми представителями и выходцами из определенной среды) с социальными группами, способными позволить себе образование, известную долю праздности, меценатство, следовательно, обладающими достаточными экономическими и политическими ресурсами. Это не только буржуазия, стремящаяся с помощью интеллектуального капитала укрепить позиции экономического капитала в обществе и перераспределить политическую власть, но и родовая аристократия, вынужденная подпитывать и оправдывать свой политический статус и репутацию культурным капиталом, покровительством искусствам и наукам, риторикой служения общему благу. Это и другие группы (духовенство, чиновничество), заинтересованные в услугах интеллектуалов по легитимации собственного существова-

ния, в сохранении или занятии тех или иных позиций в процессе государственных преобразований.

Примером взаимного сотрудничества привилегированных групп с интеллектуалами может служить рассмотренный А. Виала институт меценатства как форма взаимоотношений писателей с власть предержащими во Франции XVII века: «…меценатство основывается на логике взаимного признания художника и знатного человека. Писатель, преподнося свое сочинение влиятельному лицу, удостоверяет тем самым и величие, и хороший вкус данного лица. *Он узаконивает власть и богатство данного* лица, выдавая ему имплицитный патент *на принадлежность к кругу избранных умов* (-курсив мой!). В обмен на это знатный человек, вознаграждая писателя, дает ему публичное признание писательского таланта» [7, 12]. Как мы видим, занятие привилегированной позиции в обществе Проекта уже не может опираться на не подвергаемый сомнению сакральный авторитет традиции или судьбы, а требует своей легитимации с по-мощью установления взаимного обмена с представителями свободных профессий, занятых литературным трудом, т. е. действующих в сфере символического, но теперь уже светского, мирского символического. Обоюдный «корыстный интерес» при этом камуфлируется и перекрывается бескорыстностью эстетического творчества и наслаждения: «Выступая в роли мецената, богач «отмывает» все свое состояние: как денежная награда предстает символом пережитого наслаждения, так все его богатства предстают символом его личных заслуг» [7, 13]. Литература (как и прочие интеллектуальные практики), в свою очередь, выступает инструментом воспроизводства и символической универсализации определенных представлений о социальном порядке, о социальных группах и особенностях их образа жизни, средством «генерализации» норм, ценностей, категорий восприятия и оценивания окружающего мира. Следовательно, те социальные группы, которые претендуют на роль активных участников социального процесса, в борьбе за доминирующие позиции используют интеллектуалов (уже имеющихся или создают своих) и их символический капитал для того, чтобы навязать в качестве единственно легитимных свой взгляд на мир, свои классификационные схемы, свои представления о том, «кого кем считать».

Интеллектуальный дискурс в таком случае предстает как система социальных конструктов, претендующих на объективное познание и выражение социальных отношений, но неизбежно воспроизводящих стереотипы и схемы конкретной социальной среды. Интеллектуал как представитель определенного класса, окружения, культуры, взаимодействующий с заинтересованными субъектами, ретранслирует в своей практике настроение и видение мира с позиции своего или господствующего класса, становясь сам своего рода средством социального конструирования. В. П. Воронцов об этом писал так: «интеллигенция, сознательно стремясь охватить всю сумму социальных отношений общим законом, на самом деле обыкновенно охватывает их формулой, вытекающей из господствующих, или из стремящихся к господству отношений» [8, 120]. В качестве примеров, иллюстрирующих классовый характер интеллектуального слоя, автор вспоминает то, какую пользу оказала просветительская философия XVIII в. буржуазии «в ее борьбе с королевской властью и, так сказать, в дележе наследства великой французской революции, совершавшейся под знаменем свободы, равенства и добродетели — между буржуазией и народом» [8, 131]. Вспоминает также «научные законы» классической политической экономии (закон Мальтуса о народонаселении, закон постоянства фонда заработной платы), используемые как «научный» противовес всяким попыткам рабочих добиться повышения заработной платы. Таким образом, интеллектуальная деятельность невозможна в вакууме, в «свободном парении» над социальной структурой, как утверждал К. Мангейм, но включена, согласно П. Бурдье, в сферу действия глобальных полей власти и экономики, обнаруживая «разного рода функциональные и структурные гомологии» с ними [4, 208].

Тем не менее, значимость социальных функций, которые выполняют интеллектуалы в модернизирующемся обществе, обуславливает выделение их в отдельную социальную группу, маркирующую свои границы, утверждающую свою автономность и независимость от иных социальных групп. Во-первых, эта позиция выражается в декларации стремления быть над социальной схваткой, на вершине башни «культуры», вокруг которой масса — «марионетки культуры, традиции или власти» [12,132]. Вспомним мецената, одной из символических наград которого является чувство принадлежности «к кругу избранных умов».

Во-вторых, одним из основных условий существования данной группы и выполнения ею своей функции — выработки проектов инноваций — является, по утверждению ряда исследователей [1; 9; 14], наличие внутригрупповых или внутридисциплинарных шкал оценок и признания себе подобных, противопоставленных внешней легитимности и критериям, исходящим от «истэблишмента» (например, критерию коммерческой успешности или идеологической выдержанности). «Гамбургский счет», структурирующий поле интеллектуальной деятельности как «мир экономики и политики наоборот», позволяет долгое время занимать внутри поля наиболее рискованные, новаторские позиции безо всякой экономической компен-

сации, обеспечивающие тем самым значительный объем символического капитала.

В-третьих, утверждая себя в качестве носителей ценностей не отдельного сословия или класса, а национальной (лучше общечеловеческой!) культуры, интеллектуалы претендуют на то, что выражают интересы всего общества — народа, массы, — выраженные в отвлеченных от целей конкретных групп всеобщих идеалах правды, истины, справедливости. Это, с одной стороны, детерминирует очень частый «отрыв» от реальности, практическую неприменимость большинства теоретических построений или их способность оборачиваться «всем подряд». А. Сорель писал о принципах французской революции: «Эти прекрасные идеи сохраняют свою метафизическую чистоту только в сознании философа или в разуме математика. Малейшее влияние со стороны жизни видоизменяет и разлагает их» [8, 136]. С другой стороны, эта же отвлеченность и всеобщность позволяет интеллектуалам (разумеется, в зависимости от их места в социальной структуре и базовых ориентаций) вырабатывать различные вариации национальной культуры и идеологии развития (почвенническитрадиционалистские, либерально-универсалистские, радикально-утопические), расширяя тем самым умственные горизонты общества.

Эта двойственность оснований — всеобщность, «надмирность» интенций вкупе с детерминированностью дискурса социальной средой, заинтересованной в нем, — наталкивает на сравнение интеллектуальных групп со служителями религиозного культа, также сочетающими декларируемую «не-от-мира-сегойность» с активной практикой «в миру». Автономизация религии, превращение ее в самостоятельную социальную силу, отделенную от прочего «мира», происходят на основе утверждения оппозиции «сакральное-профанное» в разделении полномочий служителей культа и мирян. Первые получают социальное признание в качестве эксклюзивных обладателей прав на легитимное обращение с сакральным, миряне выступают профанами, лишенными религиозного капитала, но заинтересованными в спасении. Большая часть категорий интеллектуальной культуры (теоретическое-практическое, научное-обыденное, прогрессивное-отсталое, внешнее-внутреннее, мнение-знание и т.п.), по утверждению Н.Н. Козловой, восходят к оппозиции «сакральное-профанное» как к декларации монопольного права на ношение или поиск истины [12, 140]. Однако коренное различие состоит в том, что корпорация священнослужителей представляет потусторонние инстанции, или, воспользуюсь термином Т. Парсонса, апеллирует к уровню «последней реальности», сверхчувственной и сверхразумной, узаконивает свои требования «с точки зрения вечности», вневременного авторитета. В то время как интеллектуальный слой обращается к квазисакральным концептам «посюстороннего Эдема», «высокой культуры» и «экспертного знания» и разворачивает свои интенции в историческом времени, в общественном или частном бытии.

Таким образом, интеллектуальные практики предстают как порождение цивилизации Модерна, ее потребности в выработке и легитимации проектов социальных преобразований и генерализации интересов и образцов различных социальных групп. Эффективность выполнения этих функций зависит от возможности интеллектуальных групп утверждать свою автономию, вырабатывать внутригрупповые шкалы оценок проектов инноваций, «гамбургский счет».

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг, М. Гамбургский счет/М. Берг // Новое литературное обозрение. — 1997. — №25. — С. 110-119.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания)/П. Бергер, Т. Луман. — М.: «Academia-центр», «МЕДИУМ», 1995. — 323 с.
3. Бурдье, П. Генезис и структура поля религии // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики/Пер. с фр., сост. Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — С. 7-74.
4. Бурдье, П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Бурдье П. Начала. Choses dites/Пер. с фр. Шматко Н.А. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 208-221.
5. Бурдье, П. Социальное пространство и символическая власть/П. Бурдье // http: // bour-dieu.narod.ru.
6. Вебер, М. Основные социологические понятия/М. Вебер. // Западноевропейская социо-логия XIX — начала XX веков/Под ред. В.И. Добренькова. — М.: Изд-е Международного Университета Бизнеса, 1996. — с. 455-490.
7. Виала, А. Рождение писателя: социология литературы классического века/А. Виала // Новое литературное обозрение. — 1997. — №25. — С. 7-23.
8. Воронцов, В.П. Наши направления // Воронцов В.П. Интеллигенция и культура: избран-ные сочинения/В.П. Воронцов. — М.: Астрель, 2008. — С. 109-283.
9. Гудков, Л.Д. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях/Л.Д. Гуд-ков, Б.В. Дубин. — М.: «Эпицентр»; Харьков: «Фолио», 1995. — 187 с.
10. Докучаев, И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры/И.И. Докучаев. — СПб.: Наука, 2009. — 595 с.
11. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека/В. Зомбарт; пер. с нем. — М.: Наука, 1994. — 443 с.
12. Козлова, И.Н. Социально-историческая антропология/И.Н. Козлова. — М.: Ключ-С, 1998. — 112 с.
13. Фишман, Л.Г. Уроки августа // Знамя. — 2009. — №2. — С. 159-164.
14. Ямпольский, М. Демон и лабиринт/М. Ямпольский (диаграммы, деформации, мимезис). — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 335 с.

Иващенко Я. С.
Ya. S. Ivaschenko

24.00.01

ОПИУМ, ТАБАК И ВОДКА В КУЛЬТУРЕ НАНАЙЦЕВ: К ИСТОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

OPIUM, TOBACCO AND VODKA IN THE NANAIS CULTURE: ON THE HISTORY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Иващенко Яна Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, докторант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: iva_ya@mail.ru.
Ms. Yana S. Ivaschenko — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Doctoral Candidate at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg) E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-88103а/Т

Аннотация: В статье рассматривается проблема проникновения в процессе межкультурной коммуникации на территорию Приамурья табака, водки и опиума. Изучаются условия возникновения у этих веществ в культуре-реципиенте новых социальных, половых, ритуальных и других коннотаций. Раскрывается роль прежних нанайских традиций в формировании этих новых коннотаций.

Summary: This article deals with the problem of penetration of opium, tobacco and vodka into the Amur River region as a results of intercultural communication processes. The conditions causing that these substances acquired new social, sexual and ritual connotations in the recipient culture are also investigated in the article. The role of ancient Nanais traditions in the process of bringing these new connotations to life is analyzed.

Ключевые слова: алкалоиды, галлюциногены, меновые отношения, традиции, гендер, пища, коннотации.

Keywords: alkaloids, hallucinogens, exchange relations, traditions, gender, meal, connotations.

Интерес к проблеме изучения обычаев потребления веществ, вызывающих психологическую и биохимическую зависимость у аборигенов Дальнего Востока, в современной гуманитарной науке обусловлен рядом причин. Во-первых, этот вопрос остается сегодня мало изученным, главным образом по причине его игнорирования советской этнографией. Лишь в некоторых источниках периода 30-90-х гг. XX в. кратко констатировалось, что все народонаселение курило табак, независимо от возраста и половой принадлежности. В текстах из антологий народного фольклора, опубликованных в советский период, также достаточно редко встречаются упоминания о курении табака. Как правило, курящим персонажем в этих источниках является только мужчина. Об алкалоидах и галлюциногенах, факт употребления которых деидеализирует образ «неиспорченного цивилизацией дикаря» и дискредитирует советскую «воспитательную» систему, не упоминалось.

Основная информация о культуре употребления водки, табака и опиума содержится в этнографических трудах имперского периода (конца XIX — начала XX вв.), когда в отечественной этнографии доминировала эволюционистская парадигма в изучении культуры. Эти работы носят описательный характер, информация в них часто субъективна и сопровождается оценочными высказываниями. Подобные тенденции в изображении правил использования веществ, изменяющих сознание, сохраняются в отечественной науке вплоть до 30-х гг. XX в. Одни авторы посредством дескрипции церемоний курения и потребления алкогольных напитков стремились изобразить аборигенов как «абсолютных дикарей», не знающих меры ни в чем [11; 12]. Другие исследователи и публицисты с сожалением или озабоченностью констатировали, что потребление опиума, табака и водки негативно сказалось на здоровье и моральном облике коренных народов юга Дальнего Востока. Такие работы сводились в основном к выявлению внешних причин (как правило, инокультурных влияний), приведших в начале XX в. к деградации аборигенной культуры [1; 2; 5; 6]. Были написаны также труды, в которых обозначались каналы поступления водки, табака и опиума на Дальний Восток России, однако отмечалось, что их потребление не наносит особого вреда аборигенам [18]. В некоторых публикациях процесс «вымирания» коренного населения региона, инициировавшийся злоупотреблением алкоголя и табака, расценивался как неизбежное явление и связывался с законами естественного отбора. Так, в источнике конца XIX века отмечается: «Возможно, они скоро совсем вымрут и будут проклинать казаков, которые пришли на их земли. Но судьбы не изменишь! Железный закон борьбы за существование. Нам, цивилизованным людям, остается только »…«помириться с таким ходом дела» [8, 126].

Для отечественной науки проблема распространения в среде народов Дальнего Востока вызывающих зависимость веществ актуальна также в плане межэтнических отношений. Как показали материалы полевых исследований автора, в ряде нанайских сел в настоящий момент существует мнение, что зависимость от табака и алкоголизм появились у аборигенов

Материал поступил 22. 01. 2010 г.

Амура в ходе русской колонизации. Таким образом, персонифицируют «источник зла» в тех населенных пунктах, рыболовецкие артели которых сотрудничают с китайскими торговыми компаниями. Подобная интерпретация процессов, связанных с освоением Дальнего Востока русскими, характерна и для американской антропологии XIX-XX вв. Уже в начале XXI века профессор калифорнийского университета Ю. Слезкин в книге, посвященной проблеме взаимоотношения коренных народов Дальнего Востока с русским населением, при описании сцен знакомства аборигенов с водкой стремился показать, что первые ранее ничего не знали об этом напитке [16]. Однако данные русской этнографии кон. XIX — нач. XX вв. свидетельствуют об обратном. Поэтому мы считаем необходимым изучение вопросов проникновения, распространения и семантизации водки, табака и опиума в среде нанайцев, а также роли русского населения в этих процессах. В одном правы представители коренного населения и их «заступники»: водка, табак и опиум — яркий пример «новации», которая в дальнейшем стала неотъемлемой частью «традиции» народов Дальневосточного региона.

Единственное значительное исследование проблемы табакокурения у малочисленных народов России — работа А.В. Шаповалова «Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири». Используя данные археологии, этнографии, фольклористики и языкознания, он отследил путь этого «периферийного» компонента традиционной кухни с американского континента, начиная с XV в., и изучил историю его проникновения и адаптирования в Сибири и на севере Дальнего Востока [17]. Автор рассматривал этот вопрос в основном на примере народов Северной и Южной Сибири, а также палеоазиатов. А.В. Шаповалов собрал ценные материалы и о каналах распространения табака на юге Дальнего Востока. Начало проникновения его на побережье Тихого океана он датирует XVII в. [17, 6]. Л. Шренк, опираясь на свидетельства русского посла в Китае, отмечал, что в конце XVII века дауры, проживающие в Приамурье, не только были знакомы с табаком, но и умели его выращивать [18, 156]. Известен также факт, что нанайцы, у которых вплоть до начала XX в. доминировало присваивающее хозяйство, в XIX в. выращивали эту культуру [6; 11; 18]. Но культивирование табака было развито больше у поселившихся на этой территории маньчжуров. Кроме того, они учреждали на территории Уссурийского края заводы по производству ханшина [1; 5; 18]. Наиболее предприимчивые из аборигенов Сибири и Дальнего Востока включались в процессы распространения изменяющих сознание веществ. В частности, известно о нанайском, якутском и эвенском посредничестве [4; 8; 16; 17].

Информация о способах и манерах потребления табака, водки и опиума, а также описание обеспечивающих эти процедуры аксессуаров, представленные в этнографических источниках XIX — нач. XX вв., также свидетельствуют, во-первых, о том, что аборигены Приамурья были знакомы с алкоголем и курением еще до прихода русских; во-вторых, использование этими народами алкалоидов и галлюциногенов тесно связано с китайскими пищевыми традициями. Даже с появлением русского напитка на приамурском рынке, предпочтение отдавалось китайской водке, называемой ханшин (ханъ-шинъ). Она была крепче, но дешевле русского напитка, не вызывала похмельного синдрома. Синюшные масла удалялись из напитка в процессе его горения (ханшин перед употреблением поджигали) [5; 6]. Водку нанайцы именовали также «араки». Так называли свой алкогольный напиток, сделанный на основе молока, буряты [11]. Возможно, этот сибирский кочевой народ выступал не производителем, а лишь посредником в торговле напитком. В этнографическом музее нанайского с. Найхин Хабаровского района содержатся сосуды китайского производства для хранения водки и рюмки для ее употребления. В самом Китае использование данного напитка сопровождало, а курение табака или опиума завершало каждую трапезу [6, 4-6]. Об особой роли Северного Китая в распространении водки говорит и то, что по мере удаления от границы с Китаем потребление водки сокращалось. Так, в одном из отчетов о Гарино-Амгуньской экспедиции обозначалось, что гаринские гольды «водку пьют, но мало» (за исключением свадебных церемоний) [10, 42]. Табак нанайцы называли «маньчжурка», «китайский шар» [10; 17], что также указывает на канал его поступления.

Обычай курения опиума, несмотря на более позднее его появление на Дальнем Востоке (во второй пол. XIX в.), также связан с маньчжурским влиянием [11, 116]. Об этом свидетельствует не только описание характерного для процедуры курения сопроводительного инвентаря, но и содержание легенды о происхождении мака и опиума в Приамурье, записанной П.П. Шимкевич [11, 119]. Согласно этому источнику, маковый цветок возник из осколков разбитого сердца маньчжурской девушки, возлюбленной гольда. Она завещала ему собрать с него семена, отжать из них молоко, сварить и курить, чтобы таким образом смягчить боль утраты и забыть ее.

Опиума было много лишь в районах р. Уссури и р. Сунгари, граничащих с Северным Китаем. На Нижнем Амуре, основной территории проживания нанайцев, он не был широко распространен [11, 110]. Манера курения опиума со времени его проникновения на территорию уже тогда российского Дальнего Востока вплоть до начала XX века оставалась практически неизменной. Даже в 20-х гг. XX в. он оставался элитным товаром. По стоимости он был гораздо выше табака и водки. Как отмечается в источнике 1930 г., гольды, занимающиеся снабжением опиума, «держались очень солидно», были «неразговорчивы» и «хорошо одеты» [4, 17]. Можно сказать, что формирование местной «элиты» было связано с поставками этого «лакомства», вызывающего сильную зависимость.

Таким образом, на территории проживания нанайцев курение опиума не было масштабным явлением и связывалось с экстатическими практиками и престижностью. Зато табак и водка стали товаром широкого потребления, хотя они также имели высокую (по меркам аборигенов Дальнего Востока) стоимость. Их принятие местным населением было обусловлено не только способностью новых веществ вызывать зависимость, но и существованием у нанайцев издавна опыта приготовления и потребления одурманивающих средств. Согласно этнографическим источникам, они делали настойки из мухомора, молодых веток черной березы, багульника [15, 121], использовали также составы из корня женьшеня, веток можжевельника [17, 189] и окуривали багульником помещения во время шаманского камлания. Быстрому распространению водки и табака по территории проживания аборигенов Амура, на наш взгляд, также способствовала пропаганда торговцами их целебных свойств. А.В. Шаповалов отмечает, что в Китае в 1661 г. вышел трактат врача о лечебных свойствах табака [17, 96]. Полезные же качества китайской водки, очевидно, выводились из факта использования хан-

шина в китайских лекарствах в качестве растворителя. А дальнейшее использование водки в шаманских камланиях, которые проводились также в случае лечения больного, окончательно сформировало представление о полезности и необходимости этого продукта для нанайцев. Итак, в результате сочетания этих новаций с местными обычаями появились их новые оригинальные экономические, социальные, половозрастные и ритуальные коннотации.

Водку, табак и опиум коренное население выменивало на пушнину. Таким образом, эти вещества (как и пушнина) выступали в торговых отношениях между народами Дальнего Востока эквивалентом денежных (меновых) средств. Другие одурманивающие вещества — мухоморы, женьшень — у народов таежных регионов, в том числе и у нанайцев, согласно имеющимся данным, также являлись предметом обмена: грибы они поставляли на север региона, женьшень — в Китай [8, 66; 17, 184]. То есть появление у табака и водки значения товарной стоимости было подготовлено имеющейся уже у народов практикой реализации других галлюциногенов.

Эта экономическая мотивация стала актуальной также для ритуальной сферы этнокультуры. О фигурировании водки и табака в церемониях обмена «дарами» с духами-предками или духами-хозяевами местностей упоминается во многих исследованиях, посвященных народам Дальнего Востока. Однако доказательство существования подобного ритуального значения пушнины мы обнаружили лишь в одной ульчской сказке (ульчи являются генетически родственным нанайцам народностью). В ней шкурку черного соболя герой приносит в жертву предкам. Но она вновь возвращается к герою [13, 231-236].

Водка и табак сначала становились частью ритуального угощения [7; 9]. В этом, главным образом, проявлялась их связь с пищей. В структуру жертвы эти нововведения уже входили, имея новый культурный код. В трехчастной композиции жертвенного угощения в конце XIX — начале XX века эти участвующие в обмене между разными народами вещества символизировали медиатор между сферами космоса: животным (природным) миром и миром людей [9]. Эту семантику «огненная вода» и «табачный дым» заимствовали у таких «медиумов» нанайских практик общения с потусторонним миром, как реальные огонь и дым. Постепенно состав ритуального угощения редуцировался в основном за счет вытеснения изменяющими сознание веществами других компонентов. В результате, как показали полевые исследования автора, сегодня в ритуальном кормлении может фигурировать только один компонент — водка («первинки» из бутылки) или табак (сигареты). Явление метонимии или равнозначной замены всей композиции (целого) отдельной ее частью было характерно для традиционных мифоритуальных практик народов Приамурья (в роли части, эквивалентной целому, часто выступала голова человека или животного).

Таким образом, популярность водки и табака в обрядовой сфере нанайцев, на наш взгляд, обусловлена рядом причин: во-первых, их биохимическими характеристиками (способностью изменять сознание); во-вторых, наличием сформированного в повседневных практиках значения меновых объектов (в ритуальной коммуникации нанайцы воспринимали процесс добывания пищи как «обмен» дарами); в-третьих, их компактностью при высокой стоимости. Вытеснение ими других компонентов традиционной ритуальной кухни было одной из форм их адаптированности в нанайской культуре. В условиях полукочевого образа жизни наличие компактного и не требующего специального приготовления провианта для «кормления» духов было очень удобно. У нанайцев сформировалась привычка брать водку и табак для этих целей с собой на промысел. Поэтому эти вещества стали не только символами «соединения», но и «пути».

В нанайских социальных практиках правила употребления водки и табака являлись средством выражения почтения, согласия, принятия в свой круг, демонстрации благосостояния. А сам факт подачи водки означал наступление праздника или другого важного события. Эти значения в чем-то были схожи с ритуальной семантикой рассматриваемых компонентов, только адресатом сообщения выступало не духовное существо, а человек из другого племени, иной половой, социальной, возрастной группы. Некоторые из этих социальных коннотаций сформировались еще за пределами нанайской культуры. В первую очередь это значение демонстрации благосостояния, которое проявляется в порядке использования и оформлении посуды для питья водки, аксессуарах для табака, а главное, манере его курения (в позе необремененного работой человека). В среде нанайцев упомянутые смыслы обрели колоритную специфику.

Так, выражение почтения и отношений подчинения проявлялось в подношениях молодыми людьми старым представителям рода водки. Младший при этом для демонстрации уважения становился перед старшим на колени, либо коленопреклонение заменялось поклоном. Подача закуренной трубки гостю имела ту же семантику, что и подношение водки с поклоном. То есть хозяин подчеркивал статус гостя, ставя себя в заведомо низкое по отношению к нему положение. Похожее проявление заботы и уважения по отношению к гостю было характерно и для удэгейцев, являвшихся генетически родственным нанайцам народом. Блюдо для него, согласно материалам В.К. Арсеньева, предварительно разжевывалось женщинами, чтобы было легче поглощать еду [3, 20]. Гостю у нанайцев всегда предлагали не только трубку, но и пищу. Распределение еды во время коллективной трапезы начиналось обязательно со старших. Таким образом, почитание старших и гостеприимство — главные этические ценности нанайцев — реализовывались в культуре потребления пищи, табака и водки.

Трубку мужчине (если это не гость) подавали женщина или слуга. При этом первый занимал позу, свидетельствующую о его высоком статусе по отношению к двум последним [17]. Акт подачи прибора для курения являлся указанием на проявление покорности, а также признание за собой более низкого статуса по отношению к хозяину. В ульчской сказке «Две сестры-пудин» [13, 236-242] героиня протянула трубку медведю. В повествовании это действие мотивируется обычаем гостеприимства. Однако к одной из сестер, которая не испугалась зверя и подала табак, вскоре явился в облике человека жених. Ситуация последующего сватовства инициировалась новым подношением героиней трубки будущему мужу. В фольклорном источнике «Из какого корня нани (люди) пошли» [14, 20-21] совместное курение парнем и девушкой одной трубки являлось началом их жизни в браке. Следовательно, у нанайцев курить вместе означало установить искусственное родство не только посредством действия дыма (который в нанайской ритуальной практике выполнял функцию медиатора между уровнями мироздания), но и в результате взаимообмена слюной (что являлось заменой поцелуя). В другом тексте, записанном у народов Приамурья «Сказание о двух братьях» [14, 31-33], общее приготовление и потребление пищи раз-

нополыми героями предшествовало их женитьбе. Таким образом, процедуры совместного курения и трапезы на начальном этапе свадебной обрядности имели значение согласия на брак. Групповое же питье водки, как отмечается в этнографических работах, происходило уже в случае полной договоренности обеих сторон и празднования по этому случаю [7].

В литературе описываются и другие поводы коленоприклонения в момент подношения водки — ситуации прошения [11, 113-114]. Мотивация и мотивировка этого действия различны. Владение акциональными и вербальными кодами культуры питья здесь — лишь средство достижения корыстных целей. Просящий, ставя нарочно себя в уничижительное положение перед тем, у кого собирается что-либо просить, стремился таким образом склонить его к милости. При этом события форсировались предложением выпить сначала первую, затем вторую рюмку. В случае отказа на просьбу, просящий убеждал все же не пренебрегать подарком, сам тем временем ожидая, что сердце господина «смягчится» водкой, и он не сможет устоять перед предстоящей в случае согласия выполнить просьбу попойкой.

Таким образом, в культуре потребления нанайцами табака, водки и опиума можно выделить природно-экологический, общественно-экологический и социорегулятивный аспекты. Природно-экологическое измерение представлено прежними традициями народа, сложившимися в процессе взаимоотношения нанайцев с окружающей природой и определивших реагирование культуры на новации и их отбор. В данном случае это существование экстатических практик (шаманизм) и связанные с ними древние навыки изготовления галлюциногенов из местного сырья. Общественно-экологическое измерение представлено культурой межэтнических отношений, в ходе которых со стороны культуры-донора осуществляется регулирование процессов распространения товара посредством сотворения мифов о его полезности и необходимости, наглядной демонстрации способов их производства, распределения и потребления. А в семиотическом поле культуры-реципиента совершается работа по отбору и «переработке» нововведений, придание им нового, но с учетом местных традиций смысла. Социорегулятивный план составляет культура оперирования этими, уже адаптированными, значениями водки, опиума и табака для регулирования гендерных, межпоколенных и других отношений внутри культуры.

Как показало наше исследование, легитимация этих веществ у нанайцев осуществилась и зависимость от них была сформирована еще до включения Приамурья в состав России и вообще знакомства их с русскими казаками и купцами. Последние долго оставались неконкурентоспособными в торговле этими имеющими огромный спрос товарами перед натиском северокитайских экспортеров. Аборигены, возможно, в силу привычки связывать все нововведения с влиянием русских, выработанной у них за последнее столетие, инкриминируют им то, в чем сами некогда принимали участие, не интерпретируя при этом свои действия как причинение социального «зла». И если бы русские в итоге не «навязали» им свою «огненную воду» и махорку, они по-прежнему бы отдавали последнее за ханшин, маньчжурку или китайский шар.

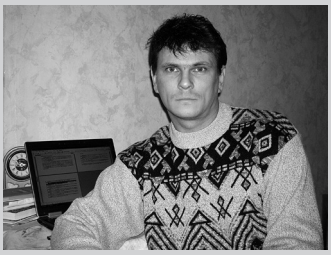
ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В.К. Вымирание инородцев Амурского края: Лекция, прочитанная дир. Гродековского музея В.К. Арсеньевым в г. Хабаровске на съезде врачей в 1913 г/В.К. Арсеньев. — 18 с.
2. Арсеньев, В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический/В.К. Арсеньев. — Хабаровск: Тип. канцелярия приам. генерала-губернатора, 1914. — 203 с.
3. Арсеньев, В.К. Лесные люди-удэхейцы/В.К. Арсеньев. — Владивосток: Кн. дело, 1926. — 48 с.
4. Бооль, В.Б. Гольды с р. Тунгуски. Этнографический очерк/В.Б. Бооль. — Хабаровск: Кн. Дело, 1930. — 42 с.
5. Врадий, В.П. Опьяняющие напитки китайцев, корейцев, японцев и инородцев Уссурийского края/В.П. Врадий. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1904. — 13 с.
6. Врадий, В.П. Пищевые продукты китайцев, корейцев, японцев и других инородцев Дальнего Востока (заметки из путешествия по Азии)/В.П. Врадий. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1904. — 16 с.
7. Гаер, Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев/Е.А. Гаер. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. — 144 с.
8. Груздев, Ф.С. Амур (Природа и люди Амурского края)/Ф.С. Груздев. — СПб: Издание П.П. Сойкина, 1896. — 144 с.
9. Иващенко, Я.С. Пищевые предписания и запреты в традиционной промысловой обрядности нанайцев/Я.С. Иващенко // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы: сб. науч. тр. — Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. С. 113-117.
10. Козьминский, И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов/И.И. Козьминский // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 года. Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. — Л.: АН СССР, 1929. С. 25-48.
11. Лопатин, И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования «Записи общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела русского географического общества»/И.А. Лопатин. — Владивосток, 1922. — 363 с.
12. Лопатин, И.А. Наблюдение над бытом гольдов/И.А. Лопатин. — Владивосток: Изд-во университета, 1921. — 46 с.
13. Мифы и легенды Севера: Сборник/Сост., примеч. В.М. Санги. — М.: Современник, 1985. — 400 с.
14. Островский, А.Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел/А.Б. Островский. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 195 с.
15. Сем, Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX- середина XX века). Этнографические очерки/Ю.А. Сем. — Владивосток, 1973. — 313 с.
16. Слезкин, Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера/Ю. Слезкин/Авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 512 с.
17. Шаповалов, А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII — первая половина XX вв./А.В. Шаповалов. — Новосибирск: Издательский центр «Прогресс-Сервис», 2002. — 258 с.
18. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта/Л. Шренк. — СПб: Издательство императорской академии наук, 1899. — 314 с.

Кураев И. Ю.
I.Y.Kuraev

09.00.11

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВ ЗАКРЫТОГО ТИПА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
SOCIAL STRUCTURE OF CLOSED-TYPE SOCIETIES AND SOCIAL MOBILITY



Кураев Игорь Юрьевич — аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: Kuraev_Igor@mail.ru.
Kuraev Igor — PhD Candidate, Department of Philosophy of Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

Аннотация: социальная структура общества закрытого типа отличается значительной неподвижностью его элементов. Тем не менее, несмотря на кажущуюся иммобильность, процессы социальной мобильности в нем присутствуют. Рабовладельческие общества Древней Греции и Древнего Рима, кастовое общество Древней Индии, сословное общество средневековой Европы — классические примеры такого типа обществ.

Summary: The social structure of “closed” societies is characterized by a largely reduced mobility of its elements. Nevertheless, despite this apparent immobility, processes of social locomotion are present there. The slave-owning societies of the Ancient Greece and Rome, the cast social structure in the Ancient India, or the estates of the Medieval Europe – are all classical specimen of this type of social organisms.

Ключевые слова: социальная структура, закрытое общество, социальная мобильность

Keywords: social framework, closed society, social mobility.

В статье «Культура и социальная структура» Л.Г. Ионин, рассматривая определения социальной структуры, замечает, что в этих определениях отражены, как правило, два основных момента: системно-организационный и стратификационный. Т. е. с одной стороны, социальная структура есть система отношений, организующих общество в единое целое. С другой, — это совокупность статусов, групп, слоев или классов, организованная в иерархическом порядке.

Там, где этот второй момент не учитывается, Л.Г. Ионин полагает, что определение можно считать недостаточно полным, поскольку в нем не учитывается момент социального неравенства.

В данной работе нас интересует именно второй, стратификационный момент, учитывая который мы и будем рассматривать процессы социальной мобильности в социальных структурах закрытого типа.

В социологическом смысле закрытым считается такое общество, где перемещения людей из одной страты в другую ограничены либо полностью исключены.

Введенные в научный оборот А. Бергсоном понятия открытого и закрытого обществ приобрели свою популярность благодаря работам К. Поппера. Согласно ему, оба типа общества есть некие исторические универсалии, которые возникли в древности и продолжают сосуществовать до сих пор.

Э. Гидденс выделяет четыре исторически сложившиеся системы стратификации: рабство, касты, сословия, классы. Среди них рабовладель¬ческое, кастовое и сословное общества считаются социологически закрытыми, а классовое — открытым.

Классическим примерами рабовладельческого государства являются эллинистическая Греция и Древний Рим. В период расцвета социальная структура этих обществ напоминала пирамиду с сильно увеличенным основанием, поскольку количество рабов в некоторых случаях достигало половины всего населения.

Социальная мобильность среди рабов практически отсутствовала. Но при патриархальном рабстве раб обладал правами младшего члена семьи и возможностями социальной мобильности, при классическом же — его окончательно закабалили. К слову сказать, у римлян даже члены патриархальной семьи в архаический период не очень отличались от рабов.

Еще в III-II вв. до н. э. невольники могли получить пекулий с обяза-тельством выплаты части дохода своим господам, что создавало опреде-ленные социальные движения, обусловливало имущественное расслоение рабов и сближение какой-то их части со свободными.

Кроме того, своими знаниями, талантами, привлекательной внешностью раб мог обеспечить себе в хозяйском доме привилегированные должности управляющих, менторов, делопроизводителей, тем самым социально перемещаясь, поднимаясь на ступень-две выше остальной массы рабов, но не меняя своего основного социального статуса. Отпущенные на волю рабы становились вольноотпущенниками, хотя и не имели всех прав свободного гражданина.

Так, вертикальная мобильность в течение одного-двух поколений приводила к тому, что рабы становились представителями знати. В свое время Цицерон говорил о шестилетнем сроке, необходимом рабу для обретения вольной. В своей речи «В защиту Кор-

Статья поступила 01.12.2009 г.

нелия Бальбы» он указывает на условия социального продвижения индивида на вершину социальной иерархии — «благодаря своим добродетелям, интеллекту и знаниям» [7, 385]. В целом, среди богатейших людей того времени и высших должностных лиц часто встречаются имена рабов и вольноотпущенников.

Среднюю часть общественной пирамиды составляли свободные жители. Не все они имели гражданские права. Такими были приехавшие из других городов чужеземцы, а также постоянно жившие на городской территории неграждане, кроме того, сюда поступали и отпущенные на волю рабы. Они были лично свободны, но не считались гражданами и поэтому не пользовались их правами, в том числе на свободу социального перемещения.

Хотя позднее в гражданском корпусе и обнаруживаются метеки, вольноотпущенники, но право заниматься гражданскими делами им предоставлялось редко. Так, в 451 году до н. э. Перикл ввел закон, по которому «никто не допускается до привилегий (полного гражданства), кто не рожден от обоих родителей, уроженцев Аттики и полных граждан» [7, 391].

Возможности горизонтальной и вертикальной мобильности граждан, в отличие от неграждан, были значительно выше. Античный гражданин мог свободно и беспрепятственно перемещаться в рамках системы греческих полисов, а затем системы римских муниципиев и колоний. Но население городов подверглось процессу прикрепления к городу и было лишено права покидать его. Так, в правительственных документах бывших свободных ремесленников даже называли рабами государства.

На ранних этапах существования античного общества постепенное обезземеливание беднейших, ростовщичество и арендное бремя вели к закабалению должников, а впоследствии и к обращению их и членов их семей в рабство. Аристотель писал: «Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона» (см. прим. 1). Но по принятию законов, запрещающих долговое рабство, большинство людей были освобождены и поднялись, тем самым, по социальной лестнице, а многие их прежние хозяева опустились.

Верхушка общественной пирамиды — это представители знати, наследственной, родовой, в которой позже все чаще стали встречаться разбогатевшие представители демоса или плебса. Последние, наравне с патрициями, получили возможность занимать государственные должности. Правда, если позволяло материальное положение.

Черта, пролегшая поначалу между патрициями и плебеями, была не только сословной, но и сакральной, т. к. запрещала даже браки. Цицерон в своем сочинении «О государстве» пишет: «И вот, вследствие несправедливости децемвиров, внезапно начались сильные потрясения, и произошел полный государственный переворот. Ибо децемвиры, прибавив две таблицы несправедливых законов, бесчеловечным законом воспретили браки между плебеями и «отцами», хотя обыкновенно разрешаются даже браки с иноземцами» (см. прим. 4).

Но позже законом Канулея была обеспечена равноправность плебеев с патрициями в области гражданских отношений, были разрешены браки между плебеями и патрициями. А еще позже законом Гортензия объявляется политическая равноправность плебеев. В конце концов, это привело к изменению социальной структуры римского общества и организованной социальной мобильности: плебеи перестали быть сословием, отличным от сословия патрициев, и вошли в состав римского народа. Знатные плебейские роды составили вместе со старыми патрицианскими родами новую элиту — нобилитет, и получили доступ к высшим государственным должностям.

Позже наследование социального положения и прикрепленность «навечно» к позиции родителей стали своего рода правилом. Как выразился П. А. Сорокин: «Общество плавно двигалось по течению к твердой кастовой системе» [7, 385].

Как и рабство, кастовый строй выступает характеристикой закрытого общества. Индия — классический пример кастового общества. В основе индийского общества лежит концепция неравенства и неравноправия людей с момента рождения. Существует жесткое деление на общественные сословия, каждому из которых предписаны определенные обязанности, и представители которых должны строго следовать им в течение всей своей жизни.

Кастовая система более или менее устойчиво сформировалась к Средним векам, когда индийское общество в целом приобрело уже до-вольно четкую структуру. Всего в Индии четыре основные касты: брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры. Среди них каждая предшествующая превосходит по происхождению и статусу последующую. Теоретически все люди должны были входить в одну из четырех каст, за исключением детей, аскетов и вдов (на самом деле в каждой из основных каст существует множество подкаст).

Так, например, каждый ремесленник, как и брахман, обслуживал только определенный круг семей. Но если эти семьи из высоких каст, то и ремесленник считается членом более высокой подкасты (так, например, царский цирюльник занимал высокое положение в обществе, хотя происходил из низших общественных слоев). И наоборот. В связи с разделением труда и его специализацией число каст в городах среди ремесленников и в деревнях росло, причем процесс этот был очень подвижен и представители одной группы в зависимости от условий оказывались в рамках другой. Например, в Западной Индии объединение ткачей по шелку, испытывая трудности в его производстве, переселилось в другие районы и приобрело другие профессии. Некоторые стали солдатами, лучниками, даже бардами-сказителями, то есть в социальном отношении даже поднялись выше. Хотя в целом профессия не менялась на протяжении жизни десятков поколений.

Богатство всегда являлось «социальным лифтом». Так и в Индии с увеличением богатства изменяет-

ся и статус человека независимо от принадлежности к той или иной касте. Многие вайшьи, первоначально бывшие земледельцами-общинниками, стали преуспевающими и богатыми купцами. Тем не менее, они продолжали занимать более низкую ступень в общественной иерархии по сравнению с кастами брахманов и кшатриев.

Шудры считались «гражданами второго сорта», и даже если люди, относящиеся к данной касте, имели знатных предков и родителей, у них все равно были те же права, что и у других шудр, даже если эти последние являлись незаконнорожденными. К шудрам практически относился любой, кто не пользовался «уважаемым» положением в обществе. Считалось, что шудра должен быть просто слугой и не питать никаких надежд на улучшение своего положения. На самом деле все было в значительной степени по-другому. Ряд представителей этого слоя стали купцами. Были случаи, когда шудры становились правителями. Так, М. Эдварде упоминает китайского путешественника Сюань Цзяня, который отмечал в своих записках, сделанных в начале нашей эры, что в период его пребывания в Индии там правили пять царей из кшатриев, четыре — из брахманов, два — из вайшьев и два — из шудр [9].

Брахманы и кшатрии не всегда оставались брахманами и кшатриями. Некоторые брахманы были действительно учеными людьми, другие не отличались от обычных предсказателей. Не все брахманы становились жрецами. Некоторые выбирали путь отшельников и проводили свои дни в лесах. Другие жили обособленно за счет подарков и подношений от правителей и обывателей. Третьи исполняли роль советников правителей, а бывали брахманы, которые становились основателями царских династий.

Кшатрии, хотя и считались военным сословием, не всегда станови-лись воинами, некоторые — купцами и ремесленниками.

Хотя межкастовые браки были запрещены, в жизни дело обстояло по-другому, и такие браки встречались. Благодаря им сохранялся путь медленного продвижения вниз или вверх из одной касты в другую через промежуточные. П. А. Сорокин, цитируя «Гаутаму», пишет, что от брака брахмана с кшатрией рождается саварна, от брахмана с вайшья рождается нишада, от брахмана и шудры рождается парасава [7]. Т. е. заключив такой брак, можно было поднять свой общественный статус и попасть в более высокое сословие или же, напротив, скатиться в низшее. Мужчина из более высокого сословия мог взять в жены женщину из более низкого, но не наоборот. Дети от брака первого типа занимали общественный статус, который являлся промежуточным между положением их отца и матери. В случае же второго вида брака дети занимали более низкое положение, чем оба их родителя.

Особо от всех каст стоят неприкасаемые, которые не входят ни в какую касту и занимают самое низкое социальное положение.

Таким образом, кастовый строй уподобляет индийское общество улью с горизонтальными слоями сотов. Каждый слой был столетиями изолирован от другого системой запретов. Нарушившего эти запреты или выдавшего себя за члена другой касты ждало наказание, вплоть до исключения из касты.

В ходе индустриализации касты начинают постепенно заменяться классами. Социальная мобильность становится всё более и более интенсивной.

Социальная структура сословного общества включает в себя несколько страт, для которых характерна иерархия, выраженная в неравенстве их положения и привилегий. Классическим образцом сословной организации являлась Европа (в частности Франция), где общество делилось на высшие сословия (дворянство и духовенство) и непривилегированное третье — крестьянство.

Ни одно из сословий не было однородным — были бедные дворяне и богатые землепашцы, жизнь монаха нищенствующего ордена отличалась от жизни епископа, член парижской гильдии суконщиков был на более высокой ступени социальной лестницы, чем парижский зеленщик. Положение на социальной лестнице определялось не столько доходом, сколько престижем. Последний зависел от социальных функций, отводимых данной социальной группе, а также от других оценок (например, от того, кто считается «ровней» с точки зрения возможных брачных уз).

Права и обязанности каждого сословия определялись законом и освящались религией. Чем выше в общественной иерархии стояло сословие, тем выше был его статус. Членство в сословии определялось наследством. Социальные барьеры между сословиями были достаточно жесткими, поэтому социальная мобильность существовала не столько между сословиями, сколько внутри них.

Каждое сословие включало множество слоев, рангов, уровней, профессий, чинов. Так, например, сословие дворянства подразделялось на ряд категорий (графы и герцоги — во Франции, бароны и рыцари — в Англии, грады и идальго — в Испании).

Средневековое крестьянство было разбито на социально-правовые прослойки, разряды и группы, каждая со своим статусом, правами и ограничениями. Например, сервы и вилланы во Франции. Первые находились в личной зависимости, вторые — в поземельной от феодалов-землевладельцев.

Коммутация ренты ускорила и углубила социальное расслоение в среде крестьянства. Постепенно среди вилланов выделилась небольшая зажиточная верхушка. Отдельные представители этой группы получали возможность выкупиться на волю. Но многие средние и мелкие крестьяне беднели и были вынуждены работать по найму у лордов или зажиточных соседей.

Еще быстрее шло расслоение свободного крестьянства: в его среде резко обозначилась зажиточная верхушка, которая по своему социальному положению примыкала к низшим слоям феодалов, и масса бедняков.

Сама феодальная зависимость, в которой оказалось крестьянство, приводила к тому, что они тысячами бе-

жали из деревень в города. Особенно массовый характер такая мобильность приняла с конца XI — середины XII в. В городе они вливались в ряды ремесленников, становились носильщиками, возчиками, лодочниками, матросами, пополняли ряды городского плебса. Но главное — становились свободными.

Первоначально городское плебейство состояло в основном из деклассированных лиц. Сюда попадали наемные рабочие, поденщики и слуги, рабы и холопы, нищие. Позже плебс стал пополняться за счет «вечных» подмастерьев и учеников, обедневших мастеров, представителей непрестижных профессий.

На вершине феодальной иерархии находился король, считавшийся верховным сеньором всех феодалов. Ниже короля располагались слои герцогов, графов, баронов, рыцарей. Принадлежность к классу феодалов определялась в основном по рождению. Но до XIII века любой простолюдин, если он смелый и способный, мог стать дворянином. Также мог стать дворянином и тот, кто в силах был купить поместье.

Кроме того, границы между слоями, рангами постепенно размывались, как, например, стерлись различия между владельцами замков и простыми рыцарями. В то же время экономические трудности феодалов порождают новую прослойку — сыновей рыцарей, дворян по происхождению, но не получивших звания рыцарей (хотя любой простой человек мог стать рыцарем, купив у правителя специальное разре-шение и оплатив процедуру посвящения).

Существовавшая во Франции система наследования старшему сыну приводила к тому, что младшие сыновья зачастую становились священниками. Особенно большой приток дворян в высшие церковные слои произошел в XII-XV веках (особенно желали своим детям церковной карьеры крестьяне; видеть сына или племянника священником было вековой мечтой крестьян, мечтой о быстром социальном возвышении, надеждой на изменение социального статуса семьи).

Разорение мелкого и среднего дворянства привело к тому, что некоторым пришлось частично или полностью продать свои родовые поместья. Но многие по-прежнему жили в них безвылазно. Некоторые землевладельцы сами отказывались от ведения своего хозяйства и ради блестящей карьеры при королевском дворе бросали свои поместья и устремлялись в Париж, меняя тем самым и свой социальный статус.

Наследственные иерархические феодальные структуры не допускали значительной вертикальной мобильности. По существу, единственным каналом вертикальной мобильности была церковная иерархия.

Духовенство отличалось от других сословий тем, что было открыто для всех слоев населения. Бывало, что отпрыск знатного рода становился простым монахом, а, например, выходец из крестьян достигал кардинальского звания. Но и духовенство не было внутри себя однородным. В него входили разные люди — от папы римского до сельского священника; от князей церкви, имевших феодальные поместья, до неимущих отшельников и т. д.

Таким образом, социальная мобильность в сословном обществе — это перемещения, как правило, горизонтальные, в рамках своего сословия. Случаи вертикального перемещения конечно были, но ни те, ни другие не носят системного характера. Так, например, неравный брак — один из важнейших каналов социальной мобильности — встречался редко, поскольку социальный строй покоился на правиле: жениться на ровне. Индивидуальная же мобильность стала возможна благодаря появлению новых дополнительных каналов.

Как мы видим, существование примеров социального перемещения индивидов не противоречит тому, что структура закрытого общества — это структура неподвижного общества. В целом же уровень социальной мобильности в закрытом обществе очень низок.

ЛИТЕРАТЕРА

1. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура/Э. Гидденс // СоцИС. — 1992. — №9. — С. 6-6. №11. — 6-6.
2. Гуревич, А. Я. Избранные труды. В 4 т. Т. 2: Средневековый мир/А. Я. Гуревич. — М., СПб.: Университетская книга, 1999. — 560 с.
3. Гусева, Н. Р. Многоликая Индия/Н. Р. Гусева. — М.: Наука, 1980. — 272 с.
4. Ионин, Л. Г. Культура и социальная структура/Л. Г. Ионин // Социологические исследования. — 1995. — №2. — С. 3-12.
5. История средних веков: В 2 т. Т. 1./Под ред. С. П. Карпова. — М: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Высшая школа», 2003. — 640 с.
6. Поппер, К. Открытое общество и его враги/К. Поппер. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
7. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество/Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
8. Уваров, Ю. П. Франция XVI века: опыт реконструкции по нотариальным актам/Ю. П. Уваров. — М.: Наука, 2004. — 511 с.
9. Эдварде, М. Древняя Индия. Быт, религия, культура/Пер. с англ. С. К. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 224 с.

СПИСОК НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ПРИМЕЧАНИЙ

1. Аристотель. Политика. Афинская полития. Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/aristotel_/aristotel__afinskaya_politiya
2. Европа в период развитого феодализма // История Европы. Т. 2. Режим доступа: http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/HistE/v²/21.html
3. Елизаров, Е. Д. Античный город. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eliz/
4. Цицерон «О государстве». «О законах». Режим доступа: http://polbu.ru/tsytseron_treatises

Тендит К. Н.
K. N. Tendit

24.00.01

ИНВЕРСИЯ КУЛЬТОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
THE REALM OF CULT: INVERSION

Тендит Константин Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: tenditkn@rambler.ru

Constantine N. Tendit — PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: tenditkn@rambler.ru

Аннотация: В статье исследуются проблемы возникновения и развития феномена культовой реальности. По мнению автора, культ выступает как инверсионная система взаимодействия культового предмета и культового сознания. Инверсия в культовой реальности — это процесс особого декодирования интерсубъективной реальности, в которой культовость выступает одновременно в качестве структуры и функции реальности.

Summary: The paper discusses the problem of the origin and development of cult/worship as a specific realm. The author believes that the cult is essentially an inversion system of interaction between the object of worship and the consciousness of the believer. Inversion in the realm of the cult is a special process of decoding the intersubjective reality where cultness is the structure of reality and its function at the same time.

Ключевые слова: культ, культовая реальность, инверсия культа, интерсубъективная реальность, культовость, конечные области значений.

Keywords: cult, cult realm, inversion of cult, intersubjective reality, cultness, finite range of values.

Феномен культовой реальности получает сегодня все большее распространение. Он обнаруживается в политике, массовой культуре, науке, искусстве, образовании. Однако до сих пор остается открытым в науке вопрос о том, какое явление общественной жизни определяется понятием «культ».

На сегодняшний день проблему изучения культового феномена можно обозначить следующим образом: произошла секуляризация культа, он вышел за пределы религиозного опыта и приобрел общекультурный статус, отсюда возникла необходимость по-новому оценить степень его влияния на личность и общество в целом.

Исходным понятием нашего исследования является понятие культовости как определенного качества, присущего реальности и сознанию субъекта. Под культовой реальностью мы будем понимать всю совокупность явлений, связанных с культом: содержание соответствующих представлений, действия, которые с ними связаны, субъекты, отправляющие культ, а также объекты, на которые он направлен, и предметы культа, при помощи которых осуществляется культовая практика.

Культовость рассматривается нами под определенным углом зрения, а именно, нас интересует её роль в формировании устойчивой связи между культовым сознанием и культовой реальностью. Эта связь рассматривается нами в контексте социальной коммуникации, мы исследуем проблему соотношения интерсубъективной реальности и индивидуального сознания.

Интерес философии к вопросу о соотношении культовой реальности и культового сознания вызван, прежде всего, тем фактом, что указанные феномены выступают в качестве элементов социального взаимодействия.

Наша задача — выявить феномен культовости как некоторого свойства существования специфической культовой реальности, которая обусловливает и в то же время формирует культовое сознание.

При определении сущности культовой реальности мы воспользовались феноменологической интеракцией А. Щюца [6] и учением Л.С. Выготского [2] о психических реальностях личности. А. Щюц ввел в научный оборот понятие «конечные области значений», которые конечны в том смысле, что замкнуты в себе, и переход из одной области в другую невозможен без смыслового скачка — переосмысления окружающей реальности. Отсюда процесс взаимодействия человека и общества (социокоммуникация), по мнению последователей А. Щюца, П. Бергера и Т. Лукмана [1], — это процесс социального конструирования реальности, её интерсубъективных значений. Л.С. Выготский видел специфику человеческой психики в том, что психическая деятельность опосредуется культурными и социальными знаками. С помощью знаков, считал он, человек контролирует и направляет собственные психические процессы, конструирует свою психическую реальность. Необходимым условием этого процесса является социализация, в ходе которой происходит превращение внешней социальной функции и деятельности во внутреннюю, психическую. Таким образом, всякая реальность, с точки зрения классика психологии, представляет собой сложную знаковую систему, получившую в осознании статус самостоятельного бытия.

В аспекте данной методологии культовость предстает как процесс коммуникативного конструирования реальности. Культовая реальность — это результат взаимодействия культового сознания индивида и культовой природы предмета (здесь и далее термин «предмет» будет употребляться не в субстанциальном, а в интенциональном значении). В ходе их взаи-

Материал поступил 03. 02. 2010 г.

моотношений происходит трансформация значений повседневной реальности индивида и возникновение новых смыслов. Специфика культовой реальности заключается в том, что процесс трансформации значений происходит и на уровне деятельности индивида в том смысле, что деятельность человека становится культовой. Базой для появления культовости является коллективная ментальность, из которой посредством языка человек экстернализирует в качестве возможных различные объективации окружающей реальности.

Среди множества форм психических реальностей существует одна, представляющая собой особую форму облачения реальности, которая определяется как «культовая реальность». Особый смысл объектов, возникающий в результате данного облачения реальности, мы обозначаем как «культовость». Соответственно явление реальности, наделенное культовостью, выступает как «культовое явление» или как «культовый предмет». Иной смысл, который приобретает деятельность индивида в результате соприкосновения с «культовым явлением», назовем «культовостью», а деятельность, в результате которой возникает культовость реальности, — «культовой деятельностью».

Культ представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве особого цельного мира. Члены культового сообщества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир культовой жизни само собой разумеющейся реальностью — это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального.

Культовость, как это выявил в религии М. Элиаде [5], имеет «интенциональную» природу и поэтому связана с чувством поклонения чему-либо или кому-либо. Всякое поклонение — религиозное, эстетическое, научное, политическое — рождается в недрах сильного эмоционального переживания субъектом определенного явления реальности. В дальнейшем поклонение становится формой идентификации, стремлением возвратить тот эмоциональный настрой, который возник в результате соприкосновения субъекта и объекта поклонения. Совершение актов поклонения основывается на желании субъекта объединиться с объектом, уподобиться ему при помощи одного или нескольких возможных культовых средств. Как представляется субъектам культа, процесс уподобления, «соединения» культовой и профанной сфер преображает их жизненную ситуацию, даруя им духовное, иногда и физическое удовлетворение, расширяя горизонты миропонимания, психологически ограничивая или раскрепощая. Конкретный результат культовой деятельности зависит от личностных потребностей субъекта культа. Подобная рецитация переносит поклоняющегося из времени и обстоятельств повседневной жизни во время и обстоятельства культовые. Своей культовой деятельностью индивид постоянно стремится создать эманацию тех обстоятельств и переживаний, которые вызвали рождение культа, т. е. создать особую культовую реальность, которая удовлетворяла бы его потребности.

Поклонение порождает целый комплекс поведенческих ориентиров, переживаний, представлений, которые и образуют культовую систему или культовую реальность, являющуюся неотъемлемой частью ментальной структуры общества.

Культовое сознание полагает особый порядок реальности, который диктует единую интерпретацию разнообразных символов, аналогий, образов и понятий.

Все феномены окружающей нас реальности уже систематизированы в образцах повседневной жизни и кажутся независимыми от нашего понимания. Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, то есть становится конституированным порядком объектов, которые были обозначены как объекты еще до нашего появления на свет. Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет нам необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь.

В результате возникновения культовости в субъекте и объекте поклонения происходит переосмысление реальности, а именно: какие-то ее компоненты заново объективируются, а значит, устанавливаются качест-венно новые связи внутри системы, и реальность заново «перезагружается» в сознании. Яркое и точное описание этого механизма принадлежит Феофану Затворнику, русскому духовному писателю XIX века, который в своих письмах обращает внимание на «некоторый прием, при коем вещи видимые не отвлекать, а привлекать будут к Богу» [4; 185]. «Надобно вам все вещи, какие бывают у вас на глазах, перетолковать в духовном смысле, и это перетолкование так набить в ум, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глаз видел вещь чувственную, а ум созерцал истину духовную. Например, видите вы пятна на белом платье и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить. Перетолкуйте это на то, как жалко и неприятно должно быть Господу, Ангелам и Святым видеть пятна греховные на душе нашей. Перетолкуйте все вас окружающее и могущее встретиться кроме того. Начинайте с дома и перетолкуйте все в нем: самый дом, стены, кровлю, фундамент, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочие вещи. Перейдите к жильцам и перетолкуйте — родителей, детей, братьев и сестер, родных, слуг, приезжих и прочее. Перетолкуйте и обычное течение жизни — вставание, здорованье, обед, работы, отлучки, возвращения, чаепитие, угощения, пение, день, ночь, сон и прочее, и прочее, и прочее. Когда это сделаете, то всякая вещь будет для вас, что книга святая… будет приводить вас к мысли о Боге, как и всякое занятие и дело» [4; 185-186].

Если реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» и «сейчас», то реальность культовой деятельности всегда связана со стремлением пережить тот опыт, который уже однажды был пережит. Культовая реальность организуется вокруг процесса соединения «здесь-и-сейчас» с «там-и-тогда». В том, как это «там-и-тогда» воплотится в «здесь-и-сейчас», заключается успех акта поклонения. Это означает, что культовая реальность безразлична к степени близости или удаленности акта первичной сакрализации объекта.

Но это вовсе не означает, что культовая реальность не имеет пространственной и временной структуры. Пространственно-временная структура культа имеет двойное измерение, благодаря тому, что «здесь-и-сейчас» повседневного мира должны пересечься с «там-и-тогда» мира культового.

Вопросы интернализации и экстернализации культовой реальности рассмотрены в работах П. Бергера и Т. Лукмана [1]. С их точки зрения, важной особенностью культовой деятельности является то, что она выступает в качестве особой формы идентификации субъекта культа. В поклонении индивид стремится уподобиться предмету культа, стать его частью. Иначе говоря, субъект стремится превратиться в объект культа. В результате этого происходит трансформация значений элементов повседневной реальности в иную — культовую конечную область значений, что ведет за собой особую вторичную социализацию — альтернацию индивида, равную по силе первичной социализации. Именно благодаря альтернации культовость как свойство объекта и субъекта закрепляется в сознании индивида в качестве интерсубъектив-ной культовой реальности.

Обычная вторичная социализация вписывает объект в систему социальных связей. Специфика культовой социализации заключается в том, что в ходе неё в повседневном мире индивида происходит трансформация обыденного смысла окружающих предметов и его повседневной деятельности. Предметы интернализируемой реальности становятся культовыми.

Трансформируя смысл объекта культа, культовость должна найти выход данной трансформации в языке, т. е. объективировать явление заново, «озвучить» его новое значение, не важно, выступает ли в качестве объекта предмет культа или культовая деятельность. Новая объективация изменяет элемент первичной реальности, делает его неузнаваемым для окружающих, выводит объект культа из интерсубъективной реальности общества, в котором индивид прошел первичную социализацию. Когда индивид входит в контакт с предметом культа, его деятельность трансформируется, становясь непонятной для общества, в котором он живет.

В качестве субъективного мира культовая реальность остается конечной областью значений и не воздействует тотально на повседневную реальность индивида. Она возникает лишь при контакте индивида с предметом культа. Субъективная культовая реальность может надолго фиксироваться в сознании человека, при этом будет осуществляться автокоммуникативная связь, то есть общение субъекта с объектом культа не будет выходить за рамки внутреннего мира индивида. Иногда внутренняя культовая деятельность подвергается рутинизации и ее поглощает реальность повседневности, иногда она остается в качестве конечной области значений, в которую индивид тайно от всех погружается. Как только культовая деятельность перерастает внутренние рамки и переход в конечную область значений затрагивает субъективный мир других людей, культовая реальность приобретает социальное измерение, индивид входит в противоречие с интерсубъективной реальностью окружающих. В этом случае позиция людей, затрагиваемых культовой деятельностью индивида, может выразиться в одной из двух форм взаимоотношений с культовой реальностью: принятие или отрицание.

Однако культовость без легитимизации на интерсубъективном уровне существовать не сможет. В обществе культовая реальность обнаруживается в групповом сознании, легитимируясь через процессы экстернализации и интернализации реальности. Следовательно, культовая реальность является коммуникативной системой, возникающей в процессе вторичной социализации индивида. Особенность данного процесса социализации состоит в том, что в ходе него происходит одновременная трансформация смысловых значений предметов окружающей реальности и смысла повседневной деятельности индивида. Поэтому социализация такого вида выступает как альтернация, то есть замена первичной повседневной реальности иной — культовой. В альтернации культовость — это одновременно и структура, и функция. По своей структуре и функции культовая альтернация напоминает первичную социализацию, в ходе которой индивид интернализирует и экстернализирует реальность через близких медиаторов. В результате культовой альтернации индивид через медиаторов культа — «духовных родителей» — заново интернализирует и экстернализирует реальность, придавая ей посредством культа культовые свойства. Иначе говоря, культ выступает как наделение культовыми свойствами реальности и как реальность, наделенная культовыми свойствами.

В ходе альтернации реальность повседневной жизни «здесь-и-сейчас» индивида трансформируется в «там-и-тогда» культовой реальности. Стремясь посредством поклонения восстановить контакт с предметом поклонения, индивид переводит язык обыденного окружающего мира на язык культовой реальности, перемещая реальность повседневности в реальность культовости. Таким образом, каждый объект и субъект окружающего мира, будучи вовлеченными в культовую реальность, приобретают принципиально иной статус: повседневные «эти здесь-и-сейчас» становятся культовыми «теми там-и-тогда».

Подобная трансформация не может существовать в границах индивидуального сознания, индивид выпадает из социального мира, после чего он либо погибает, либо общество возвращает его из культовой реальности в социальный мир, проведя терапевтическую социализацию. Культовое сознание экстернализируется и интернализируется в социуме, в результате чего образуется особая группа последователей и проводников культовой реальности в обществе. В социологии подобные группы описаны на примере религиозных групп и получили наименование культов. Культы характеризуются наличием харизматического лидера, экстернализирующего культовую реальность в интерсубъективный мир своих последователей. Интернализация культовых идей поклонниками лидера происходит через культовую альтернацию в форме индивидуальной эзотерической практики, повторяющей путь альтернации самого лидера. В дальнейшем культовая группа проводит альтернацию новых адептов, таким образом разрастаясь и совершенствуясь. С исчезновением лидера культ перестает существовать: либо у него должен появиться новый лидер, либо культ распадется.

Возникает вопрос о том, что является причиной возникновения культовой реальности: сознание индивида, наделяющее явление реальности культовыми свойствами, или само явление, порождающее своим культовым воздействием чувство поклонения в человеке и формирующее его культовое сознание. Данный вопрос может быть разрешен посредством анализа культовой реальности как коммуникативной системы. При анализе структуры культовой реальности как знаковой системы в качестве парадигмы мы

используем концепции семиотических систем Р. Барта, У. Эко.

Особенностью взаимоотношений культового предмета и культового сознания является их инверсия в процессе коммуникации. Индивид — потенциальный носитель культовости в своем сознании — и явление, в объективированных свойствах которого заключена возможность стать предметом культа, вступают в коммуникативное взаимодействие, в результате чего предмет (явление) вызывает определенный ассоциативный ряд и «прочитывается», декодируется сознанием индивида. Коммуникативный код, при помощи которого декодируется культовость предмета, потенциально присутствует в ментальности коллектива и входящего в него индивида. Ментальность выступает в качестве ассоциативного поля, содержащего в себе возможности для образования интерсубъективной реальности того или иного типа. Чтобы возможность превратилась в факт реальности, необходима благоприятная социокультурная обстановка. Если культовое значение предмета в качестве вероятностного не зафиксировано в коллективной ментальности, то индивидуальное культовое сознание никогда не сможет наделить культовостью данный предмет. Справедливо и обратное утверждение: если культовость не присуща сознанию индивида, то культовый предмет не вызовет у него чувства поклонения.

В отличие от других «конечных областей значений», например, мифа или искусства, которые могут существовать без трансформации сознания индивида, культ возникает лишь в том случае, когда индивид является одновременно и субъектом, и объектом культа.

Итак, культовая реальность — это особый тип интерсубъективной реальности, объективированной в языковой форме. (Язык в данном случае рассматривается не в лингвистическом, а в коммуникативном аспекте). Основу для возникновения культовой реальности следует искать в установках ментальных структур психики. Культовость предметов и культовость как поклонение данным предметам импортируются сознанием индивида из коллективной ментальности. В качестве особой вероятностной знаковой структуры ментальность дешифруется как культовость и образует культовую интерсубъективную реальность. Декодирование реальности происходит в результате инверсии. Культовость предмета, заложенная социокультурной средой в качестве ментальной вероятности, не будет распознана, если в сознании индивида не будет потенции к возникновению культовости. При благоприятных культурно-исторических условиях культовость предмета будет прочитана индивидом, погруженным в соответствующую культовую реальность. Предмет культа вызовет поклонение у индивида, тем самым обусловив превращение последнего в объект культового воздействия. Индивид как субъект наделит качеством культовости предмет, превратив его в объект поклонения. В результате данной инверсии возникает культовая реальность. [3]

Таким образом, инверсия в культовой реальности — это процесс особого декодирования интерсубъективной реальности, в которой культовость выступает одновременно в качестве структуры и функции реальности. Культовость в качестве функции сознания индивида выражается в поклонении предметам, в результате которого предмет приобретает культовые свойства. Культовость как структура предмета — это его свойства, способные вызвать чувство поклонения у индивида.

Сегодня в условиях радикальных социальных перемен мы должны учитывать, что культовость является неотъемлемой частью нашей жизни. Опыт XX века показал, что культовым может стать любой элемент социальной реальности. При этом культ может нести как угрозу, так и спасение обществу.

В последнее десятилетие в России в ходе изменений социального строя была разрушена прежняя система культовости. Российское общество в недавней истории уже однажды пережило подобную трансформацию. В начале XX века с приходом советской власти старая система культовости была заменена новой. Однако происшедшая трансформация затронула только содержание культовой реальности, оставив форму в неприкосновенности. Культ советского периода истории России сохранил культовые традиции нашего общества. Именно это во многом позволило советскому обществу быстро адаптироваться к новым реалиям и восстановить утраченные позиции в мировом сообществе. Сегодня мы переживаем трансформацию культовой реальности, подобно той, что имела место в начале прошлого века. На смену старому культовому содержанию приходят новые значения. Они с трудом укладываются в советскую культовую форму, так как происходят из иной ментальной среды, в которой господствуют иные культы. Сегодняшняя вестернизация российского общества вновь ведет к изменению культовой реальности нашей жизни, и это происходит не только из-за «искусственного насаждения» западной культуры через массмедиа. Вовлечение России в мировое информационное пространство — объективный и неодолимый процесс. От него нельзя уклониться. Не стоит опасаться за культовые традиции нашей культуры: культовая система российского общества сумеет приспособиться и структурировать новое содержание реальности близкое нашей культуре. Исторический опыт на практике доказал это уже не раз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания/Пер. с англ./П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Изд-во «Academia — Центр», «Медиум», 1995. — 322 с.
2. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций/Л.С. Выготский. — М.: Изд-во Академ, пед. наук, 1960. — 500 с.
3. Тендит К.Н. Специфика взаимодействия культового сознания и культовой реальности/К.Н. Тендит. // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. — Балашов: Изд-во «Николаев», 2003. — С. 331-334.
4. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться: Письма епископа Феофана. — М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1914. — 302 с.
5. Элиаде, М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения/М. Элиаде. — М.: НИЦ «Ладомир», 1999. — 488 с.
6. Schutz, A. The Phenomenology of Social World. London: Heinemann Educational Books, 1972. — 306 p.

Филипова А. Г.
A. G. Filippova

22.00.04

ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОКЛАДОВ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕТЕЙ К СОЦИОГРАФИИ ДЕТСТВА
FROM STATE REPORTS ON CHILDREN TOWARD SOCIOGRAPHY OF CHILDHOOD

Филипова Александра Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alexgen77@list.ru.

Ms. Alexandra G. Filippova — PhD in Historical Science, Associate Professor at the Department of Social Work of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexgen77@list.ru.

Аннотация: Государственные доклады о положении детей в РФ, материалы государственной и региональной статистики, социологические исследования выступают главными источниками отечественной социографии детства. Социография детства — перспективное направление социологии детства, конструирующее с помощью качественно-количественных показателей социальный профиль детства в определенный временной период. Шесть групп интегральных показателей социального состояния детства, представленных в статье, задают возможные направления развития социографии детства.

Summary: Reports on children and their lives provided by the Russian government, data from the federal and regional level statistics, and sociological studies are the main sources of information for sociography of childhood in this country today. The sociography of childhood is a promising area of study within the framework of sociology of childhood that helps create a social profile of childhood within a defined time period on the basis of quantitative and qualitative parameters. Six groups of integral indexes describing social conditions of childhood are presented in the article; they outline possible directions for the development of the sociography of childhood.

Ключевые слова: Положение детства, государственный доклад, социография детства, социальные индикаторы, социальный профиль детства.

Keywords: childhood situation, state reports, sociography of childhood, social indicators, social profile of childhood.

С начала 1990-х годов ЮНИСЕФ (см. прим. 1) разрабатывает ежегодные доклады о положении детей в мире. Именно они послужили стимулом для подготовки и издания в 1990 году Советским детским фондом им. В. И. Ленина доклада «Положение детей в СССР. Состояние. Проблемы. Перспективы», а затем дали возможность обосновать систему индикаторов для подготовки ежегодных государственных докладов «О положении детей в Российской Федерации», получивших с 1993 года статус официального документа [4, 14].

Ратификация Россией Конвенции ООН «О правах ребенка» обусловила принятие мер по правовой регламентации социальной защиты детства. В этой связи Постановлением Правительства РФ «О реализации Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей» от 23 августа 1993 года был предусмотрен механизм формирования и реализации государственной политики в интересах детей.

Во-первых, была создана межведомственная комиссия по координации работ, связанных с выполнением Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в Российской Федерации. В состав комиссии вошли представители заинтересованных министерств, ведомств и организаций, а организационно-техническое обеспечение работы комиссии осуществлял департамент проблем семьи, женщин и детей Министерства социальной защиты населения РФ.

Во-вторых, был утвержден порядок разработки и распространения ежегодного государственного доклада о положении детей в Российской Федерации. Ежегодный государственный доклад стал официальным документом, подготавливаемым в целях обеспечения государственных органов управления и населения России объективной систематизированной аналитической информацией о положении детей и тенденциях его изменения под воздействием проводимых социально-экономических преобразований [10, 78].

Доклад является основой для определения приоритетных областей и направлений деятельности по решению проблем детства, а также для разработки необходимых мероприятий по обеспечению прав детей, их выживания, защиты и развития. Его подготовка осуществляется на основе данных государственной статистики, материалов федеральных органов испол-

Материал поступил 21. 12. 2009 г.

нительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также результатов научных исследований (см. прим. 2).

Структура доклада уточнялась и корректировалась с 1993 по 1999 гг. И первоначально включала такие разделы, как «основные данные и характеристики»; «права детей и основные нормативные акты в области их социально-правовой защиты» (включала обзор принятых за текущий год нормативно-правовых актов с оценкой их значимости для защиты детства и рекомендации по дельнейшему развитию законодательства); «уровень жизни и благосостояния детей и семьи»; «охрана здоровья детей»; «питание детей»; «образование: обучение, воспитание и развитие детей»; «социальное обслуживание семьи и детей»; «дети, находящиеся в особо трудных условиях» (с выделением таких категорий детей, как дети, лишенные родительского попечения; социально дезадаптированные, безнадзорные дети; несовершеннолетние преступники; дети-жертвы межнациональных и вооруженных конфликтов; дети-инвалиды; дети Севера; дети в зонных экологических бедствий); «опыт регионов по улучшению положения детей»; «научные исследования по вопросам детства»; «деятельность неправительственных организаций по решению проблем детства»; «оценка, прогноз и рекомендации по улучшению положения детей, обеспечению их выживания, защиты и развития» [2; 3].

В 1997 году в доклад были добавлены разделы: летняя оздоровительная кампания; трудовая занятость подростков; а раздел «опыт регионов по улучшению положения детей» был переименован в «региональный аспект программно-целевого решения проблем детства» в связи с внедрением федеральных и региональных программ социальной защиты детства. Раздел «трудовая занятость подростков» включал наряду с изучением показателей трудовой занятости подростков, условий их труда, соблюдением трудового законодательства, также проявления асоциальных форм занятости несовершеннолетних (в том числе проституцию, использование детей в порнографическом бизнесе, вовлечение в торговлю наркотиками и другие формы нелегальной деятельности, принудительный труд и др.). Раздел «права детей и основные нормативные акты в области их социально-правовой защиты» был заменен на помещенный в приложении к докладу «перечень основных нормативных актов по вопросам детства, принятых в рассматриваемом году».

В 2001 году структура доклада осталась прежней, некоторые разделы были дополнены. Так, в раздел «Состояние здоровья детей» был добавлен пункт «Формирование здорового образа жизни». В государственном докладе активно анализируются иные формы семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей — приемные семьи, патронатное воспитание. В заключительном разделе «Взаимодействие с общественными организациями» наблюдается некоторое преломление по сравнению с предыдущими докладами оценки значимости участия неправительственных организаций (до этого они рассматривались как полноноправные субъекты социальной защиты детства наряду с государственными организациями) (см. прим. 3).

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 357 «Об утверждении Правил представления материалов для разработки государственного доклада о положении детей в Российской Федерации» была предложена следующая структура доклада: основные демографические характеристики; изменение уровня жизни семей с детьми; состояние здоровья детей; состояние репродуктивного здоровья женщин; состояние питания детей; образование, в том числе начальное профессиональное образование, воспитание и развитие детей; обеспечение дошкольного присмотра детей; организация досуга детей и подростков, включая летний отдых и оздоровление; трудовая занятость подростков; развитие системы учреждений социального обслуживания семьи и детей; положение детей-сирот; положение детей-инвалидов и меры по их социальной поддержке; положение детей, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; положение детей-мигрантов; профилактика безнадзорности несовершеннолетних; профилактика преступности и правонарушений несовершеннолетних; положение детей, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях для детей с девиантным поведением, и несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Таким образом, структура доклада по существу осталась прежней.

На сегодняшний день в государственных докладах содержатся количественные и качественные характеристики положения детей в Российской Федерации за текущий год и в динамике за последние три года; анализируются основные проблемы положения детей в Российской Федерации и тенденции его изменения; разрабатываются предложения по принятию конкретных мер, необходимых для улучшения положения детей в Российской Федерации.

Введение государственных докладов о положении детей в Российской Федерации в практику социальной защиты детства стало основой для развития современной социографии детства.

Существуют разные трактовки понятия «социография». В. Касьянов, В. Нечипуренко определяют ее как «описание и измерение конкретных явлений социальной жизни» [6]. В. Ф. Анурин считает социографию одним из названий эмпирической социологии [1]. В. В. Добреньков и А. И. Кравченко приводят следующее определение: «социография — это монографическое описание определенных территориальных или профессиональных общностей необязательно с применением количественных методов обработки данных, но с опорой на статистику и наблюдение, результаты которых обычно используются для анализа динамического (исторического) состояния объекта в различное время» [5]. Итак, социография опирается

на данные о различных сторонах социальной жизни, социальных общностях, полученные эмпирическим путем (измерением, наблюдением), на основе которых конструируется социальный профиль общности или социального института в описании его статики и динамики.

Социографию детства можно рассматривать как одно из направлений социологии детства, дающее количественно-качественное описание социальной общности детей, их социальных практик и социального положения, за определенный период времени. Целью социографии выступает построение социального профиля детства, анализ его динамики, выявление тенденций развития, определение внутренних и внешних факторов риска, а также принятие мер по их преодолению.

Источниками социографии детства являются данные государственных докладов, материалы государственной и региональной статистики, результаты социологических исследований семьи и детства, иногда архивные данные.

Помимо государственного доклада о положении детей в РФ важным источником социографии детства служит ежегодный демографический доклад. Его подготовку с 1994 года осуществляет Центр демографии и экологии человека института народохозяйственного прогнозирования РАН. В демографическом докладе находят отражение процессы естественного движения населения (рождаемость, смертность), заболеваемость в разных возрастных группах населения по основным классам болезней, а также демографические прогнозы (см. прим. 4).

Наряду с государственными учреждениями изучением положения современного детства занимаются негосударственные организации, в частности Российский детский фонд (РДФ). В 1998 году был опубликован Альтернативный доклад российских неправительственных организаций в Комитет ООН по правам ребенка с комментариями к государственному периодическому докладу о реализации РФ Конвенции о правах ребенка в 1993-1997 гг. В 2003 году НИИ детства РДФ был подготовлен независимый доклад о положении детей в РФ под названием «Тяготы детского мира». Он был предназначен для теоретико-методологического обоснования системы представлений о детстве как самоценной социальной сфере, сбора и анализа информации о реализации конвенции ООН о правах ребенка и положении детей в РФ, а также разработки путей и способов его улучшения [9].

В изучении детства общественный сектор имеет ряд ценных преимуществ. Во-первых, он не стеснен функциональной обязанностью отслеживать только те показатели детства, которые инициированы «сверху», он свободен и мобилен в определении направлений исследования. Во-вторых, он оказывается ближе к населению и поэтому лучше, по сравнению с государственными структурами, проинформирован о нуждах и потребностях детства. В-третьих, общественный сектор обладает значительным творческим потенциалом, синтезирует новые идеи, технологии работы, инициирует социологические исследования и разрабатывает комплекс мер экстренного реагирования на факторы риска детства. Поэтому при подготовке государственных докладов важно систематически привлекать материалы неправительственных общественных организаций, занимающихся проблемами детей.

Количественные характеристики института детства наряду с другими социальными образованиями представлены в статистических сборниках «Российский статистический ежегодник», «Россия в цифрах», «Демографический ежегодник России», «Социальное положение и уровень жизни населения России» и др. Аналогичные материалы издаются на региональном уровне. Например, в Хабаровском крае комитетом статистики публикуются ежегодники «Социальная сфера Хабаровского края», «Образовательные услуги и культурный потенциал в Хабаровском крае», «Образовательные и дошкольные учреждения края», «Здравоохранение Хабаровского края», «Дети и подростки Хабаровского края», а также аналитические записки «Состояние социальной сферы и уровень жизни населения Хабаровского края», «О ситуации со смертностью детей и подростков в Хабаровском крае» и др.

Что касается результатов научных исследований детства, то здесь необходимо отметить значительное количество диссертационных работ, посвященных изучению социальных проблем детства. За последнее десятилетие были защищены более 20 кандидатских и докторских диссертаций по социологии детства (см. прим. 5). Проблемы детской безнадзорности, беспризорности, дезадаптации изучали Л.В. Акимова, Л.Т. Дулинова, Т.М. Хижаева, Л.С. Чурилова. Дети-сироты и альтернативные формы их устройства представлены в исследованиях Э.Р. Алексеевой, Н.В. Беспарточной, О.В. Заяц, В.В. Климентьева, П.И. Городецкой, Е.Л. Яковлевой. Значительную группу работ представляют диссертации, посвященные социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями (Д.В. Зайцев, О.Н. Потапова, О.Ю. Андриенко, Г.Г. Гизатуллина, Л.А. Дубковская, Э.Р. Калимуллина, И.Б. Кантемирова). Результаты диссертационных исследований находят отражение в монографиях, научных статьях и тезисах докладов.

Социография детства предполагает выделение системы социальных показателей детства, которые измеряются и анализируются. В ходе настоящего исследования были изучены и модифицированы социальные индикаторы детства, представленные в государственных докладах о положении детей в РФ, а также в системе индикаторов, разработанной отечественным исследователем Е.М. Рыбинским (см. прим. 6) [7].

Окончательно были выделены 6 групп интегральных показателей социального состояния детства:

1) Интегральный показатель демографии и его составляющие: доля детей и подростков в общей численности населения; численность детей, родивших-

ся за год; численность детей в возрастных группах до 1 года, от 1 до 3, 4-6, 7-9, 10-14, 15-18 лет; количество произведенных абортов; данные о перинатальной смертности и детской смертности в разных возрастных группах детей с дифференциацией причин (заболевания, неестественные причины); годовой прирост/убыль населения; дифференциация семей по социальному статусу (численность неполных семей, в т. ч. численность детей, родившихся вне брака; численность детей, имеющих одного из родителей в результате развода); количество семей с одним ребенком, двумя, тремя и более детьми.

2) Интегральный показатель материального положения семей и его составляющие: распределение семей с детьми по размеру среднедушевого дохода, процент семей с детьми с доходами ниже прожиточного минимума; величина прожиточного минимума для детей дошкольного и школьного возраста; средняя стоимость приобретения одежды и обуви на детей разных возрастных групп; расходы семейного бюджета (%) на питание, обучение, оздоровление, содержание ребенка в дошкольном учреждении; средняя стоимость путевки в летнее оздоровительное учреждение, средняя стоимость обучения по внешкольным образовательным программам; размеры пособий гражданам в связи с рождением и воспитанием детей и размеры других социальных выплат; количество семей, воспользовавшихся материнским капиталом; число семей с детьми, состоящих на учете на получение жилья и улучшение жилищных условий, число семей с детьми, улучшивших жилищные условия; объемы производства товаров для детей; состояние индустрии детского питания.

3) Интегральный показатель здоровья и его составляющие: количество обращений детей за медицинской помощью; численность вакцинированных детей (в т. ч. прошедших до 1 года полную иммунизацию — туберкулез, полиомиелит, корь); распределение детей по группам здоровья; численность детей и подростков, охваченных профилактическими осмотрами, результаты осмотров; заболеваемость детей по основным классам болезней; заболеваемость детей и подростков психическими расстройствами и расстройствами поведения; численность детей с социально обусловленными заболеваниями (алкоголизм и алкогольный психоз, наркомания и токсикомания, ВИЧ-инфекция и СПИД, активный туберкулез, заболевания, передающиеся половым путем); распределение детей с ограниченными возможностями здоровья по причинам инвалидности, формам социального обслуживания (стационарное, на дому и др.); число детских больниц, детских поликлиник и амбулаторий, центров планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья, детских санаториев, летних оздоровительных лагерей (в т. ч. загородных, санаторного типа, дневного пребывания, профильных, труда и отдыха) и количество мест в них; количество и объемы финансирования программ в области охраны здоровья детей и формирования здорового образа жизни.

4) Интегральный показатель образования и досуговых услуг и его составляющие: число детских дошкольных учреждений по назначению и охват детей; численность учащихся общеобразовательных учебных заведений, в т. ч. занимающихся во вторую и третью смены, в вечерних школах; численность детей вне образования; число государственных и негосударственных общеобразовательных учреждений; количество профориентационных центров, учебно-производственных комбинатов; численность несовершеннолетних, получающих начальное, среднее и высшее профессиональное образование; число выпускаемых детско-юношеских периодических изданий, число изданных книг и брошюр для детей и юношества; число детских библиотек, досуговых учреждений для детей (художественных и музыкальных школ, театральных и танцевальных студий, домов творчества для детей, спортивных клубов, детских бассейнов, стадионов). Количество и объемы финансирования целевых программ в области образования и организации досуга детей.

5) Интегральный показатель девиантно-криминальных проявлений и его составляющие: численность несовершеннолетних, совершивших преступные действия (в т. ч. в состоянии алкогольного и наркотического опьянения); число осужденных несовершеннолетних по видам преступлений; численность несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВТК и специальных учреждениях; численность несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних; численность самоубийств среди несовершеннолетних; число зарегистрированных изнасилований несовершеннолетних, число несовершеннолетних, занимающихся проституцией; число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости; развратные действия в отношении несовершеннолетних; злостное уклонение от уплаты алиментов; разглашение тайны усыновления; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, антиобщественных действий); число родителей, лишенных родительских прав, ограниченных в родительских правах; число специальных учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным поведением, численность воспитанников в них.

6) Интегральный показатель социальной поддержки детей и его составляющие: численность детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (в том числе: детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; детей-беженцев; детей — жертв межнациональных и вооруженных конфликтов; детей «социального дна» (беспризорные, уличные проститутки); детей с ограниченными возможностями здоровья, детей в семьях безработных, детей в семьях с доходами ниже прожиточного минимума), а также детей, нуждающихся в повышенном внимании государства («дети вне образования» — дети в возрасте 15 лет и старше, не обучающиеся и не работающие, «ода-

ренные дети», «дети, проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»); количество интернатных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей (в т. ч. дома ребенка, детские дома, школы-интернаты), формы устройства выявленных детей, оставшихся без родительского попечения; число территориальных учреждений социального обслуживания семьи и детей, численность обслуженных несовершеннолетних; число учреждений стационарного социального обслуживания и образовательных учреждений для детей с ограниченными возможностями здоровья; процент государственных расходов, направляемых на нужды детского здравоохранения, образования, культуры и спорта; количество и объемы финансирования программ социальной защиты детства; число общественных организаций, занимающихся проблемами семьи и детей; количество принятых нормативно-правовых актов в области социальной защиты семьи и детей.

Итак, основой для социального измерения детства могут стать шесть вышеперечисленных групп индикаторов социального состояния детства. В отношении каждой группы необходимо глубокое и тщательное изучение, требующее дальнейшей детализации социальных показателей.

Социография детства включает описание количественных и качественных характеристик детства и его социальной среды в динамике, т. е. за определенный период (например, в государственных докладах о положении детей берется временной интервал в 3 года). Количественно измеряются такие показатели детства, как рождаемость, смертность, численность детей разных возрастных групп, распределение детей по группам здоровья, доходы и расходы семей с детьми, количество учреждений социальной инфраструктуры детства и др. А качество детства характеризуется на основе анализа полученных количественных данных по параметрам: физическое и психического здоровье, интеллектуально-образовательный и нравственный потенциал.

Социальный профиль детства может конструироваться и на региональном материале с привлечением материалов региональных органов власти (правовые акты, социальные программы), территориальных архивов, данных территориальных органов статистики. Региональная социография детства позволяет выявлять специфические проблемы детства в регионе, сопоставлять количественные характеристики детства разных регионов, использовать опыт «передовых» регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анурин, В. Ф. Основы социологических знаний: Курс лекций по общей социологии/В. Ф. Анурин. — Н. Новгород: НКИ, 1998. — 358 с.
2. Государственный доклад «О положении детей в РФ. 1995 г.». — М.: Синергия, 1996. — 116 с.
3. Государственный доклад «О положении детей в РФ. 1998 г.». — М.: Синергия, 2000. — 99 с.
4. Дети России на пороге XXI века. Независимый доклад РДФ о положении детей и реализации Конвенции о правах ребенка в РФ // Дитя человеческое. — 2000. — №4-5-6. — С. 3-64.
5. Добреньков, В. В., Кравченко, А, И. Социология: Учебник./В. В. Добреньков, А. И. Кравченко. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 624 с.
6. Касьянов, В., Нечипуренко, В. Социология права/В. Касьянов, В. Нечипуренко. — Ростов-н/Д: Феникс, 2001. — 480 с.
7. Рыбинский, Е. М. Управление системой социальной защиты детства. Социально-правовые проблемы: учебное пособие/Е. М. Рыбинский. — М.: Академия, 2004. — 224 с.
8. Рыбинский, Е. М., Кузнецова, Л. В., Несмеянова, М. И. Проблемы формирования российской государственной социальной политики в интересах детей/Е. М. Рыбинский, Л. В. Кузнецова, М. И. Несмеянова // Актуальные проблемы современного детства: Сб. научн. трудов. Выпуск 5. — М.: НИИ детства РДФ, 1998. — С. 12-25.
9. Тяготы детского мира // Дитя человеческое. Взрослым о детях. — 2003. — №5-6. — С. 3-70.
10. Филипова А. Г. Социальная защита детей, оставшихся без попечения родителей, в 80-90-е годы XX века: региональный аспект: моногр./А. Г. Филипова. — Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. — 169 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Детский фонд ООН создан в 1946 г. как международная чрезвычайная организация помощи детям в разоренных второй мировой войной странах Европы и с этого периода основное внимание уделяет улучшению положения детей в развивающихся странах. При выборе страны, нуждающейся в помощи, ЮНИСЕФ руководствуется тремя критериями: уровень смертности детей в возрасте до 5 лет; валовой национальный продукт на душу населения и общая численность детского населения. http://www.unicef.org/russia/ru/ — Официальный сайт ЮНИСЕФ в России.
2. см. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2000 года №839 «Об утверждении Правил разработки и распространения государственного доклада о положении детей в Российской Федерации» (с изменениями на 31 марта 2006 года).
3. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2003/0107/biblio01.php.
4. См., например, следующие работы: Положение России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад/под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Наука, 2006. — 356 с.; Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический дклад/отв. ред А. Г. Вишневский. — М., 2008. — 229 с.
5. На сайте профессора РГГУ, д. с. н. С. Н. Щегловой представлен список тем диссертаций по проблемам социологии детства, защищенных в 2000-2009 гг. Режим доступа: http://www.childsoc.ru
6. Е. М. Рыбинский участвовал в качестве зам. председателя РДФ, исполнительного директора НИИ детства РДФ в подготовке государственных докладов о положении детей в РФ, а также в самостоятельно разрабатываемых РДФ независимых докладах о положении детства и реализации Конвенции ООН.

Чебанюк Т. А.
Ms. T. A.Chebanyuk

24.00.01

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА: СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
MODERN CULTURE: STRUCTURAL AND SYSTEMIC PROPERTIES

Чебанюк Татьяна Алексеевна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: chebanuk_t@mail.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk — Doctor in Cultural Studies, Professor, Head of the Department for Cultural Studies of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: chebanuk_t@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются системно-структурные характеристики современной культуры, выявляются условия и предпосылки доминирования массовой культуры в современной культуре, классифицируются ее системные признаки, определяются условия и признаки кризисного состояния культуры России.

Summary: Structural and system characteristics of the modern culture are examined; conditions and prerequisites for domination of mass culture in the modern culture are revealed, its system features are categorized, conditions and features of a crisis of culture in Russia are identified.

Ключевые слова: базовая культура, человек-масса, массовая культура, общество потребления, развлекательность, неаутентичность, конфор-мизм, утрата духовности, нерефлексивность человека по отношению к миру и самому себе, кризис культуры.

Keywords: basic culture, man-mass, mass culture, consumer society, entertainment, non-authenticity, conformism, loss of spirituality, non-reflectivness of a person with reference to world and to himself, crisis of culture.

Культура — сверхсложная система, обладающая структурной упорядоченностью своих элементов (подсистем), уровней, находящихся в определенном взаимодействии, что позволяет ей сохранять свою целостность. Целостность национальной культуры обеспечивает ее духовно-ценностное ядро.

Специфику национальной культуры определяет сложившаяся в ней картина мира — модель, репрезентирующая в своем системном целом мировоззренческие ценностные, нравственные, пространственно-временные и другие представления людей. Картина мира систематизирует, иерархизирует и семантизирует систему представлений (категорий), свойственных разным культурам. Другими словами, картина мира — это мир смыслов, определяющих специфику культуры как сверхсложной системы, и мир смыслов каждой национальной культуры, обладающей вариативным семантическим их наполнением.

Картину мира определяют:
— отношение к добру, абсолюту, Богу и др.;
— представления о мироздании;
— представления о времени и пространстве;
— система ценностных отношений;
— идеи добра, красоты, зла и др.;

Структурными элементами национальной культуры как сверхсложной системы являются базовая культура (ее часто классифицируют как высокую, элитарную: иной термин, более адекватно обозначающий, терминологизирующий ядро национальной культуры, еще не сложился), массовая культура, субкультуры, маргинальная культура, контркультура, народная культура, то есть культура, созданная и сохраняемая в народных массах и представленная в таких формах, как фольклор, обряды, обычаи, анекдоты и другие. Что позволяет культуре при всей ее структурной сложности сохранять свою целостность, не распасться на отдельные сегменты? Ее структурообразующее начало — ядро, заключающее в себе духовные ценности национальной культуры — базовая культура. По сути дела, термин «базовая культура» заменяет существовавшее в науках о культуре (история, социология, философия и др.) понятие «господствующая культура», носившее явно оценочный характер.

Анализ современного состояния культуры России привел многих исследователей (В. С. Березин, И. В. Гибелев, О. Дарк, Е. В. Дуков, А. В. Костина, Э. А. Орлова, К. Э. Разлогов, В. Е. Семенов, А. Я. Флиер, Е. Н. Шапинская и др.) [1; 3; 4; 5; 11; 12; 13; 14; 15; 19; 21] к выводу о том, что ее доминирующим структурным элементом становится массовая культура. Проблемам массовой культуры посвящены отдельные номера журнала «Новое литературное обозрение (1997), монографии и сборники научных статей [7; 9; 10]. Потребителем массовой культуры является массовое общество с доминантой в нем усредненного человека, человека-массы или, по выражению Г. Маркузе, «одномерного человека». Его активное становление началось на Западе еще в 1960-е годы одновременно с формированием нового типа общества — массового. Об условиях и причинах, процессах его формирования писали Х. Ортега-и-Гассет, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др. Синонимическими понятиями массовой культуры являются «культура большинства», «культура массы». Массовое общество, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, есть объединение масс, состоящих из индивидов, не обладающих какими-то определенными, выделяющими их признаками. Массу составляют так называемые средние люди со средними или усредненными желаниями и запросами.

Вполне закономерно, что технологии постиндустриального общества расширяют игровое пространство современного человека, его гедонистическую

Материал поступил 10. 02. 2010 г.

сферу существования. На смену «принципу производительности», как полагает Г. Маркузе, пришел «принцип удовольствия» [8, 254].

Значимую роль в процессе становления массовой культуры сыграла урбанизация государств и обществ, омассовление форм повседневной жизни, утрата внутренней религиозности и др. А. Я. Флиер полагает, что в процессе активного, стремительного распространения массовой культуры значимую роль сыграли изменения в процессах и механизмах социализации человека, средств его персональной трансляции знаний, норм и образцов поведения: «Возникает необходимость в большей универсализации содержания транслируемого опыта, ценностных ориентаций, образцов сознания и поведения; в формировании общенациональных норм и стандартов социальной и культурной адекватности человека; в инициировании его интереса и спроса на стандартизованные формы социальных благ; в повышении эффективности работы механизмов социальной регуляции за счет универсального воздействия на мотивацию человеческого поведения, социальные притязания, образы престижности и т. п. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания канала трансляции знаний, понятий, социокультурных норм и иной социально значимой информации широким массам населения, охватывающим всю нацию, а не только ее отдельные образованные сословия» [13, 142].

Не менее значимую роль в доминировании массовой культуры сыграл процесс формирования современного общества потребления, о котором писал еще Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления. Его мифы и структуры». Он говорил о постсовременности — времени, в котором «закончилась не только история, … но сама реальность, уступив место симулятивной «гиперреальности» моделей, кодов и симулякров — неподлинностей, замен [2]. О процессе массовизации, характеризующем современный мир, современную культуру, пишут А. П. Марков, Н. Г. Багдасарьян, Г. В. Драч и другие исследователи, отмечая, что повсеместно происходит утрата идеалов и смысла человеческой жизни, ценности служения, творческого труда. Психология потребительства и выгоды активно агрессивно утверждают себя в обществе. Потребление становится основной технологией существования человека, основным способом конструирования своего «Я». Закономерно, что состояние большинства людей современного общества определяет аномия, обусловленная разложением системы ценностей, нравственных ориентиров.

При этом потребление не является в чистом виде удовлетворением потребностей человека, оно «становится модусом отношения человека» не только к вещам, но и к коллективу, ко всему миру. По большому счету, как отмечает Т. Чередниченко, «потребляются не вещи, но престиж, их символы и знаки» [20: 128]. Над реальными базовыми потребностями надстраиваются виртуальные, символические. Кроме того, современное общество отличается соревновательностью в количестве и разнообразии потребления.

На основе многих работ исследователей, собственных наблюдений автора можно выделить основные характеристики человека-потребителя, человека-массы:

— фрагментарный, стандартизированный, не отличающийся культурной целостностью;

— нерефлексивный, внушаемый;

— человек, отличающийся потребительской психологией, сознанием;

— человек — машиноравный, ориентированный на потребительские стандарты, формы, не отличающийся индивидуальностью;

— человек комфорта и компромисса, покоя, боящийся конфликтов, выделения себя из массы;

— человек мифологизированного сознания, мыслящий универсальными формами;

— человек, воспроизводящий ценности власти, постулаты господствующей идеологии, а поэтому социально и политически пассивный;

— управляемый, манипулируемый;

— урбанизированный, строящий удобный, комфортный для него образ жизни;

— подверженный массовым развлечениям;

— безличностный человек — «человек как все»;

— человек, утрачивающий национальное сознание, становящийся «гражданином мира» ради удобства, комфорта жизни, приверженности к простоте отношения к миру и людям.

В. П. Большаков отмечает следующее: при условии, если «человечности (ибо духовность есть основополагающая характеристика именно человека, человечности как его доминирующего, определяющего все остальное в его существовании свойства — Т. Ч.) нет, то нет и культуры, но возможна форма, подобная культурной (с другим содержанием, имитация культуры, то, что называют псевдокультурой. … В форме же культуры должна быть выражена какая-то из граней очеловеченности, облагороженности бытия» [17: 92]. Основной формой «подобия культуры» в настоящее время является массовая культура.

Основоопределяющие начала базовой и массовой культур, обусловливающие свойства, систему признаков каждой из них, можно представить следующим образом:

базовая культура	массовая культура:
творцы	производители
ценности	антиценности
национальная основа	глобальные интересы
разум, душа	эмоции, низменные интересы
маскулинная	феминная

Активизация массовой культуры происходит в переломные, переходные периоды, периоды социально-психологического напряжения. Главной ее функцией становится реализация потребностей человека снять социальное напряжение, напряжение личностного выбора.

Можно выделить предпосылки формирования культуры, ориентированной на массовое общество, массового потребителя:

— развитие и совершенствование средств массовых коммуникаций;

— совершенствование технологий издательской, репродуктивной, записывающей и компьютерной деятельности;

— рост массового потребления материальных благ в связи с ростом материального благосостояния;

— формирование систем потребительского сбыта: компьютерной, экранной, потребительской, тиражирования, репродуцирования и др.

Главной стратегической установкой массовой культуры по отношению к человеку является формирование конформизма, позволяющего им, человеком-массой, манипулировать. Наиболее активно процессы массовизации осуществляются в России в связи с резкими изменениями в политической, экономической и социальной жизни общества.

Если попытаться выстроить систему основных признаков массовой культуры, обусловленных процессами дегуманизации, ценностных переориентаций,

вестернизации русской культуры, то это будет выглядеть так:

— отражает глобальные тенденции в мире;

— не ориентирована на национальные идеи, идеалы, образы;

— интернациональна в стремлении развлекать, смешить;

— не дает образцов духовности, религиозности, интеллектуальности;

— внедряет массовые нормы, стандарты, образцы; то есть производит стандартизированные ситуации;

— воздействует на коллективную психику;

— является в своем большинстве «телесной культурой» — культурой низменных потребностей, доминирующих над духовной потребностями общепринятыми в обществе ценностями;

— ориентирована на эмоции, инстинкты (особенно половые);

— отвлекает от проблем, размышлений; рефлексии, напротив, демонстрирует натиск, успешность, отсутствие сомнения;

— ориентирована преимущественно на действие, приключение, игру, подстегивает азарт борьбы;

— реализует потребность человека снять напряжение, избежать проблем и личностного выбора;

— развлекает всеми доступными и недоступными способами;

— внушает чувство стадности (шоу, различного рода развлекательные программы); неиндивидуальна;

— не апеллирует к разуму, рефлексии;

— не возвышает, а принижает человека;

— подражательна, клонируема;

— серийна.

В аналитической статье, опубликованной в еженедельнике «Аргументы и факты», Вячеслав Костиков, постоянный ведущий рубрики «На злобу дня», так характеризует происходящее на телевидении: «Какой канал ни вруби, в течение часа человек становится свидетелем 7-8 убийств. В вечерние часы порция насилия еще более возрастает. Подсчитано: сцены убийств, кровавого мордобоя обрушиваются на телезрителя каждые 6 минут. В последнее время чернуха и порнуха переместились с ночных часов на вечернее и даже дневное время» [7; 5] По его мнению, это целенаправленное и мотивированное действие: «телевидение и кинематограф ведут агрессивную атаку на нравственные и семейные ценности народа» [7; 5]. Ситуация, описанная автором, в настоящее время осложнилась и огромным количеством мелодраматических серийных фильмов, развлекательных программ-шоу разного толка, программ «гастрономических» и других.

Доминанта эгоистического благополучия, потребительство в сложившейся социокультурной ситуации, когда «вещь» становится мерой человека, в противоположность той гуманистически осмысленной идеи, «что именно человек является мерой всех вещей»; утрата идеалов, основополагающих ценностей общества, духовности, культурная агрессия чужих культур, изменение ценностной системы, ценностного ядра национальной культуры, когда она становится не равной себе, неаутентичной, влияние, доминирование массовой культуры и отсутствие духовных лидеров или их непроявленность, или невостребованность определяют кризисное состояние культуры.

Механизмами, провоцирующими кризисное состояние культуры, яв-ляются активное внедрение ценностей американской жизни, внедрение западного образа жизни, образовательных стандартов, не соответствующих национальным традициям образования, внедрение форм массовой культуры; внедрение через различные формы массовой культуры символов, олицетворяющих успешность жизни западного образца, и формирование нерефлексивного отношения к жизни: главное — комфорт, деньги, развлечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, В.С. Массовая и элитарная культура/В.С. Березин // Октябрь, 2000, №1. — С. 176-189.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры/Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е.А. Самарской. — М.: Республика, 2006. — 269 с.
3. Гибелев, И.В. Массовая культура: Теория и современность/И.В. Гибелев. — Белгород: БГТУ, 2005. — 111 с.
4. Дарк, О. Принесенные в жертву (о массовой литературе, ее читателях и ав-торах)/О. Дарк // Звезда. — 1998. — №12. — С. 176-187.
5. Дуков, Е.В. Современные цивилизационные процессы и массовая культура/Е.В. Дуков // Обсерватория культуры. — 2004. — №3. — С. 28-34.
6. Костиков В. Обналичка культуры// Аргументы и факты, №46, 2007. — С. 5.
7. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества/А.В. Костина. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 352 с.
8. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества/Г. Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. — М.: «Издательство АСТ», 2003. Гл. Одномерный человек. — С. 251-324.
9. Массовая культура на рубеже веков: Сб. ст. — М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 261 с..
10. Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность/сост. Логунов А.П. — М.: РГГУ, 2004-307 с.
11. Орлова, Э.А. Социокультурное пространство массовой культуры/Э.А. Ор-лова // Обсерватория культуры. — 2004. — №3. — С. 4-11.
12. Разлогов, К.Э. Глобальная и /или массовая?/К.Э. Разлогов // Общественные науки и современность — 2003. — №2. — С. 143-156.
13. Разлогов, К.Э. Дар или проклятие? Проблемы массовой культуры/К.Э. Разлогов. — М.: Прогресс, 1994. — 344 с.
14. Разлогов, К.Э. Культура для необразованных?/К. Э Разлогов // Общественные науки и современность. — 1990. — №4. — С. 143-156.
15. Семенов, В.Е. Массовая культура в современном мире/В.Е. Семенов. — СПб., 1991. — 326.
16. Теплиц, К.Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек/К.Т. Теплиц. — М.: ИНИОН РАН, 1996. — 284 с.
17. Теория культуры: учебное пособие/под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. — СПб.: Питер, 2008. — 592 с.
18. Тоффлер Э. Шок будущего. — М.: Изд-во АСТ, 2001. — С. 385.
19. Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции // Общественные науки и современность. — 1998. — №6. — С. 142.
20. Чередниченко Т. Радость (?) выбора (?) // Новый мир. — 1999. — №1. — С. 125-136.
21. Шапинская Е.Н. Массовая культура XX века: Очерк теорий // Полигнозис. — 2000. — №2. — С. 24-37.

Бондаренко О. В., Олиферова О. С.
Ms O.V.BOndarenko, Ms.O.S.Oliferova

08.00.05

ДЕФОРМАЦИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
WAGE DEFORMATION AS A WELL-BEING REDUCTION FACTOR FOR COUNTRY'S POPULATION

Бондаренко Оксана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: kseniy-72@mail.ru.
Oksana V. Bondarenko – PhD in Education, Associate Professor at the Department of Theory of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: kseniy-72@mail.ru.

Олиферова Ольга Сергеевна — старший преподаватель кафедры экономической теории Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: bucja@mail.ru.
Olga S. Oliferova – Senior Lecturer at the Department of Theory of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: bucja@mail.ru.

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать структуру и динамику денежных доходов населения России с целью выявления актуальных проблем в сфере оплаты труда. В первую очередь это проблемы, связанные с отставанием минимального размера оплаты труда (МРОТ) от прожиточного минимума; чрезмерной межотраслевой и региональной дифференциацией заработной платы; снижением доли тарифной ставки в оплате труда. Данные проблемы негативно влияют не только на уровень благосостояния населения, но и на развитие экономики страны в целом.

Summary: The paper attempts to analyze the composition and behaviour of money income of Russian population in order to reveal urgent issues in area of labour remuneration. First of all, these are the issues connected to a) a gap between the minimum wage (MW) and the living minimum wage; b) excessive sectoral and regional wage differentiation; c) decrease of wage rate share in the remuneration of labour. These problems have a negative effect upon not only the wellbeing of population, but also on the development of country's economy in general.

Ключевые слова: доходы населения, структура доходов, заработная плата, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, дифференциация заработной платы, тарифная ставка.

Keywords: personal sector, composition of income, wage, minimum wage, living minimum wage, wage differentiation, wage rate.

Доходы населения, их уровень и структура, источники получения и степень дифференциации являются важнейшими показателями экономического и социального благополучия общества.

За годы рыночных преобразований (1992-1998 гг.) имели место значительные потери реального содержания средних доходов, заработной платы и пенсии. К концу этого периода, при падении ВВП до 60% от уровня 1991 г., реальная заработная плата и пенсия сократились более чем в 3 раза, а доходы снизились до 42%. Восстановление дореформенного уровня доходов было достигнуто лишь к концу 2005 г., а заработной платы — к концу 2006 г. [1]. Кризисный 2008 г. стал периодом очередного падения реальных доходов и заработной платы.

Материальную обеспеченность населения характеризуют совокупные доходы, включающие в себя денежные доходы по всем источникам поступлений (оплату труда, социальные трансферты, доходы от собственности и доходы от предпринимательской деятельности). Сопоставление денежных доходов и заработной платы показывает, что величина среднедушевых денежных доходов в 1995 и 1999-2000 гг. превышала средний размер начисленной зарплаты, а в 2003-2008 гг. лишь немного не дотягивала до него, тогда как в 1970-1980-е гг. среднедушевые денежные доходы были на 30-40% ниже среднего размера начисленной заработной платы. Это свидетельствует о возрастании роли других видов доходов домохозяйств, а также о снижении числа иждивенцев (снижение числа детей в семьях, введение системы мер по поддержке семей с детьми). Однако в последние два года величина среднедушевых доходов довольно быстро уменьшалась по отношению к средней начисленной зарплате, составив в 2008 г. 88%.

Анализируя структуру доходов населения (см. табл. 1), можно отметить, что, как и во всех индустриаль-

Материал поступил 23. 01. 2010 г.

ных странах, в России трудовые доходы (оплата труда и предпринимательский доход) составляют основу денежных поступлений, но роль предпринимательской деятельности и доходов от собственности невелика. Начиная с 1995 г., доля доходов от предпринимательской деятельности неуклонно снижается, что свидетельствует о наличии существенных проблем в развитии предпринимательства (административные барьеры, недостаточно развитая инфраструктура поддержки, частые изменения нормативно-правовой базы и т. д.). Число получателей предпринимательских доходов является относительно небольшим (не более 4,6 млн человек) [2]. Удельный вес доходов от собственности также имеет тенденцию к снижению за последние три года. В развитых странах доходы от собственности и предпринимательской деятельности являются значимым ресурсом для 20-25% населения. В России, согласно результатам обследования, проведенного в 2007 г. независимым институтом социальной политики (участвовало 11 117 тыс. россиян), только 2% всех домохозяйств отмечают наличие такого источника денежных поступлений, как доходы от собственности. Логично предположить, что финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., повлечет за собой масштабную трансформацию моделей благосостояния, опирающихся на доходы от собственности, особенно для наименее обеспеченных участников фондового рынка и получателей доходов от недвижимости. Если кризис будет иметь затяжной характер, то следует ожидать дальнейшего сокращения численности населения, получающего доходы от собственности.

Таблица 1

Структура денежных доходов населения [3]
В процентах

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Денежные доходы — всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:									
доходы от предпринимательской деятельности	8,4	16,4	15,4	12,0	11,7	11,4	11,1	10,0	10,0
оплата труда	73,6	62,8	62,8	63,9	65,0	63,3	65,0	67,5	68,6
социальные выплаты	14,3	13,1	13,8	14,1	12,8	12,7	12,0	11,6	12,8
доходы от собственности	1,0	6,5	6,8	7,8	8,3	10,3	10,0	8,9	6,6
другие доходы	2,7	1,2	1,2	2,2	2,2	2,0	1,9	2,0	2,0

Согласно данным, приведенным в таблице 1, за последние годы увеличивается доля оплаты труда в совокупных доходах населения. Именно заработная плата является главным источником благосостояния наёмных работников и членов их семей. К концу февраля 2009 г. численность работающих по найму составила 69,2 млн человек [2]. Социальные трансферты, предпринимательские доходы и доходы от собственности обеспечивают доходы, которые по своей величине не достигают и половины тех доходов, которые даёт оплата труда.

Особенность оплаты труда как экономической категории заключается в том, что она призвана выполнять ряд важных функций, в том числе воспроизводственную и мотивационную. Степень реализации воспроизводственной функции определяется размерами оплаты труда, реальная величина которой в настоящее время снижается. Стимулирующая (мотивационная) функция предполагает способность оплаты труда направлять интересы работников на достижение требуемых результатов труда (качественных и количественных). К сожалению, в настоящее время зачастую величина заработной платы не является строго зависимой от фактических результатов труда работника, его квалификации и профессионализма.

Деформации заработной платы в условиях рыночных преобразований выражаются не только и не столько в нарушении воспроизводственной и стимулирующей функций. Несмотря на оптимистические официальные показатели динамики номинальной заработной платы за последние годы, следует признать снижение ее реального содержания и чрезвычайно низкую цену рабочей силы в нашей стране по сравнению с другими экономически развитыми странами. Низкая заработная плата ведет к сокращению спроса населения, особенно на качественные товары и услуги, к свертыванию наукоемких производств, к замедлению инновационного развития отечественной экономики. При низкой цене рабочей силы возникает экономическая возможность, и даже необходимость замещения дорогостоящего оборудования и машин дешевой рабочей силой. Устраняется стимул к росту эффективности производства, повышению его конкурентоспособности на мировом рынке товаров и услуг.

Актуальной проблемой в сфере оплаты труда является отставание МРОТ от прожиточного минимума. На протяжении последних 19 лет МРОТ составлял от 10 до 80% прожиточного минимума, что характерно для стран с самым низким уровнем минимальной зарплаты. Несмотря на существенное повышение величины МРОТ (4430 р.) с января 2009 г. и попытки регионов самостоятельно устанавливать свои размеры минимальной оплаты труда выше федерального уровня, МРОТ не достигает величины прожиточного минимума (5083 р. в целом по стране в первом квартале 2009 г.) в силу более быстрого роста цен на жизненно необходимые товары и услуги. Так, например, минимальная зарплата, установленная на территории Хабаровского края с 1 января 2009 г., равна 5629 руб., что составляло лишь 71% от прожиточного минимума, определённого на первый квартал текущего года в данном регионе.

Минимальная зарплата, законодательно установленная ниже прожиточного минимума, деформирует механизм функционирования рынка труда, создает возможности для искусственного занижения официального заработка и уплачиваемых налогов, увеличивает число претендентов на социальную помощь, дестимулирует технико-технологическое переоснащение производства.

Вместе с тем правомерно возникает вопрос: целесообразно ли в качестве критерия формирования МРОТ использовать прожиточный минимум? Такая практика определения МРОТ, основывающаяся на нормативно заданном размере, используется в странах с низким уровнем заработной платы, где большая часть населения расходует на продукты питания основную часть семейного бюджета. Существенным недостатком этого метода является скудость набора учитываемых потребностей (особенно образовательных, медицинских, культурных), в результате граждан лишают возможности развивать свой культурный и образовательный потенциал. Нормативно заданный размер минимальной заработной платы стал применяться в нашей стране на этапе шоковых реформ в начале

90-х гг, как тогда предполагалось на срок не более года-двух.

Другим недостатком указанного метода является то, что прожиточный минимум, используемый в качестве ориентира для установления МРОТ, не учитывает какой-либо иждивенческой нагрузки. Другими словами, бюджет прожиточного минимума не позволяет обеспечивать даже простое воспроизводство работников, имеющих детей, что в условиях кризисной демографической ситуации в нашей стране крайне опасно.

Способствует фактическому снижению величины оплаты труда и изменение концепции МРОТ в связи с вступившим в силу Федеральным законом № 54-ФЗ от 01.09.2007 г. Согласно данному закону, была отменена вторая часть ст. 129 ТК РФ, устанавливавшая, что МРОТ выплачивается за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда, и не включает доплаты и надбавки, премии и другие поощрительные выплаты, а также выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, за работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, иные компенсационные и социальные выплаты.

Наряду с рассмотренными выше проблемами оплаты труда, следует указать чрезмерную дифференциацию этого вида трудовых доходов населения. С самого начала осуществления экономических реформ дифференциация заработной платы по отдельным отраслям экономики и промышленности, а внутри них — по профессионально-квалификационным группам работников начала расти, и достигла в настоящее время существенных размеров, которые далеко не всегда обоснованы объективными характеристиками трудового процесса и значимостью сфер приложения труда. Так, несмотря на тенденцию снижения межотраслевых различий в оплате труда, наблюдающуюся в последние годы, они остаются значительными, составив в 2008 г. около 5 раз (наиболее высокая средняя заработная плата в финансовой сфере, наиболее низкая — в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве). Региональные различия в уровнях оплаты труда составили в 2008 г. 5,8 раза (лидировали регионы добычи нефти, газа и других полезных ископаемых, расположенные на Крайнем Севере, а также Тюменская область) [2].

В последнее время между наёмными работниками и работодателями часто стали возникать конфликты, связанные с долей тарифной ставки (должностного оклада) в оплате труда. Рабочие и специалисты, поддерживаемые профсоюзами, настаивают на увеличении этой доли, видя в этом своего рода минимальную социальную защиту. Ещё с советских времён в сознании работников крепко укоренился принцип: если работник прямо не виновен в производственных упущениях, то меньше тарифа ему не заплатят. С другой стороны, именно при установлении размера тарифной ставки учитываются квалификация, опыт работы, условия труда. При низкой доле тарифа, по мнению наёмных работников, занижается оценка их профессионального мастерства и производственного опыта. Вместе с тем, согласно трудовому законодательству, целый ряд льгот и компенсаций за условия труда устанавливается в процентах к тарифной ставке. Следовательно, чем больше её размер, тем весомее льготы и компенсации.

Позицию наёмных работников в этом вопросе разделяют и представители научных кругов, видя в повышении удельного веса тарифной ставки в оплате труда средство лучшего управления доходами населения и повышения заинтересованности работников в высокопроизводительном и более сложном квалифицированном труде.

На федеральном уровне эти требования вылились в борьбу за увеличение МРОТ и доведение его до прожиточного минимума. При этом предполагается, что в МРОТ не должны включаться доплаты и надбавки, которые в настоящее время, по данным Центра социально-трудовых прав, у бюджетников, например, составляют 40-120% оклада.

Работодатели придерживаются иного мнения: увеличивая переменную часть зарплаты, можно добиться более тесной связи её величины с результатами работы, поскольку в условиях рынка деньги выплачиваются за реально произведённую продукцию. Установленный при найме уровень оплаты труда, по мнению работодателей, обеспечивается выплатой всех элементов заработной платы, в том числе надбавок, доплат, премий и вознаграждений. Позиция работодателей восторжествовала — она закреплена в новом определении МРОТ.

Введение с конца 2008 г. в федеральных бюджетных учреждениях новой системы оплаты труда предусматривает структуру заработной платы, включающую следующие элементы: базовую часть, компенсационные и стимулирующие надбавки. При этом планируется, что на выплату стимулирующих надбавок будет направляться до 50% фонда оплаты труда. По нашему мнению, уменьшение доли тарифа в оплате труда ведёт к ещё большему перевесу сил в пользу работодателя и незащищённости наёмных работников.

Заработная плата как основной источник формирования доходов населения является ключевым показателем уровня и качества жизни, здоровья нации в целом. Поэтому отношение к оплате труда со стороны государства и бизнеса должно быть адекватным её значимости, то есть внимательным, справедливым и ответственным. Правильно организованная и продуманная система оплаты труда может существенно помочь в развитии страны, регионов и предприятий. В связи с этим представляется целесообразным включение оплаты труда (наряду с пенсионным обеспечением, образованием, здравоохранением) в разряд официальных приоритетов социальной политики, а также придание оптимизации системы оплаты труда статуса Национального проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малева, Т. Социальная модернизация и средний класс/Т. Малева, Л. Овчарова. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета — Высшей школы экономики № 381-38215-30 июня 2009. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381.
2. Щербакова, Е. Рубрика «Российский демографический барометр». Электронная версия бюллетеня Население и общество. Институт демографии Государственного университета — Высшей школы экономики № 373-37413-30 апреля 2009. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/barom04.php.
3. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru

Каткова Е. Н., Павлов Р. В.
E.N.Katkova, R.V.Pavlov

08.00.05

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА ГОРОДА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА
IMPACT OF TODAY'S CONDITIONS FOR LABOUR MARKET FORMATION IN THE CITY UPON PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG SPECIALISTS

Каткова Елена Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре). E-mail: elenakatkova@mail.ru.
Elena N. Katkova — PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology at the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: elenakatkova@mail.ru.

Павлов Родион Владимирович — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: radionpavlov@hotmail.ru.
Rodion V. Pavlov — PhD in Economics, Senior Lecturer at the Department of Economics and Finances of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: radionpavlov@hotmail.ru.

Аннотация: Авторами статьи затронуты вопросы интеграции наук экономики и психологии, на стыке которых возникла самостоятельная отрасль науки, названная «эконо-мической психологией», позволяющая изучать экономическое сознание человека как субъекта экономической деятельности. Проведён контент-анализ рынка труда г. Комсомольска-на-Амуре, показавший непростое положение молодых специалистов с высшим педагогическим и экономическим образованием. Сделаны выводы о необходимости формирования адаптивной и конкурентноспособной личности путем инвестиций в человеческий капитал, через систему высшего образования, формирующую молодого специалиста.

Summary: The paper raises the question of integration of economic sciences and psychology, on the border between which an independent branch of science called the «economic psychology» sprang up that concerns itself with the study of economic awareness of man as an economic actor. Carried out was the content analysis of labour market in the city of Komsomolsk-on-Amur, which showed that young professionals with degrees in education and economics are in rather dire situation. A conclusion is made that we need to help our graduates become more adaptive and competitive personalities, by means of investing in the human capital through the system of higher education that finalizes the development of a young professional and lets him/her out in the world.

Ключевые слова: экономический кризис, экономическая психология, рынок труда, безработица, образование, выпускник вуза, молодой специалист, человеческий капитал, личность.

Keywords: economic crisis, economic psychology, labor market, unemployment, education, graduate, young professional, human capital, personality.

Вопрос о том, как мы отражаем экономическую реальность, кажется на первый взгляд банальным, а механизм внутренней регуляции экономического поведения представляется естественным. Несмотря на кажущуюся простоту, эти процессы сложны, скрыты и требуют последовательного научного изучения. В мировом сообществе активно происходят интегративные процессы: вступление многих стран в экономические союзы, тенденция к созданию единого мирового образовательного пространства, в которое постепенно входит российская система образования. Данные факты свидетельствуют о возможности здоровой конкуренции наших специалистов на западном рынке труда. Современная наука также стремится к интеграции и системности научного знания. Экономика — наука об отношениях людей по поводу хозяйствования, но поскольку она описывает эти отношения прагматично, рационально, упрощенно, на языке вещей и цифр, возникает необходимость в ее содружестве с психологией. Как результат интеграции научного знания на стыке политической эко-

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

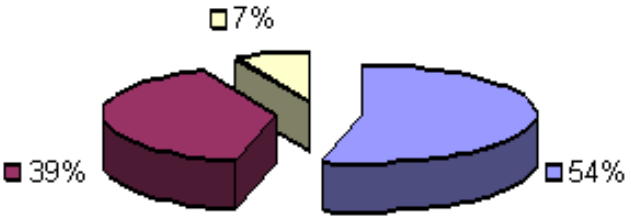


Рис. 1. Требуемый уровень образования на рынке труда Хабаровского края (2009 г.): 54% — образование не требуется; 39% — высшее образование; 7% — среднее специальное образование

номии и частных экономических наук, с одной стороны, и социальной психологии, с другой стороны, возникла и требует дальнейшего развития новая дисциплина — экономическая психология. Экономическая психология — это психология хозяйствующего субъекта. Им может быть один человек, семья, организация, государство или нация. Необходимость развития данного направления психологического знания подчеркивалась на 12-м Международном конгрессе психологии в Праге, который проходил в 2007 году. Многие ученые подчеркивали значимость этой относительно новой науки для будущего развития человечества. Экономическая психология в целом рассматривает «психологическое поле» экономики, то есть воздействие экономической информации на личность через призму ее восприятия, а также психологическое содержание понятия «экономическая мечта» как продукта воображения и стрессовые переживания личности в условиях экономического кризиса. В своей знаменитой монографии «Капитал» К. Маркс [4] возвеличил экономику, а экономический способ производства определил главенствующим в развитии общественно-экономических формаций. И в то же время именно человека К. Маркс признает основной производительной силой общества. Возникает вопрос: почему только производительной, а не познающей, организующей и направляющей? Деформации в раскрытии и реализации человеческих способностей и неясное их научное обоснование в экономическом пространстве тормозят прогресс способов производства и сознания.

Говоря экономическим языком, система воспитания и образования создает, формирует и развивает человеческий капитал, в связи с этим актуальной становится проблема оценки эффективности и критериев, лежащих в основе проектирования образовательных систем. Психологическая интерпретация данной проблемы отвечает отечественному подходу к образованию. Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском образовании в России» требует «удовлетворения потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии» [5]. Анализ причин общего экономического развития в мире указывает на то, что основным сырьем мировой экономики становится информация. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр отмечал: «Экономика, основанная на знаниях, означает, что главный ее ресурс — люди. Старая идея равенства в смысле одинакового подхода заменена идеей одинаковой ценности каждой личности. У каждого есть свой потенциал, наша общая задача — развивать его» [1, 105]. Следовательно, высшая школа реализует цели, соотносящиеся с современными экономическими критериями, поскольку большая часть прироста сегодняшнего производства осуществляется за счет эффективного использования трудовых ресурсов, повышения их качественных характеристик (образования, квалификации, мастерства). Если в сфере материального производства и в сфере услуг совершенно определенно речь идет о потребностях непосредственного клиента, заказчика, то в сфере образования однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно, поскольку здесь в единстве проявляются интересы и государства, и общества, и личности. Нельзя забывать о том, что переход нашей страны в систему рыночной экономики породил ряд проблем на уровне макроэкономической неста-бильности. Ситуация повальной безработицы коснулась нашей страны во время мирового экономического кризиса 2008-2009 гг., которая и породила кризис на рынке труда г. Комсомольска-на-Амуре.

Мониторинг рынка труда г. Комсомольска-на-Амуре на протяжении 4 лет (с 2006 по 2009 гг.) обнаружил влияние мирового экономического кризиса, которое отчетливо прослеживается в предложениях работодателей. С января по июнь каждого года мы проводили контент-анализ текстов объявлений о вакансиях по периодической печати города и Интернет-сайтов г. Комсомольска-на-Амуре. Обобщенные данные мы приводим в таблице 1, в которой предлагаемые вакансии представлены иерархично по частоте встречаемости в объявлениях.

Таблица 1

Результаты анализа рынка труда г. Комсомольска-на-Амуре за период 2006-2009 гг.

Годы	Вакансии	Требования к претендентам в порядке значимости для работодателя
2006	1 место — продавцы и менеджеры; 2 место — специалисты в области строительства; 3 место — бухгалтеры	Личностные качества: ответственность, коммуникабельность. Профессиональные требования: опыт и стаж работы.
2007	1 место — продавцы и менеджеры; 2 место — специалисты в области строительства; 3 место — водители	Личностные качества: ответственность, коммуникабельность, активность, гибкость, целеустремленность. Профессиональные требования: опыт и стаж работы.

2008	1 место — водители; 2 место — продавцы; 3 место — специалисты в области строительства	Личностные качества: ответственность, коммуникабельность, внимательность, дисциплинированность. Профессиональные требования: опыт и стаж работы, знание специализированных компьютерных программ, личный автомобиль, высшее образование, резюме.
2009	1 место — водители; 2 место — продавцы; 3 место — неквалифицированные разнорабочие	Личностные качества: исполнительность, ответственность, коммуникабельность. Профессиональные требования: резюме, опыт и стаж работы, обязательное высшее образование, проживание в конкретном районе города, личный автомобиль, знание специализированных компьютерных программ.

Как видно из таблицы 3 к 2009 году ситуация на рынке труда изменилась, наиболее востребованными стали квалифицированные специалисты на неквалифицированный труд, при этом требования работодателей к соискателям начали усиливаться примерно с 2008 года, в период начала экономического кризиса. Среди обязательных документов стало необходимым резюме соискателя.

С психологической точки зрения такие требования работодателя в период кризиса вполне естественны, так как в условиях ограниченности рабочих мест и высокой конкуренции специалистов равного уровня сами работодатели среди претендентов видят потенциальных конкурентов. Работодатель сегодня находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, нужно принимать специалистов высокого класса для того, чтобы выжить в кризисное время, с другой стороны, этим специалистам нужно обеспечить высокую зарплату, и в то же время претенденты высокого класса могут в будущем сместить того человека, который принимал решение о приеме на работу данного соискателя. Кроме этого, анализ рынка труда Хабаровского края за 2009 год по Интернет-источникам показал требуемый уровень образования, который выстроился в следующем соотношении (см. рис. 1): в 54% объявлений образования не требуется, в 39% случаев требуется высшее образование соискателя и только в 7% случаев требуется среднее специальное профессиональное образование. Не секрет, что сегодня происходит девальвация высшего образования. Опросы студентов о мотивах поступления в вузы и выбора определенной специальности четко прослеживают доминирование внешней мотивации — получение диплома о высшем образовании.

Приведенные результаты показывают, что группой риска на рынке труда по-прежнему остаются молодые специалисты с высшим образованием, которые не имеют стажа работы. В этой связи возрастает значение экономической психологии, так как она позволяет практикам изучать экономическое сознание человека как субъекта экономической деятельности. С нашей точки зрения основным интегративным понятием экономической психологии должно явиться понятие «человеческого капитала».

Первооткрыватели человеческого капитала как целостной концепции Т. Шульц и Г. Беккер [2] основное внимание обращали на инвестиции в человеческий капитал и оценку их эффективности. В. Н. Костюк [3], исследуя социоэкономические процессы, определяет человеческий капитал как индивидуальную способность человека, позволяющую ему успешно действовать в условиях неопределенности. Опираясь на классификацию В. Т. Смирнова (см. прим. 1), с точки зрения экономической психологии структуру человеческого капитала можно представить следующим образом (см. табл. 2). Система воспитания и образования создает, формирует и развивает человеческий капитал, в связи с этим актуальной становится проблема проектирования образовательных систем и новых методов подготовки молодых специалистов, трудоустраивающихся после окончания вуза. На первый план выходят психологические и профессиональные ресурсы личности, которые могут обеспечить достойную конкуренцию на рынке труда среди равных соискателей.

Таблица 2

Структура человеческого капитала с точки зрения двух наук

Структура человеческого капитала	Область психологии	Область экономики
Типы человеческого капитала	Неликвидный капитал (неотчуждаемые виды человеческого капитала)	Ликвидный капитал (отчуждаемые виды человеческого капитала)
Перечень видов человеческого капитала	Капитал здоровья (биофизический) Культурно-нравственный Трудовой Интеллектуальный Организационно-предпринимательский	Социальный Клиентский (бренд-капитал) Структурный Организационный

Предметом нашего исследования явилась специфика трудоустройства выпускников и молодых специалистов двух высших учебных заведений г. Комсомольска-на-Амуре: ФГОУВПО «АмГПГУ» и ГОУВПО «КнАГТУ». Примерно с 2002 года во многих высших учебных заведениях России начали организовываться центры по трудоустройству выпускников с целью оказания помощи молодым специалистам в поиске работы по полученной специальности. В КнАГТУ с 2005 года существует Центр карьеры, который отвечает за одно из направлений деятельности вуза — трудоустройство выпускников. Основную нагрузку в поиске вакансий для своих выпускников выполняют факультеты и выпускающие кафедры. С 2006 года в АмГПГУ существует Центр профориентации и трудоустройства, который выполняет ту же функцию в деятельности вуза. Контроль за трудоустройством выпускников осуществляется на уровне факультетов. Решением ученого совета АмГПГУ в 2006 г. введена дисциплина «Эффективные технологии трудоустройства» (в качестве обязательной для 5-х курсов) и закреплена за общеуниверситетской кафедрой психологии (см. прим. 2). Учебная работа кафедры психологии АмГПГУ со студентами выпускных курсов показала, что у многих выпускников доминируют «размытые» представления о том, как нужно действовать на рынке труда.

Цель нашего исследования состояла в выяснении возможных причин неудачного трудоустройства выпускников в условиях экономического кризиса, а также в уточнении специфики трудоустройства выпускников разных вузов на одном рынке труда г. Комсомольска-на-Амуре. В эмпирическом исследовании (январь-май 2009 г.) приняли участие студенты выпускных курсов АмГПГУ экономических и педагогических специальностей общей численностью 204 человека. Студенты 5-го курса КнАГТУ экономических специальностей в количестве 20 человек. Молодые специалисты 1-го года работы (выпуск 2008 г.): КнАГТУ — 100 человек (выпускники факультета экономики и менеджмента); АмГПГУ — 62 человека (выпускники экономического факультета — 30 человек и выпускники физико-математического, естественно-географического факультетов педагогических специальностей — 32 человека). Психологическое тестирование всех испытуемых по методике Дж. Голланда обнаружило сформированный профессиональный тип личности в зависимости от осваеваемой специальности. В таблице 3 представлены личностные и профессиональные ресурсы выпускников и молодых специалистов педагогических и экономических специальностей двух вузов, которые имеют качественные различия, определяющие их будущий успех в предстоящем трудоустройстве и профессиональной деятельности. Результаты эмпирического исследования (см. табл. 3) обнаружили полное соответствие профессиональной направленности личности испытуемых профессиограмме получаемой специальности. Следовательно, мы можем предположить, если выпускники будут работать по специальности, то они будут успешными в своей области.

Таблица 3

Интегрированная характеристика личностных и профессиональных ресурсов выпускников и молодых специалистов КнАГТУ и АмГПГУ

Типология личности	Выпускники педагогических специальностей	Выпускники экономических специальностей
Специфическая типология	Артистический тип: творческая деятельность в области гуманитарных наук. Предпочтительные сферы деятельности: история, филология, искусство. Социальный тип: стремление поучать и воспитывать, гуманность, способность к сопереживанию. Сферы деятельности: обучение и лечение (врачи, педагоги, психологи). Интеллектуальный тип: аналитический ум, независимость и оригинальность суждений. Сферы деятельности: математика, география, геология, медицина, творческие профессии.	Предприимчивый тип: стремление к лидерству, потребность в признании, предприимчивость. Профессии: дипломат, репортер, менеджер, директор, брокер, кооператор. Конвенциональный тип: предпочтение четко структурированной деятельности, работе по инструкции, определенным алгоритмам, консерватизм, подчиненность, зависимость, следует обычаям. Профессии: бухгалтер, финансист, товаровед, экономист, делопроизводитель, машинистка, канцелярский служащий.
Общая типология	Реалистический тип: несоциальный тип, обладает высокой эмоциональной стабильностью, ориентирован на настоящее. Сферы деятельности: физика, экономика, кибернетика, химия, спорт.	

Ситуация на рынке труда не всегда предоставляет возможность молодым специалистам трудоустраиваться на желаемое место работы. Мы проанализировали результаты трудоустройства выпускников 2008 года, которые приступили к работе. Результаты таблицы 4 говорят о том, что экономические специальности среди молодежи являются престижными и социально желательными. Профессия педагога не столь престижна в сознании молодых специалистов, в качестве основных причин выпускники называют низкую заработную плату и сложность работы с детьми. Однако все желающие работать в сфере образования могут найти себе работу. Среди опрошенных молодых специалистов-педагогов обнаружены те, которые не хотели работать в школе и трудоустроились в другие организации. Все специалисты в области экономики имели желание работать по профессии. Выпускники экономических специаль-

ностей КнАГТУ на рынке труда выглядят престижнее, чем выпускники тех же специальностей АмГПГУ, в сознании работодателей срабатывает стереотип восприятия выпускника педагогического вуза. Высокая конкуренция — это главная причина сложного трудоустройства молодых специалистов экономических специальностей АмГПГУ при достаточно квалифицированной подготовке.

Таблица 4

Показатели трудоустроенности молодых специалистов 1-го года работы в зависимости от желания/нежелания работать по специальности

Показатели трудоустройства	Специалисты экономических специальностей КнАГТУ (n=100)	Специалисты экономических специальностей АмГПГУ (n=30)	Специалисты педагогических специальностей АмГПГУ (n=32)
Кол-во испыт-х, не желающих работать по специальности	0	0	20/62,5%
Кол-во испыт-х, желающих работать по специальности	100/100%	30/100%	12/37,5%
Кол-во трудоустр. испыт-х по специальности из числа желающих работать по специальности	89/89%	10/33,3%	12/100%

Молодые специалисты АмГПГУ кроме системы образования активно трудоустраиваются в другие сферы (МВД, банковская система, торговля, туризм, СМИ, рекламная деятельность и пр.) за счет собственной социальной активности, адаптивности в изменяющихся условиях и карьерного планирования, которое активно внедряется в учебный процесс АмГПГУ через психологические тренинги в рамках спецкурса по трудоустройству. Проблема молодых специалистов КнАГТУ, испытывающих затруднения в поиске работы, в том, что они не умеют «продать» себя работодателям как квалифицированного профессионала в области экономики при высокой теоретической и практической подготовке. Однако хочется отметить, что КнАГТУ занимает лидирующие позиции в Хабаровском крае по организации молодыми специалистами собственного бизнеса (выпуск 2009 г. — 25% предпринимателей). В каждом анализируемом вузе нашего города существуют свои приоритеты на рынке труда. Распространена практика заключения целевых договоров с предприятиями и организациями. КнАГТУ, как правило заключает подобные договоры с градообразующими предприятиями, банками и крупными коммерческими организациями во время поступления абитуриентов в вуз и во время прохождения студентами производственной практики. АмГПГУ заключает договоры в основном с образовательными учреждениями Дальневосточного федерального округа, так как он единственный гуманитарно-педагогический университет на Дальнем Востоке.

Результаты эмпирического исследования четко обозначают цель современного высшего образования — формирование и развитие адаптивной и конкурентоспособной личности выпускника. Это так называемые инвестиции в человеческий капитал молодого специалиста, развитие и применение его способностей ведет к росту производительности труда, к росту доходов, в том числе и к росту его заработков. Под профессиональным становлением всегда понимается индивидуальный, личностный процесс, основным элементом которого является личный выбор. Психическая жизнь цивилизованного человека полна проблем. В конечном итоге, для обретения смысла жизни человек должен решить проблему труда, профессионализма и самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блэр, Т. Новая экономика требует новой системы образования/Тони Блэр //Высшее образование в России. — 2000. — №2. — С. 103-105.
2. Добрынин, А. Н. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования/А. Н. Добрынин, С. А. Дятлов. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.
3. Костюк, В. И. Теория эволюции и социоэкономические процессы/В. И. Костюк. — М.: Едиториал УРсс, 2004. — 220 с.
4. Маркс, К. Капитал. Т. 1/Карл Маркс. — М.: Политиздат, 1967. — 907 с.
5. Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском образовании в России». — Ст. 8.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов В. Т., Скобляков И. В. Классификации и виды человеческого капитала в ин-новационной экономике. Электронный ресурс (371 КБ). Режим доступа: http://www.creativeconomy.ru.
2. См. учебные пособия, изданные в АмГПГУ по проблеме трудоустройства (Каткова, Е. Н. Эффективные технологии трудоустройства: учебное пособие/Е. Н. Каткова, СМ. Ситяева. — Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2008. — 121 с.; Каткова, Е. Н. Эффективные технологии трудоустройства: практикум/Е. Н. Каткова. — Комсо-мольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2008. — 116 с.).

Учёные записки № I-2 (1) 2010
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Симоненко Н. Н., Иванова И. Е.
N.N.Simonenko, I.E.Ivanova

08.00.10

КРЕДИТНЫЙ РИСК — ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННАЯ
CREDIT RISKS ARE A STATE LEVEL PROBLEM

Симоненко Николай Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: Simonenko@knastu.ru.
Nikolay N. Simonenko — Doctor in Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Finances, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: Simonenko@knastu.ru.

Иванова Ирина Евгеньевна — доцент кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: kef@knastu.ru.
Ms. Irina Ye. Ivanova — Associate Professor at the Department of Economics and Finances, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: kef@knastu.ru.

Аннотация: Повышение общего уровня рисков мировой банковской системы, последовавшее за серией крупных финансовых кризисов последних десятилетий, проверяет готовность российских банков к возможному ухудшению качества их активов из-за роста просроченной задолженности по кредитам. Регулятивные требования ЦБ РФ вынуждают банки создавать колоссальные резервы под возможные потери по кредитам, отвлекая прибыль в недоходные активы. Кроме того, снижение прибыли приводит к снижению налоговых поступлений в бюджет, ведь банки являются крупными налогоплательщиками.

Summary: The increase of the general common level of risks of the global bank system that followed a series of large financial crises of last decades has come to test the readiness of Russian banks to cope with possible deterioration of their assets because of the growth of delayed debts under credits. Regulatory requirements of the Central Bank of the Russian Federation compel the banks to set up enormous reserves in case of potential credits losses, which channels their profit into the unlucrative assets. Besides, reduced incomes result in smaller tax revenues to the Federal Budget, as the banking sector in Russia is one of its main tax bearers.

Ключевые слова: кредитный риск, просроченная задолженность, кредитный портфель, резервы.

Keywords: credit risk, overdue payments, credit bag, reserves.

Обрушение рынка ценных бумаг, на котором банки играют активную роль, обращает их к традиционному бизнесу — кредитованию, которое само по себе относится к рискованным банковским операциям.

Доступность краткосрочных финансовых ресурсов банка для заемщиков декларируется самими банками, поскольку кредитный бизнес является приоритетным и прибыльным направлением деятельности банка. Однако возросшие объемы кредитных операций приводят к росту проблемных кредитов, к кредитным рискам, к снижению текущей ликвидности банковских операций. Многие банкиры всерьез опасаются, что вторая волна кризиса будет обусловлена проблемами просроченной задолженности перед банками. При этом реальный сектор экономики испытывает острый недостаток кредитных ресурсов.

Банковская система не готова дать ни низкие ставки, ни кредиты на срок от трех лет для стабилизации, ни новые инвестиционные инструменты. Банки загнали экономику в яму коротких долгов и сейчас получают «отдачу».

Проблемы банковских долгов обусловлены ростом кредиторской задолженности у самих заемщиков. Каково состояние просроченной кредиторской задолженности по состоянию на 1 июля 2009 г. в целом по стране показано в табл. 1.

Данные таблицы 1 показывают, что рост просрочки наблюдается почти по всем видам экономической деятельности, за исключением «производства кожи» (88%). В такой ситуации делать новые долги (занимать у банков) бессмысленно, приходится заниматься старыми. Растущая долговая нагрузка на российских заемщиков, снижение стоимости их активов, рост валютных и фондовых рисков, а также сокращение выручки от экспортных контрактов привели к ухуд-

Материал поступил 18. 12. 2009 г.

Таблица 1

Размер и структуры просроченной кредиторской задолженности по видам экономической деятельности по состоянию на 01.07.09 [1]

	По состоянию на 1.07.09 (млрд. руб.)	В % к		
		июню 2008	маю 2009	итогу
Всего, в том числе	1169,6	135,4	103,9	100
1.Сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота	31,6	101,4	106,1	2,7
2.Рыболовство,рыбоводство	2,4	78,0	181,1	0,2
3.Добыча полезных ископаемых, в том числе:	221,9	143,4	101,0	19,0
3а. Добыча топливно-энергетических полезных иск.	209,9	141,	100,9	17,5
4.Обрабатывающие производства, в том числе:	351,0	154,0	105,9	30,0
4а.Производство пищевых продуктов, включая напитки	25,5	140,8	104,1	2,2
5.Текстильное и швейное производство	5,2	123,2	111,5	0,4
6. Производство кожи, изделий из кожи и обуви	0,7	88,1	100,6	0,1
7. Обработка древесины и производство изделий из дерева	6,7	120,0	102,2	0,6

шению финансового состояния российских компаний и банков.

Ухудшение финансового состояния российских компаний ограничило их возможность выполнять свои обязательства перед кредиторами, в том числе перед банками. В результате просроченная задолженность по банковским кредитам выросла с 1,3% по состоянию на 01.08.08 до 3,6% на 01.07.09.

Сокращение заработной платы и увольнения в ряде отраслей отрази-лись на кредитоспособности физических лиц. Доля просрочки в общем объеме кредитов физическим лицам возросла с 3,3 до 5,1%. Приток вкладов населения и предприятий в банки замедлился (почти на 8%) [6].

В условиях благоприятной конъюнктуры последних лет многие российские компании и банки не заботились об обеспечении непрерывности потоков платежей, поскольку разрывы в потоках ликвидных средств покрывались краткосрочными кредитами на неотложные нужды. Кроме того, на финансовое положение компаний повлияло необоснованное расширение инвестиций в финансовые активы. При ухудшении конъюнктуры финансового рынка обвалы портфелей ценных бумаг снизили запас прочности российских компаний и банков, в результате чего они оказались не в состоянии выполнить свои обязательства. Изменения показателей кредитного портфеля, просрочки и резервов под возможные потери по кредитам по банковской системе РФ по состоянию на 01.07.09 даны на рисунке 1 [2].

Данные рис. 1 свидетельствуют о снижении темпов роста кредитования, увеличении резервов и просрочки. Рост просрочки с позиции требований ЦБ РФ приведет к увеличению отчислений в резервы, а это, в свою очередь, скажется на рентабельности российских банков. По методике ЦБ РФ уровень просроченной задолженности в 10% от кредитного портфеля считается приемлемым, а 25-30% критичным для устойчивости банковской системы.

Данные рис. 2 [8] показывают, что резервы растут

Рис. 1. Изменение кредитного портфеля просрочки и резерва по банкам с различной формой собственности

параллельно просрочке и могут достигнуть 10%. Но большинство финансовых аналитиков считает, что банки реструктурировали (пролонгировали, рефинансировали) около 20% своих портфелей, поэтому показатель просрочки мог быть выше. Основной задачей кредитных организаций сегодня является поддержание кредитного портфеля на докризисном уровне. Стремление банков к снижению кредитных рисков вылилось в ужесточение требований к заемщикам. Кроме того, этого требует и ЦБ РФ. [6]

ЦБ РФ постоянно ужесточает порядок выдачи кредитов. Например, в июле месяце 2008 г. ЦБ РФ направил банкам рекомендации, меняющие порядок формирования резервов на возможные потери по кредитам. Теперь размер резервов должен быть привязан к основным показателям финансово-хозяйственной деятельности заемщика. Если у заемщика снижается выручка по итогам квартала более чем на 20%, то его финансовое положение считается средним, а кредит классифицируется во вторую категорию качества и соответственно по нему формируется резерв не менее 10% от суммы задолженности по кредиту [7].

Многие предприятия и бизнесы имеют специфический производственный цикл именно во временном аспекте, т. е. длительный процесс производства от потребления оборотных средств до получения выручки проходит не один квартал, а полугодие или 9 месяцев. Такие предприятия, которые стремятся развивать собственное производство, испытывают необходимость в кредитах на пополнение оборотных средств и, естественно, не каждый квартал их выручка будет расти. Кроме того, в числе рекомендаций к оценке финансового состояния заемщиков Банк России выделяет следующие показатели:

— располагает ли заемщик складскими помещениями;

— превышает ли выплачиваемая зарплата сотрудников фирмы заемщика прожиточный уровень;

— имеет ли заемщик штатного бухгалтера [7].

Рекомендации Банка России однозначно приведут к дополнительным отвлечениям прибыли банка

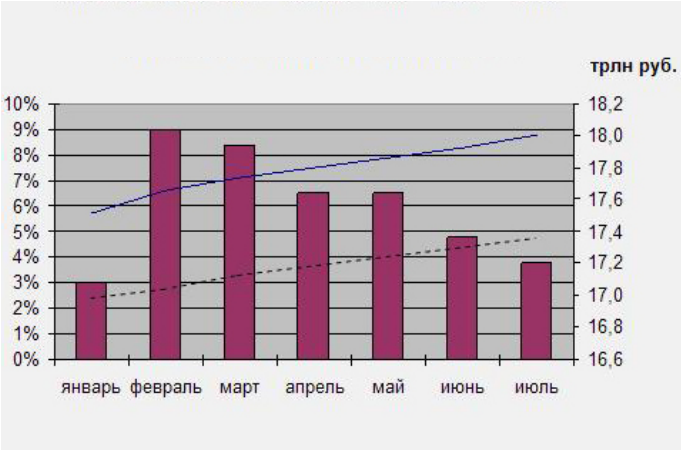


Рис. 2. Динамика кредитного портфеля, просрочки и резерва на возможные потери в 1-м полугодии 2009 г.

на формирование резервов и к снижению дешевых ресурсов для кредитования, а так же затруднят кредитование малого и среднего бизнеса при высоком уровне востребованности кредитных услуг.

Снижение прибыли банков подрывает устойчивость банковской системы, поскольку от величины собственных ресурсов зависит способность коммерческих банков нести риски, которым подвержены большинство банковских операций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков А. Банки требуют унизить рубль/Аксаков А. // Экономика и жизнь газ. — 2009. — 09.№34. — с. 3.
2. Велиева А. Докапитализация банков/Велиева А. // Экономика и жизнь газ.–2009.–08.-№33. — с. 13.
3. Егоров А. Адаптация Российского финансового сектора к кризисной ситуации на мировом финансовом рынке/Егоров А. // Деньги и кредит жур.–2009.–08.-с. 25-30.
4. Новоселова Е. Организация инновационной банковской деятельности, как административного бизнес-процесса/Новоселова Е. // Инновации жур. — 2009.–02.-№2.-с. 35-36.
5. Обухов Н. Экономические кризисы в России/Обухов Н. // Финансы жур.–2009.–09.-с. 64-69.
6. Речкалова Е. Когда спад в банковской рознице перейдет в фазу роста/Речкалова Е. // Банковское дело жур.–2009.–09.-№9.-с. 6-9.
7. Симоновский А. О регулятивных требованиях Центрального Банка РФ к устойчивости банков/Симоновский А. // Деньги и кредит жур.–2009.-09-с. 6-9.
8. Шерман М. Когда и насколько рухнет рубль/Шерман М. // Экономика и жизнь, газ.–2009.–08. — №32.-с. 13.

Смирнова Н. А.
E. A. Smirnova

08.00.05

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
FIRST PRIORITY AREAS OF STATE CONTROL OVER AGRICULTURAL SECTOR

Смирнова Надежда Александровна — преподаватель кафедры экономики и финансов НОУВПО РБИУ (Русско-Британский институт управления), соискатель кафедры экономики и организации сельскохозяйственного производства ГОУВПО ЧГАА (Челябинская государственная агроинженерная академия).
E-mail: marcos76@mail.ru
Ms. Nadezhda A. Smirnova — Lecturer at the Department of Economics and Finances at the Russian-British Institute of Management, PhD Applicant at the Department of Economics and Management of Agricultural Sector, City of Chelyabinsk State Agro-Engineering Academy.
E-mail: marcos76@ mail.ru

Аннотация: В статье автором охарактеризовано современное состояние отечественного сельского хозяйства, рассмотрены последствия диспаритета цен для данной отрасли и определены размеры дефицита средств. С использованием экономико-математической модели в статье обосновывается взаимосвязь уровня жизни населения России и экономических показателей сельскохозяйственных предприятий. Автором предложены дополнительные меры государственной поддержки сельского хозяйства на основе повышения платежеспособности населения.

Summary: The paper outlines the current situation in Russian agriculture, analyses the consequences of price disparity for this sector and determines the deficit of funds values. Using an economic-mathematical model, it is proved that there is a relationship between the standard of living of Russian population and the economic indicators of agricultural enterprises. The author proposes additional measures of state support to agriculture based upon attempts to rise the buying capacity of population.

Ключевые слова: диспаритет цен, государственное регулирование, платежеспособность населения, дифференциация населения, среднедушевые доходы.

Key words: price disparity, state regulation, population buying capacity, population differentiation, per capita income.

Переход от планово-директивной системы хозяйствования к рыночным отношениям вызвал коренные изменения во многих сферах экономики страны. Для многих субъектов хозяйствования эти изменения носили неблагоприятный характер. Так, либерализация цен вызвала резкое ухудшение финансово-экономического положения предприятий сельского хозяйства. Если в 1991 году рентабельность в сельском хозяйстве достигала 43%, а удельный вес прибыльных предприятий был равен 95%, то в 1999 году рентабельность была менее 9%, доля убыточных предприятий превышала 50%. [1, 30]. В течение 2001-2005 годов выручка сельскохозяйственных предприятий ежегодно увеличивалась менее чем на 2% в сопоставимых ценах и опережала прирост затрат лишь на 2,48% при одновременном динамичном приросте дебиторской и кредиторской задолженностей. К 2007 году посевные площади сельского хозяйства уменьшились на 35,1%, или на 41,3 млн га, от уровня 1990 года, а численность крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий сократилась в 2,6 раза. [6, 11].

Особенно остро в сельском хозяйстве встала проблема диспаритета цен. Паритет цен в агропромышленном комплексе представляет собой такое соотношение цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию других отраслей, потребляемую сельским хозяйством, при котором покупательная способность сельхозтоваропроизводителей в отношении этих средств производства и услуг сохраняется на уровне, сложившемся в базовом условно-паритетном периоде. При появлении ценового диспаритета в отраслях АПК происходит ухудшение данного соотношения между ценами, что вызывает, в свою очередь, отраслевое перераспределение финансовых потоков в пользу поставщиков ресурсов для сельского хозяйства. Диспаритет цен также усиливается внутри АПК, т. к. предприятия, осуществляющие переработку продукции сельского хозяйства, зачастую используют свое монопольное положение с целью занижения закупочных и завышения отпускных цен. В дополнение к этому положение усугубляет ценовая политика торговых организаций.

Одним из негативных последствий диспаритета цен стало обострение социальных проблем на селе вследствие низкого уровня оплаты труда. В 2007 году опла-

Материал поступил 04. 12. 2009 г.

та труда на селе составляла лишь 43% от общероссийского уровня, в то время как в 1990 году — 95%. Это привело к сокращению численности работников сельского хозяйства: если в 1990 году в сельском хозяйстве было занято 8 млн человек, то в 2007 году осталось всего 2,8 млн. человек [6, 12].

Недостаточный уровень оплаты труда в сельском хозяйстве подтверждается также данными статистических органов Челябинской области. [7, 62] Исходя из данных, приведенных в таблице 1, средняя заработная плата в Челябинской области составляла в 2007 году 11 897,5 рублей, в то время как оплата труда в сельском хозяйстве находилась на уровне 6 552,5 рубля.

Таблица 1.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по отраслям экономики Челябинской области
(в руб., до 1998 г. — в тыс. руб.)

Отрасли экономики	1995	2000	2007
Промышленность	512,3	2650,4	13 136,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	250	952,6	6 552,5
Строительство	521	2271,2	13 200,6
Транспорт и связь	611,8	2469,2	13 339,5
Торговля, общественное питание	340,4	1332,8	9 860,8
Коммунальные и др. персональные услуги	438,7	1710,3	9 587,3
Здравоохранение и социальные услуги	339,1	1333,9	8 407,5
Образование	303,7	1156,2	7 546,5
Финансовая деятельность	632,2	4912,4	26 893,9
Управление и обеспечение военной безопасности	490,9	3119	15 249,8
Всего в экономике	463,7	2086,2	11 897,5

Таким образом, для того чтобы увеличить материальное стимулирование работников в сельском хозяйстве хотя бы до среднего уровня в экономике, необходимо повысить заработную плату в сельском хозяйстве в 1,82 раза. Исходя из фактически сложившейся структуры затрат в 2007 году, это вызвало бы прирост себестоимости продукции сельского хозяйства в среднем на 18,4%.

Декапитализация сельского хозяйства — это вторая проблема, очень резко проявлявшая себя вследствие диспаритета цен. За время проведения рыночных преобразований общий объем капитальных вложений в народное хозяйство уменьшился в 4 раза, а в АПК — почти в 20 раз. За период 1990-2007 годов количество тракторов уменьшилось с 1,4 млн до 0,4 млн ед., т. е. в 3,5 раза. В 1990 году сельскохозяйственные предприятия располагали 408 тыс. зерновых комбайнов, а в 2007 году их количество снизилось до 110,5 тыс. ед. В пределах срока амортизации находятся только 28% тракторов и 35% зерноуборочных комбайнов [6, 12].

Статистические данные по Челябинской области свидетельствуют о том, что с 1990 по 2007 годы в среднем произошло сокращение количества единиц сельскохозяйственной техники примерно в 5,2 раза. Даже с учетом сокращения объемов производства нагрузка на технику существенно увеличилась: например, по тракторам — в 2,8 раза, по зерноуборочным комбайнам — в 3,3 раза [4, 34; 5, 24]. Т. к. размеры амортизационных фондов не позволяют восстановить технический уровень сельхозпроизводителей, в составе цены должна быть предусмотрена прибыль на эти цели в сумме, превышающей фактические амортизационные отчисления минимум в 3 раза.

Таким образом, для проведения эффективной деятельности сельскому хозяйству должны быть компенсированы потери от диспаритета, а также обеспечены условия дальнейшего функционирования на паритетной основе. Проведенные нами расчеты показали, что с учетом рассмотренных факторов обоснованный объем поступлений сельского хозяйства Челябинской области в 2007 году должен был превышать фактически полученную выручку более чем на 5 млрд р. Если сопоставить эту величину с размером государственной поддержки сельского хозяйства Челябинской области, реализуемой в настоящее время, то можно отметить, что она даже в 2008 году в общем объеме составляла меньшую величину.

Таблица 2.

Финансирование мероприятий Программы реализации национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в Челябинской области на 2008-2012 гг. [3]

Источники финансирования	2008	2009	2010	2011	2012	Всего
Федеральный бюджет	1360,23	628,24	672,79	728,78	782,83	4 172,87
Областной бюджет	2268,67	2082,49	2194,34	2334,53	2480,65	11 360,68
Всего	3 628,9	2 710,73	2 867,13	3 063,31	3 263,48	15 533,55

Данные табл. 2 позволяют сделать вывод о недостаточности реализуемого в настоящее время государственного регулирования сельского хозяйства и необходимости поиска дополнительных направлений его поддержки. Возможности улучшения экономического состояния сельского хозяйства через рост цен на продукты питания в настоящее время также ограничены, т. к. значительная часть граждан не имеет финансовых возможностей приобретать продовольствие по более высоким ценам. В связи с этим целесообразно рассмотреть параллельный диспаритет, сложившийся в отечественной экономике, а именно диспаритет между доходами и расходами населения.

При планово-распределительной системе государство изымало у населения большую часть заработанных доходов с целью их дальнейшего перераспределения и предоставления гражданам совокупности благ и услуг в централизованном порядке: медицинского обслуживания, жилья, компенсации расходов на отдых, коммунальные и транспортные услуги.

Уровень пенсий был сопоставим с размерами средней заработной платы. Таким образом, изъяв доходы физических лиц в денежном выражении, государство возмещало их расходы в натуральной форме.

За период реформирования экономики произошел огромный разрыв между производством ВВП на одного занятого и заработной платой. Первый показатель сократился на 3,5%, а зарплата — на 11%, т. е. происходило перераспределение добавленной стоимости от работника к собственнику средств производства. Государственная политика в социальной сфере основана на планировании жизни по минимальным стандартам. В настоящее время зарплата на 35% ниже уровня 1990 года [2, 7]. Вместе с тем нужно учесть повышение потребительской нагрузки на доходы населения, т. к. все больше услуг приходится оплачивать из заработной платы и пенсии.

В смешанной экономике условием нормального роста является определенный баланс между прибылями и заработной платой. Во всех промышленно развитых странах располагаемые доходы распределяются более равномерно, чем доходы по факторам, т. е. существуют определенные формы перераспределения от тех, чьи доходы высоки, в пользу тех, чьи доходы низки или вовсе отсутствуют.

В России налицо существенное неравенство между группами домашних хозяйств. Если в Советском Союзе разрыв между крайними 10-процентными децильными группами составлял 4,9 раза, то в настоящее время этот показатель в России достиг 16 раз, а по данным Мирового банка он превышает 20 раз. Причем, существует различие в данном показателе как по регионам страны, так и между отраслями. Мировой опыт развития показывает, что соотношение 1:10 между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения является критическим и приводит к социально-опасной ситуации [2, 8].

Аналогичная ситуация наблюдается и в Челябинской области: 20% населения аккумулировали только 6,4% доходов, в то время как 20% наиболее обеспеченных граждан концентрировали 43,2% всех доходов населения. При этом прослеживается тенденция дальнейшего увеличения степени разрыва в уровнях доходов различных социальных групп населения [7, 66-67].

При этом необходимо учесть неодинаковую степень управляемости разных видов расходов домашних хозяйств. Так, например, транспортные расходы, коммунальные платежи отличаются низкой управляемостью, потому что зависят от установленных тарифов. С данной точки зрения расходы на питание более варьируемые, т. к. в случае увеличения доли слабоуправляемых расходов в структуре совокупных потребительских затрат человек может осуществить замену какого-либо элемента питания белее дешевым и менее качественным продуктом. Таким образом, несмотря на то, что спрос на продовольствие является малоэластичным в зависимости от цен, в России из-за снижения уровня реальных доходов большей части населения физические объемы потребления

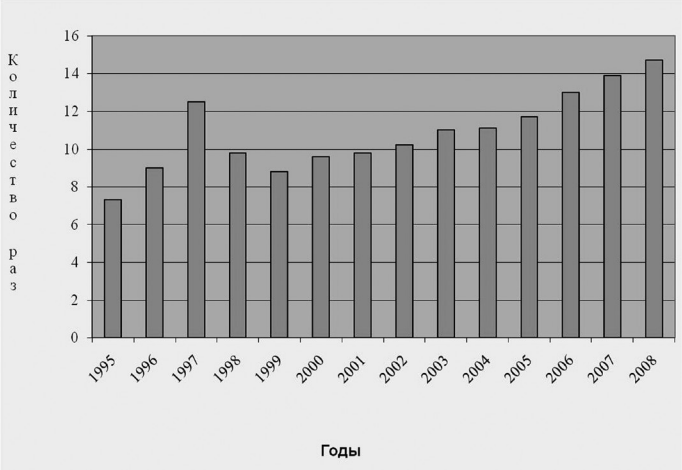


Рисунок 1. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, в разах

продовольственных товаров, особенно мясных и молочных тоже сократились. Следовательно, сложилась ситуация, когда государственное регулирование по повышению платежеспособности граждан приведет к возможностям не только улучшить финансово-экономическое состояние сельскохозяйственных предприятий, но и качество питания значительной части населения.

Для того чтобы при определении направлений государственного регулирования учесть и факторы производства, и факторы потребления сельскохозяйственной продукции, нами была построена экономико-математическая модель на основе системы независимых уравнений:

$$YS = -10870{,}18 + 6{,}07\ X1 + 4{,}92\ X2$$
$$YD = 5458{,}91 + 10{,}31\ X3 - 500{,}40\ X4$$
$$YS = YD$$

В качестве факторов предложения исходя из проведенных нами исследований и расчетов были взяты сводные затраты сельскохозяйственных предприятий Челябинской области (X1) и величина их прибыли (X2). С целью изучения объема потребления в Челябинской области были рассмотрены такие его факторы, как уровень доходов на душу населения (X3) и степень дифференциации доходов (X4), т. к. именно эти факторы в большой степени ограничивают возможности установления в сельском хозяйстве экономически обоснованных цен на продукцию. В качестве связующего показателя между факторами производства и потребления был взят объем розничного товарооборота продовольственного рынка Челябинской области (Y).

Для того чтобы определить, при какой средней величине денежных доходов населения (X3) объем выручки сельскохозяйственных предприятий увеличится на рассчитанную нами сумму, а продовольственный рынок сохранит равновесное положение, необходимо помножить левую часть равенства на средний процент расчетного роста затрат (118,44%), а также увеличить сумму прибыли для создания целевых фондов на восстановление технической базы сельского хозяйства (13,78% от фактических затрат).

Подставив в это равенство данные по рассматриваемым факторам за 2007 год, определим искомый параметр Х3:

— 10870,18 + (1,1844 * 6,07 * 18226,2) + 4,92 * (948 + 0,1378*18226,2) =

= 5458,91 + 10,31 Х3треб — 500,4 * 13,9

Х3треб. = 13451,15 р.

По данным органов государственной статистики, фактическая величина среднедушевых денежных доходов населения Челябинской области в 2007 году составляла 10 650 рублей [7, 61]. Таким образом, требуемый уровень среднедушевых доходов домашних хозяйств, необходимый для покрытия возросших затрат на приобретение продуктов питания, превышает фактические доходы на 2801,15 рубля, или на 26,3%.

В Челябинской области доля населения с доходами ниже среднедушевых в 1995 году составляла 60,8%, а в 2007 году — 64,3% [7, 68]. Следовательно, как минимум 2/3 населения региона не имеет возможности приобретать продукцию сельского хозяйства по тем ценам, которые позволили бы сельхозпредприятиям покрывать свои затраты и получать прибыль.

Кроме того, данная модель позволяет оценить влияние изменения уровня дифференциации доходов населения на состояние продовольственного рынка. Например, при снижении коэффициента дифференциации всего на единицу объем потребления продуктов питания увеличится на 4353,45 млн р.

Yрасч. = 5458,91 + 10,31 Х3-500,4 Х4 =

5458,91+10,31*10 650-500,4 *12,9.

Yрасч. = 108805,25 млн. р., Yфакт. = 104451,8 млн. р.

Исходя из результатов наших расчетов, можно сделать вывод о том, что государственное регулирование сельского хозяйства в современных условиях необходимо дополнить мероприятиями, направленными на повышение платежеспособности населения. Применение данных механизмов воздействия возможно через использование следующих инструментов:

1. введение системы прогрессивного налогообложения денежных доходов населения с целью пропорционально большего изъятия средств в бюджет у граждан, чьи доходы существенно превышают среднедушевой уровень;

2. установление реальной величины прожиточного минимума, который учитывает полный комплекс товаров и услуг по текущим рыночным ценам и реально обеспечивает удовлетворение основных потребностей жизнедеятельности человека;

3. предоставление наименее обеспеченным слоям населения целевых пособий на приобретение продуктов питания. Необходимость данного инструмента регулирования вызвана тем, что в 90-е годы не только сократилось потребление продуктов питания, но и ухудшилось качество продовольственной корзины. В 1990 году уровень и качество питания людей составляли 98% от рекомендуемой медицинской нормы, а в 2005 году потребление мясных и молочных продуктов составляло 65,5% и 77,8% от нормы соответственно. Если учесть, что значительную часть данных продуктов потребляют наиболее обеспеченные граждане, то реальное качество питания основной массы населения еще ниже.

Для применения данного инструмента регулирования возможно использование электронных карточек по типу транспортных или социальных карт, которые позволят определенным группам граждан приобретать дополнительные продовольственные товары по утвержденному перечню. В данный перечень целесообразно включить высококалорийные мясные и молочные продукты, содержание которых в рационе многих граждан в настоящее время крайне недостаточно.

Таким образом, на наш взгляд, максимальные результаты государственная поддержка сельского хозяйства будет иметь только в том случае, если она сочетает мероприятия двухсторонней направленности: поддержку функционирования сельхозпроизводителей в комплексе с поддержкой платежеспособности широких слоев населения. Рост уровня жизни значительного количества граждан приведет к увеличению их покупательных возможностей и повышению платежеспособного спроса на продукцию АПК. Следствием этого станет приток финансовых ресурсов в сельское хозяйство, что позволит осуществлять сельхозпредприятиям рентабельную деятельность, окупая свои затраты и получая прибыль, а со временем даст возможность перейти к расширенному воспроизводству. Из этого следует, что неотъемлемой частью государственной поддержки сельского хозяйства должно стать регулирование параллельного диспаритета, сложившегося в российской экономике, между уровнем потребительских цен и реальными доходами населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев, В.Б. Проблемы финансового и социального оздоровления АПК./В.Б. Киселев // Хранение и переработка сельскохозяйственного сырья, — 2003, — №7. — С. 18,19.
2. Милосердов В.В. Бедность в России: как с ней бороться?/В.В. Милосердов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, — 2006, — №11, — С. 7-9.
3. О внесении изменений в областную целевую Программу реализации национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса в Челябинской области на 2008-2012 годы: Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 25.11.2008 №1445: http://www.chlaws.ru.
4. Основные показатели развития агропромышленного комплекса Челябинской области за 1990-2003 годы: Стат. сб./Челябинскстат, — Челябинск, 2004. — 105 с.
5. Состояние агропромышленного комплекса Челябинской области за 2002-2007 гг.: Статистический сборник/Челябинскстат, — Челябинск, 2008-95с.
6. Шутьков А. Обеспечить продовольственную стабильность России./Шутьков // АПК: экономика, управление, 2008, №6. С. 11-14.
7. 75 лет. Челябинская область. Прошлое и настоящее: Юбилейный статистический сборник/Областное государственное учреждение «Управление информационных статистических ресурсов Челябинской области» — Челябинск, 2008. — 330 с.

Усанов Г. И., Старинов Г. П.
G.I.Usanov, G.P.Starinov

08.00.05

ДЕЛИКТНЫЕ РИСКИ ОРГАНИЗАЦИЙ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ДИАГНОСТИКА И УПРАВЛЕНИЕ
DELICTUAL RISKS FOR COMMERCIAL COMPANIES: IDENTIFICATION, DIAGNOSTICS, MANAGEMENT

Усанов Геннадий Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail: fem@knast.ru.
Gennady I. Usanov — Doctor in Economics, Professor, Head of the Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: fem@knast.ru.

Старинов Геннадий Петрович — доцент кафедры менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, E-mail: fem@knast.ru.
Gennady P. Starinov — Associate Professor at the Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: fem@knast.ru.

Аннотация: В рыночной экономике возрастает экономическая свобода хозяйствующих субъектов. Вместе с этим возрастают хозяйственные риски и число правонарушений, подрывающих общественную стабильность имущественных правоотношений и правовых гарантий. В связи с этим целесообразно в общей системе хозяйственных рисков отдельно выделить и исследовать специфическую их категорию, назовём её «деликтные риски».

Summary: In market economy the economic freedom of economic actors increases. At the same time economic risks and the number of crimes undermining the social stability of property legal relations and legal protection also raise. Due to this fact, it seems appropriate to mark out two of the economic risks and study them separately: they can be called “delictual risks”.

Ключевые слова: Деликтные риски

Keywords: delictual risks.

Подобно США в начале XX века, Россия в конце 90-х годов прошлого столетия, осуществляя переход на рыночную модель хозяйствования, столкнулась с небывалым ростом хозяйственных рисков. В десятки раз возросло количество рисков потери имущества организаций и предприятий в форме отчуждения собственности: краж, хищений, растрат, присвоения, коммерческого подкупа, взяточничества, вымогательства, заказных убийств, разбоя, бандитизма, мошенничества, коррупции, должностного подлога, шантажа, рейдерства и т. д.

В результате недееспособности или умышленных действий потребителей и поставщиков, противоправных методов ведения конкурентной борьбы конкурентами, давления организованных преступных группировок, коррумпированных оргструктур государственного и отраслевого управления федерального, регионального и муниципального уровней ресурсы всех экономических систем от государственной до первичного хозяйствующего звена истощались, а потери возрастали, снижая доходность любой деятельности. Убыточность функционирования, отчуждение собственности посредством фиктивного банкротства и рейдерского захвата получили массовое распространение.

Борьба с коррупцией, организованной преступностью и другими хозяйственными рисками в России неоднократно возводилась в ранг важнейших государственных задач. К сожалению, несмотря на очевидные успехи в этой области, решить эту проблему институциональными методами государственного управления в современных условиях не представляется возможным. Назрела необходимость создания новых механизмов управления хозяйственными рисками самих субъектов бизнеса. Современная практика хозяйствования уже изобилует примерами создания собственных служб безопасности, частных охранных предприятий и т. п.

В теории управления экономическими системами относительно недавно уже выделилось научное направление, получившее название «риск-менеджмент», объектом управления которого являются чистые и спекулятивные в основном финансовые риски. К сожалению, область хозяйственных рисков, в традиционных классификациях называемых «криминальными» или «прочими производственными рисками», значимость которых существенно возросла в настоящее время, остаётся всё ещё малоизученной.

Материал поступил 02. 02. 2010 г.

Экономические системы крупного и среднего бизнеса в процессе акционирования сохранили, а в последующем развили в своих структурах службы и подразделения, основной функцией которых является предупреждение рисковых событий. Нарождающиеся же малые предпринимательские структуры обретали опыт функционирования в условиях все возрастающей деликтной агрессивности внешней среды методом «проб и ошибок», неся дополнительные затраты на содержание «крыш», откупаясь от «наездов» криминальных группировок и мошенников, зачастую прекращая свою деятельность. За истекший десятилетний период количество субъектов малого предпринимательства не возросло, а, наоборот, сократилось почти в 1,5 раза. Поэтому управление хозяйственными рисками как научное направление имеет для экономических систем малого и среднего бизнеса особо актуальное значение.

Изложенные обстоятельства и народнохозяйственная важность и актуальность проблемы создания благоприятного климата бизнесу предопределили выбор темы, цели, задач и направлений.

Классическая теория управления хозяйственными, в том числе предпринимательскими, рисками, рассматривая всё многообразие коммерческих, производственных, инновационных, инвестиционных, банковских и других рисков, подразделяет их лишь на две основные группы: чистые и спекулятивные риски. При этом под спекулятивными рисками понимаются риски, обеспечивающие возможность получения дополнительного дохода при рациональном управлении в основном финансовыми ресурсами. Поэтому субъектом управления хозяйственными рисками в настоящее время, как правило, являются финансовые службы предприятий и организаций.

Традиционная классификация хозяйственных рисков, учитывая всё многообразие факторов хозяйственной деятельности, в том числе и противоправные действия рыночных субъектов, выделяет их в общую группу так называемых «криминальных рисков» или прочих производственных рисков. При этом традиционный риск-менеджмент считает, что защита от умышленных противоправных действий — это функция правовой системы государства: уголовного, административного, гражданского права и т. д. Хозяйствующим же субъектам отводится пассивная роль в виде содержания вахтёров и сторожей, ограждения территории заборами и видеокамерами наблюдения, создания резервов финансовых ресурсов на покрытие возможных убытков и их страхование, возможности претендовать на возмещение виновником понесенного ущерба.

Несмотря на то, что этим рискам уделяется мало внимания, практика хозяйственной деятельности развитых рыночных стран, а пореформенной России тем более, изобилует не сотнями, а тысячами примеров таких явлений, как мошенничество, вымогательство, кражи, разбои, бандитизм, коррупция, заказные убийства и т. д. Причём с переходом на рыночные отношения и многообразие форм собственности число этих противоправных рисков растёт, а сами эти явления становятся всё ярче и заметнее, повышая уровень хозяйственных рисков деликтного типа, приобретая угрожающую форму. Динамика совершённых преступлений в РФ приведена в таблице 1.

Динамика экономических преступлений деликтного характера по Хабаровскому краю приведена на рисунке 1.

С развитием рыночных отношений в условиях российского менталитета традиционные хозяйственные риски начинают обладать новым набором признаков, подпадающих под категорию деликтных рисков — умышленных противоправных действий. Подавляющее большинство экономических нарушений, особенно в условиях массовой приватизации государственных предприятий в 1990-е годы, осуществлялось с использованием грубых, силовых и противозаконных средств и методов. В настоящее время значительная часть недружественных, враждебных действий вследствие несовершенства российского законодательства происходит в новой для России форме рейдерского захвата, а ущерб, понесённый хозяйствующими структурами в результате противоправных действий рыночных субъектов, в десятки раз превышает суммы компенсационного возврата (табл. 2).

Таблица 1

Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения по Федеральным округам

Федеральные округа	Год			Место, занимаемое в РФ в 2006 г.
	2004	2005	2006	
1. Центральный	1751	2083	2168	6
2. Северо-Западный	1989	2384	2547	5
3. Южный	1265	1448	1621	7
4. Приволжский	1951	2650	2967	4
5. Уральский	2677	3379	3572	2
6. Сибирский	2362	2892	3130	3
7. Дальневосточный	2363	2915	3658	1
Всего	14358	17751	19663	

Таблица 2

Возмещение экономического ущерба по экономическим преступлениям в Хабаровском крае

Сумма ущерба	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Сумма причиненного материального ущерба	441384	87009	439543	445199	350685	490129
Наложенный арест, изъято имущество, денег на сумму	441384	37041	91550	99190	239337	30669

Объективная закономерность возрастания деликтного типа экономического поведения в обществе, а следовательно и хозяйственных рисков, обусловлена рядом экономических и социально-демографических условий и факторов криминализации бизнеса (рис. 2). В условиях усиления мирового экономического кризиса актуальность данной проблемы в ближайшем будущем возрастёт ещё в большей степени.

В то же время окончательно сложившейся теории управления хозяйственными рисками деликтного типа в отечественной экономической науке всё

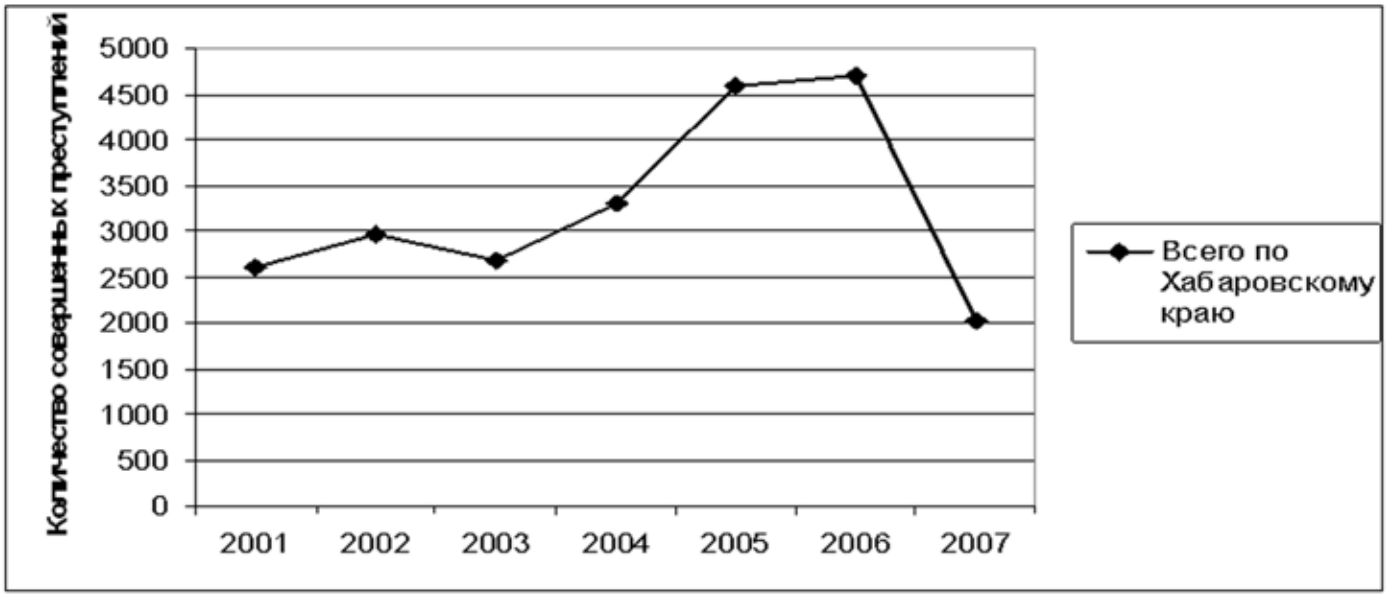


Рис. 1. Динамика преступлений экономической направленности по Хабаровскому краю

ещё нет, как и достаточного количества практических и системных научных обобщений.

Понятие «риск» имеет достаточно длинную историю еще со времен его применения римскими юристами. Вместе с тем наиболее активно стали изучаться различные аспекты риска лишь в конце XIX века.

Риск как финансовая категория является неотъемлемым компонентом управления любым хозяйствующим субъектом независимо от масштаба, уровня, сфер действия и выступает фактором движения экономической системы. Риск непосредственно связан со всеми функциями менеджмента. Каждое функциональное направление (планирование, организация, оперативное управление, экономический контроль, руководство персоналом и т. д.) связано с определённой степенью риска, что, в свою очередь, предполагает создание адаптивной к нему системы эффективного хозяйствования. Управление риском как специфическая подсистема управления базируется на выявлении уровня неопределённости с целью минимизации возможных негативных последствий воздействия случайных факторов на результаты хозяйственной деятельности.

В опубликованных научных исследованиях прослеживаются две основные теории риска: классическая и неоклассическая. Термин «риск» встречается уже в работах представителей ранней классической политэкономии Д. Риккардо, Дж. Милля, которые риск отождествляют с математическим ожиданием потерь, которые могут произойти в результате принятия того или иного решения.

В дальнейшем более глубоко эти понятия были рассмотрены представителями неоклассической теории риска Ф. Найтом, Дж. М. Кейнсом. Они утверждали, что хозяйствующий субъект, действующий в условиях неопределённости, должен руководствоваться в своей деятельности размером ожидаемой прибыли и величиной её предполагаемых отрицательных отклонений. Таким образом, в неоклассической теории фактор риска связывается с вероятностью отклонения от поставленных целей.

В России отношение к риску формировалось непоследовательно. В 1920-е годы был принят ряд законодательных актов, характеризующих определение «нормальный производственно-хозяйственный риск». В середине 1930-х годов понятие риска было аннулировано в связи с переходом государства на централизованное управление производством. Впоследствии это привёло к отставанию России в области теоретических исследований.

В рыночной экономике возрастает экономическая свобода хозяйствующих субъектов. Вместе с этим возрастают хозяйственные риски и число правонарушений, подрывающих общественную стабильность имущественных правоотношений и правовых гарантий. В связи с этим целесообразно в общей системе хозяйственных рисков отдельно выделить и исследовать специфическую их категорию, назовём её «деликтные риски». Управленческие структуры практически мало уделяют им внимания, хотя это игнорирование может привести к серьёзным, зачастую фатальным последствиям в хозяйственной деятельности любого субъекта рынка.

Деликт (от латинского delictum — проступок, правонарушение) — совершаемое субъектом рынка неправомерное действие (бездействие), представляющее собой нарушение норм, принципов или договорных обязательств, которое влечёт за собой деликтную ответственность, возникающую в связи с причинением имущественного вреда одним лицом другому.

Под деликтными хозяйственными рисками понимают вероятность наступления деликтного события (правонарушения), что может повлечь за собой негативные последствия для его хозяйственной деятельности (рис. 3).

Чаще всего субъекты управления бизнесом, своевременно не учитывая фактор деликтных рисков, борются не с причинами его возникновения, а с его последствиями, то есть с возможным возмещением понесённого ущерба.

По условиям возникновения эти риски целесообразно рассматривать с позиции социальной обусловленности на уровне общества, отдельных социальных групп либо поведения индивидуума. По природе и ис-

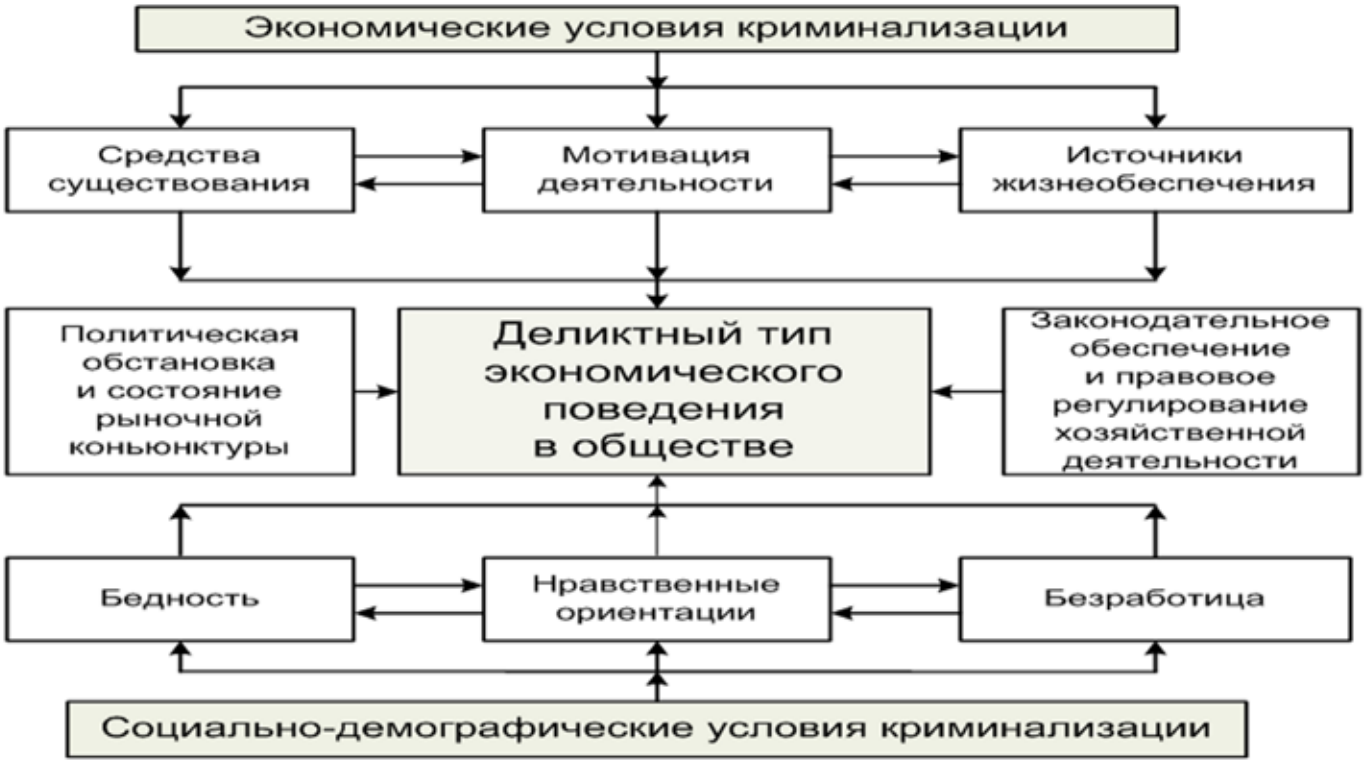


Рис. 2. Классификация факторов, определяющих возрастание деликтного типа экономического поведения в обществе, и хозяйственных рисков

точнику возникновения факторов хозяйственных рисков можно выделить внешние и внутренние деликтные риски. Источником возникновения первых служит внешняя по отношению к хозяйствующему субъекту среда, внешние факторы которой могут быть прямого или косвенного воздействия. Эти риски, отображённые на рис. 4, обусловливают состояние деликтного фона внешней среды бизнеса.

Внутренние факторы риска по природе возникновения могут носить как объективный характер (возрастание дебиторской задолженности, снижение доходности инвестиционного портфеля и т.д.), так и субъективный характер (некомпетентность персонала, отсутствие практического опыта, неспособность принятия оптимального выбора из ряда многочисленных альтернатив, умышленные корыстные действия персонала). Эти деликтные риски, отображенные на рис. 5, определяют влияние деликтного фона на внутреннюю среду бизнеса.

От хозяйственных рисков деликтного типа не застрахована ни одна даже государственная экономическая система. Так, в марте 2009 года федеральная прокуратура Нью-Йорка официально предъявила руководителю финансовой пирамиды Б. Мэдофу обвинения по 11 пунктам — от мошенничества и клятвопреступления до отмывания денег. Общий ущерб от его преступных действий составил 50 миллиардов долларов.

Число покушений на имущество и имущественные интересы хозяйствующих субъектов увеличивается с каждым годом независимо от масштаба, уровня и сфер их действия. В качестве свежего примера можно привести ущерб, нанесённый такой крупной российской компании, как «Газпром», которая понесла убытки в сумме 1,1 млрд долларов по экспортным контрактам из-за элементарного хищения транзитного газа украинскими партнёрами.

В России бизнес по захвату предприятий имеет тенденцию к развитию, где прибыль может составлять от 100 до 500% от вложенных средств. Российский рынок слияний и поглощений в 2002 году оценивался в 5 млрд долларов, а по итогам 2006 года — уже в 42,3 млрд долларов, из них 12,5% активов (по данным журнала «Рынок ценных бумаг» №12, 2007 г.) было вовлечено в текущие корпоративные конфликты с целью враждебного поглощения.

Организованную преступность, определяющую состояние деликтного климата, по мнению В. Номоконова, изложенному в работе «Организованная преступность Дальнего Востока — общие и региональные черты», целесообразно рассматривать как форму незаконного предпринимательства, составляющую основу криминальной экономической системы. В эту систему вовлечена немалая часть населения, и, по существу, организованная преступность представляет собой альтернативное общество со своей высокорентабельной экономикой, социальной и духовной сферами, своими системами управления, безопасности, формирования молодого поколения, судами, своей внутренней и внешней политикой.

Экономический подход к анализу, типизации и классификации основ деликтного поведения рыночных субъектов в России практически не изучен. Хотя актуальность научного изучения данного направления для российской экономической системы гораздо выше, чем для развитых западных стран, где родилась эта теория.

Деликтное (противоправное) поведение в России фиксируется в основном на уровне нормативно-правовой базы правоохранительной деятельности

Рис. 3. Деликтные хозяйственные риски в экономических системах предприятий и организаций бизнеса

государства, которое ориентируется на фиксацию диспозиции деликтной деятельности и последующее применение правовых санкций.

Преступники, по существу, так же рациональны, как и любые другие физические и юридические лица. В своей деликтной деятельности они также стремятся максимизировать свою выгоду при ограниченных ресурсах. Принцип рационального поведения оказался по сущности пригодным не только для объяснения деликтного поведения преступников, но и для выработки наиболее эффективных путей сдерживания и контроля преступности. Этот принцип означает, что в основном деликтный субъект сознательно и долгосрочно планирует свою деятельность, выбирая из различных её вариантов тот, при котором отношение выгод к затратам будет максимальным.

Экономическая теория преступлений и наказаний развита гораздо слабее, чем теория прав собственности и экономики права. Развитие теории осложняется отсутствием достоверной информации о конкретных экономико-криминологических показателях, в связи с чем экономисты вынуждены ограничиваться общими моделями высокой степени вероятности.

Экономическое решение проблемы необходимой оптимизации антиделиктной деятельности общества и хозяйствующих субъектов можно найти, используя для этого экономико-математическую модель (рис. 6), разработанную в 1970-е гг. несколькими американскими экономистами-криминологами — Л. Филлипсом, Г. Вори-младшим и К. Эскриджем.

Исходя из этой модели, можно выявить следующую тенденцию: чем выше уровень преступности, тем выше уровень хозяйственных рисков деликтного типа, а соответственно выше потери общества и субъектов хозяйствования от них, поэтому кривая (Y), показывающая зависимость суммарных убытков общества и хозяйствующих структур от уровня преступности, имеет повышательный характер. Чтобы уменьшить уровень деликтных рисков, общество и хозяйственные структуры должны тратить всё больше средств на правовую обеспеченность и охранную деятельность, поэтому кривая (X), показывающая зависимость издержек предотвращения деликтных рисков, имеет противоположную направленность и аналогичный характер. Кривая (Z), полученная суммированием кривых (X) и (Y), показывает совокупные издержки общества и хозяйствующих субъектов на предотвращение хозяйственных рисков деликтного характера.

Очевидно, с точки зрения экономической целесообразности необходимо, чтобы совокупные издержки (убытков и затрат на их предотвращение) не превышали минимальной величины, то есть издержки на предотвращение хозяйственных рисков деликтного типа или расходы на борьбу с ними не должны превышать

Рис. 4. Классификация факторов деликтного фона внешней среды бизнеса

убытков от свершившихся деликтных событий.

Графическая интерпретация этой модели, откорректированная автором в целях обеспечения возможности применения её к предмету и объекту данного исследования, приведена на рис. 6.

Общей целью антиделиктной деятельности государства и хозяйствующих структур должно быть не полное искоренение преступности и соответствующего ей уровня хозяйственных рисков деликтного типа, а эффективное сдерживание их на оптимальном уровне ($L_{опт}$). Сам этот криминальный оптимум достаточно подвижен и зависит как от эффективности использования фискальными органами и охранными структурами организаций отпущенных им ресурсов (повышение или понижение этой эффективности сдвинет кривую X вниз или вверх), так и от «эффективности» деятельности криминальных субъектов (повышение или понижение наносимого каждым преступлением среднего ущерба сдвинет вверх или вниз кривую Y).

При низком уровне финансирования правоохранительной деятельности из централизованных бюджетных источников хозяйствующие структуры просто обязаны нести повышенные затраты на реализацию антиделиктной деятельности пропорционально состоянию деликтного климата функционирования собственного бизнеса. Общество в целом и каждый субъект предпринимательства должны самостоятель-

Рис. 5. Классификация факторов деликтного фона внутренней среды бизнеса

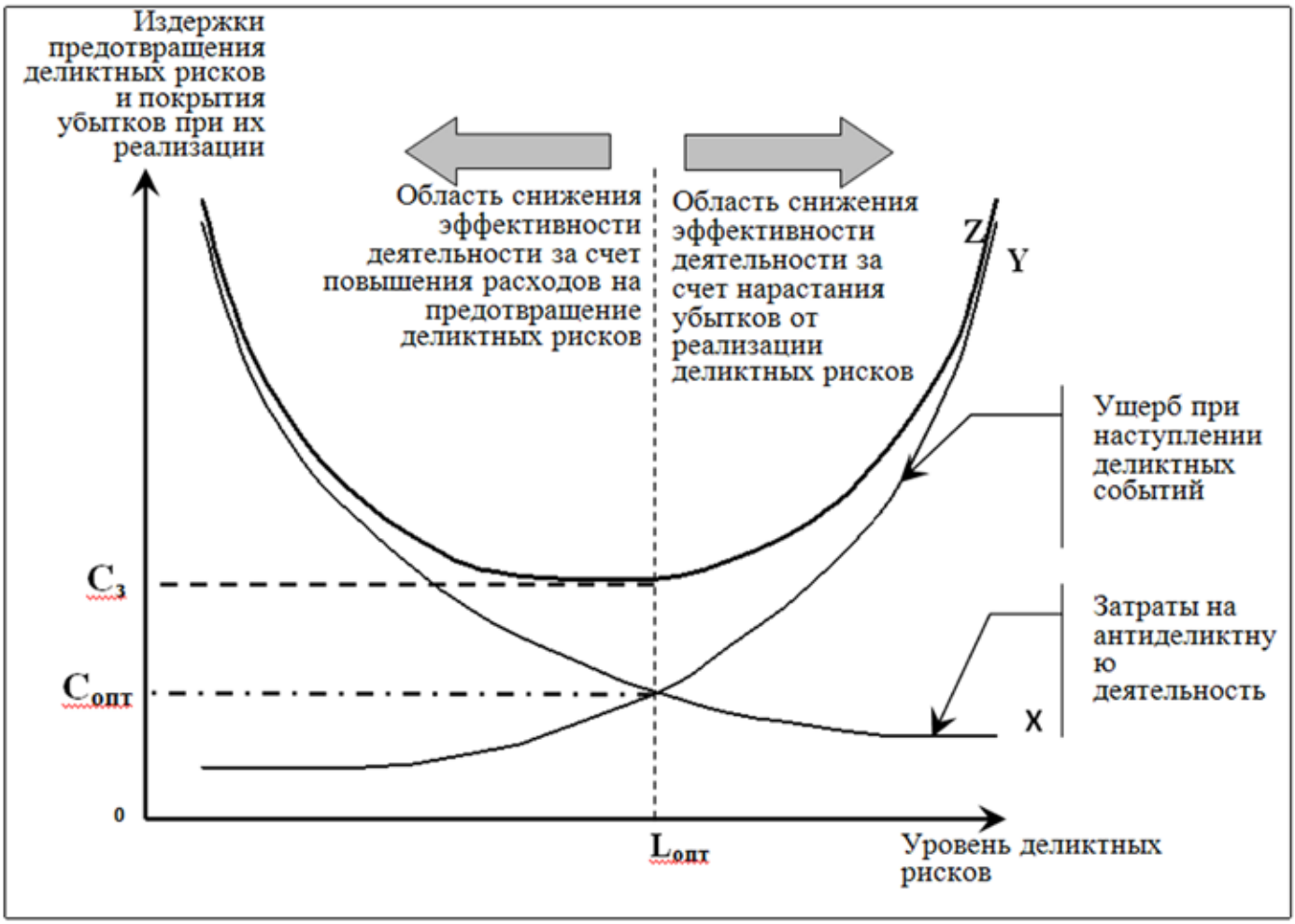


Рис. 6. Оптимизация антиделиктной деятельности общества и субъектов хозяйствования: $C_{опт}$ — оптимальные затраты на антиделиктную деятельности, р.; $C_з$ — совокупные издержки по деликтным рискам (убытки от их реализации + затраты на антиделиктную деятельность)

но определить этот оптимальный уровень допустимых хозяйственных рисков деликтного типа.

В современных условиях развития экономических систем каждый хозяйствующий субъект неизбежно сталкивается с различными незапланированными ситуациями или непредвиденными событиями, на которые необходимо своевременно реагировать, чтобы оперативно воспользоваться неожиданным фактором преимущества или, наоборот, не понести вызванные данным явлением убытки. Принимая из ряда альтернативных вариантов определённое решение, субъект управления пытается просчитать ту степень деликтного риска, которая направлена на смягчение воздействия отрицательных последствий и в конечном счёте повлияет на исход принимаемого решения. Оценка уровня деликтного риска и разработка комплекса программ его возможного снижения являются одной из составных функций управленческой деятельности.

Управление хозяйственными рисками деликтного типа в экономических системах основывается на разработке и реализации экономически обоснованных антиделиктных программ и мероприятий, направленных на уменьшение исходного уровня рисков до приемлемых показателей. Управление деликтными рисками базируется на мониторинге внешней и внутренней сред бизнеса, выявлении и идентификации деликтных рисков, определении их величины и вероятности наступления, ранжировании деликтных рисков по уровню влияния на результаты деятельности хозяйствующего субъекта, выборе форм и методов управления рисками. При этом необходимо учитывать, что деликтные правонарушения в сфере экономики в основном имеют латентную составляющую, а количество официально зарегистрированных преступлений экономической направленности — это «верхняя часть айсберга».

ЛИТЕРАТУРА

1. Номоконов В. А. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998 г. — 316с.
2. Статистические данные Информационного центра УВД Хабаровского края.
3. Сухарев А. Российская юридическая энциклопедия, М.: Инфра-М, 1999 г. — 1110с.

Вольский А. Л.
A. L. Volsky

РАБОЧАЯ УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА»
THE DRAFT EDUCATIONAL PROGRAM «BASICS OF HERMENEUTICAL METHOD»

Вольский Алексей Львович — доктор филологических наук, доцент кафедры Немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: volskij@mail.ru.
Aleksey L. Volsky — Doctor in Philology, Associate Professor at the Department Germanic Studies at the A. I. HErzen State Pedagogical University (St. Petersburg), e-mail: volskij@mail.ru.

Пояснительная записка

Целью курса является создание у студентов целостного видения проблематики герменевтики и процесса ее становления, демонстрация основных герменевтических учений, их исторической роли в эволюции герменевтического метода.

Основной задачей курса является формирование у студентов навыков ориентации в герменевтических учениях различных философских школ, а также навыков самостоятельного герменевтического анализа гуманитарных теорий и оперирования основными категориями герменевтики.

В результате изучения курса выпускник должен:

иметь представление:

- о понятии «история герменевтики»;
- о специфике и функциях герменевтического метода;
- о разнообразии герменевтических подходов к вопросам «субъект и объект понимания» и «толкование»;

знать:

- основные исторические предпосылки и теоретические установки различных направлений герменевтики;
- особенности формирования и эволюции фундаментальных категорий герменевтики;
- актуальные вопросы современных направлений герменевтики;

уметь:

- анализировать гуманитарные проблемы, используя герменевтический метод толкования.

Структура и содержание учебной программы состоит из трех частей.

Первая часть, состоящая из двух разделов, посвящена изучению основ герменевтики как метода и как науки: предмету герменевтики, «поэтической» теории языка, основным категориям и понятиям, соотношению герменевтики с другими методами исследования поэтического (художественного) текста.

Вторая часть, состоящая из трех разделов, посвящена истории и типологии герменевтических учений: а) в античности и средневековье; б) в новое время; в) в XIX в.; г) в XX в.

Третья часть, состоящая из двух разделов, посвящена проблемам филологической герменевтики, проблемам поэтического текста и его анализа

Основными видами учебных занятий по данной дисциплине являются лекции и семинарские занятия.

Лекции составляют основу теоретической подготовки студентов и имеют целью дать базовые знания по герменевтике, раскрыть наиболее сложные вопросы, помочь уяснить специфику герменевтического метода.

По некоторым наиболее объемным и сложным темам учебной программы проводятся семинары, которые предназначены для обучения студентов навыкам самостоятельного анализа и обобщения по темам изучаемой дисциплины (см. табл. 1).

Учебная программа предусматривает самостоятельное изучение отдельных проблем и источников, что способствует более глубокому усвоению изучаемого материала.

Герменевтика изучается в течение двух семестров. Завершается изучение курса проведением экзамена, целью которого является проверка уровня усвоения теоретических знаний и умений применять эти знания для решения практических задач.

Таблица 1

Объем и распределение часов по темам и видам занятий

№	Наименование темы	Самост. изучение	Аудиторные	
			лекции	семинары
1.	Предмет герменевтики и ее зарождение в античности	4	4	4
2.	Святоотеческая и средневековая герменевтика	4	4	6
3.	Становление протестантской герменевтики	6	4	0
4.	Универсальная герменевтика Фр. Шлейермахера и романтическая герменевтика	4	4	4
5.	Введение в проблемы историзма	4	4	4
6.	Герменевтика М. Хайдеггера	4	6	6
7.	Протестантская библейская герменевтика XX в.	2	2	4
8.	Универсальная герменевтика Г.Г. Гадамера	4	4	4

9.	Современные герменевтические учения	4	4	4

Содержание курса

Ключевые термины: герменевтический круг, аллегорическое толкование, историческое толкование, внешний и внутренний логос, языкотворчество, поэзия, текст, контекст, грамматическое и психологическое толкования, канон, генетический метод, метод параллельных мест, критика текста, буквальный и духовный смыслы, интуитивное и сравнительное толкования, знак и знаковая система, профанный и сакральный текста, специальная герменевтика, всеобщая герменевтика, универсальность понимания, традиция, предание, науки о природе, науки о духе, значимость, значение, деконструкция, критика идеологии, демифологизация, историзм, лингвистическая философия.

Раздел 1. Предмет герменевтики и ее зарождение в античности

Дидактические единицы лекций

Герменевтика как метод и наука о понимании и толковании текста. Герменевтика и ее место среди других гуманитарных дисциплин. История слова и становление научного понятия «герменевтика». «Единая» история герменевтики в изложении В. Дильтея или история разных герменевтических школ. Проблема универсальности понимания.

Платон и истоки герменевтики. Противопоставление знания и толкования, прорицания, искусства поэта и рапсода. Учение Платона об именах в связи с его учением об идеях. Аристотель и его учение о высказывании. Соотношение герменевтики и логики. Учение стоиков о внешнем и внутреннем логосе. Аллегорическое толкование мифов у стоиков.

Планы семинарских занятий

1. Место герменевтики среди философских дисциплин.
2. Происхождение термина «герменевтика».
3. Проблема толкования у Платона.
4. Трактат «Об истолковании» Аристотеля.
5. Аллегорическое толкование мифов.
6. Соотношение поэтики, риторики и герменевтики у Аристотеля.
7. Языковая теория Платона и Аристотеля.
8. Учение стоиков о языке.

Литература

1. Платон Кратил/Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1990, С. 613-682.
2. Платон Ион/Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1990, С. 372-386.
3. Аристотель Об истолковании/Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1975, С. 91-116.
4. Аристотель Поэтика/Сочинения в 4 томах. Т. 4. М., 1984, С. 645-680.
5. Аристотель Риторика/Античные риторики. М., 1978, С. 15-164.
6. Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
7. Цицерон О природе богов. СПб., 2002.

Раздел 2. Средневековая герменевтика

Дидактические единицы лекций

Библейская герменевтика. Экзегеза и герменевтика. Герменевтика в Священном Писании. Филон Александрийский и ветхозаветная аллегореза. Учение Филона о логосе. Понятие эллинизма. Герменевтика и перевод. Септуагинта как герменевтическое событие. Александрийская школа в герменевтике. Климент Александрийский. Строматы. Ориген и учение о трех смыслах Писания. Типологическое толкование. Текстологическая работа. Гекзаплы.

Антиохийская школа исторического толкования. Соотношение аллегорического и исторического толкований в Библии.

Герменевтика Аврелия Августина (354-430). Caritas — исходная точка и цель толкования. Соотношение толкования и понимания. Метод параллельных мест. Непонимание как основа для понимания. Семиотика Августина. Знание языков как предпосылка адекватного толкования. Понятие «темных мест» (ambigua) и способы их толкования. Средневековое учение о четырех смыслах Св. Писания.

Планы семинарских занятий

1. Библейская герменевтика.
2. Особенности аллегорезы у Филона.
3. Переводы Св. Писания на греческий (Септуагинта) и латинский (Вульгата) языки.
4. Типологическое толкование Оригена.
5. Учение о трех смыслах. Писание и его развитие в схоластике.
6. Основы герменевтического учения Аврелия Августина.
7. Семиотика Аврелия Августина.
8. Учение Аврелия Августина о «сердечном слове».

Литература

1. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его историческом развитии, Сочинения. М., 1994.
2. Августин Аврелий О граде Божием. М., 1994.
3. Ориген О началах. СПб., 2000.
4. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001.
5. Августин Аврелий О предопределении святых. М., 2000.
6. Августин Аврелий Энхиридион, или О вере, надежде и любви. Киев, 1998.
7. Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984.

Раздел 3. Становление протестантской герменевтики

Дидактические единицы лекций

М. Лютер — создатель протестантской герменевтики. Специфика герменевтики М. Лютера. Роль веры в процессе понимания. Принцип открытости библейского текста. Соотношение сакрального и профанного языков. Особенности лютеровского перевода Писания. Переводы Писания на современные языки.

Соотношение Св. Писания и Св. Предания. Scriptura sui ipsius interpres. Триентский собор (1546 г.) и критика М. Лютера.

М. Флаций (1520-1575 гг.) и его «Ключ к Священному Писанию». Непонимание как текстологическая и филологическая проблема. Идея «scopus» (Sehpunkt) как авторской интенции. Сближение аллегорического и исторического методов. Соотношение Духа и буквы в Писании.

Й.К. Даннхауэр (1603-1666 гг.). Появление научного термина «герменевтика». Различение сакральной и профанной герменевтики (hermeneutica sacra и hermeneutica profana). Идея общей герменевтики (hermeneutica generalis). Потребность в новом учении о методе в условиях отрыва от схоластики. Герменевтика как пропедевтика наук.

Й.М. Кладениус (1710-1759 гг.). «Введение к правильному толкованию разумных речей и текстов» (1742 г.)—первая теоретическая книга по герменевтике на немецком языке. Понятие «разумных» речей и текстов. Толкование непонятных мест: 1.текстологических (критика текста, ars critica); 2. лингвистических (грамматика, филология); 3. двусмысленных (эрудиция, знание понятий, употребляемых автором, герменевтика). Толкование как научение понятиям, которые необходимы для понимания текста. Педагогический характер герменевтики. Понятие искусства толкования.

Семиотическая герменевтика Г.Фр. Майера (1718-1777 гг.). «Опыт общего искусства толкования». Виды знаков. Понимание как интеграция отдельного знака в универсальный семиотический контекст. Отношение между отдельным знаком и миром как знаковой системой. Принцип aequitas hermeneutica (hermeneutische Billigkeit). Герменевтика пиетизма. Рамбах и «Instinutiones hermeneuticae sacrae» (1723 г). Герменевтическое значение аффекта. Учение о «subtilitas applicandi». Связь пиетистской герменевтики со святоотеческой.

Планы семинарских занятий

1. Лютер и перевод Св. Писания.
2. Переводы Св. Писания на немецкий, английский, французский и русский языки.
3. Перевод Писания как герменевтическая проблема. Богодухновенность Св. Писания.
4. Основные идеи герменевтики М. Флация.
5. Scopus как горизонт понимания.
6. Основные идеи герменевтики Й. Даннхауэра.
7. Герменевтика Й. Кладениуса.
8. Семиотическая герменевтика Г. Мейера.
9. Пиетистская герменевтика. Теория аффективного смысла.
10. Принцип «aequitas hermeneutica».

Литература

1. Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994.
2. Лютер М. 95 тезисов. СПб., 2002.
3. Лютер М. Лекции по «Посланию к Галатам». Минск, 1997.
4. Лютер М. Лекции по «Посланию к Римлянам». Минск, 1996.
5. Брендлер Г. Мартин Лютер. Теология и революция. М., СПб., 2000.
6. Бецольд Ф. История Реформации в Германии. Т. 1-2. СПб., 1900.
7. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы. Сб. «Контекст». М., 1989-1992.

Раздел 4. Романтическая теория и всеобщая герменевтика Фр. Шлейермахера

Дидактические единицы лекций

«Критика чистого разума» И. Канта и кризис рационализма. Границы познания. Поворот от «чистого познания» к «пониманию». Романтическая школа в Германии. Понятие «трансцендентальной универсальной поэзии» у Фр. Шлегеля. Романтическая теория литературы: роман, фрагмент, ирония. Философия versus филология. Идея Фр. Шлегеля об обновлении философии через филологию. Интерес к античности. И. Винкельман. И. Гёте. Религия и искусство. Философская функция поэзии. Поэзия и герменевтика. Фр. Гёльдерлин.

Е. Аст «Основные направления грамматики, герменевтики и критики» (1808 г.). Интуиция (Ahndung) как средство познания духа античности. Базовый принцип герменевтики: понимание части из целого и целого из совокупности частей. Идея функциональной эквивалентности части и целого.

Фр. Шлейермахер (1768-1834 гг.) и становление его герменевтической теории. «Речи о религии». Проект всеобщей герменевтики. Герменевтика среди других дисциплин. Соотношение общей и специальной герменевтики. Герменевтика как учение об искусстве (Kunstlehre). Толкование как художественное действо. Соотношение между сакральным и поэтическим текстами.

Понимание речи—понимание текста. Понять речь автора лучше, чем он понимал ее сам. Грамматическое толкование. Каноны грамматического толкования. Психологическое (техническое) толкование и его каноны. Генетический принцип понимания. Учение о сравнительном и интуитивном понимании. Предпосылка непонимания. Метод параллельных мест. Герменевтический круг. Понимание как бесконечный процесс. Двуединство герменевтики и критики.

Планы семинарских занятий

1. Религия и искусство в романтизме. «Речи о религии» Фр. Шлейермахера.
2. Новое учение о поэзии (соотношение сакрального и поэтического текстов). Разговор о поэзии Фр. Шлегеля.
3. Поэзия как герменевтика (Фр. Гёльдерлин).
4. Герменевтические каноны Фр. Шлейермахера.
5. Интуитивное и сравнительное понимание у Фр. Шлейермахера.
6. Идеал понимания в теории Фр. Шлейермахера.

Литература

1. Шлейермахер Фр. Речи о религии. СПб., 1994.
2. Шлейермахер Фр. Герменевтика. СПб., 2004.
3. Гучинская Н.О. Hernemeutica in nuce. СПб., 2002.
4. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. М., 2001.

Раздел 5. Введение в проблемы историзма

Дидактические единицы лекций

Истоки историзма у Фр. Шлейермахера в универсализации непонимания. Понятие историзма: понимание любой эпохи из ее исторического контекста. Проблемы историзма.

А. Бёк (1785-1867 гг.) как ученик и продолжатель учения Фр. Шлейермахера. «Энциклопедия и учение о методе филологических наук». Понимание как «познание познанного». Историческая интерпретация. Й. Г. Дройзен (1808-1886 гг.). «Энциклопедия и методология истории». Отход исторической науки от естественно-научных дисциплин. Методологическая дилемма легитимации исторической науки и формулировка законов научного исторического исследования. Различение наук о духе и наук о природе у В. Дильтея (1833-1911 гг.). Дихотомия «объяснения» и «понимания». Понятие «внутренний опыт» и формы его объективации. Переживание и поэзия.

Планы семинарских занятий

1. Науки о природе и науки о духе.
2. Проблема познания в науках о духе.
3. Понимание и познание.
4. Проблема личности интерпретатора в науках о духе.

Литература

1. Дройзен Й. Г. Истортия эллинизма. В 3 т. СПб., 1999.
2. Кириленко Е. И. Теоретико-методологические основы исторических представлений Й. Г. Дройзена. Томск, 1982.
3. Дильтей В. Собрание сочений в 6 томах. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М., 2000.
4. Ждановский А. П. Критика концепции философии истории В. Дильтея. Минск, 1980.
5. Земляной С. Н. Философия — история — герменевтика в трудах В. Дильтея. М., 1977.
6. Плотников Н. С. Жизнь и история: Философская программа В. Дильтея. М., 2000.

Раздел 6. Герменевтика М. Хайдеггера

Дидактические единицы лекций

Проблема бытия в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Сущее Dasein как инстанция вопроса о бытии. Проблема метода: понятия феномена и логоса, феноменология как герменевтика. Самоистолкование Dasein собственной фактичности как бытия-в-мире. Понятие герменевтического круга. Роль языка и речи. В «Бытии и времени». Роль герменевтики в фундаментальной онтологии. Темпоральный аспект понимания.

Поворот (Kehre) М. Хайдеггера после «Бытия и времени» — обращение к языку и искусству. Критика метафизики. Толкования поэтических произведений (Фр. Гёльдерлин, Р.-М. Рильке, Г. Тракль). Язык как «дом бытия». Поэтический характер герменевтики М. Хайдеггера. Роль этимологий в мышлении М. Хайдеггера. Диалог «Dichten» и «Denken» в его поздней философии.

Планы семинарских занятий

1. Проблема бытия в «Бытии и времени». Экзистенциальная аналитика Dasein.
2. Проблема феноменологического метода в «Бытии и времени».
3. Бытие-в-мире как онтологический горизонт аналитики Dasein.
4. Проблема темпоральности в рамках «Бытия и времени».
5. Сущность «поворота» в философии Хайдеггера.
6. Критика метафизики.
7. Бытие и язык в книге «Введение в метафизику».
8. Искусство как место осуществления истины.
9. Толкования поэзии у Хайдеггера.
10. Сущность языка в книге «На пути к языку».

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика?/Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993, С. 16-27.
3. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1998.
5. Подорога В. М. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философии культуры 19-20 вв. (О С. Киркегоре, Фр. Ницше и М. Хайдеггере). М., 1991.
6. Safranski Р. Германский мастер и его время. М., 2002.
7. Семенова В. Н. Проблема языка в философии М. Хайдеггера. Минск, 1999.

Раздел 7. Протестантская библейская герменевтика XX века

Дидактические единицы лекций

К. Барт (1886-1968 гг.). «Либеральное богословие» как разновидность рационализма в богословии. Борьба с либеральной теологией. «Неоправоверие» как возвращение к истокам протестантизма (М. Лютер, Ж. Кальвин). Полемика с исторической школой (А. Гарнак). «Диалектическая теология» К. Барта.

Рудольф Бультман (1884-1976 гг.) — крупнейший исследователь Нового Завета. Исследования синоптического предания. Постулаты Р. Бультмана. Реконструкция исторического контекста книг Нового Завета. Школа истории форм. Роль керигмы в Св. Писании. «Демифологизация» Н. Завета. Богословие Н. Завета. Г. Эбелинг (р. 1912 г). Задача преобразования «языка веры».

Планы семинарских занятий

1. Поиск керигмы в современной теологии.
2. Основные идеи теологии К. Барта.
3. Школа истории форм.
4. Проблема демифологизации Св. Писания.
5. Полемика К. Барта с Р. Бультманом.

Литература

1. Христианское благовестие здесь и теперь. Современный протестантизм. Ч. 1. М., 1973.
2. Тиллих П. Диалектическая теология (Карл Барт).

«Путь», 1925.
3. Вольф Э. К современному положению евангелического богословия в Германии. Богословские труды. Сб. 5. 1970.
4. Барт К. Очерк догматики. СПб., 1997.
5. Бультман Р. Избранное. Вера и понимание. М., 2004.

Раздел 8. Универсальная герменевтика Г.Г. Гадамера

Дидактические единицы лекций

Возвращение к наукам о духе. Вопрос о критерии «научности» и истинности в науках о духе и в науках о природе. Рецепция Г. Гадамером речи Г. Гельмгольца (1862 г.). Критика термина «метод». Роль «такта», «памяти» и «авторитета» в науках о духе. Поиск «научности» наук о духе в традиции гуманизма и истории понятия «образование». Разработка понятийного аппарата этой традиции до И. Канта. Эстетизация и субъективация гносеологической способности наук о духе (способности суждения) у И. Канта. Проблема нового самоопределения наук о духе. Герменевтическое преодоление историзма. Апории историзма. Герменевтическая сущность «предрассудков». Задача рефлексии собственной пресуппозиции исследователя. Историческая функция предрассудков. Проблема критики текста. Понятие временной дистанции и ее роли в процессе понимания.

Понятие «рецептивной истории» как герменевтического принципа. Интерпретационное многообразие как следствие принципа рецептивной истории. Понимание как диалог. Диалектика вопроса и ответа. Понятие исторического предания. Понимание и проблема перевода. Язык как диалог. Реконструкция Г. Гадамером истории европейского языкового мышления и его истоков. Понимание и язык.

Планы семинарских занятий

1. Проблема традиции в науках о духе.
2. О гносеологической роли искусства в герменевтике Г. Гадамера.
3. Основные проблемы историзма.
4. Роль языка в герменевтическом процессе.

Литература

1. Гадамер Г.Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
3. Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация Филеба). СПб., 2000.
4. Косолапова Е.А. Проблема традиции и истории в герменевтике Г.Г. Гадамера. М., 1989.
5. Гафаров Н. Лингво-философская концепция как основа герменевтики Г.Г. Гадамера. СПб., 1993.

Раздел 7. Современные герменевтические концепции

Дидактические единицы лекций

Полемика с системой Г. Гадамера как исходный пункт современной философской герменевтики. Э. Бетти (1890-1968 гг.). «Общая теория толкования» (1955 г.). Критика герменевтики М. Хайдеггера, Р. Бультмана и Г. Гадамера. Возвращение к объективным критериям толкования. Понятие «общего» характера толкования. Понятие «forma rappresentativa» и «mens auctoris», «значение» и «значимость». Четыре герменевтических канона «объективности». Э. Бетти и историзм.

Ю. Хабермас: связь социологии, философской герменевтики и лингвистической философии. Борьба с позитивизмом в социологии. Критика Л. Витгенштейна и его теории «языковой игры». «Пористый» характер языка. Универсальность понимания. Понятия «коммуникативного действия». «Критика идеологии», полемика с традицией, авторитетом и реабилитация постулатов Просвещения.

Язык как «поиск языка». К.-О. Апель «Трансцендентальная герменевтика» (1973 г.). Герменевтика и постмодернистский деконструктивизм. Ж. Деррида и его критика понимания как формы метафизического мышления. Полемика Г. Гадамера и Ю. Хабермаса с французским деконструктивизмом. Воля к пониманию — воля к власти. Критика Ж. Деррида принципа «аппликации» как формы подавления индивидуальности. Понимание как причастность к истине, а не как инструмент подавления. Проблема истины, смысла, знака: «différance» и «vouloir dire». Ж.-Фр. Лиотар и теория суждений. Логос как универсальный горизонт герменевтики. П. Рикер и феноменологическая герменевтика. Личность как фундаментальное понятие герменевтики. Прогрессивно-регрессивный метод. «Археология» и «телеология» субъекта. Герменевтическая рецепция психоанализа З. Фрейда. Языковой характер человеческого опыта. Функция либидо. Понятие символа. Значение текста. Учение о метафоре.

Планы семинарских занятий

1. Проблема объективного толкования в герменевтике Э. Бетти.
2. Герменевтические каноны Э. Бетти.
3. Теория языка и герменевтики у Ю. Хабермаса.
4. Герменевтика и деконструкция.
5. Герменевтика между психоанализом и феноменологией.

Литература

1. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.
4. Критика метафизики в неоструктурализме (по работам Ж. Деррида 80-х гг.). М., 1989.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2001.
8. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
9. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение/Теория метафоры. М., 1990, С. 416-434.

10. Рикер П. Живая метафора/Теория метафоры. М., 1990, С. 435-455.

Методические рекомендации по самостоятельной работе

Контрольные вопросы

1. Происхождение термина «герменевтика».
2. Герменевтика и поэзия у Платона.
3. Учение об именах у Платона.
4. Учение о суждении Аристотеля.
5. Учение о жанрах Аристотеля.
6. Соотношение поэтики и риторики у Аристотеля.
7. Аллегорический метод Филона Александрийского.
8. Учение о логосе у Платона и Аристотеля.
9. Учение о логосе у Филона Александрийского.
10. Учение о логосе у стоиков.
11. Особенности аллегорезы у стоиков.
12. Септуагинта как явление эллинизма.
13. Учение Оригена о трех смыслах Писания.
14. Текстология Оригена.
15. Типологическое толкование Оригена.
16. Семиотика Аврелия Августина.
17. Учение Аврелия Августина о «сердечном слове».
18. Метод параллельных мест в герменевтике.
19. Учения о множественности смыслов Св. Писания.
20. Герменевтика М. Лютера.
21. Перевод Библии М. Лютером.
22. Развитие герменевтики у М. Флация.
23. Герменевтический метод Й. Даннхауэра.
24. Герменевтика Й. Кладениуса.
25. Герменевтический метод Г. Майера.
26. Герменевтика пиетизма.
27. Проблема герменевтического круга у Е. Аста.
28. Понятие античного духа в эпоху И. Гёте.
29. Романтическая теория поэзии.
30. Теория фрагмента, романа и иронии в романтизме.
31. Идея религии у Фр. Шлейермахера.
32. Теория интуитивного и сравнительного методов у Фр. Шлейермахера.
33. Герменевтические каноны в герменевтике Фр. Шлейермахера.
34. Проект универсальной герменевтики Фр. Шлейермахера.
35. Проблемы историзма у А. Бёка и И. Дройзена.
36. Герменевтика как метод наук о духе у В. Дильтея.
37. Науки о духе — науки о природе.
38. Понятие внутреннего жизненного опыта у В. Дильтея.
39. Экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера.
40. Бытие Dasein как бытие-в-мире.
41. Время как сущность бытия в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.
42. Феноменология как герменевтика в «Бытии и времени».
43. Роль языка в философии М. Хайдеггера.
44. Поэзия как герменевтический феномен в философии М. Хайдеггера.
45. Керигма и проблема «демифологизации» Св. Писания у Р. Бультмана.
46. Школа «истории форм» в современной протестантской теологии.
47. Роль традиции и образования в герменевтике Г. Гадамера.
48. Проблема языка в герменевтике Г. Гадамера.
49. Деконструктивистский вклад в герменевтику.
50. Деконструкция как метод философии.
51. Герменевтика Ю. Хабермаса.
52. Герменевтические каноны Э. Бетти.

Предлагаемые темы для рефератов

1. Философская и теологическая герменевтика.
2. Герменевтика и язык.
3. Поэзия и герменевтика.
4. Роль метафоры в герменевтическом толковании.
5. Герменевтика и исторические науки.
6. Поэтическая теория языка.
7. Герменевтика и логика.
8. Основные проблемы библейской экзегезы.
9. Герменевтика как поэзия.
10. Герменевтический круг как универсальная категория понимания.
11. Герменевтика Оригена.
12. Герменевтика Аврелия Августина.
13. М. Лютер и герменевтика.
14. Проблемы критики и герменевтики в новое время.
15. В. Дильтей как создатель философской герменевтики.
16. М. Хайдеггер и поэзия.
17. Роль языка в герменевтике М. Хайдеггера.
18. Г. Гадамер как толкователь искусства.
19. Основные идеи герменевтики Г. Гадамера.
20. Основные направления современной философской герменевтики.

Дополнительная литература

1. Герменевтика и современность. Критические очерки. М., 1985.
2. Герменевтика субъекта. Сб. научных трудов. Омск, 2002.
3. Герменевтический анализ: филологические аспекты понимания. Барнаул., 1998.
4. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Тверь, 1994.
5. Богин Г. И. Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1992.
6. Герменевтика древнерусской литературы. Сб. статей. М., 1989.

Шунейко А. А.
A.A.Shuneyko

ГОВОРУХИНА Ю. А. МЕТАКРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКОЙ КРИТИКИ: ОТ ПОЗНАНИЯ К ПОНИМАНИЮ. — ТОМСК: ИЗД-ВО ИД СК-С, 2009. — 130 С. YU.A.GOVORUKHINA, META-CRITICAL DISCOURSE OF RUSSIAN LITERARY CRITIQUE: FROM COGNITION TOWARD UNDERSTANDING. TOMSK, ID SK-S, 2009. 130 P.

Уже в момент своего зарождения, к какому отрезку времени его ни относи, над филологией витала то ли богиня, то ли фея, то ли фата-моргана со знаковым именем Мета, определившим всю её (филологии) последующую судьбу. Власти этого овеществленного фантома не смогли победить даже самые крайние представители структурализма и матуранизма. Вековечную обреченность филологов осмысливать единицы одного типа инструментарием того же типа можно назвать и злым роком, и благим промышлением. Более того, само развитие культуры и науки ставит нас перед, в общем-то, однотипными ситуациями поэтапного многомерного усложнения Мета-мета-мета, построенными по единому образцу. X анализирует Y и создает текст Z (продукт или воплощение анализа Y), через время (или тут же) возникает L, который анализирует уже не собственно Y, а именно Z, что влечет за собой появление N, обращенного уже и не к Y, и не к Z, а к некоему W – с ними связанному настолько же, насколько от них далекому. И так до бесконечности.

Таковы формально текстовая и исследовательская реальности, и они лишены оценки. Но они же говорят о том, что задача адекватности описания на каждом этапе (умножения количества мета) все более усложняется и требует большей смелости от исследователя. Автор рецензируемой книги такой смелостью, несомненно, обладает. Исследовательские этапы, гносеологические парадигмы, актуальные категории – осмысленный и апробированный инструментарий, позволяющий с должной мерой критичности подойти к самой критике. Убедительное описание состояния современной критики, доказательные примеры, личностный подход, интересные выводы – все это найдет внимательный читатель на страницах книги, которую характеризуют четкость и последовательность в воплощении основного замысла, композиционная прозрачность и логичность.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и алфавитного указателя. Первая глава «Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации» включает в себя два параграфа: «Метакритический дискурс XIX века» и «Теория и методология критики 1970 – 1990-х годов». Совмещение этих двух хронологических и мировоззренческих планов представляется весьма продуктивным в методологическом отношении, поскольку позволяет поместить наблюдения и соображения автора в некий (квази) устоявшийся контекст, оценка которого при внимательном прочтении оказывается не такой уж и тривиальной.

Вторая глава «Герменевтико-онтологические основания литературно-критической деятельности» состоит из двух частей: «Структура литературно-критической деятельности» и «Метод литературной критики: сущность и типология». Обращает на себя внимание осознанное и добротно реализованное стремление к достоверному и полному воспроизведению системных особенностей объекта с учетом их многомерной (подчас спорной), но всегда интересной функциональности.

Третья глава «Метакритика конца XX – начала XXI веков: поиск идентичности и стратегии самоинтерпретации» содержит подробный анализ критической саморефлексии, в рамках которой автор обнаруживает определенную динамику. Интересен анализ этой динамики с учетом позиции того или иного литературно-художественного журнала, реализованной их собственной «придворной» критикой.

Особенно хочется отметить, что, активно и корректно используя современный научный инструментарий, автор не отказывается от оправдавшей своей долголетнее служение филологии системы терминов, в частности, наиболее продуктивного из их числа – эстетическая критика. Представления о фигуре критика и моделях литературно-критической деятельности также поданы добротно и интересно.

В заключении автор приходит к выводу о том, что классические определения критики отражают лишь один сегмент критической деятельности. Расширенное же, то есть более адекватное представление может быть получено только при учете достижений современной научной парадигмы. С этим нельзя не согласиться. «Модель литературно-критической деятельности в рамках новой парадигмы преодолевает линейность, приобретая вид многокомпонентной структуры с принципиально значимыми уровнями пресуппозиций и установкой на читателя. Традиционное сближение литературно-критического и научного методов в рамках используемой методологии оказывается невозможным. Оно не сопрягается с актуальным содержанием понятия «интерпретация», развернутым и к критику, и к читателю, и к автору. Иные основания для типологии литературной критики не повторяют известные литературоведческие методы анализа и отражают гносеологические и тематические установки становящегося литературно-критического дискурса» (с. 118).

Вызывают некоторые сомнения различные аспекты авторских поисков. Излишнее педалирование собственно философской компоненты, которая, по моим наблюдениям, если и использовалась критиками, то только для того, «чтобы свою ученость показать». Некоторая категоричность выводов, базирующихся на единичных примерах. Думаю, что книгу бы украсил более широкий взгляд на современные достижения в области теории коммуникации. К сожалению, издание не лишено некоторых технических погрешностей.

Широта охвата материала, нетривиальность взглядов, постоянная связь с предшествующей научной традицией и демонстрация современных подходов, сама филологическая необходимость заниматься постоянным осмыслением себя делают эту книгу интересной и актуальной для самого широкого круга читателей: студентов, аспирантов, преподавателей различных уровней и степени эрудиции, реальных потребителей литературных и критических текстов, а также профессиональных критиков, филологов с различными теоретическими воззрениями, читателей, интересующихся вопросами теории и истории литературной критики, герменевтики, текстопорождения и восприятия. Немного заостряя мысль, можно сказать, что критика оправдывает свое существование уже (еще и) тем фактом, что появилась эта книга.

Уверен, что за первым опытом состоявшегося ученого последуют новые не менее глубокие и еще более убедительные аналитические достижения. Тем более, что позитивные перспективы четко намечены уже и в этом, вполне самостоятельном и очень оригинальном исследовании. Так о критике еще никто не писал. Так что и продолжать придется Ю. А. Говорухиной.

Материал поступил 15. 01. 2010 г.

Меньшиков А. А.
A.A.Menshikov

ДОКУЧАЕВ И. И. ЦЕННОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ. ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ АКСИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ. — С-ПБ: НАУКА, 2009. — 595 С. I.I.DOKUCHAEV, VALUE AND EXISTENCE. FOUNDATIONS OF HISTORICAL AXIOLOGY OF CULTURE. ST.PETERSBURG, NAUKA, 2009. 595 P.

Книгу от большинства образцов философской литературы, посвященных проблематике ценностей, отличает занимаемая автором исследовательская позиция. И.И. Докучаев аксиологической мечте об общечеловеческих ценностях и поиску этих ценностей в универсальной истории противопоставляет исследование в духе культурного релятивизма. Стоит рассмотреть ход авторских рассуждений, чтобы дать оценку полученным в монографии выводам.

Первая глава «Методологические основания исторической аксиологии культуры» раскрывает принимаемые автором теоретико-методологические установки, проблема ценности в ней ставится в аспекте соотношения уникального и типичного видов бытия. И если философия действительно есть искусство постановки проблемы, ее переосмысления, то рецензируемая монография по праву обладает статусом философского произведения.

Дело в том, что стандартное и поэтому вполне ожидаемое решение в сфере аксиологии культуры—пойти по пути обобщения взглядов других, смежных с предметом исследования, наук, таких, как филология, религиоведение, история материальной культуры, и тем самым сложить представление читателя о единстве многообразия, или многообразии единства. Поскольку задача такого традиционного подхода бесконечно сложна, а сам подход, лишенный интегрирующей основы, зачастую вырождается в собирательство эмпирических фактов, И.И. Докучаев находит его, по сути, тупиковым и реализует иную научную интенцию: редуцирует это многообразие культурных артефактов к отдельному явлению.

История гуманитарного знания располагает классическими версиями подобного рода редукций. Это психоанализ, семиотика, структурализм. В отличие от них выстраиваемая И.И. Докучаевым аксиология в качестве интеграла человеческой культуры не принимает ни бессознательное, ни знак или системы знаков, ни комбинаторику универсальных категорий, но только ценность «как порождающую модель человеческой деятельности и ее продуктов» (с. 61).

Ценность включает в себя все элементы человеческого бытия, поэтому не может быть сведена к какой-либо абстрактной конструкции. Через явленное отношение к миру ценность воплощает в себе существо человеческой жизни и реализуется в модальности желания. Человек стремится к реализации ценности в окружающем мире, хотя сам того может и не осознавать. Таким образом, ценность выступает интегралом «культуры, общества и человека» (с. 76).

Далее в монографии категория ценности отграничивается от категорий истины, пользы и нормы, с помощью которых обозначаются директивы человеческого поведения, лишь корректирующие ценностную модель. Ценность—не истина, потому что истина всегда объективна. Ценность—не польза, потому что польза всегда универсальна. Наконец, ценность—это не норма, потому что нормы представляют собой системы запретов и как таковые могут быть нежеланными, избегаемыми.

Поскольку ценность есть, прежде всего, интеграл и порождающая модель культурных артефактов, то культуры настолько различны, насколько уникальны определяющие их ценности. Вместе с тем ценностные модели способны образовывать единый культурно-исторический тезаурус, сердцевиной которого являются экзистенциальные ценности. Здесь перед аксиологией открывается возможность классификации культурно-исторических типов. И.И. Докучаев выделяет на этом основании традиционную и креативную культуры. В монографии анализу традиционной культуры посвящена вторая глава «Аксиологические модели в структуре традиционных культурно-исторических типов», а анализу креативной культуры—третья глава «Аксиологические модели в структуре креативных культурно-исторических типов». Данные культурно-исторические типы рассматриваются как в технологической, так и в продуктивной их составляющей, подробно разбираются как процессы культурной деятельности, так и ее результаты.

К традиционным культурам И.И. Докучаев относит архаическую культуру, культуры древних скотоводов-кочевников, земледельцев, культуру торговцев и ремесленников Древней Греции и Рима, а также культуру средневековья. Какова интегральная ценность, объединяющая эти культуры? Процессуальная составляющая традиционной культуры реализуется посредством воспроизводимых традиций, которые продуцируют традиционные социальные институты. Субъект культурной деятельности традиционного типа деперсонифицирован и представляет собой весь существующий социум. Поэтому применительно к традиционным культурам следует говорить не о личностных, а о социальных ценностях. Например, для архаической культуры такой ценностью является род и язык; для земледельческой—традиционное государство, сословие, письмо; для торгово-ремесленной—плутократический полис и письмо; для скотоводческой—военная демократия, племя и орда. Наконец, для «канонической»—аристократическая олигархия и снова-таки сословие и письмо. Окружающее человека бытие в традиционной культуре отражается через религию, которая выступает как основной способ выражения ценностных моделей.

Креативными культурами, по мнению автора, являются культура эпохи Возрождения, феодального абсолютизма, Нового времени и современности. Интегративной ценностью этих культур в технологическом плане выступает творчество, стремление к созданию новых техник, а в продуктивном плане координальные пре-

Материал поступил 16. 01. 2010 г.

образования бытия, в результате которых зарождается новый антропный тип. В качестве антропных ценностей на креативных стадиях аксиогенеза последовательно выступали титан-протей (Возрождение), верноподданный (Классицизм и барокко), философ-просветитель (Просвещение), художник-романтик (Романтизм), ученый-естествоиспытатель (Позитивизм), потребитель и нонконформист (Модернизм), индивидуальный потребитель (Постмодернизм). Окружающее бытие отражается креативной культурой, в первую очередь, посредством идеологии и науки (с. 241).

Итогом противопоставления традиционных и креационистских культур служит разработанное автором представление о динамике их экзистенциальных ценностей. Каждая ценность культурно-исторического тезауруса имеет свои экзистенциальные истоки. Иначе говоря, у каждой культурно-исторической эпохи есть свой смысл жизни. Так, например, для архаической культуры смысл жизни—это род и его воспроизводство, а для традиционной скотоводческой культуры экзистенциальной ценностью являются военные победы и доблести, а также животное.

Современное состояние культуры характеризуется сменой модернизма постмодернизмом. Это означает смену экзистенциалов экстенсивного потребления и тотальной оригинальности на индивидуализированное потребление как смысл жизни. «Модернистская конфронтация постепенно перерастает в конформизм и терпимость к иному» (с. 577), с которыми И.И. Докучаев связывает в заключении монографии свои надежды на выход из порожденных модернизмом форм кризиса.

Книга И.И. Докучаева важная и нужная не только для аксиологии культуры, но и для общественного праксиса. Больше всего насилия рождается из уверенности в непоколебимости, универсальности собственной системы ценностей. Самые ужасные формы тоталитаризма, кризис духовности—вот настоящая плата за монополизацию ценностей. Поскольку ценности субъективны и несоизмеримы, то конфликт между ними неразрешим. Поэтому будущее человечества неразрывно связано с признанием мультивариантности социума и культуры.

Хочется поблагодарить автора монографии за проделанный труд и надеяться на разрешение им вопросов, которые не нашли пока что в исследовании достаточных ответов.

Костюрина Н.Ю.
N.Yu.Kostyurina

ЧЕБАНЮК Т.А. ПАРАДИГМА «ЧЕЛОВЕКА ПРОСВЕЩЕННОГО» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. — 2-Е ИЗД., ПЕРЕРАБ. И ДОП. — ХАБАРОВСК: ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА, 2007. — 382 С.

T.A.CHEBANYUK, THE PARADIGM OF "ENLIGHTENED MAN" IN THE RUSSIAN CULTURE OF LATE 17 AND EARLY 19 C. MONOGRAPH. 2-ND EDITION REVISED AND ENLARGED. KHABAROVSK, FAR-EASTERN STATE SCIENTIFIC LIBRARY, 2007. 382 P.

Монография Татьяны Алексеевны Чебанюк посвящена осмыслению особой эпохи в истории русской истории и культуры—эпохи Просвещения; эта книга занимает важное место в ряду работ таких исследователей русской культуры, как А. Ахиезер, И. Кондаков, Л. Черная, А. Марков, М. Зезина и др.

Само обращение в начале XXI века к эпохе русского Просвещения, конечно, не случайно, напротив, очевидная рубежность сегодняшнего времени, формирование новой культуры современной России, трансформации человека в ситуации реалий сегодняшнего дня делают подобное исследование не только закономерным, но необходимым обращением к истокам и основным этапам русской культуры Нового времени, с ее проектом рационального переустройства мира и верой в прогресс; необходимым, поскольку только адекватная интерпретация прошлого дает нам ключ к пониманию настоящего и позволяет прогнозировать развитие событий в исторической перспективе.

Культурно-антропологический подход, примененный в исследовании, позволяет автору приблизиться к пониманию, может быть, одной из самых сложных задач гуманитарного знания—пониманию сущности человека, его места в мире, смыслов его существования, представлений о Боге, Другом, самом себе, о способах мышления, чувствования, деятельности, причем не только в сфере долженствования, представления об идеальном человеке эпохи, но и в формах его конкретных воплощений, решая, таким образом, задачу исследования индивидуального, уникального и типологически-обобщенного одновременно.

Т.А. Чебанюк удается достичь в своей работе идеального баланса между теоретическим обобщением и фактологической убедительностью, избежать крайностей, которыми зачастую грешат культурологические исследования—философской автономии от культурно-исторических реалий или искусствоведческой увлеченности деталью.

На обширном материале русской культуры XVIII века, с которым виртуозно обращается автор, исследуются вариантные модели «человека просвещенного» и способы моделирования парадигмы человека эпохи Просвещения—абсолютизация, идеализация и нормативность, сформировавшие представление о человеке как носителе исключительных родовых свойств, вневременных природных и гражданских качеств, воплощавшихся в эпоху Просвещения в конкретных формах служения Отечеству,

Материал поступил 16. 01. 2010 г.

образования бытия, в результате которых зарождается новый антропный тип. В качестве антропных ценностей на креативных стадиях аксиогенеза последовательно выступали титан-протей (Возрождение), верноподданный (Классицизм и барокко), философ-просветитель (Просвещение), художник-романтик (Романтизм), ученый-естествоиспытатель (Позитивизм), потребитель и нонконформист (Модернизм), индивидуальный потребитель (Постмодернизм). Окружающее бытие отражается креативной культурой, в первую очередь, посредством идеологии и науки (с. 241).

Итогом противопоставления традиционных и креационистских культур служит разработанное автором представление о динамике их экзистенциальных ценностей. Каждая ценность культурно-исторического тезауруса имеет свои экзистенциальные истоки. Иначе говоря, у каждой культурно-исторической эпохи есть свой смысл жизни. Так, например, для архаической культуры смысл жизни—это род и его воспроизводство, а для традиционной скотоводческой культуры экзистенциальной ценностью являются военные победы и доблести, а также животное.

Современное состояние культуры характеризуется сменой модернизма постмодернизмом. Это означает смену экзистенциалов экстенсивного потребления и тотальной оригинальности на индивидуализированное потребление как смысл жизни. «Модернистская конфронтация постепенно перерастает в конформизм и терпимость к иному» (с. 577), с которыми И.И. Докучаев связывает в заключении монографии свои надежды на выход из порожденных модернизмом форм кризиса.

Книга И.И. Докучаева важная и нужная не только для аксиологии культуры, но и для общественного праксиса. Больше всего насилия рождается из уверенности в непоколебимости, универсальности собственной системы ценностей. Самые ужасные формы тоталитаризма, кризис духовности—вот настоящая плата за монополизацию ценностей. Поскольку ценности субъективны и несоизмеримы, то конфликт между ними неразрешим. Поэтому будущее человечества неразрывно связано с признанием мультивариантности социума и культуры.

Хочется поблагодарить автора монографии за проделанный труд и надеяться на разрешение им вопросов, которые не нашли пока что в исследовании достаточных ответов.

Костюрина Н.Ю.
N.Yu.Kostyurina

ЧЕБАНЮК Т.А. ПАРАДИГМА «ЧЕЛОВЕКА ПРОСВЕЩЕННОГО» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. — 2-Е ИЗД., ПЕРЕРАБ. И ДОП. — ХАБАРОВСК: ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА, 2007. — 382 С.

T.A.CHEBANYUK, THE PARADIGM OF "ENLIGHTENED MAN" IN THE RUSSIAN CULTURE OF LATE 17 AND EARLY 19 C. MONOGRAPH. 2-ND EDITION REVISED AND ENLARGED. KHABAROVSK, FAR-EASTERN STATE SCIENTIFIC LIBRARY, 2007. 382 P.

Монография Татьяны Алексеевны Чебанюк посвящена осмыслению особой эпохи в истории русской истории и культуры—эпохи Просвещения; эта книга занимает важное место в ряду работ таких исследователей русской культуры, как А. Ахиезер, И. Кондаков, Л. Черная, А. Марков, М. Зезина и др.

Само обращение в начале XXI века к эпохе русского Просвещения, конечно, не случайно, напротив, очевидная рубежность сегодняшнего времени, формирование новой культуры современной России, трансформации человека в ситуации реалий сегодняшнего дня делают подобное исследование не только закономерным, но необходимым обращением к истокам и основным этапам русской культуры Нового времени, с ее проектом рационального переустройства мира и верой в прогресс; необходимым, поскольку только адекватная интерпретация прошлого дает нам ключ к пониманию настоящего и позволяет прогнозировать развитие событий в исторической перспективе.

Культурно-антропологический подход, примененный в исследовании, позволяет автору приблизиться к пониманию, может быть, одной из самых сложных задач гуманитарного знания—пониманию сущности человека, его места в мире, смыслов его существования, представлений о Боге, Другом, самом себе, о способах мышления, чувствования, деятельности, причем не только в сфере долженствования, представления об идеальном человеке эпохи, но и в формах его конкретных воплощений, решая, таким образом, задачу исследования индивидуального, уникального и типологически-обобщенного одновременно.

Т.А. Чебанюк удается достичь в своей работе идеального баланса между теоретическим обобщением и фактологической убедительностью, избежать крайностей, которыми зачастую грешат культурологические исследования—философской автономии от культурно-исторических реалий или искусствоведческой увлеченности деталью.

На обширном материале русской культуры XVIII века, с которым виртуозно обращается автор, исследуются вариантные модели «человека просвещенного» и способы моделирования парадигмы человека эпохи Просвещения—абсолютизация, идеализация и нормативность, сформировавшие представление о человеке как носителе исключительных родовых свойств, вневременных природных и гражданских качеств, воплощавшихся в эпоху Просвещения в конкретных формах служения Отечеству,

Материал поступил 16. 01. 2010 г.

Костюрина Н. Ю. Чебанюк Т. А. Парадигма «Человека просвещенного» в русской культуре конца XVII — первой четверти XIX века. Монография. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Хабаровск: Дальневосточная государственная научная библиотека, 2007. — 382 с.

просвещенческой деятельности, нравственной жизни и разумного действования.

Категория действования оказывается наиболее значимой для исследователя и в этом, с одной стороны, проявляется близость авторской позиции традициям деятельностного подхода в культурологии, представленного работами М. Кагана, Э. Маркаряна и др., а с другой — активная гражданская позиция русского человека XVIII века оказывается характернейшим признаком эпохи Просвещения.

Усилия «человека просвещенного» были направлены на поиски конкретных путей и средств «приближения общества благоденствия» (с. 50), отмечает автор, а в зависимости от форм личного участия в этом преобразовательном процессе человек просвещенный представлен в исследовании в инвариантных моделях «человека деятельного», «сына Отечества», «спасителя Отечества», «человека чувствительного», «просвещенного либерала».

Основным способом существования человека эпохи Просвещения неизменно является служба (служение) на благо Отечества, при этом служба понимается как единственно возможная форма взаимоотношений человека и государства, а формы служения, имеющие целью разумное преобразование мира, предполагают как словесное убеждение, так и политическое действие.

Первый инвариант человека просвещенного — «человек деятельный» — это человек «светский, разумный, ученый, но еще не мыслящий и еще не гражданский…, не оппозиционный по отношению к государству» (с. 160), его отличают новое, но во многом «мифологизированное и утилитаризированное сознание, действенное отношение к пользе Отечества», он социально внушаем, в нем не сформировано рефлексивное начало.

Для «сына Отечества» уже характерны ориентация на разум и закон, снижение уровня мифологизированности сознания, уменьшение порога социальной внушаемости, рационализм и утопичность, преобладание общего над частным, осознанная позиция гражданского служения на пользу Отечества.

«Человек чувствительный» преображение мира видит прежде всего как нравственное усовершенствование, основой которого представляется не столько разум, сколько чувства, доброе сердце; человек чувствительный примирил «разнонаправленность интересов общества (государственность и всеобщее благо) и личности (счастье, добро)». Общественные пороки (неразумность, развращенность нравов), неизбежные в развитии человечества, должны быть изжиты на пути прогрессивного развития человечества.

«Спаситель Отечества», культивируя гражданские ценности, верен идеям «общественной пользы» и «гражданского служения», однако, стремясь к достижению этих целей, он оказывается в оппозиции к государственной власти. Для него характерны нравственный максимализм, героизация жизни и способа действования, жертвенность, преобладание энтузиазма над интеллектуальными процессами.

Ценностно-смысловая структура «просвещенного либерала» отличается формированием в ней идеи личной независимости. Идеалы общественной свободы соединяются с идеалами личной независимости и частной свободы.

Каждая из подробнейшим образом прописанных в исследовании моделей рассматривается Т.А. Чебанюк и в воплощении этого идеала конкретной исторической личностью.

Основная задача автора — обозначить специфику эпохи Просвещения как века разума и рациональности, охарактеризовать те формы идеала человека, которые формируются в рамках светской, европейски-ориентированной идеологии России. Стремясь к этому, Т.А. Чебанюк подчеркивает различную модальность концептов преображения мира и человека в культуре русского Средневековья и Новой культуре, сосредоточивая все внимание на новых качествах человека, сформированных в период конца XVII — начала XIX вв.

Однако, если рассматривать проблему Нового времени не только с точки зрения ее специфики, но и типологии, очевидно, что Новое время в России со Средневековьем (а потом и Советским временем) роднит именно идея служения, служения беззаветного, жертвенного и основанного именно на вере; изменяется, скорее, модальность веры — идея Бога подменяется идеей государства, Священное писание — трактатом «Об общественном договоре» Руссо, а затем трудами марксистов. Представляется, что многие характеристики эпохи, сформулированные автором, также могут иметь религиозную православную этимологию: «естественные свойства человека… или не принимались в расчет, или рассматривались в подчинительном отношении к необходимости устроения государственного общежития» (с. 214).

Многие исследователи отмечали, что для России исторический выбор всегда определялся наличием сверхличной идеи, со спецификой которой связаны конкретные формы ее достижения в ту или иную эпоху. Более того, И. Хейзинга, например, считал, что культура возможна только там и тогда, где сложилась такая внеличностная идея. На этом основано традиционное культурологическое различение культуры и цивилизации; в русском варианте — традиционной (православной) культуры и европейской секулярной цивилизации.

Человек на самом деле почти никогда не был в России мерилом всех вещей, в социальной практике любого времени детерминированы жертвенность и самоотверженность в качестве функциональных составляющих его гражданского (или религиозного) долга.

Европейская идея пользы выросла из представления о свободе индивидуальности, не забывающей за личной выгодой и общественную пользу, недаром французский эквивалент названия эпохи может быть обозначен как «Век Светочей», актуализируя таким образом именно идею личного достижения.

Петровская эпоха предложила идею личной выгоды, индивидуального достижения, рациональных усилий, ведущих к этой цели, личного достижения, карьеры, но в дальнейшем русская идея пользы формируется вне идеи индивидуальной выгоды; общественная, общая польза в любом случае осмысливается как предшествующая индивидуальным целям, в этом принципиальное отличие аксиологии русского Просвещения от европейского. Эта аксиология, очевидно, берет начало в средневековой системе ценностей и, как показывает дальнейшая история России, не исчерпывает ее вплоть до начала XXI столетия.

Современный период русской культуры отмечается как раз упадком идеи жертвенности и служения и формированием идеи пользы, в том числе индивидуальной выгоды, потребления. Интересным воплощением этих изменений является трансформация русского интеллигента (для которого идея служения является ключевой, основополагающей) в интеллектуала, для которого более важны идеи личной свободы, личного блага. Идея рационального, разумного отношения к миру только теперь заменяет идею личностно-эмоционального отношения и осознается нами как носителями традиционного русского менталитета как крах, упадок «высокой культуры».

Представляется, что если бы исследование было продолжено и включило бы в себя типологию праведников Средневековья и нового человека советского времени, такая работа могла бы стать убедительной кодой споров о типологии, периодизации и национального своеобразия нового времени в целом.

Лебедева Е.А.
E.A.Lebedeva

ХРОНИКА XII КРАЕВОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ (ДВГГУ, СЕКЦИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»)
12TH REGIONAL COMPETITION OF YOUNG RESEARCHERS (FAR-EASTERN STATE UNIVERSITY OF HUMANITIES, PANEL "HUMANITIES")

В соответствии с постановлениями Губернатора края с 19 по 22 января 2010 года в г. Хабаровск прошёл XII краевой конкурс молодых учёных, организованный с целью повышения научной активности талантливой молодёжи в возрасте до 35 лет.

Конкурс проводился по 7 научным секциям: технические науки (на базе ТОГУ); экономические науки (на базе ИЭИ ДВО РАН); науки о жизни и земле (на базе ИВЭП ДВО РАН); медицинские науки (на базе ДВГМУ); физика, математика, информационные технологии (на базе ХО ИПМ ДВО РАН); общественные науки (на базе ДВАГС) и гуманитарные науки (на базе ДВГГУ).

В состав конкурсной комиссии секции «Гуманитарные науки» вошли: Л.М. Городилова, д-р филол. наук, проф. ДВГГУ, председатель конкурсной комиссии; М.П. Арутюнян, д-р филос. наук, зав. каф. ДВГГУ, заместитель председателя конкурсной комиссии; О.А. Бузуев, д-р филол. наук, проф., зав. каф. АмГПГУ; В.В. Вальковская, д-р филос. наук, проф., зав. каф. ДВГУПС; Н.П. Дубинина, д-р ист. наук, проф. ДВГГУ; О.А. Мизко, канд. культурологии, доц. ДВГГУ, представитель Совета молодых учёных и специалистов Хабаровского края при Губернаторе Хабаровского края; И.В. Сокол, канд. техн. наук, консультант управления научно-технического и инновационного развития Министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края; В.В. Чудесов, д-р ист. наук, проф. ДВАГС; Е.Н. Тарелкина, помощник проректора ДВГГУ по научной работе и инновациям, секретарь конкурсной комиссии.

В рамках секции «Гуманитарные науки», прошедшей 22 января в ДВГГУ, было озвучено 14 докладов по истории, философии, филологии и культурологии. Среди молодых учёных из г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре, выступивших на конкурсе, было 5 кандидатов наук, 7 аспирантов и 2 преподавателя высших учебных заведений.

Участников конкурса приветствовал проректор ДВГГУ по научной работе Л.В. Блинов, пожелавший им успешных и плодотворных поисков в гуманитарной науке, с поздравлением от имени Губернатора Хабаровского края выступила И.В. Сокол.

О.А. Сысоева (ДВГГУ) в докладе «Пародия как жанровое явление в современной литературе» проанализировала феномен жанра в теоретическом литературоведении и истории литературы. Опираясь на труды М.М. Бахтина и О.М. Фрейденберг, докладчица выдвинула гипотезу, позволяющую рассматривать пародию как особый метажанр произведений художественно-словесного творчества, один из вторичных видов текста, где доминирует авторская установка и наличествует акт скрытой коммуникации с читателем. С точки зрения формально-содержательных соотношений сюжетной структуры базисного текста и текста пародии О.А. Сысоевой были предложены три вида её реализации (синтезирование, дублирование и создание нового сюжета), выявлены главные средства пародирования (травестийное снижение и гротескное обыгрывание), формы их выражения и особенности мышления авторов-пародистов.

Живой интерес аудитории вызвал доклад «Идеографическое поле архисемы «женщина»: сегмент «образные наименования» (на материале русских говоров Приамурья)» Ю.В. Бобриковой (ДВГГУ). Производя системную организацию диалектной лексики по тематическим группам, идеографическим и лексико-семантическим полям, докладчица предприняла попытку раскрыть содержание объёмных базовых концептов культуры, составить представление о языковой картине мира русских народностей Приамурья. Образные номинации женщины были представлены конкретными примерами с экскурсами в этимологию, например, слова «анчутка» и «дзюмбурушка», использовавшиеся бурятами для именования неряшливой женщины или девушки; определение «Минза-Ганза», употреблявшееся народами Камчатки и Забайкалья в отношении старой курящей женщины, или «волосогривица» – для девушки с длинными густыми волосами.

Ю.В. Смолянко (ДВГГУ), представляя доклад «Концептуальная метафора как одно из средств лексического представления эмоции гнева в художественном тексте», подчёркивает необходимость систематизации существующих подходов к изучению природы эмоций в их взаимосвязи с лингвистикой, поднимает спорный вопрос о возможности прямого выражения эмоций взамен использования привычной метафоризации. На материале художественных произведений американских и британских писателей XIX-XX вв. докладчик анализирует ряд (прямых и описательных) концептуальных метафор к эмоции гнева.

Философский подход в рамках феноменологической традиции был избран Н.Ю. Степановой (ДВГГУ) для раскрытия «Феномена танца в свете категорий пространства и времени»; предложено определение танца как предельного присутствия «здесь и сейчас», пространства изменчивости и абсолютного экстаза, а также феномена базового доверия к миру. Анализируя существующие классификации танца, докладчица выделила несколько общих критериев танца: канонический

Материал поступил 11. 02. 2010 г.

/ неканонический, структурированный / свободный, индивидуальный / парный / коллективный, выразительный / изобразительный, исполняемый / совершаемый.

И.В. Купряшкин (АмГПГУ), прослеживая истоки кризиса общественных наук в постмодернистских концепциях, ставит проблему в следующем ракурсе: «Постмодернизм: философия кризиса и кризис философии». В докладе анализируются труды классиков постмодернизма, выявляются особенности данного философского направления: отказ от понятия прогресса и признания универсальности, смешение стилей, плюрализм смыслов, увлечение второстепенным, исчезновение понятия истины и делается вывод о постмодернизме как отражении кризиса современности, их тождественности и отрицании философской традиции.

Т.Г. Миняева (ТОГУ) в своем выступлении осуществляет «Когнитивный анализ номинативного поля лексемы «волна»» и предпринимает попытку описания данного концепта в русской культуре. Разграничивая сферы употребления лексемы «волна» и ссылаясь на терминологию А.Ф. Лосева, исследователь выделяет три типа образности: нулевую, индикаторную и символико-мифологическую; иллюстрирует их примерами и обобщает характеристики семантических ассоциаций рассматриваемого концепта.

Сразу два доклада, представлявшие исторические штудии, были посвящены начальному периоду установления Советской власти. Так, А.В. Попенко (ХПИ ФСБ России) озвучил доклад на тему «Межведомственные разногласия в борьбе с контрабандой как обратная сторона реализации антиконтрабандной государственной политики на Советском Дальнем Востоке в 20-е годы XX века», предложив стратегию национальной безопасности России, а В.Л. Кузьмин (ДВГУПС) рассмотрел «Террор как метод в политической борьбе (на примере Партии социалистов-революционеров)».

Результатом исследований в области отечественной историографии стал доклад А.А. Тесля (ДВГУПС) «Конструирование нации: национальный вопрос в публицистике И.С. Аксакова». Выступление, посвящённое яркому выразителю славянофильского течения в Российской империи 50-60-х годах XIX в., отразило сравнительный анализ идеологических концепций того периода: доктрины официальной народности С.С. Уварова, доктрины политической нации М.Н. Каткова и славянофильской доктрины И.С. Аксакова, ключевым признаком которой являлось православие русской нации. Автор доклада выделил два направления (жёсткое и мягкое) «строительства» нации с опорой на четыре значимых компонента: язык, школу, историю и право – с их строгой унификацией, диктатом и конструированием в рамках национальной политики того времени, отдельно подчеркнув, что нация всегда является политическим и культурным проектом конкретной исторической эпохи.

В выступлении Ю.В. Красноперовой (АмГПГУ) был освещён такой пласт лингвистических исследований, как «Стратегическое взаимодействие в масс-медийном дискурсе (на материале англоязычного интервью)». Докладчик определяет интервью как разговор институционального типа, как сложное межличностное взаимодействие линий поведения коммуникантов, в связи с чем выделяет три типа поведения: конфликтный, центрированный и кооперативный. В соответствии с предложенной классификацией анализируются различные коммуникативные стратегии, их составляющие признаки, тактики реализации данных стратегий и коммуникативные ходы как, в свою очередь, инструменты реализации выбранных тактик.

Исследования в области культурологического знания были представлены докладом С.В. Латиной (КнАГТУ) «Стиль «унисекс» как «стирание граней» между феминным и маскулинным». В рамках настоящего выступления была продемонстрирована связь гендерной проблематики с модой и стилем современного общества и, в частности, молодёжи; озвучена концепция андрогинии, согласно которой маскулинность и феминность являются культурными стереотипами. В соответствии с ней стиль «унисекс», по мнению докладчика, становится сферой свободы от гендерных стереотипов, расширяет пространство сексуальности за счёт преодоления категорий феминного и маскулинного.

И.Ю. Ковальчук (ТОГУ), рассматривая «Сонет в поэзии дальневосточной эмиграции: проблематика и жанрово-стилевое своеобразие», указывает на философско-эстетические предпосылки обращения к жанру сонета, затрагивает тематический аспект освоения традиции сонетного искусства, подчёркивает ориентализм дальневосточных сонетов (влияние культуры Востока), сочетание традиций и новаторства, динамические процессы в содержательной структуре и подвижность сюжетной архитектоники.

А.Н. Попсуйко (ДВАГС) в докладе «Проблема декомпозиции глобальной архитектуры: в поисках контуров нового миропорядка» прослеживает отражение идеи глобализации в истории философской мысли, рассматривает структуру мироустройства, выделяя три его составляющие: финансовую, политическую и ценностно-идеологическую архитектуры. Докладчик вычленяет сознательные и стихийные основания декомпозиции глобальной архитектуры, а также демонстрирует институциональную структуру глобального управления.

Обзорный доклад В.С. Цыц (КнАГТУ) «Взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в 1960-1980-е годы (на материалах Хабаровского края)» представил сравнительные цифровые данные, отражающие заявленную в его названии проблематику и свидетельствующие о положительной динамике данного процесса.

По итогам работы секции конкурсная комиссия присудила первое место А.А. Тесля, канд. филос. наук, доц. ДВГУПС, вторая премия была вручена Ю.А. Красноперовой, канд. филол. наук, доц. АмГПГУ. Жюри также отметило выступления О.А. Сысоевой, А.В. Попенко и А.Н. Попсуйко. Победители конкурса были награждены Дипломами Губернатора Хабаровского края и денежными премиями, а также правом публикации своего научного доклада в сборнике материалов XII краевого конкурса молодых учёных.